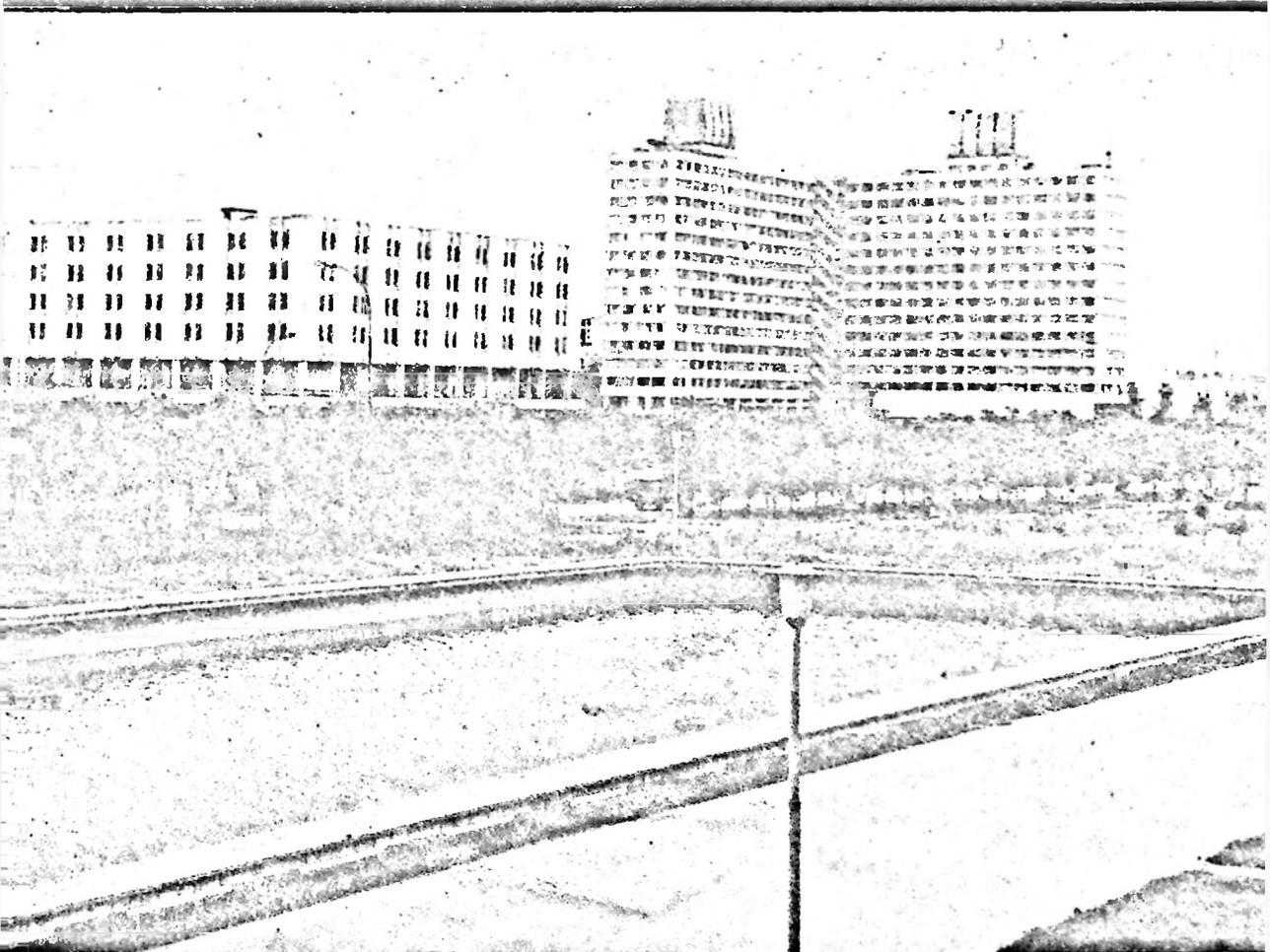
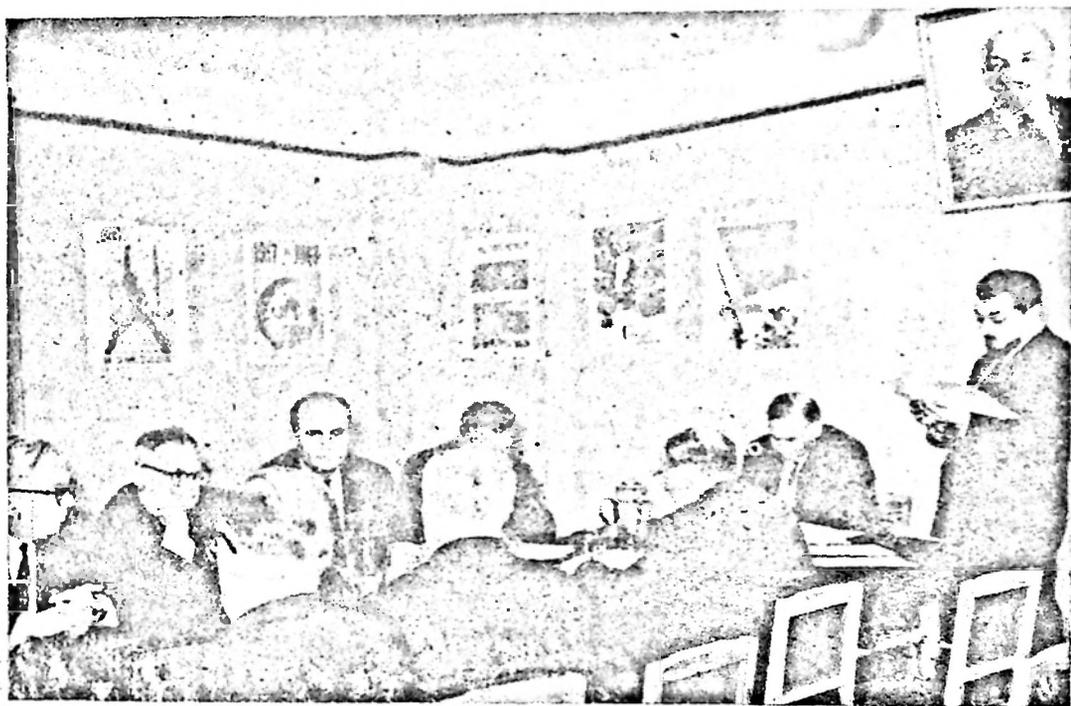

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3
1981

15-летие Института Дальнего Востока
АН СССР

Первое заседание Ученого совета ИДВ АН СССР 14 октября 1966 г.

СИНТОЛОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

К 15-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
АН СССР

- ✓
✓
✓
- 5 XXVI съезд КПСС и некоторые проблемы исторических исследований по Китаю
О. Б. Борисов
- 18 В борьбе против великоханьского шовинизма
М. И. Сладковский
- 36 Внешняя политика КНР в исследованиях Института Дальнего Востока
А. Г. Яковлев

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 54 Вступая в четвертое десятилетие...
М. С. Украинцев
- 75 Проверенным курсом к полной победе социализма
Е. П. Баврин
- 88 Очередная попытка канонизировать маонизм
- 100 Борьба двух линий в руководстве КПК (1937—1939)
А. С. Титов
- 112 Экономические отношения Китая с государствами АСЕАН
М. А. Андреев

ИСТОРИЯ

- 122 Из истории русско-японских и советско-японских отношений
*Л. С. Кутаков,
С. М. Вербицкий*
- 136 Проблема периодизации китайской революции
В. И. Никифоров

ИДЕОЛОГИЯ

- 144 Новые маневры руководства КПК в международном коммунистическом движении
*Р. М. Асланов,
Б. А. Болотин*

КУЛЬТУРА

- Проблемы китайской филологии: вечность и современность
155 *Н. Т. Федоренко*
- Бессмертие художника
167 *В. Ф. Сорокин*
- Новые проблемы упрощения китайской письменности
175 *М. В. Софронов*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 182 Внешние связи ИДВ АН СССР за 15 лет
- 187 Международная солидарность с Кампучией
В. И. Потанов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Милитаризация и военные союзы несовместимы с безопасностью Японии
192 *В. Н. Бунин, И. А. Цветова*
- Начало революционного движения в Китае
199 *Г. Ф. Ким*
- Китай и страны Юго-Восточной Азии
202 *Е. А. Коновалов*
- Русская тихоокеанская эпопея
204 *Н. М. Соболев*
- Первое издание избранных стихов в жанре цы
208 *Е. А. Серебряков*
- МНР: социалистическая индустриализация
211 *Е. А. Брагина*
- Проблемы строительства социализма во Вьетнаме
213 *Ю. М. Рякин*
- Партийное строительство в социалистических странах
215 *В. И. Титков*

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- 219 К 60-летию М. С. Капицы
222 К 80-летию П. А. Мифа

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
М. С. КАПИЦА, Н. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПУПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

XXVI съезд КПСС и некоторые проблемы исторических исследований по Китаю

*О. Б. Борисов,
профессор, доктор исторических наук*

Советские коммунисты, советский народ с неизменной симпатией относились и относятся к героической борьбе китайских революционеров и подлинных коммунистов Китая. Так было в период развертывания в Китае национально-освободительного движения, так было в первые годы после провозглашения КНР, когда республика шла рука об руку с Советским Союзом, другими братскими государствами.

Советские люди, питающие дружеские чувства к китайскому народу, с большой тревогой и болью переживали величайшую трагедию, которую испытывали КПК и китайское общество в результате преступной деятельности Мао Цзэдуна и его сообщников с конца 50-х по 70-е годы.

С таким же сочувствием мы относимся к китайскому народу, честным китайским коммунистам и ныне, когда после маоцзэдуновское руководство, отказываясь решительно покончить с маоистским наследием, идет по опасному пути сговора с империализмом и реакцией на антисоциалистической, антисоветской платформе.

Позиции советского китаеведения в исследовании проблем, составляющих предмет этой науки, принципиальны и последовательны. Они строятся на решениях съездов, пленумов нашей партии, на объективном научном анализе всех аспектов китайской действительности.

Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду содержит основные принципиальные установки для всестороннего исследования современного положения КНР и политики Пекина. В докладе сформулировано важное положение о том, что «опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятилетия — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике»¹.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 10.

Подчеркнуто, что сейчас даже в самом Китае называют существовавшие там порядки «жесточайшей феодально-фашистской диктатурой». А ведь именно об этом на протяжении последних двадцати лет говорили Центральный Комитет нашей партии, ЦК других братских партий, анализируя ситуацию в КНР. Именно эти проблемы по поручению Центральных Комитетов разрабатывались советским и марксистским международным китаеведением. При этом давался прогноз, что рано или поздно в Китае вынуждены будут признать оценки, которые КПСС и другие братские партии давали событиям, происходившим в КНР.

XXVI съезд КПСС подтвердил последовательность и преемственность политического курса нашей партии в отношении Китая, который определен XXIV и XXV съездами. Этот курс, как известно, сочетает отпор поджигательской политике Пекина, защиту интересов Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения, борьбу против враждебной марксизму-ленинизму маоистской идеологии и политики с готовностью нормализовать советско-китайские отношения на принципах мирного сосуществования.

XXVI съезд КПСС обратил также внимание на происходящие в Китае изменения, указав, что истинный их смысл еще не определился, и главное здесь в том, в какой мере удастся нынешнему руководству КНР преодолеть маоистское наследие. Важнейшая задача марксистского китаеведения — дать объективный ответ на вопрос, действительно ли в КНР происходит последовательная переоценка основополагающих установок маонизма и событий прошлого, и с полной научной достоверностью установить, что означают происходящие в Китае изменения — попытку действительно найти выход из кризиса на путях прогрессивного развития или стремление китайского руководства сделать более эффективной свою гегемонистскую милитаристскую политику, исходя из соображений внутриполитической борьбы и глобальных устремлений Пекина.

В работах советских китаеведов последнего времени подчеркивалось, что анализ внутренней и внешней политики и идеологической доктрины Пекина позволяет говорить о новом этапе в эволюции политического курса Китая. Главные черты этого этапа состоят примерно в следующем.

Во-первых, проимпериалистическая линия китайского руководства привела к открытому сколачиванию стратегического альянса с ведущими державами капиталистического мира и параллельным, а в ряде случаев и совместным действиям Китая и империалистических государств на международной арене, направленным против СССР и его друзей. В мировой политике, как говорилось на июньском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС, развивается новое опасное явление — партнерство империализма и пекинского гегемонизма. Расширяются связи

между Пекином и Вашингтоном в военной области, включая планы поставки в КНР современного оружия, налаживается сотрудничество в сфере разведывательной деятельности. Американский империализм явно стремится (и это было вновь со всей очевидностью подтверждено в ходе недавнего визита в Пекин госсекретаря США А. Хейга) превратить Китай в главную ударную силу при реализации своих планов установления мирового господства, нацеленных прежде всего против СССР.

Во-вторых, Пекин открыто стремится раздвинуть рамки «широчайшего международного фронта» борьбы против СССР, создать «структуру совместного сопротивления» Советскому Союзу путем вовлечения в них не только капиталистических и развивающихся государств, но и самых различных националистических и оппортунистических элементов в революционном и демократическом движениях. Усиливается «дифференцированный» подход к социалистическим странам.

В-третьих, взят курс на укрепление материальной базы китайского гегемонизма, в том числе за счет наращивания военного потенциала КНР с помощью империалистов.

В-четвертых, осуществляется реанимация и модификация маоизма с целью идеологического и теоретического оправдания блокирования Пекина с империалистами и различного рода оппортунистами, националистами, псевдокоммунистами, придания маоизму большей гибкости и привлекательности. При этом сохраняются в неприкосновенности его основы — «китаизированный марксизм», гегемонизм и антисоветизм.

Выводы и оценки XXVI съезда КПСС ставят перед марксистским китаеведением задачу дальнейшего улучшения качества всей политической, идеологической работы по Китаю и углубленного изучения происходящих там процессов. Необходимо, сохраняя за собой инициативу в идеологической борьбе, и впредь разоблачать политический курс Пекина, показывать тяжелые уроки, к которым ведет извращение принципов социализма во внутренней и международной политике Китая. Важно наглядно раскрывать антимарксистскую, антинародную суть маоистского идейного наследия, ставящего под угрозу социалистические завоевания трудящихся КНР, показывать правильность оценок, данных КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями событиям в КНР и политике маоизма, начиная с «большого скачка» и в период «культурной революции».

Следует и впредь на основе принципов марксизма-ленинизма анализировать изменения во внутренней политике Китая, давать им четкую классовую характеристику. Без предвзятости, но и без иллюзий оценивать происходящие в КНР процессы, прежде всего с точки зрения того, действительно ли китайское руководство вынуждено так или иначе отходить от основ маоизма или, наоборот, лишь маневрирует в целях бо-

лее успешного осуществления своей антисоциалистической, антисоветской политики.

Решения XXVI съезда КПСС обязывают советских коммунистов, ученых и впредь вести последовательную борьбу против блокирования китайского гегемонизма с империализмом, против курса Пекина на обострение международной обстановки, его враждебных действий в отношении Советского Союза, социалистического содружества, международного революционного движения, раскрывать опасный характер партнерства Китая с империалистическими странами, показывать, что политика Пекина — это угроза всеобщему миру.

В Отчетном докладе ЦК КПСС наглядно показано, что КПСС осуществляет, говоря словами В. И. Ленина, широко принципиальную политику² на международной арене, в том числе и по китайскому вопросу. Эта политика опирается на фундаментальные теоретические положения и выводы. Наша партия не поступаетя принципами ради сиюминутной выгоды, не идет на поводу у случайных событий, колебаний политической ситуации, а с учетом конкретной обстановки неуклонно проводит теоретически обоснованную и практически выверенную генеральную линию.

Выводы и оценки XXVI съезда КПСС по вопросам внутренней и внешней политики нашего государства имеют непреходящее историческое значение. На всех направлениях международной политики предстоит колоссальная работа по реализации задач, поставленных съездом в интересах укрепления мира, безопасности народов, предстоит борьба, направленная на срыв планов империалистов и их пекинских пособников затормозить процесс разрядки, толкнуть мир в хаос войны.

Нет сомнения в том, что народ нашей страны в сотрудничестве с народами социалистических стран, прогрессивными силами всего мира успешно выполнит эти задачи и предначертания партии. Решение этих задач происходит не от «чистого листа». Уже проделана большая и разносторонняя исследовательская работа.

Советское китаеведение продемонстрировало свою научную и политическую зрелость. В трудах советских историков-китаеведов ярко проявляются характерные черты всего советского марксистско-ленинского китаеведения, усвоившего лучшие традиции русского демократического китаеведения.

Во-первых, глубокий интернационализм, подчеркнутое уважение к китайскому народу, китайскому рабочему классу, искреннее стремление максимально полно раскрыть их роль как субъектов истории, творцов своей собственной судьбы.

Во-вторых, последовательная партийность, означающая глубокую научность в подходе к предмету исследования.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

В-третьих, комплексный подход к исследованиям китайской проблемы на базе марксистско-ленинского учения, потребностей практики. Общими усилиями создана и совершенствуется новая концепция истории КПК и китайской революции, освобожденная от фальсификаторских, маоистских наслоений. В основе этой концепции лежит идея, сформировавшаяся в ходе глубокого изучения документов КПК, материалов Коминтерна. Суть ее состоит в том, что в силу специфических условий возникновения и развития КПК вся история и политическая жизнь партии с середины 20-х годов пронизана борьбой двух тенденций: марксистско-ленинской, интернационалистской, и мелкобуржуазной, националистической.

Раскрыты особенности китайской революции и показаны ее глубокие взаимосвязи с мировым революционным движением и прежде всего с Великой Октябрьской социалистической революцией. Сделан вывод о том, что выработка правильной марксистско-ленинской стратегии и тактики китайской революции была неразрывно связана с огромной идейно-теоретической помощью, оказанной КПК Коминтерном и нашей партией. Именно тогда, когда руководство КПК следовало марксистско-ленинскому учению, творчески применяло его в специфических условиях Китая, учитывало совокупный революционный опыт международного коммунистического движения, революционный процесс в Китае и само развитие партии проходили на здоровой основе и приводили к крупным победам. Это обстоятельство обеспечило в 1949 г. победоносное завершение китайской революции и образование КНР.

То же самое можно сказать и о периоде после 1949 г. Именно тогда, когда КПК следовала марксистско-ленинскому учению, опиралась на опыт реального социализма и тесно сотрудничала с социалистическими странами, в Китае успешно преодолевались многовековая отсталость, влияние феодализма и империализма, закладывались первоначальные основы социалистического строя, проводилась индустриализация, постепенно перестраивалась жизнь села, преодолевалась отсталость в области культуры, образования, науки и техники. Когда КПК ослабила свои интернациональные связи, оказалась подорвана ее роль как вождя революции, авангарда рабочего класса в строительстве социализма. Внутри нее возобладали мелкобуржуазные, националистические силы, которые извратили ее цели, стратегию и тактику.

Эти выводы имеют принципиальное методологическое значение в разработке как в целом истории КПК, так и отдельных ее этапов.

В последнее время в Китае значительно активизируется работа по исследованию истории КПК, китайской революции и истории международного коммунистического движения. Знакомство с некоторыми исследованиями по истории КПК, опубликованными в Китае, показывает, что и они написаны с

антинаучных маоистских и антисоветских позиций. Это обстоятельство ставит перед советскими китаеводами задачу давать отпор новым, более утонченным маоистским фальсификациям истории международного коммунистического движения и истории КПК. В последние годы в Китае вышел ряд книг по истории международного рабочего движения. В 1978 и 1980 гг., в частности, издана «История международного коммунистического движения» в двух книгах, охватывающая период со времени возникновения марксизма до провозглашения КНР в 1949 г. В книге делается откровенная попытка приуменьшить значение международных факторов в развитии китайской революции и очернить помощь со стороны Советского Союза и КПСС, других марксистско-ленинских партий, дается чисто маоистская трактовка основного опыта китайской революции.

Шестой пленум ЦК КПК принял специальное решение по некоторым вопросам истории КПК в период после образования КНР. Осудив некоторые ошибки Мао, в особенности «культурную революцию», это решение подтвердило, однако, маоистскую фальсифицированную версию истории КПК и китайской революции. Принятый на пленуме ЦК КПК документ оказался ныне в центре идеологической и политической борьбы в Китае. В целом в неизменном виде сохраняется маоистская концепция истории китайской революции и истории КПК в период с начала 20-х годов до 1949 г. Стержнем этой концепции является известное постановление «О некоторых вопросах истории КПК», написанное Мао Цзэдуном и принятое в апреле 1945 г. накануне VII съезда КПК. Маоисты особым фальсификациям подвергают заключительный период китайской революции: 1946—1949 гг. Пекинские историки распространяют фальшивую версию о том, что КПСС и лично И. В. Сталин якобы пытались «запретить китайскую революцию», помешать ее осуществлению.

Всестороннее и глубокое исследование завершающего периода китайской революции, показ огромной помощи Советского Союза в создании предпосылок для победы китайской революции, прежде всего раскрытие роли Маньчжурской военно-революционной базы, имеют важное научное и политическое значение в борьбе против маоистских фальсификаций, в восстановлении исторической правды.

Грубым фальсификациям подвергается также период существования КНР. Признавая тот неоспоримый факт, что период строительства социализма в Китае 1949—1956 гг. был успешным, нынешние маоисты пытаются, однако, утверждать, что правильность линии КПК и успех социалистических преобразований в Китае до 1956 г. не были неразрывно связаны с проведением правильной, интернационалистской внешнеполитической линии и с огромной бескорыстной помощью КНР со стороны Советского Союза и государств социалистического содружества. Они пытаются утверждать, что прогресс Китая

в этот период был достигнут якобы вопреки учебе у Советского Союза и сотрудничеству с ним.

Пекинские лидеры пытаются фальсифицировать решения VIII съезда КПК, состоявшегося в 1956 г., и представить нынешний прагматический проимпериалистический курс как якобы продолжение линии VIII съезда КПК. Это утверждение явно противоречит фактам. Ведь именно на VIII съезде была подчеркнута мысль о том, что без сотрудничества с Советским Союзом и другими революционными силами социализм в Китае победить не может. Нынешние маоисты пытаются замолчать тот факт, что именно Мао Цзэдун ревизовал решения VIII съезда и что Дэн Сяопин был одним из тех деятелей, кто наиболее активно поддерживал борьбу Мао против решений VIII съезда КПК и против интернационалистских сил в Китае.

Пекинские «историки» извращают сущность внутрипартийной борьбы в КПК в период существования КНР. Указывая что после 1957 г. Мао Цзэдун совершил целый ряд крупных ошибок левацкого толка, в частности преувеличивал роль классовой борьбы и распространил тезис о классовой борьбе на партию, представители дэнсяопиновской группировки пытаются замолчать или обойти именно те антипартийные, антисоветские действия Мао, в которых активное участие принимал непосредственно Дэн Сяопин. Например, дэнсяопиновская группировка решительно противится реабилитации видных деятелей КПК Гао Гана и Жао Шуши, которые по-прежнему клеветнически изображаются «антипартийными элементами». Дело в том, что именно Дэн Сяопин был одним из организаторов травли Гао Гана и благодаря этому выдвинулся в Политбюро и стал генеральным секретарем ЦК партии.

Нынешние маоисты, пытаясь разорвать взаимосвязь между внутренней и внешней политикой Мао Цзэдуна в 60—70-х годах, утверждают, что в области внутренней политики был допущен ряд просчетов, в том числе «культурная революция», которую расценивают как «серьезную ошибку и настоящее бедствие». Вместе с тем утверждают, что внешняя политика, в центр которой был поставлен антисоветизм, была якобы «совершенно правильной». Предательство классовых интересов китайских трудящихся на международной арене, борьба против первой страны социализма выдается за «светлое пятно» в деятельности Мао Цзэдуна.

Разоблачение сущности маоистского антисоветизма, показ предательства маоистами идеалов коммунизма, идеалов китайской революции, также является серьезной и ответственной задачей китаеведов-марксистов. Маонизм — это идеологический выкидыш мелкобуржуазных революционаристских сил, которые были попутчиками рабочего класса и китайской революции и пытались самоутвердиться в ней с помощью выдвижения своей собственной националистической идеологии и

навязать эту идеологию рабочему классу и коммунистической партии. Трагедия китайской революции и трагедия КПК состоят в том, что этим силам удалось добиться своей цели.

Рабочий класс Китая оказался в значительной мере деморализован националистической идеологией, не смог выполнить историческую задачу пролетариата, о которой в свое время говорил В. И. Ленин: «переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии. Но для этого нужно, чтобы пролетариат перевоспитывал выходцев, чтобы он влиял на них, а не они на него». В. И. Ленин также подчеркивал, что пролетариат должен всеми силами сопротивляться попыткам мелкобуржуазных идеологов «навязывать свои «теории», свое мирозерцание, т. е. свою ограниченность рабочей партии...»³.

Уроки Коммунистической партии Китая показывают, в каких уродливых формах могут найти выражение тенденции, порожденные предрассудками мелкобуржуазной среды, если не вести решительной борьбы за чистоту пролетарской идеологии.

Разумеется, извращения пролетарской идеологии и временное господство мелкобуржуазной идеологии, отход от марксистско-ленинских принципов социалистического строительства в Китае не были неизбежными, неотвратимыми. Об этом говорит опыт первого десятилетия существования КНР. Рабочий класс и его коммунистический авангард способны успешно противостоять давлению мелкобуржуазной стихии, добиваться руководства непролетарскими слоями, вести их за собой. Однако это не приходит само собой и требует четкой пролетарской определенности всей политики коммунистического авангарда, требует исключительно упорной, терпеливой работы по воспитанию широких революционных масс.

Бесспорно, строительство социализма в КНР было и есть задача исключительно сложная и трудная. В отношении Китая в еще большей степени, чем в отношении России, верны ленинские слова о том, что «отсталая страна может легко начать, потому что гнил ее противник, потому что неорганизована ее буржуазия, но, чтобы продолжать, ей требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и выдержки»⁴. Мао Цзэдун поставил по существу под сомнение вышеприведенное положение В. И. Ленина. А бедность, необразованность и даже нищета значительной части трудящихся масс Китая маоисты изображали как «великое преимущество», якобы позволяющее ускоренными темпами осуществить революцию.

Несмотря на огромные объективные и субъективные труд-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 107.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 252.

ности строительства социализма в Китае, путь перехода его к социалистическому строительству был и есть.

Обобщая уроки развития КПК, необходимо дать ответ на вопрос, где же главная причина того, что Китай сошел с пути строительства социализма и стал на путь конфронтации с миром социализма, блокирования с империализмом и реакционными силами. Думается, что, поскольку в политике причинность тесно связана с ответственностью, эту главную причину следует искать прежде всего в анализе субъективного фактора, в том, что в Компартии Китая руководство было захвачено националистическими силами, предавшими дело социализма и ставшими на позиции социал-шовинизма, великодержавного гегемонизма и антисоветизма.

Трагедия Китая не была фатально неизбежной, и в исторической перспективе там может вновь произойти поворот в сторону социализма.

Как было подчеркнуто на XXVI съезде КПСС, без преодоления маоистского наследия Китай стать на путь здорового развития не сможет. Проводимая ныне пекинским руководством политика, нацеленная на обострение международной обстановки, смыкание с империализмом, ничего хорошего Китаю не сулит. Как указал товарищ Л. И. Брежнев, «это, конечно, не вернет Китай на здоровый путь развития. Империалисты друзьями социализма не будут».

XXVI съезд КПСС вновь подтвердил, что Советский Союз не ищет и не ищет конфронтации с КНР и по-прежнему готов строить связи с Китаем на добрососедской основе. Наши конструктивные предложения, направленные на нормализацию отношений с КНР, остаются в силе, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу⁵.

Однако Пекин ужесточает свой антисоветский курс. По инициативе руководства КНР прекращено действие советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключенного в 1950 г. Правительство КНР заморозило проведение второго тура переговоров по международным вопросам, который должен, согласно договоренности, проходить в Пекине. Оно не проявляет заинтересованности в возобновлении переговоров по пограничному урегулированию. В ультимативной форме пекинское руководство требует от СССР в качестве предварительных условий переговоров отказаться от поддержки Вьетнама, вывести советские воинские подразделения из Афганистана и Монголии, где они находятся по просьбе правительств этих стран, настаивает на том, чтобы Советский Союз в одностороннем порядке отвел свои войска от границ с Китаем, признал «спорными» (то есть фактически китайскими) ряд районов на советской территории.

⁵ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 11.

Больше того, китайское руководство, по существу, выдвигает требование к СССР отказаться от принципиального внешнеполитического курса в целом, заявляя, что в противном случае «китайско-советские отношения не изменятся даже через 10—20 лет» (Дэн Сяопин, ноябрь 1980 г.). Разумеется, на удовлетворение подобных требований Советский Союз никогда не пойдет и от поддержки своих друзей и союзников не откажется.

Что же касается китайского народа, «то мы глубоко убеждены: его подлинным интересам отвечала бы политика мира, только политика мира и нормальных отношений с другими государствами»⁶.

Эти положения Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду партии определяют методологический подход к прогнозированию перспектив развития Китая, указывают решающие факторы, определяющие возможность возврата Китая на здоровый, социалистический путь развития. Вместе с тем положения, содержащиеся в документах XXVI съезда, позволяют с новой аргументацией указать на историческую обреченность маоизма как идейно-политической системы. Эта обреченность маоистской политики и идеологии предопределяется:

— изменениями в положении и объективных интересах широких масс трудящихся, приходящих во все большее противоречие с милитаристскими, гегемонистскими целями маоизма;

— развитием деятельности сохранившихся в рядах КПК пролетарских элементов;

— влиянием позитивного опыта строительства основ социализма в Китае в первое десятилетие существования КНР, проходившего в тесном сотрудничестве с Советским Союзом и другими социалистическими странами; авторитет и влияние этого опыта будут возрастать по мере того, как политика антисоветизма и блокирования с агрессивными кругами империализма будет все сильнее втягивать Китай в тенета милитаризма и гегемонизма, ухудшая положение трудящихся и неизбежно вызывая рост их недовольства как тяжелым материальным положением, так и превращением Китая в младшего партнера империализма;

— активным влиянием позитивного опыта строительства социализма в странах социалистического содружества, успехов мирового коммунистического и национально-освободительного движений на социально-экономические, политические и идеологические процессы современного Китая;

— победами стран социалистического содружества и сил мира в борьбе против империализма за достижение доверия между всеми странами.

К сожалению, в китайской печати по-прежнему разжигает

⁶ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 11.

ются антисоветские эмоции. Только в газете «Жэньминь жибао» в 1980 г. было опубликовано более 3400 материалов (в том числе свыше 100 антисоветских высказываний членов Политбюро ЦК КПК) с грубыми нападками на внутреннюю и внешнюю политику СССР.

Пекин обрушился со злобной клеветой на решения и идеи XXVI съезда КПСС. В ответ на сделанное советской стороной официальное предложение провести конкретные переговоры по мерам доверия на Дальнем Востоке со всеми заинтересованными странами китайская печать клеветнически назвала его «чистейшей пропагандой», «приманкой для западных стран», пытаясь вызвать недоверие к Советскому Союзу в США, Японии и других государствах.

Китайская пропаганда продолжает разрабатывать сюжеты о притязаниях на советскую территорию. В вышедшем в 1980 г. в Пекине справочнике «Краткий очерк о странах мира» вновь утверждается, что в пределы Советского Союза включены 1,5 млн. км² якобы «отторгнутых» у Китая земель. В школьных учебниках проводится мысль, будто советские люди живут на «захваченных у Китая» землях. Так, в учебнике истории для средней школы указывается, что «с юридической точки зрения бассейн реки Хэйлунцзян (Амур), район реки Уссури, включая остров Куедао (Сахалин), являются китайской территорией».

В нынешней обстановке господства в Китае правонационалистических гегемонистских сил, возглавляемых Дэн Сяопином, в условиях многолетней неистовой антисоветской пропаганды, разлагающего влияния маоистских экспериментов по строительству военно-казарменного «социализма» и террора периода «культурной революции», которую маоисты выдавали за социалистическое движение, идеалы социализма подвергаются серьезной дискредитации, а социалистические завоевания трудящихся Китая подрываются, деформируются. Блокирование Пекина с империализмом способствует привязыванию Китая к капиталистической системе и серьезно сдерживает процесс оздоровления развития страны. Возврат Китая на позиции здорового, социалистического развития возможен только после преодоления маоизма и его последствий. Он требует отказа от политики блокирования с империализмом и прежде всего перехода к политике дружбы и равноправного сотрудничества со всеми странами социалистического содружества.

* * *

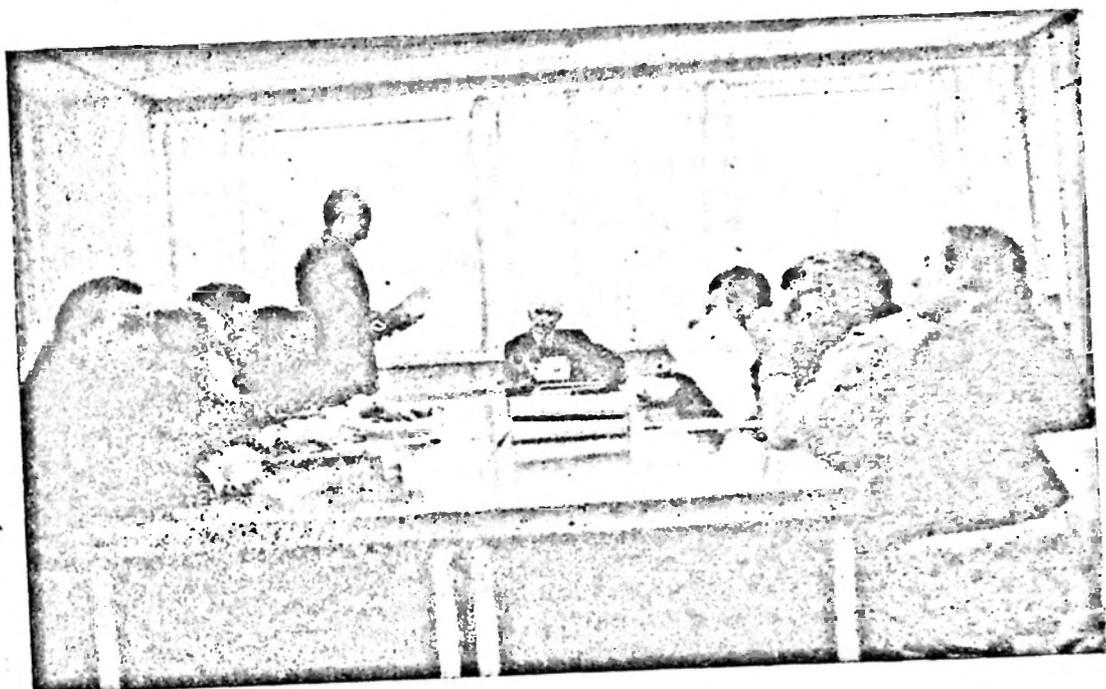
Таким образом, сама жизнь ставит перед китаеведами-марксистами Советского Союза и других стран социалистического содружества задачу создать солидный марксистско-ленинский труд по истории КПК. Подготовка его потребует значительных усилий большого отряда ученых-обществоведов,

прежде всего Института Дальнего Востока АН СССР. Было бы заблуждением, однако, считать, что подготовка истории КПК — это задача, которая касается только историков. Здесь огромное поле для ученых, занимающихся и экономикой, и социальными проблемами, и политическими традициями, и культурой, и внешней политикой КНР.

Здесь для нас пример — основоположники марксизма-ленинизма, которые всегда стремились брать факты в их совокупности, в их внутренней взаимосвязи, выявляя главные тенденции развития, их закономерности и на этой основе строя научный прогноз.

Изучение истории КПК позволит правильно и всесторонне понять то, что собой представляет нынешняя КПК, каковы ее организационные, политические, идеологические основы, кадровая политика и стратегический курс в целом. Эти исследования дадут историческое обоснование для прогнозирования перспектив развития этой партии, таково актуальное научно-политическое значение предстоящей работы.

Историки-марксисты Советского Союза, братских социалистических стран сделали много для разоблачения маоизма и показа того огромного ущерба, который он нанес развитию Китая, китайским трудящимся. Решениями XXVI съезда КПСС перед марксистской синологией Советского Союза поставлена важная и актуальная задача по анализу реальной ситуации в КНР и КПК, дальнейшей разработке и конкретизации научной, марксистско-ленинской концепции истории КПК. Эта деятельность имеет большое интернациональное значение как в плане активного противодействия проискам маоистов в международном коммунистическом движении, так и в плане поддержки здоровых сил в самом Китае.

Заседание Ученого совета ИДВ АН СССР 29 июля 1981 г.

СИНТОЛОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИДВ АН СССР

В борьбе против

великоханьского шовинизма

**К 15-летию Института Дальнего Востока Академии наук СССР
и 10-летию журнала «Проблемы Дальнего Востока»**

*М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР,
директор ИДВ АН СССР*

К концу 50-х годов мир и безопасность стран Восточной Азии надежно гарантировались братским содружеством социалистических стран: СССР, КНР, КНДР, МНР, ДРВ. Договоры и соглашения, заключенные между ними, обеспечивали взаимную помощь и поддержку, а в советско-китайском Договоре о дружбе и союзе договорные обязательства были выражены и в конкретной форме: «совместно воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы в любой форме с Японией в актах агрессии». Военно-политические союзные обязательства дополнялись крупной экономической и научно-технической помощью Советского Союза социалистическим странам, что обеспечило их быстрое социально-экономическое развитие.

Коммунистические партии этих стран были участниками двух Московских совещаний коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1957 г. и ноябрь 1960 г.), на которых была дана единая оценка современной эпохи и выработаны политические и идеологические принципы осуществления строительства социализма в странах мировой социалистической системы, отношений между народами и странами мира.

В принятом Московским совещанием 1960 г. Заявлении, в котором отражены все задачи компартий, говорилось: «Главная отличительная черта нашего времени состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества»;

«Коммунистические и рабочие партии неустанно воспитывают трудящихся в духе социалистического интернационализма, непримиримости ко всем проявлениям национализма и шовинизма»;

«Наступило время, когда можно пресечь попытку империалистических агрессоров развязать мировую войну. Объединенными усилиями мирового социалистического лагеря, международного рабочего класса, национально-освободительного движения всех стран, выступающих против войны, и всех миролюбивых сил мировую войну можно предотвратить»;

«Коммунистические и рабочие партии социалистических стран будут и впредь последовательно осуществлять линию на мирное сосуществование государств с различным общественным строем, делая все для того, чтобы избавить народы от ужасов и бедствий новой войны».

В конце 50-х годов эти единодушно принятые принципы стали нарушаться руководством КПК, прежде всего председателем КПК Мао Цзэдуном. Добившись в 1958 г. ликвидации социалистической генеральной линии КПК в переходный период (1949—1967), Мао Цзэдун провозгласил «особый курс», рассчитанный на превращение Китая в мощное милитаристское государство, способное осуществлять великоханьские замыслы — установить гегемонию Китая в мире. Уже на Московском совеща-

нии 1960 г. китайская делегация (заместитель главы делегации Дэн Сяопин) выступила против проекта «Заявления», возражая против тезиса о возможности избежать войны и о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем и по другим вопросам. Однако не встретив поддержки со стороны всех других делегаций (кроме Албании), китайская делегация на заключительном заседании Совещания сняла свои возражения, и КПК, таким образом, вновь присоединилась к общей позиции коммунистических партий.

Как показало дальнейшее развитие событий, руководство КПК лишь формально согласилось поставить свою подпись под документом коммунистических партий, на деле же оно подготавливало полный отход от согласованной международной позиции и переход к скрытой и открытой борьбе с марксизмом-ленинизмом, с социалистическим содружеством.

Уже в 1955 г., когда в КНР с помощью СССР и других социалистических стран успешно выполнялся первый пятилетний план развития народного хозяйства, создавались основы социализма, Мао Цзэдун повел наступление на социалистическую генеральную линию КПК. Не решаясь открыто выступать против социалистического курса, он добивался дискредитации его, заявляя, что принятые народнохозяйственные планы устанавливают «рабские темпы развития» (прирост продукции промышленности 12—15 %, сельского хозяйства — 3—4 %). В закрытых выступлениях Мао обвинял Советский Союз, который якобы рекомендовал низкие темпы и тем самым обрекал Китай на длительную отсталость.

Мао понимал, что строительство социализма при содействии социалистических стран, проведение солидарной с социалистическими странами внешней политики на основе принципов социалистического интернационализма опрокидывают его буржуазно-националистическую доктрину «новой демократии» и укрепляют в партии позиции коммунистов-интернационалистов, с которыми он вел непримиримую борьбу в годы террористической кампании «чжэн-фэн» (1942—1944). Стремление к лидерству в мировом коммунистическом движении, отмежевание от КПСС, всемерно способствовавшей осуществлению социалистической генеральной линии КПК, составляло первоочередную цель Мао, замышлявшего столкнуть страну с социалистического пути, перевести на рельсы националистического, великоханьского курса. Первым его шагом в области практической политики был подрыв планового социалистического управления народным хозяйством, дискредитация технико-экономической помощи СССР и других социалистических стран, выдворение советников и специалистов этих стран.

Кампания «большого скачка» и ставила своей целью именно осуществление этих политических замыслов Мао. Планомерное развитие народного хозяйства, основывающееся на объективных законах социализма, Мао подменял военизированием экономики и жизни людей, превращением страны в «единый военный лагерь». Несмотря на катастрофические последствия «большого скачка», Мао не отказывался от теории «скачкообразного» развития на принципах «политика — командная сила» и в неудачах «большого скачка» обвинил «гнилых» партийных руководителей. Мао внушал, что не партия, а армия — руководящая сила общества, что все материальные и людские ресурсы должны быть направлены на создание могущественного милитаристского государства, способного осуществить великоханьские цели превращения Китая в первое государство мира, что единой идеологией китайского народа должна стать маоизм — идеи великоханьского экспансионизма, основывающиеся на нравственном и военном превосходстве китайцев.

После подавления оппозиции в КПК, возглавлявшейся Пэн Дэхуаем, Мао Цзэдуну удалось монополизировать руководство в партии, парализовать деятельность ЦК КПК — коллективного руководства в партии

после X пленума ЦК КПК (сентябрь 1962 г.). Пленумы ЦК не созывались четыре года (XI пленум ЦК КПК состоялся в августе 1966 г.).

Вслед за идейным и организационным разоружением КПК Мао Цзэ-дун перешел в открытое наступление на международное коммунистическое движение. В марте 1963 г. от имени ЦК КПК было опубликовано Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения, отрицающее все основные принципы, коллективно выработанные коммунистическими и рабочими партиями на Московских совещаниях 1957 и 1960 гг.

В своих Предложениях, состоящих из 25 пунктов, маоцзэдуновцы отрицали решающую роль мировой социалистической системы в развитии современного мирового общества, они выражали пренебрежение к борьбе рабочего класса и пытались противопоставить социалистической системе и международному рабочему классу национально-освободительное движение. Выдвигая на первый план национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки как «главную зону бурь мировой революции», маоцзэдуновцы ставили своей целью изолировать эти страны от мировой социалистической системы и международного пролетариата, то есть подрывали основы союза трех революционных сил: мировой социалистической системы, международного рабочего класса и национально-освободительного движения.

Рядясь в тогу «архиревolucionнеров», Мао Цзэ-дун и его сподвижники объявили «ревизионизмом», «правым оппортунизмом» выводы коммунистических партий о возможности посредством союза трех революционных сил и миролюбивых народов предотвратить мировую войну и поддерживать мирное сосуществование государств с различным социальным строем. Произвольно цитируя высказывания классиков марксизма в период, далеко отстоящий от Октябрьской социалистической революции и тем более от образования мировой социалистической системы, они пытались прикрыть свои истинные антисоциалистические великоханьские замыслы авторитетом марксистско-ленинской теории, «заботой» об угнетенных народах.

КПК, руководимая Мао Цзэ-дуном, переходит к активным подрывным действиям в коммунистическом движении, насаждая экстремистские группки, партии, прибегая к провокациям, инспирируя пограничные конфликты с сопредельными государствами. Анализируя антисоциалистический, раскольнический курс КПК, осуществлявшийся под руководством Мао Цзэ-дуна в первой половине 60-х годов, М. А. Сулов на февральском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС говорил: «Таким образом, руководители КПК выступают против коммунистического движения во всех основных вопросах его стратегии и тактики. Их курс — это курс, в котором сливаются мелкобуржуазная революционность и националистические, великодержавные устремления»¹.

* * *

Как внутри страны, где Мао Цзэ-дуну для ликвидации социалистической генеральной линии КПК, для расправы и подавления в партии оппозиционных сил, сторонников сотрудничества с Советским Союзом пришлось начинать с разрыва договоров и соглашений с СССР, так и на международной арене поход за утверждение великоханьского гегемонизма Мао Цзэ-дун начинал под флагом антисоветизма, объединения всех реакционных сил против Советского Союза как главной силы мирового социализма.

КПСС, разоблачая антисоциалистическую сущность маоизма и ведя

¹ М. А. Сулов. О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения. Доклад на Пленуме ЦК КПСС, 14 февраля 1964 г. М., 1964, с. 197.

с ним бескомпромиссную идеологическую борьбу, в то же время неизменно стремилась к нормализации отношений с КПК, принимала меры к преодолению разногласий с КПК, не теряя надежды на то, что в рядах китайских коммунистов найдутся стойкие сторонники научного социализма, которые могут вернуть КНР на социалистический путь развития. Выступая с Отчетным докладом ЦК на XXIII съезде КПСС, Л. И. Брежнев говорил: «Наша партия и советский народ искренне хотят дружбы с народным Китаем и его Коммунистической партией. ...Вы знаете, что в ноябре 1964 года была встреча в Москве с делегацией ЦК КПК. Несколько позднее наша делегация имела беседы в Пекине с руководством КПК. ЦК КПСС предлагал китайским товарищам провести новую встречу на высшем уровне в Москве или в Пекине. Мы и сейчас считаем, что такая встреча была бы полезной, и готовы в любой момент совместно с руководством КПК вновь рассмотреть имеющиеся разногласия, с тем чтобы найти пути их преодоления на принципах марксизма-ленинизма»².

Руководство КПК не только оставило без ответа призывы ЦК КПСС к переговорам, но и развернуло еще более злостную антисоветскую кампанию. Изолировав китайский народ от внешнего мира, скрывая от него правду о позиции нашей партии и советского народа, китайское руководство бесовски клеветало на Родину Ленина, заявляя о «перерождении Советского Союза в капиталистическую страну» и т. д. Понимая неубедительность своей антисоветской аргументации, маонисты дополняли ее пропагандой «угрозы со стороны СССР». Все эти кампании сопровождались беспощадным террором — арестами и уничтожением сторонников дружбы с СССР, лиц, обучавшихся в Советском Союзе.

С начала 1966 г. под личным руководством Мао Цзэдуна развернулась так называемая «культурная революция», в ходе которой репрессированы миллионы людей, разрушена КПК, разогнаны конституционные органы власти, и в стране была установлена, как определяют сейчас сами китайцы, военно-фашистская диктатура во главе с обожествленным «великим кормчим» Мао Цзэдуном. Над Китаем нависла угроза утраты революционных завоеваний, полного перерождения в военно-фашистское государство. На внешней арене маонисты уже не ограничивались идеологической борьбой против научного коммунизма. Вместе с реакционерами всех мастей они включились в политическую борьбу со странами социалистического содружества. Конфликты на границе с соседними странами, провоцирование «большой» войны между ведущими государствами — СССР и США — становятся главным компонентом внешнеполитической стратегии маоцзэдуновского руководства. Пекин издает массовыми тиражами фальсифицированные учебники истории, географические карты для подтверждения своих необоснованных притязаний и т. д. Скрывая свои истинные коварные намерения, маонисты продолжали выдавать себя за «ортодоксальных марксистов», борющихся с «советским ревизионизмом», стараясь сбить с толку мировую общественность. Они ловко пользовались ранее установившимся мнением о марксистском характере произведений Мао Цзэдуна, изданных на русском языке в начале 50-х годов в Москве, поскольку широкой общественности не было известно о корректировке оригиналов маоцзэдуновских работ. В советской литературе нередко при оценке роли Мао Цзэдуна также использовались его подправленные труды. Апогоеты империализма с нескрываемой радостью воспользовались фальсифицированными версиями маонистской пропаганды для дискредитации социализма. В оценке буржуазными спинологами маонистского антисоветизма выявилось два направления; утверждалось: 1) что Советский Союз «экспортировал» революцию в Китай, китай-

² XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I. М., 1966, с. 24.

ский народ не в состоянии преодолеть рамки традиционного консерватизма и не может воспринять идеи социализма и что выступления Мао Цзэдуна против Советского Союза выражают негативную реакцию китайцев на чуждый им социализм; 2) что авантюризм Мао Цзэдуна, проводимые им террористические кампании есть результат имманентно присущего социализму порока и что провал маоцзэдуновских экспериментов свидетельствует о несовместимости социализма с традиционным китайским обществом.

Нетрудно заметить, что оба эти направления служат одной и той же цели — антисоциализму и что по своей сущности они не чужды и самому маоизму — злобному противнику социализма. У них общая платформа и в конечном итоге общий объект борьбы — Советский Союз и страны социалистического содружества.

К середине 60-х годов в КНР утвердился режим военно-бюрократической диктатуры, и великоханьские устремления Мао Цзэдуна и его сподвижников составляли основу ее внешней политики. Военно-экономический потенциал Китая они рассчитывали поднять путем милитаризации страны, утверждения господства Китая на мировой арене в итоге ядерной войны, в первую очередь в итоге столкновения и обескровливания ведущих держав мира: Советского Союза и США.

Активизация антисоциалистической борьбы и подрывной деятельности маоистов в коммунистическом движении, их пособничество разжиганию мировой войны ставили перед коммунистическими партиями задачу решительного противодействия маоцзэдуновскому курсу, враждебному коммунизму и несущему угрозу делу мира и безопасности народов. В общей борьбе коммунистических партий против маоизма большая ответственность, естественно, легла на КПСС. Разоблачение теории и практики маоцзэдуновского руководства требовало значительных усилий, широкого участия общественности и советской науки. Среди многоплановых мер, осуществлявшихся в этом направлении, было и решение о создании Института Дальнего Востока Академии наук СССР, одной из главных задач которого стало изучение современного Китая.

Решение о создании Института Дальнего Востока АН СССР было внесено Президиумом Академии наук СССР в сентябре 1966 г. Институт создавался за счет привлечения востоковедов других академических институтов (Института экономики социалистических стран, Института востоковедения и др.), а также востоковедов-практиков, работавших в МИД, Министерстве внешней торговли, ГКЭС и в других ведомствах. Общая численность научных сотрудников ИДВ к началу 1967 г. составляла 44 человека, в том числе докторов наук 3, кандидатов наук 15. Перед институтом был поставлен широкий круг задач, в том числе задача изучения современных проблем стран Дальнего Востока, особенно современных проблем Китая в области внутренней и внешней политики, экономики, истории, идеологии, культуры.

Создание института происходило в условиях, когда в Китае перестали публиковать официальные сводные данные о народном хозяйстве КНР, советско-китайские научные связи были прекращены, а пекинская пропаганда распространяла заведомо искаженные сведения о положении в КНР. Это требовало от наших китаеведов глубокого знания всего предшествующего периода развития Китая, умения осуществлять анализ на основе отрывочной, разрозненной информации, широкого использования иностранных источников. Важную роль в становлении исследовательских работ в этот сложный начальный период сыграло предоставление институту права приглашать на должности руководителей научных подразделений, исполнять обязанности старших научных сотрудников специалистов-китаеведов, долгие годы работавших в Китае, хорошо знающих китайский язык и условия жизни и деятельности китайцев.

В настоящее время в ИДВ работает 202 научных сотрудника, в том числе 17 докторов наук и 104 кандидата наук.

Минувшие 15 лет (1966—1981) научно-исследовательской деятельности института достаточно определенно можно подразделить на три периода.

Первый период (1966—1971). В течение этого периода выявилась вся реакционная сущность маоизма, все возрастающая воинственность и враждебность маоистов к социализму, прежде всего к Советскому Союзу. На XXIV съезде КПСС (март 1971 г.) Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС следующим образом характеризовал минувшие после XXIII съезда годы: «Китайские руководители, как известно,— говорил Л. И. Брежнев,— выступили со своей особой, несовместимой с ленинизмом идейно-политической платформой по основным вопросам международной жизни и мирового коммунистического движения... Они развернули интенсивную враждебную пропаганду против нашей партии и страны, выдвинули территориальные претензии в отношении Советского Союза и даже довели дело до вооруженных инцидентов на границе весной и летом 1969 года. Наша партия решительно выступила против попыток извратить учение марксизма-ленинизма, внести раскол в международное коммунистическое движение, в ряды борцов против империализма. Сохраняя сдержанность и не поддаваясь на провокации, ЦК КПСС и Советское правительство делали все зависящее от нас, чтобы добиться нормализации отношений с Китайской Народной Республикой»³. Упомянув о некоторых конкретных полезных шагах, предпринятых сторонами в 1969 г. (советско-китайское торговое соглашение, вопросы товарооборота), Л. И. Брежнев сказал: «Мы готовы действовать и дальше в том же направлении»⁴. Вместе с тем Л. И. Брежнев обратил внимание на продолжающийся антисоветский курс Пекина и на то, что IX съезд КПК закрепил в своих решениях этот враждебный Советскому Союзу курс. «Мы,— заключил Л. И. Брежнев,— не поступимся национальными интересами Советского государства. КПСС и впредь будет неустанно бороться за сплоченность социалистических стран и мирового коммунистического движения на марксистско-ленинской основе»⁵.

В выводах и вытекающих из них задачах, изложенных в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду, отражалась политика нашей партии за минувший период, которой и руководствовался новый Институт Дальнего Востока. Разоблачение маоистской клеветы на нашу партию, защита ленинской внешней политики, неизменно проводимой ЦК КПСС, Советским правительством в отношении Китая, явились первоочередными задачами института. В течение 1967 года научный коллектив в составе О. Борисова, Б. Колоскова, Р. Мирвицкой, М. Сладковского и А. Яковлева подготовил одну из первых книг института — «Ленинская политика СССР в отношении Китая», которая была издана в 1968 г. На основе бесспорных фактов и документов авторы осветили основные этапы советско-китайских отношений. В работе приведены китайские документы, высказывания руководителей КПК, в том числе самого Мао Цзэдуна, в которых давалась высокая оценка политики Советского Союза в отношении Китая, его братской помощи китайскому народу на всех этапах китайской революции и в социалистическом строительстве в течение первого десятилетия существования КНР.

Великоханьские устремления маоцзэдуновского руководства, проявившиеся в бесосновательных территориальных притязаниях на земли соседних государств, направлялись и против Советского Союза. Беспочвенность китайских притязаний была ясна не только советским людям,

³ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1. М., 1971, с. 34.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 35.

но и всем честным и здравомыслящим китайцам. Известно, что при заключении Советским Союзом договоров и с гоминьдановским правительством и с правительством КНР китайская сторона не выдвигала территориальных притязаний к СССР, и «пограничный вопрос» сводился к уточнению протяженной пограничной линии. Тем не менее вопрос о территориальных притязаниях к Советскому Союзу маоцзедуновское руководство превратило в главную тему в советско-китайских отношениях и, фальсифицируя историческую правду, старалось ввести в заблуждение мировое общественное мнение. В связи с этим Институт Дальнего Востока подготовил к печати архивные документы об отношениях России с Китаем начиная с XVII в. и приступил к созданию фундаментальной истории русско-китайских и советско-китайских отношений. Многотомное издание документов началось с 1969 г., когда был издан первый том, и в 1971 г. была завершена подготовка к изданию второго тома.

Антимарксистская сущность маонизма. Антимарксистскую теорию и антисоциалистическую практику маоцзедуновского руководства маонисты выдают за «китаизированный марксизм», прикрываясь левацкими лозунгами, ссылками на высказывания классиков марксизма-ленинизма дооктябрьского периода. Маонистская пропаганда в начале 60-х годов облегчалась тем, что у мировой общественности не было ясного представления о сущности маонизма и ей не было известно, что четырехтомник избранных произведений Мао Цзэдуна, изданный в Москве в начале 50-х годов, существенно отличается от оригинала произведений Мао Цзэдуна, что исправления текста по просьбе ЦК КПК были произведены советскими и китайскими учеными. Анализ маонистской пропаганды убеждал наших ученых, что маонисты вернулись к неисправленному оригиналу произведений Мао Цзэдуна и за марксизм выдают буржуазно-националистическую доктрину «новой демократии», изложенную Мао Цзэдуном еще в 1940 г.

Для установления исторической истины институтом в 1969 г. была издана коллективная монография (Г. Астафьев, В. Глушин, В. Кривцов, Р. Рахимов, Н. Сеннин, М. Сладковский, А. Титов и др.) «Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэдуна». В этой монографии были объяснены основные исправления, внесенные советскими и китайскими учеными в оригинал произведений Мао. Если в оригинале будущее «новодемократическое государство» Мао основывал на союзе всех основных классов китайского общества, то есть эксплуататоров и эксплуатируемых, то в исправленный текст внесено добавление: «под руководством рабочего класса», то есть подтверждалась руководящая роль рабочего класса⁶. В этой монографии, в главах «Антимарксистская сущность особого курса Мао Цзэдуна», «Псевдодialeктика — методологическая основа особого курса Мао Цзэдуна и его группы», «Крайний субъективизм и волюнтаризм — характерные черты маонизма», «Великодержавный шовинизм Мао Цзэдуна и его группы в национальном вопросе» и в других дана развернутая критика взглядов и политики Мао Цзэдуна и разоблачена их антимарксистская сущность.

Новейшая история Китая. Фальсификации и преднамеренным искажениям подверглась не только история советско-китайских отношений, но и вся новейшая история Китая. Для возвеличения роли Мао он изображался организатором партии, а его политика — «единственно правильной», шельмовались или замалчивались истинные организаторы и видные руководители КПК: Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Ван Мин, Бо Гу, Чжан Вэньтянь и другие. Искажались важнейшие исторические события, принижалась роль Великой Октябрьской социалистической революции в России. Маонистские фальсификации широко использует буржуазная синология. Она силится победу китайской революции объяснить «экспортом ре-

⁶ См.: Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэдуна. М., 1969, с. 8.

волюции» из СССР и в отходе Мао Цзэдуна от социализма усматривает стремление вернуть Китай на традиционный путь развития как негативную реакцию на «чуждый» Китаю социализм. В 1971 г. коллектив научных сотрудников ИДВ в составе В. Глушина, А. Григорьева, К. Кукушкина (редакционная коллегия: Г. Астафьев, Н. Никифоров, М. Сладковский) закончил подготовку к изданию Новейшей истории Китая, которая и была издана в 1972 г. Авторы убедительно вскрыли несостоятельность маоистских перелицовок китайской истории, доказали объективную закономерность победы китайской народной революции под руководством КПК при интернациональной помощи СССР и международного коммунистического движения. В монографии показаны катастрофические последствия «большого скачка» и террористической «культурной революции».

Второй период (1972—1976 гг.). В течение этого периода маоцзэдуновское руководство КНР продолжало дрейфовать в сторону сближения с империалистическими и реакционными силами. Оно выступает застрельщиком создания объединенного фронта всех реакционных сил мира против СССР и стран социалистического содружества. 70-е годы начинаются с установления дипломатических отношений с США. Маоисты снимают лозунги, враждебные американскому империализму, и последний прокламируется «находящимся в обороне», он, следовательно, не опасен, а Советский Союз объявляется «врагом № 1» Китая.

Характеристика явно враждебного социализму курса маоизма с исчерпывающей полнотой дана в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС. Выступая с этим докладом, Л. И. Брежнев сказал: «Особо и отдельно стоит, конечно, вопрос об отношениях с Китаем. Политика его нынешних руководителей откровенно направлена против большинства социалистических государств. Более того, она прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки и фашистских правителей Чили. Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма.

Большую опасность для всех миролюбивых народов представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов. Мы будем давать отпор этой поджигательской политике, защищать интересы Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения. Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему».

В годы между XXIV и XXV съездами нашей партии активизация антисоциалистической провокационной деятельности маоистов на международной арене, нагнетание ими военного психоза внутри страны, обработка китайского народа в духе неизбежной войны с Советским Союзом вызвали необходимость и с нашей стороны усиливать противодействие враждебному маоистскому курсу. Возрастали в связи с этим и обязанности института.

Экономика КНР. Слабым местом в советском, как и в мировом, Китаеведении было изучение китайской экономики. До 1960 г. органы КНР публиковали довольно подробные данные о состоянии экономики, они принимались наукой на веру и не анализировались. Прекращение китайских публикаций заставило ученых выработать особую методологию оценочных подсчетов на основе отрывочной, разрозненной информации.

С начала 70-х годов институт приступил к подготовке и изданию четырех коллективных монографий по экономике Китая: «Социально-экономический строй и экономическая политика КНР», «Промышленность КНР», «Сельское хозяйство КНР», «Транспорт, торговля, финансы», охватывающих период с 1949 по 1975 г.

Исследования показали, что отход Китая от социалистической генеральной линии и перевод страны на рельсы милитаризации привели к снижению темпов роста национального дохода примерно в два раза (с 8,9 % за первую пятилетку до 4,8 % в 1959—1974 гг.); темпы промышленного производства сократились почти в три раза (с 18 % до 6,4 %). В наиболее тяжелом состоянии оказалось сельское хозяйство. Вместо предусматривавшегося 12-летним планом развития хозяйства (1956—1967) освоения новых земель (около 30 млн. га) пахотная площадь с 1956 по 1976 г. сократилась с 112 млн. до 99 млн. га, тогда как население за этот период возросло с 600 млн. до 900 млн. человек. В КНР в течение этого двадцатилетнего периода, названного нынешней китайской прессой «два потерянных десятилетия», систематически снижалось обеспечение населения продовольствием, промышленности — сырьем. Происходило обнищание народа. Главная причина этого — падение производительности труда как следствие материальной незащищенности трудящихся в результатах своего труда.

В результате разрушения народно-демократической общественной надстройки, созданной на основе Конституции 1954 г. и замены ее военно-бюрократическим аппаратом возник глубокий антагонизм в отношениях между обобществленными средствами производства и военно-бюрократической надстройкой, сделавшей целью производства не повышение уровня жизни народа, а милитаризацию. Противоречия между базисом и надстройкой привели к обострению социального кризиса в стране, породившему перманентную политическую нестабильность.

Внешняя политика. Разоблачению антисоветского великоханьского урса китайского руководства были посвящены монографии, брошюры, журнальные статьи, в том числе двухтомная монография «Внешняя политика и международные отношения КНР» (т. I — 1949—1963; т. II — 1963—1973) под общей редакцией Г. В. Астафьева и А. М. Дубинского.

Внешней политике КНР посвящены также крупные монографии доктора исторических наук М. С. Капицы «КНР: два десятилетия — две политики» (1969), «КНР: три десятилетия, три политики» (1979) и др.

Советско-китайские отношения. В разработке этой темы принимали активное участие доктора исторических наук О. Б. Борисов и Б. Т. Колосков. Их монография «Советско-китайские отношения» вышла в свет тремя изданиями на русском и ряде иностранных языков.

Институтом были также подготовлены «История торгово-экономических отношений народов России с Китаем» (до 1917 г.), изданная в 1974 г., и «История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974 гг.)», изданная в 1977 г. В этих монографиях характеризуются вековые торговые связи между двумя соседними странами, обусловившие их устойчивые добрососедские отношения, а также дается историко-юридическое обоснование правомерности существующей советско-китайской границы.

Антисоциалистическая сущность маоизма. Уже в 1969 г. Мао Цзэдун должен был убедиться в несостоятельности своих притязаний на утверждение маоизма в международном коммунистическом движении. На Московском совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. маоизм как чуждая марксизму-ленинизму идеология был отвергнут. «Маоизм, — говорил глава делегации Коммунистической партии Аргентины Родольфо Гюльди, — не представляет собой разновидности марксизма-ленинизма, а является антимарксистским, антиленин-

ским течением, выступающим, кроме того, на практике против единства антиимпериалистических сил, против мирового коммунистического единства, против социалистических завоеваний героического китайского народа»⁷.

Если маоисты не находили почвы среди марксистско-ленинских партий, то в реакционных кругах мира, среди апологетов империализма они встретили глубокое «понимание» и поддержку. Известный американский буржуазный синолог Стюарт Шрам в книге «Мао Цзэдун в масштабе истории», искажая историю китайской революции, советско-китайских отношений, объявил Мао Цзэдуна «ортодоксальным марксистом», а себя причислил «к числу верных учеников Мао»⁸. Взгляды «ортодокса» Мао использовались буржуазными синологами для дискредитации научного социализма.

Ученые института на основе детального анализа исторических документов, произведений и высказываний Мао Цзэдуна, его жизненного пути и политической практики издали в 1977 г. фундаментальную монографию «Идейно-политическая сущность маоизма». Авторский коллектив: С. Воеводин, Л. Гудошников, Е. Коновалов, Е. Ковалев, В. Кривцов, И. Наумов, Н. Сеннин, В. Сидихменов, М. Сладковский, М. Титаренко, В. Феоктистов, А. Яковлев. В монографии показывается научная несостоятельность причисления «идей» Мао к марксистской науке — диалектическому и историческому материализму, политической экономии; показаны эклектический образ его мышления, включающий элементы анархизма и волюнтаризма, его прагматический подход, меняющийся в зависимости от складывающейся политической ситуации, приемы использования тех или других концепций, революционных лозунгов, авторитета марксизма-ленинизма. Монография была издана на иностранных языках и получила признание научной общественности.

Третий период (1977—1981). В конце 1976 г. неурядицы в руководстве КПК обострились. Смерть Мао (9 сентября 1976 г.) разорвала «большой обруч», символизировавший «монолитное единство» маоистов. Страна к этому времени оказалась в состоянии глубокого и всестороннего кризиса народного хозяйства, обострившегося сильным землетрясением (28 июля 1976 г.) в районе Таншань-Фэнань, которое нанесло большой урон металлургической, угольной, электроэнергетической, цементной и другим отраслям промышленности и транспорту. Уход обожаемого «кормчего» вызвал брожение в стране, начали раздаваться критические голоса, выдвигались требования упорядочения народнохозяйственного управления, введения материального стимулирования, то есть все те требования, которые Мао Цзэдун и его приспешники называли «буржуазными», а их сторонников — «каппутистами».

В руководстве КПК началась борьба за власть. На траурном митинге протокольный ритуал оказывал предпочтение Цзян Цин и ее ближайшим сторонникам — Ван Хунвэню, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаню, которые в последнее десятилетие жизни Мао Цзэдуна были его ближайшими соратниками и исполнителями его воли.

В начале октября в Пекине разразилась политическая буря. Цзян Цин и три ее сподвижника были арестованы и объявлены «бандой четырех». Устранение «четверки» в Китае было встречено с надеждой на будущее, на смягчение военно-бюрократического режима, улучшение тяжелого положения трудящихся, оздоровление экономики, то есть на отказ от обанкротившегося курса Мао Цзэдуна.

⁷ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. М., 1969, с. 434.

⁸ См.: Мао Цзэдун в масштабе истории. Сборник статей (Д. Вильсон, Б. Шварц, Ст. Шрам и др.). Лондон — Нью-Йорк — Мельбурн, 1977.

Однако новое руководство КПК, возглавляемое выдвиженцем «культурной революции» Хуа Гофэном — земляком Мао Цзэдуна, вовсе не думало отменить маоцзэдуновский великоханьский курс. Более того, в целях упорядочения авторитета Хуа Гофэна в стране распространялись якобы сказанные Мао Цзэдуном в последние дни слова: «Власть в руках Хуа Гофэна — я спокоен». В то же время Хуа Гофэн уже не мог так свободно манипулировать властью, людьми. В народе его не знали, не было у него надлежащего авторитета и среди «ганьбу». Обстановка в стране также вынуждала пойти на определенные подправления режима, отказаться от некоторых левацких постулатов Мао. Выход из такой противоречивой ситуации, когда наследники Мао должны были отказаться от его наследства, был найден. Всю вину за кризис в стране новое руководство решило возложить на «банду четырех», но основные цели маоцзэдуновского стратегического курса — внутри страны форсировать милитаризацию, во внешних делах добиваться утверждения великоханьского гегемонизма, вести борьбу с силами, препятствующими достижению великоханьских устремлений, прежде всего против СССР и стран социалистического содружества, — сохранить.

Необходимость смягчить экономический кризис, удержать от дальнейшего падения уровень материального обеспечения народа требовала от нового руководства отказа от обанкротившихся и явно мешавших развитию страны постулатов Мао. Меры по оздоровлению экономики, декларированные новым руководством, включают использование материального стимулирования труда, передового иностранного опыта. Было признано, что экономические задачи требуют первоочередного решения, и забыт принцип «политика — командная сила». Несмотря на то что именно эти отменяемые постулаты определяли приущий Мао левацко-революционистский образ мышления, который сновывался преимущественно на его «яньаньском опыте», авторство в введение их в практику приписывались «банде четырех». Такие маневры давали тот или иной эффект, но вместе с тем приносили политический проигрыш Хуа Гофэну и укреплявшему свои позиции Дэн Сяопину. В китайском обществе «непогрешимость» Мао была опровергнута. Критика прежнего маоцзэдуновского курса стала расширяться. Встал вопрос о террористической «культурной революции», об ответственности тех, кто виновен в массовых убийствах, разрушении конституционной народной власти. «Культурная революция» выносилась на общественный суд, что не могло не затронуть многих руководителей — Хуа Гофэна, Ван Дунсина и др.

В этой сложной, нестабильной обстановке в августе 1977 г. был проведен XI съезд КПК. В отчетном докладе ЦК КПК, сделанном Хуа Гофэном, и в резолюции съезда Хуа Гофэну и его ближайшим соратникам удалось не только подтвердить авторитет Мао, но и провозгласить его «самым великим марксистом нашего времени». Хуа Гофэн и прославлял «культурную революцию», и по-маоцзэдуновски к врагам КПК причислял Лю Шаоци. Приведя высказывания Мао Цзэдуна о задачах «великой пролетарской культурной революции» по разгрому «лиц в партии, которые идут по капиталистическому пути», Хуа причислил и Лю Шаоци к «неисправимым каппутистам», разгромленным в ходе «великой пролетарской культурной революции».

XI съезд принял обширную экономическую программу «четырёх модернизаций», выполнение которой должно было к концу столетия вывести Китай в число передовых стран мира. Решения XI съезда КПК по внешней политике полностью повторяли установки Мао Цзэдуна. Был подчеркнут тезис об «оборонительном характере» американского империализма, что оправдывало осуществлявшееся китайско-американское сближение. Было заявлено, что «Советский Союз рвется к экспансии», «наступает» и, следовательно, представляет «большую опасность».

Экономическая программа, выдвинутая XI съездом КПК и утвержденная I сессией ВСНП пятого созыва (февраль — март 1978 г.), была рассчитана на использование в больших масштабах иностранного капитала, передового иностранного оборудования и технологии. За кредитами и займами бросились наперегонки в Западную Европу и США и «мудрый вождь» Хуа Гофэн (так назвал его на съезде Дэн Сяопин), выдвиженец «культурной революции», и вновь подымавшийся к вершинам власти Дэн Сяопин. Выпрашивая займы, как Хуа в Западной Европе, так и Дэн в США клялись новым союзникам в своей непреклонной решимости вести непримиримую борьбу с Советским Союзом, заверяли в своей солидарности и НАТО, и администрацию Картера, в готовности совместно участвовать и в «холодной» и при необходимости в «горячей» войне против СССР. Дэн Сяопин, чтобы придать большую убедительность демонстрации своих симпатий к нравам янки, даже прошелся по Бродвею в ковбойской шляпе.

Антисоветизм в переговорах Хуа и Дэна с западными партнерами служил своеобразным средством платежа за кредиты, гарантией согласованной политической платформы. По-другому выглядело декларированное съездом «монолитное единство» руководства КПК во внутренних вопросах. Миллиардные иностранные займы предназначались не на развитие жизненно необходимых отраслей экономики, в том числе сельского хозяйства, но на военные цели, то есть на то, что истощало экономику и привело к глубокому кризису. По экономическим вопросам в руководстве КПК выявились разногласия. Критику вызвало прославление Хуа Гофэном «культурной революции» и повторение на съезде упреков в адрес Лю Шаоци. В декабре 1978 г. состоялся III пленум ЦК КПК (одиннадцатого созыва). Дальнейшие события показали, что решения XI съезда фактически были дезавуированы, Лю Шаоци был посмертно реабилитирован и назван «выдающимся пролетарским деятелем».

Вопреки решениям XI съезда «культурная революция» подверглась суровому осуждению, а общественность требовала наказания виновников массовых репрессий, раздавались прямые обвинения и в адрес Мао Цзэдуна. Такая критика находила поддержку и среди китайских руководителей, подвергавшихся репрессиям в годы «культурной революции». На III пленуме ЦК КПК была создана Комиссия по проверке дисциплины, которая занялась и вопросами реабилитации. Комиссию возглавил Чэнь Юнь, и в нее вошли пострадавшие в годы «культурной революции» Ху Яобан, Хуан Кэчэн и др. Таким образом, «культурная революция» была осуждена и ЦК КПК. В то же время, чтобы уберечь Мао Цзэдуна от обвинений в руководстве террором, III пленум призвал партию и народ «научно осмысливать великие заслуги товарища Мао Цзэдуна».

Урон авторитету Мао в связи с реабилитацией посмертно Пэн Дэхуая, Лю Шаоци и многих других, расправа над которыми была учинена по личному указанию Мао, китайское руководство постаралось возместить активизацией главного направления маоцзэдуновской стратегии — великоханьского курса на международной арене. Дэн Сяопин, установивший личные контакты с высшими руководителями США и отодвинувший Хуа Гофэна на второй план, взял курс на союзнические отношения с США — поддержку глобальной антикоммунистической стратегии американского империализма.

Последующие события дали миру достаточные доказательства сговора Пекина с США. Этот сговор подтвержден согласованным с американцами нападением китайских войск на СРВ и совместным пособничеством бандам изгнанных из Афганистана реакционеров и многими другими авантюрами. В антисоветском угаре китайские руководители поощряют свой народ выполнять роль ударной бригады американского империализма, идти в его упряжке. Продолжение курса на обострение

международной напряженности и в конечном итоге на войну поглощает значительную массу материальных ресурсов страны, недостаточность которых не позволяет стабилизировать экономику, выработать программу социально-экономического развития. Нынешнему руководству КНР удается, несмотря на оппозиционные выступления, удерживать страну в рамках великоханьской стратегии, усилить свой антисоциалистический курс в международных делах.

Оценивая развитие событий в Китае в минувшие годы, Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС сказал: «Опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятилетия — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике.

Сами нынешние руководители Китая называют порядки в своей стране периода так называемой культурной революции «жесточайшей феодально-фашистской диктатурой». Нам нечего добавить к такой оценке.

Во внутренней политике Китая происходят сейчас изменения. Истинный смысл их еще покажет время. Оно покажет, в какой мере нынешнему китайскому руководству удастся преодолеть маоистское наследие. Но о каких-либо переменах к лучшему во внешней политике Пекина, к сожалению, пока говорить не приходится. Она по-прежнему нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма. Это, конечно, не вернет Китай на здоровый путь развития. Империалисты друзьями социализма не будут.

За готовностью США, Японии, ряда стран НАТО расширять военно-политические связи с Китаем кроется простой расчет — использовать его враждебность к Советскому Союзу, к социалистическому содружеству в своих собственных империалистических интересах. Рискованная игра!

Ну а что касается китайского народа, то мы глубоко убеждены: его подлинным интересам отвечала бы политика мира, только политика мира и нормальных отношений с другими государствами⁹.

Руководствуясь решениями нашей партии, институт продолжал научно-исследовательскую работу по разоблачению фальсификаций маоистов, критику их антисоциалистической теории и практики, вел разработку основных проблем современного Китая.

История русско-китайских и советско-китайских отношений. По мере расширения сговора с империалистическими государствами китайское руководство в 1977—1978 гг. развернуло массовые антисоветские, антирусские кампании и в обоснование своих клеветнических измышлений наводняло книжный рынок Китая и западных стран литературой, грубо фальсифицирующей всю историю отношений нашего народа с Китаем. Маоистские историки старались внушить китайскому народу мысль об «извечной враждебности» русских в отношении китайцев, убедить их, что не Англия, а Россия — виновник колониального порабощения Китая и т. д. Ученые института разоблачали маоистские фальсификации на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока»: «Идейное банкротство пекинских лжеисториков» (1978, № 4), «Фальсификация всемирной истории» (1979, № 3) и др. Одновременно продолжалась углубленная разработка двухтомной истории русско-китайских и советско-китайских отношений (т. I — до 1970 г.), (т. II — с 1970 по 1981 г.), подготовка которых была закончена к началу 1981 г. Научное исследование истории агрессии Англии в Китае и, следовательно, разоблачение маоистских оправданий Англии осуществлено институтом в монографии «Китай и Англия», изданной в 1980 г.

⁹ «Материалы XXVI съезда КПСС». М., 1981, с. 10—11.

Роль Советского Союза в создании Маньчжурской революционной базы показана в монографии О. Борисова, изданной в 1977 г.

Новейшая история Китая. В последнее пятилетие маоистские историки продолжали фальсификации новейшей истории своей страны, преувеличивали роль Мао, принижали роль СССР в победе китайской революции. В связи с этим в развитие краткой «Новейшей истории Китая», изданной в 1972 г., в минувшем пятилетии коллективом историков-китаеведов ИДВ к концу 1980 г. закончено составление трехтомной «Новейшей истории Китая» под руководством доктора исторических наук В. Глушина (т. I), доктора исторических наук В. Никифорова (т. II) и кандидата исторических наук К. Кукушкина (т. III). В этом труде изложены наши концепции и оценки основных этапов истории, политики, международных отношений Китая, дается научное освещение отдельных событий и роли КПК, Советского Союза в создании первичных основ социализма; дан также анализ внутренней и внешней политики КНР в последние «два потерянных десятилетия».

— В 1980 г. институтом была издана коллективная монография с участием ученых социалистических стран (Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, МНР, Польши, Чехословакии) «КНР. Краткий исторический очерк», посвященная 30-летию КНР.

Китай и «третий мир». Руководство КПК в последнее пятилетие активизировало экспансионистскую политику в отношении развивающихся стран, в первую очередь стран Юго-Восточной и Южной Азии. Была вытащена на свет маоцзэдуновская теория «трех миров». В этой теории отвергается марксистский, классовый принцип при оценке международных сил современности, игнорируется антагонизм между двумя основными противоборствующими силами — социализмом и империализмом — и мир делится по политическому и в определенной степени по географическому и расовому признакам. В первый мир маоисты зачисляли США и СССР — две сверхдержавы, «главные реакционные силы», причем тут же делалась оговорка, что империализм США занимает оборонительную позицию, и, таким образом, страны «двух миров» фактически должны вступить в союз для борьбы только против Советского Союза. В этом главный смысл маоистской теории «трех миров».

Практическая политика Пекина в отношении развивающихся стран сводится к тому, чтобы изолировать их от СССР и государств социалистического содружества. Препятствуя связям социалистических стран с развивающимися, которые в первую очередь заинтересованы в экономических связях, КНР сама не в состоянии удовлетворять экономические запросы этих стран. Следовательно, на деле маоисты расчищали путь в «третий мир» империалистическим государствам.

Коварная и достаточно маневренная политика Пекина в отношении стран «третьего мира» потребовала всестороннего анализа теоретических концепций и практики маоистов, разоблачения их истинных гегемонистских устремлений против развивающихся стран. К концу 1980 г. авторский коллектив ИДВ (редакционная коллегия: В. А. Кривцов, Г. В. Астафьев, А. М. Дубинский, В. А. Барышников и И. А. Рогачев) закончил подготовку двухтомной монографии «Китай и развивающиеся страны в 70-е годы», которая будет издана в 1982 г.

На эту же тему институт провел в апреле 1980 г. научную конференцию с участием ученых-китаеведов социалистических стран (Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, МНР, Польши), и на основе докладов в 1981 г. была издана коллективная монография «Гегемонистская политика Китая — угроза народам Азии, Африки, Латинской Америки».

Теория «единой китайской нации» — обоснование великоханьского гегемонизма. На XI съезде КПК Хуа Гофэн выступил с обвинением «банды четырех» в фальсификациях истории Китая — в преувеличении ро-

ли «императриц» и принижении роли «первых министров» — и призвал к исправлению истории и возвеличению Китая.

После съезда в Китае развернулась кампания по пронагандированию теории «единой китайской нации»¹⁰, смысл которой сводился к тому, что стволем этнического дерева являются ханьцы (китайцы), а все другие народности, населяющие Китай в границах древних империй Хань, Тан (а значит, включая монголов, корейцев, вьетнамцев и другие народы Индокитая), являются лишь ветвями дерева, то есть единой китайской нации. На основе этой теории маоистские историки к «ханьскому дереву» начали причислять древних гуннов, народности монгольской державы Чингисхана и делать вывод, что китайцы, как наследники гуннов и Чингисхана, вправе претендовать и на территории, завоеванные этими древними правителями.

Теория «единой китайской нации» является теорией великоханьского гегемонизма, и именно на ней основываются «объяснения», почему весной 1979 г. Дэн Сяопин и его сподвижники «имели право преподать урок Вьетнаму» — «ветви китайского дерева». Институт выступил организатором проведения научных конференций с участием ученых МНР и СРВ (в Москве и Улан-Баторе), на которых была вскрыта абсолютная научная несостоятельность подобных «теорий», противоречащих официальным историческим трудам Китая, в том числе изданным в КНР видным историком Фань Вэньланем, и «Очеркам истории Китая» под редакцией Шан Юэ. По этим проблемам выпущены сборники на основе материалов конференции¹¹, опубликованы статьи в журнале «Проблемы Дальнего Востока»¹², а также издана монография доктора исторических наук Л. С. Переломова «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая».

Сотрудничество с Западом. Альянс маоизма с мировыми империалистическими и реакционными кругами направлен против мирового социализма, является прямым вызовом мировому коммунистическому движению. Противодействие этому враждебному марксизму-ленинизму течению вызвало необходимость сотрудничества института с китаеведческими центрами социалистических стран, коллективных исследований проблем Китая, совместных выступлений на научных конференциях и в прессе. Была достигнута договоренность о проведении совместных научных конференций по актуальным проблемам Китая с целью раскрытия не только антимарксистской сущности маоизма, но и пагубных последствий его политики и практики для революционных завоеваний китайского народа.

В 1977—1981 гг. были проведены следующие научные конференции китаеведов СССР и социалистических стран:

Место проведения	Тема конференции	Время проведения
СССР	Проблемы новейшей истории Китая	Апрель 1977 г.
Венгрия	Китай после смерти Мао	Январь 1978 г.
МНР	Маоизм и национальный вопрос	Май—июнь 1979 г.
Чехословакия	Роль и место КНР в глобальной стратегии империализма	Ноябрь 1980 г.
СССР	Опыт и уроки истории КПК (к 60-летию КПК)	Апрель 1981 г.

¹⁰ 20—28 марта 1978 г. в Пекине была проведена Расширенная конференция, посвященная вопросам изучения истории неханьских народов, населяющих Китай (см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 2).

¹¹ «Маоизм и национальный вопрос». — Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. М., 1980, № 17.

¹² См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 2.

Китаеведы Института Дальнего Востока и Института востоковедения АН СССР являются членами Европейской ассоциации китаеведов и принимают участие в международных конгрессах этой организации, проводимых каждые два года. На конгрессах 1976 г. (Франция), 1978 г. (Италия), 1980 г. (Швейцария) советские китаеведы и китаеведы европейских социалистических стран (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии) выступали с докладами по современным проблемам Китая, разоблачали антисоциалистическую сущность маоизма, противоречащего коренным интересам китайского народа.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока». С 1972 г. началось издание ежеквартального научно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» — органа Института Дальнего Востока АН СССР. Журнал издается на четырех языках: на русском, с 1973 г. на английском и японском и с 1979 г. на испанском. В журнале публикуются зарубежные ученые и политические деятели, руководители дальневосточных краевых и областных комитетов КПСС, ЦК Компартий среднеазиатских республик, Казахстана. За десять лет существования журнала на его страницах было опубликовано свыше четырех тысяч статей, посвященных актуальным проблемам Китая, Японии, успехам социалистического строительства в МНР, СРВ, КНДР, отношениям СССР и социалистических стран с Китаем, разоблачению великоханьского курса Пекина, внутривосточному и экономическому положению Китая. Советские и иностранные ученые выступали в журнале с разоблачением раскольнической, враждебной социализму деятельности маоистов. Журнал способствовал деятельности ИДВ в области установления контактов с центрами зарубежной науки и всеми важнейшими востоковедческими учреждениями, библиотеками социалистических стран и Запада.

* * *

Борьба с враждебным научному социализму маоизмом, разоблачение курса Пекина, опасного делу мира, революционным завоеваниям китайского народа, банкротство маоцзэдуновского курса, приведшего Китай к глубокому социально-экономическому кризису, остается актуальной задачей. Нынешнее руководство КНР продолжает цепляться за маоизм, пытаясь увековечить его.

VI пленум ЦК КПК, состоявшийся в июне с. г., принял «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», посвященное оценке роли Мао Цзэдуна и его «идей» в истории маоизма. Авторы «Решения» не могли не считаться с неопровержимыми фактами катастрофических последствий «большого скачка», трагедии террористической кампании «культурной революции», разгрома партийных и общественных организаций, имевшими место в течение последних двадцати лет жизни Мао Цзэдуна — в условиях его культа личности и бесконтрольного самоуправства. Авторы вынуждены были отказаться от попытки взвалить ответственность за «культурную революцию» и другие правонарушения на «банду четырех». Они признали, что «главная ответственность за столь серьезную левацкую ошибку всеобщего и длительного характера, какой явилась «культурная революция», лежит на товарище Мао Цзэдуне»¹³. Однако преступления Мао, совершенные и в годы «культурной революции», и в предшествующее десятилетие, авторы квалифицируют лишь как «ошибку» и утверждают, что «заслуги его перед китайской революцией в значительной степени пре-

¹³ О решении ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. (Сообщение Синьхуа от 1 июля 1981 г.).

обладают над проступками». Они, таким образом, порицают Мао лишь за последний этап его жизни, хотя и признают, что он охватывает 20 лет. Замалчивая и искажая историю, они пытаются убедить общественность в правильности курса Мао в остальные годы его политической деятельности.

В действительности же террор, насилия, к которым прибегал Мао в последние 20 лет пребывания у власти, не случайные эпизоды, не «ошибки». В них проявляются характерный стиль и методы руководства, обнаруживавшиеся на всех этапах его деятельности. Авторы расхваливают яньаньские «подвиги» Мао, вошедшие в историю под названием «чжэнфэн», но ведь известно, что эта террористическая кампания против китайских коммунистов-интернационалистов была, по существу, первой «культурной революцией» в истории КПК. Авторы не случайно не только не порицают, но и восхваляют «чжэнфэн», и лишь потому, что некоторые из нынешних руководителей КПК были подручными Мао, вместе с «кормчим» понуждали руководящих работников подписывать «исповеди» (отречения от «московских взглядов»), а отказывавшихся от маоистского «исповедования» уничтожали¹⁴.

В истории КПК известны и другие кровавые деяния Мао Цзэдуна — так называемые «футяньские события», относящиеся к концу 1931 г., когда Мао Цзэдун, желая утвердить свое лидерство в организациях КПК в советских районах провинции Цзянси, физически уничтожил почти 90 % партийного актива¹⁵. Разве эти «эпизоды», дополняющие «ошибки» Мао, не убеждают, что терроризм, насилие, своеволье были присущи Мао Цзэдуну на протяжении всей его политической биографии?

Авторы убеждают, что «идеи Мао Цзэдуна» являются «богатейшей духовной сокровищницей», «руководящими идеями партии», и пытаются свести эти идеи в «научную систему». Даже при первом чтении нельзя не заметить, что авторы прибегают к прямой фальсификации истории, приписывая Мао Цзэдуну некоторые марксистские положения, против которых на деле Мао вел постоянную борьбу. В уста Мао авторы вкладывают многие правильные решения из «Генеральной линии КПК в переходный период (1949—1967)», из выступлений Лю Шаоци и других деятелей КПК на VIII съезде КПК (август 1956), пытаясь создать впечатление стройности, последовательности марксистских взглядов «кормчего».

Но ведь китайские коммунисты, общественность знают, что критика левацких загибов (построить социализм «в одно прекрасное утро») в Отчетном докладе ЦК КПК VIII съезду именно и направлялась против Мао, против его репетиции «большого скачка» в 1956 г., что исключение VIII съездом упоминания об «идеях Мао» и критика культа личности также относились к Мао, к периоду до «двух потерянных десятилетий».

Авторы правы в одном: сами они действительно остаются ортодоксальными последователями Мао, исполнителями его пагубного для Китая великоханьского стратегического курса. Начатое в 70-х годах под руководством Мао сближение с империалистическими кругами США, с мировой реакцией они не только продолжают, но и активизируют, обращают в военный союз с империализмом. Оставаясь верными идеям Мао, авторы прославляют нынешнюю внешнюю политику КНР, цель которой — создание в союзе с империализмом единого фронта против Советского Союза. Этот враждебный социализму, преступный по отношению к китайскому народу курс они объявляют «вершиной марксиз-

¹⁴ См.: Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975.

¹⁵ См.: Новейшая история Китая. М., 1972, с. 136.

ма». Авторы и остаются верными учениками Мао. Подобно Мао, они рассматривают китайский народ как лист «чистой бумаги», на котором «можно писать новейшие самые красивые слова».

Они и пишут. Ложь выдают за правду, маоизм — за марксизм и т. д. Но столь ли наивным, инертным, беспомощным является китайский народ, чтобы маонисты и дальше могли его обращать в орудие исполнения своих замыслов? Не захочет ли он стать творцом истории? «Во внутренней политике Китая, — говорил Л. И. Брежнев, — происходят сейчас изменения. Истинный смысл их еще покажет время. Оно покажет, в какой мере нынешнему китайскому руководству удастся преодолеть маонистское наследие».

Перед советским китаеведением по-прежнему стоит ответственная задача — продолжать углубленное, всестороннее изучение Китая, выяснять старательно упрятанный от китайского народа истинный смысл внешней и внутренней политики нынешнего руководства КПК, анализировать реальные условия, складывающиеся в Китае, и объективные закономерности, которые в конце концов и будут определять судьбу страны.

Мы уверены, что время не подтвердит расчеты авторов «Решения» на увековечение маоизма. В Китае победит подлинный, научный коммунизм.

Внешняя политика КНР в исследованиях Института Дальнего Востока

*А. Г. Яковлев,
кандидат экономических наук*

Чрезвычайно воинственная и откровенно провокационная политика на международной арене, которую Пекин начал проводить на рубеже 50—60-х годов, естественно, вызвала глубокую озабоченность и настороженность компартий мира, в том числе КПСС. Революционаристский авантюризм в вопросах борьбы с империализмом, поразительная безответственность в трактовке проблем войны и мира, великодержавно-чванливое отношение к задаче сплочения социалистических и других революционных сил современности — все эти левацкие проявления авангардистско-гегемонистских устремлений группы Мао Цзэдуна, пытавшейся извратить генеральную линию международного коммунистического движения и навязать ему свою «особую», антимарксистскую позицию, требовали разоблачения и решительного отпора со стороны международных сил научного социализма.

Так называемая «особая» позиция китайского руководства, изложенная в развернутом виде 14 июня 1963 г. в Предложении о генеральной линии международного коммунистического движения, была всесторонне проанализирована и подвергнута принципиальной критике в Открытом письме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза от 14 июля 1963 г. Этот документ ЦК КПСС, содержащий тщательно взвешенную оценку характера эволюции идейно-политической платформы лидеров КПК с конца 50-х годов, получил всеобщее одобрение партии и советских трудящихся, встретил широкую поддержку в международном коммунистическом движении.

Состоявшийся в феврале 1964 г. Пленум ЦК КПСС вскрыл истоки раскольнического курса пекинских руководителей, указал на повышенную опасность маоистского мелкобуржуазно-националистического уклона. Отметив, что великодержавные цели становятся движущей пружиной действий Пекина на международной арене, Пленум подчеркнул реальную возможность смыкания китайского руководства с реакционными, воинственными элементами империализма. В материалах Пленума констатировалось завершение начального этапа формирования раскольнической платформы группировки Мао Цзэдуна. Этот этап отмечен перерастанием расхождений между указанной группировкой и международным коммунистическим движением в разногласия по всем коренным вопросам, а также тем, что Пекин перенес идеологическую борьбу в область международных отношений, практической политики социалистических стран и коммунистических партий¹.

Каждый последующий этап эволюции «особой» позиции китайских социал-шовинистов, их внешнеполитического курса подвергался тщательному рассмотрению и оценке в документах пленумов ЦК КПСС,

¹ См.: За сплоченность международного коммунистического движения. Документы и материалы. М., 1964, с. 251, 245—247, 163.

в материалах и решениях XXIII, XXIV, XXV и XXVI съездов партии, заявлениях Советского правительства, выступлениях Л. И. Брежнева и других руководителей КПСС и Советского государства.

Глубокий и развернутый анализ причин и характера эволюции внешнеполитической линии руководства КНР, объективных последствий этой эволюции для развития мирового освободительного процесса содержится в соответствующих документах съездов компартий социалистических стран, региональных встреч коммунистических и рабочих партий, имевших место в 60—70-х годах, а также в материалах всемирного форума коммунистов, состоявшегося в 1969 г.

Коллективно вырабатываемая и корректируемая позиция братских партий по китайской проблеме неизменно служит для обществоведов марксистско-ленинского направления, для ученых-международников социалистического содружества концептуальным ориентиром в разработке вопросов, связанных с политикой пекинских гегемонистов.

Идейно-теоретическое поражение маоизма стало вполне очевидным уже в середине 60-х годов. Своим открытым разрывом с международным коммунистическим движением Пекин фактически сам признал это. Но, конечно же, главным свидетельством краха маоистских попыток подчинить своим эгоистическим интересам основные силы мирового революционного процесса явился тот факт, что «ультрареволюционная» платформа маоизма получила ничтожную и большей частью кратковременную поддержку со стороны отдельных компартий. Уже в середине 60-х годов Пекин вынужден был отказаться от надежды сплотить вокруг своей платформы хоть сколько-нибудь значительное число компартий мира и стран социалистической системы.

Однако сам факт идейного банкротства маоизма как некоего нового течения внутри международного коммунистического движения отнюдь не означал исчезновения проблем, которые возникли вследствие резкого изменения расстановки сил в руководстве КПК в пользу мелкобуржуазно-националистических элементов. В новых социально-политических условиях Китая маоизм стал формой бурного оживления традиционной идеологии великокитайского шовинизма. Именно ее в свое время передовая общественная мысль КНР квалифицировала как самое плохое наследие прошлого². К середине 60-х годов достаточно ясно выявилась способность маоистского социал-национализма паразитировать на движении китайского народа к социальной справедливости, на его законном стремлении к повышению роли китайского государства в мировой политике.

Как отмечалось на декабрьском (1966) Пленуме ЦК КПСС, события в Китае показали, что великодержавная, антисоветская политика китайских руководителей вступила в новую опасную фазу. В постановлении Пленума, принятом по докладу Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения», указывалось: «Курс, который нынешние руководители КПК проводят на международной арене, их политика по отношению к социалистическим странам, враждебная кампания против нашей партии и советского народа и раскольнические действия в международном коммунистическом движении — все это не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Такая политика, такие действия наносят ущерб интересам социализма, международного рабочего и освободительного движения, социалистическим завоеваниям самого китайского народа и объективно оказывают помощь империализму»³.

² См.: «Гуанмин жибао», 22.XII.1961.

³ «Правда», 14.XII.1966.

Создание Института Дальнего Востока в 1966 г. во многом и было предопределено необходимостью комплексного изучения проблем Восточной Азии в контексте ситуации, складывавшейся под влиянием регрессивных внутривнутриполитических тенденций в Китае. Резкий поворот Пекина от дружбы с СССР и другими социалистическими странами к открытой тотальной конфронтации с ними требовал систематического изучения внешнеполитических концепций, стратегии и тактики маоизма в тесной увязке с исследованием характера внутренних процессов в КНР, связанных с превращением маоизма в официальную идеологию китайского государства.

Внешнеполитические аспекты деятельности маоистского руководства, как наиболее острые и актуальные, непосредственно затрагивающие интересы международных социалистических сил, закономерно привлекли с самого начала особое внимание советского и вообще марксистского китаеведения. Им в 60-е годы посвящалась большая часть публикаций по современному Китаю в советской общественно-политической и академической периодике. Советские китаеведы-международники активно участвовали в разработке этих аспектов. Однако, как отмечалось на Всесоюзной научной конференции китаеведов в ноябре 1971 г., «направление китаеведческой науки, изучающее отношения Китая с внешним миром, в последнее десятилетие только набирало силы, обрело определенные организационные формы»⁴. Вместе с тем в материалах упомянутой конференции подчеркивалось: «... если говорить не только об изданных трудах, а и о масштабах проведенных исследований в целом, результаты которых зафиксированы в других формах продукции, то за последние 6—7 лет выполнена весьма значительная работа, которая создала фактологические, документальные, концептуальные заделы и первоначальную основу для обобщающих трудов, а также монографий по некоторым наиболее важным аспектам внешней политики Китая»⁵.

В период становления ИДВ группой его сотрудников была подготовлена монография «Китай сегодня» (М., 1969), внешнеполитическая часть которой наряду с опубликованными в 1968—1969 гг. книгами М. С. Капицы⁶ давала обобщенное представление советского китаеведения о внешней политике и внешних связях КНР, содержала попытку выработать детализированную периодизацию двадцатилетней истории отношений между СССР и КНР как основу для определения этапов эволюции политики Пекина в отношении внешнего мира в целом⁷.

Вполне естественно, однако, что из специальных работ ИДВ по проблемам внешней политики КНР первой увидела свет монография «Ленинская политика СССР в отношении Китая» (М., 1968). После книги М. С. Капицы⁸, опубликованной в 1958 г., она впервые давала целостную картину советско-китайских отношений, начиная с 1917 г. Авторский коллектив, возглавлявшийся членом-корреспондентом АН СССР

⁴ Проблемы советского китаеведения. Сборник докладов Всесоюзной научной конференции китаеведов, состоявшейся в ноябре 1971 г. М., 1973, с. 54.

⁵ Там же.

⁶ М. С. Капица. Левее здравого смысла. О внешней политике группы Мао Цзэ-дуна. М., 1968; его же. КНР: два десятилетия — две политики. М., 1969.

⁷ С проблемой периодизации в дальнейшем сталкивались практически все авторы крупных советских работ по внешней политике КНР. Примененные ими варианты периодизации отличаются друг от друга в основном степенью дробности периодов и этапов эволюции внешнеполитического курса Пекина. Рассмотрению принципов периодизации специально посвящены работы сотрудников ИДВ А. М. Дубинского, Д. М. Поспелова и А. Г. Яковлева (см.: Внешняя политика и международные отношения КНР, т. 1. М., 1974, Введение; Третья научная конференция по проблемам истории Китая в новейшее время. Тезисы докладов. М., 1978; Информационный бюллетень ИДВ АН СССР, М., 1979, № 12, вып. 1).

⁸ М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М., 1958.

М. И. Сладковским, на большом фактическом материале, значительная часть которого была почерпнута из ведомственных архивов, конкретно и предметно раскрыл выдающуюся роль Советского Союза в обеспечении победы китайской революции, в переходе Китая на социалистический путь и его успешном продвижении по этому пути до начала маоистских экспериментов с «большим скачком» и народными коммунарами в 1958 г. Самый обширный раздел монографии, написанный О. Б. Борисовым и Б. Т. Колосковым, заложил надежную основу для дальнейшей проработки этими учеными всего комплекса вопросов отношений между двумя странами в последние тридцать с лишним лет. Их монография «Советско-китайские отношения», три издания которой вышли в свет соответственно в 1971, 1977, 1980 гг., и примыкающее к ней исследование О. Б. Борисова «Советский Союз и маньчжурская революционная база»⁹ убедительно показали последовательный интернационализм и бескорыстие политики Страны Советов в отношении революционных сил китайского народа и созданного ими нового китайского государства. В них дан обстоятельный анализ истоков и этапов превращения антисоветизма в стержень враждебной делу социализма маоистской внешней политики, показана длительная и настойчивая борьба советской стороны за сохранение братских и добрососедских отношений с КНР в условиях сползания китайского руководства на великодержавно-гегемонистские позиции, на позиции открытого военно-политического альянса с империализмом и реакцией.

Фактологические и концептуальные заделы, созданные к концу 60-х годов учеными-международниками ИДВ, позволили резко увеличить масштабы публикаций по внешнеполитической тематике в 70-е годы, чему в немалой степени способствовала также организация при институте ежеквартального журнала «Проблемы Дальнего Востока», первый номер которого вышел в свет в 1972 г.

* * *

В поле зрения ИДВ с самого начала находился обширный круг вопросов международной обстановки в Восточной Азии, результаты изучения которых получили отражение в ряде работ, прежде всего в двухтомной монографии «Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы» (М., 1978), подготовленной коллективом сотрудников ИДВ под руководством академика Е. М. Жукова, члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского, докторов наук Г. В. Астафьева и М. С. Капицы¹⁰, а также в некоторых других работах, особенно в многочисленных статьях, опубликованных сотрудниками института в различных сборниках и периодических изданиях, в частности в журнале «Проблемы Дальнего Востока»¹¹.

⁹ О. Б. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945—1949). К 30-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1975.

¹⁰ В том же году в Хабаровске вышла в свет «История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977» (главный редактор — член-корреспондент АН СССР С. Л. Тихвинский). Работа над обеими книгами велась параллельно коллективами московских авторов, находившихся в постоянном рабочем контакте. В результате монографии получились не дублирующими, а дополняющими друг друга.

¹¹ См., например: А. П. Марков. Япония: курс на вооружение. М., 1970; Г. Г. Кадымов. Индокитай во внешнеполитической стратегии империалистических государств. — «Проблемы Дальнего Востока» (далее «ПДВ»), 1972, № 2; его же. Индокитай и проблемы безопасности в Юго-Восточной Азии. — «ПДВ», 1974, № 4; М. И. Дальнев. Некоторые проблемы Малайзии. — «ПДВ», 1973, № 2; И. Я. Бедняк и А. М. Дубинский. Вклад СССР в разгром милитаристской Японии. — «Вопросы истории», 1975, № 9; В. Б. Воронцов, Д. Т. Капустин. Коллективная безопасность в Азии. История и современность. — «ПДВ», 1975, № 4; Д. Т. Капустин. Южная Корея в дальневосточной политике США. — «ПДВ», 1977, № 4; М. И. Слад-

В центре внимания специалистов-международников ИДВ с самого начала оказался именно внешнеполитический курс Пекина, вызывавший серьезное ухудшение обстановки не только в азиатско-тихоокеанском регионе, но и во всем мире. Естественно, что все крупные работы по вопросам глобальных и региональных международных отношений, вышедшие в СССР во второй половине 60-х и в 70-е годы, также не могли не касаться внешней политики Китая. Она получила детальное освещение в ряде специальных монографических исследований¹². Ее анализу были посвящены многочисленные статьи в «Правде», в журналах «Коммунист», «Вопросы истории КПСС», «Международная жизнь», в периодических изданиях таких академических институтов, как Институт мировой экономики и международных отношений, Институт США и Канады, Институт востоковедения, Институт Африки и др.

В рамках систематической работы, проведенной соответствующими отраслями советского обществоведения по исследованию идейно-политической сущности маоизма и его внешнеполитических концепций, эволюции его внешнеполитической стратегии, свое место занимает и научная продукция Института Дальнего Востока, в структуре которого за пятнадцать лет сформировался сравнительно крупный коллектив специалистов-международников. В их числе заслуженный деятель науки РСФСР Г. В. Астафьев, доктора наук И. Я. Бурлингас, А. М. Дубинский, А. П. Марков, В. С. Мясников, Д. В. Петров, большая группа старших и младших научных сотрудников. За время существования института прошло подготовку через аспирантуру значительное число молодых исследователей. Изучение внешней политики Китая и международных отношений на Дальнем Востоке с самого начала ведется в ИДВ под непосредственным руководством члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского и доктора исторических наук В. А. Кривцова.

Осуществленные в ИДВ научные разработки по широкому кругу эпросов внешней политики Китая и положения в дальневосточном регионе легли в основу ряда опубликованных институтом монографий, также соответствующих разделов издаваемого им комплексного ежегодника «Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология» (1973—1978). Наиболее общие, концептуальные аспекты этих разработок отражены в монографиях «Внешняя политика КНР. О сущности внешнеполитического курса современного китайского руководства» (М., 1971), «Внешняя политика и международные отношения КНР» (т. 1—2. М., 1974), а также в работе «Идейно-политическая сущность маоизма» (М., 1977), шестой раздел которой посвящен внешнеполитическому курсу Пекина. Общая оценка эволюции внешней политики КНР, характеристика классового содержания этой политики на разных

ковский. Международное значение опыта монгольского народа в строительстве социализма. — «ПДВ», 1978, № 4; Ю. И. Огнев. Проблема упрочения мира на Корейском полуострове. — «ПДВ», 1979, № 4; Д. В. Петров. Милитаризация Японии — угроза миру в Азии. — «ПДВ», 1980, № 1; Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Японии. — Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. М., 1981, № 23, и др.

¹² Имеются в виду, в частности, следующие труды: упомянутые выше работы М. С. Капицы «Левее здравого смысла» и «КНР: два десятилетия — две политики»; его же. КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979; С. Г. Юрков. Пекин: новая политика? М., 1972; М. Ильин. Маоизм — подрыв дела социализма и мира. М., 1973; его же. Маоизм — идеология и политика войны. М., 1979; О. Владимиров, В. Рязанцев. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М., 1975; Внешнеполитические концепции маоизма (Правовые аспекты). М., 1975; Ф. Бурацкий. Мао Цзэдуна: «Наш коронный номер — это война, диктатура». М., 1976; Основные аспекты китайской проблемы. 1965—1975. М., 1976; Б. Т. Колосков. Внешняя политика Китая. 1969—1976. Основные факторы и ведущие тенденции. М., 1977; С. Г. Юрков. Азия в планах Пекина. М., 1979; Пекин: курсом провокаций и экспансии. М., 1979; О. Е. Владимиров, М. А. Ильин. Эволюция политики и идеологии маоизма в 70-х—начале 80-х годов. М., 1980, и др.

этапах эволюции содержится и в изданных институтом очерковых работах «Новейшая история Китая. 1917—1970 гг.» (М., 1972) и «КНР. Краткий исторический очерк (1949—1979 гг.)». Последняя была подготовлена коллективом сотрудников ИДВ и соответствующих научных учреждений Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, ЧССР. Она вышла в свет в 1980—1981 гг. на русском языке и языках ряда указанных стран.

Особое внимание в ИДВ с самого начала уделялось изучению внешнеполитической стратегии пекинского гегемонизма. Помимо обобщающих работ, вопросы, связанные с ней, подвергались анализу в статьях сотрудников института¹³, а также в докладах, представлявшихся ими на различные, в том числе международные, научные конференции и симпозиумы. Часть этих докладов и статей, а также некоторые монографии ИДВ по вопросам внешней политики Китая и международных отношений на Дальнем Востоке в разное время переводились и публиковались как в социалистических, так и в капиталистических странах¹⁴. Кроме того, значительная часть трудов ИДВ, в том числе по внешней политике Китая, переведена и опубликована на ряде иностранных языков издательствами «Прогресс» и АПН. Некоторые из них были специально подготовлены институтом для зарубежного читателя. Более широкую международную аудиторию институт получает также и благодаря тому, что журнал «Проблемы Дальнего Востока» издается не только на русском, но и на английском, испанском и японском языках.

Важным и чрезвычайно трудоемким направлением исследовательской работы ученых-международников ИДВ на протяжении всех пятнадцати лет было изучение двусторонних отношений КНР с отдельными странами, а также политики Пекина в отношении социалистических, развитых капиталистических и развивающихся государств. Результаты этой работы частично зафиксированы в соответствующих монографиях и статьях, опубликованных в 70-е годы или переданных в последнее время в издательства. Среди них две капитальные монографии М. И. Сладковского — «Китай и Япония» (М., 1971) и «Китай и Англия» (М., 1980), монография В. Б. Воронцова «Китай и США: 60—70-е годы» (М., 1980). ИДВ с участием авторов из других институтов и учреждений подготовил и передал в издательство двухтомную работу «СССР и Китай» (название условное). Вопросам отношений КНР с тремя упомянутыми группами стран посвящены сборник статей «Китай и капиталистические страны Европы» (М., 1976), монография М. В. Фомичевой и А. С. Красильникова «Китай и Африка. Подрывная деятельность маоистов в Африке» (М., 1976). В 1981 г. в издательство передана двухтомная коллективная монография ИДВ «Китай и развивающиеся страны». Проблематика, связанная с политикой Пекина в отношении стран социалистической системы, в основном отражена в уже упоминавшихся монографиях ИДВ о внешней политике и международных связях Китая, в специальных статьях, а также в ежегоднике «КНР: политика, экономика, идеология»¹⁵. Разработка этой пробле-

¹³ После выхода в свет упомянутых монографий были опубликованы, в частности, следующие статьи: В. А. Кривцов. Внешнеполитическая стратегия маоистов. — «ПДВ», 1978, № 2; е го же. Антисоциалистический курс внешней политики КНР в отношении развивающихся стран. — «ПДВ», 1980, № 2; А. Г. Кручинин. От антиимпериализма к союзу с империализмом и реакцией. — «ПДВ», 1979, № 3; В. П. Ломыкин. Как понимать «параллельные действия» Пекина и Вашингтона. — «Проблемы мира и социализма», 1980, № 8.

¹⁴ Представление об этом, хотя и далеко не полное даже по периоду 1966—1976 гг., дает библиографический указатель «Научные труды сотрудников Института Дальнего Востока Академии наук СССР (1966—1976)». М., 1977.

¹⁵ Соответствующий раздел ежегодника на протяжении ряда лет готовит группа сотрудников ИДВ во главе с Д. М. Поспеловым. В издательстве «Мысль» сдана подготовленная Д. М. Поспеловым и Е. Д. Степановым монография «Антивьетнамская политика Пекина (60-е—начало 80-х годов)».

матки велась и ведется институтом в тесном сотрудничестве со специалистами ряда братских стран¹⁶.

На основе многолетних поисковых работ сотрудниками ИДВ подготовлено значительное число монографических исследований по различным аспектам внешней политики и внешних связей Китая, а также международных отношений в Восточной Азии. Часть из них была опубликована. Издательство «Наука» в 1979 г. выпустило в свет книгу А. П. Маркова «Послевоенная политика Японии в Азии и Китае. 1945—1977», в 1980 г. — книги Д. Т. Капустина «Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях», А. А. Козлова «Подрывная деятельность маоистов в Юго-Восточной Азии. 1963—1973», С. А. Манежева «Экономические отношения КНР со странами Юго-Восточной Азии». Издательство «Международные отношения» в 1980 г. опубликовало монографию Е. Д. Степанова «Экспансия Китая на море».

По необходимости краткий обзор части опубликованных исследований ИДВ по вопросам внешней политики Китая и международных отношений в Восточной Азии уже сам по себе, очевидно, дает определенное представление о масштабах и основных направлениях работы коллектива его ученых-международников. Однако это представление было бы далеко не полным без анализа той проблематики, на изучении которой ИДВ как научный страноведческий центр делал акцент, и в разработку которой внес свой наибольший вклад. Такой анализ, помимо всего прочего, позволяет коснуться содержания исследований, вылившихся не только в монографии, но и в статьи и другие формы научной продукции.

* * *

Совокупность научной продукции международников ИДВ — один из несомненных показателей быстрого развития и качественного роста отрасли советского китаеведения, нацеленной на изучение внешней политики Пекина. Опираясь на углубленные методологические разработки марксистского обществоведения, эта отрасль внесла важный вклад в научное обеспечение практической борьбы с идеологией и политикой современного китайского социал-шовинизма, в дело разоблачения фальсификаций, которыми Пекин (а теперь все больше и его империалистические партнеры) пытается маскировать великодержавную, гегемонистско-милитаристскую линию, изображать ее как якобы направленную исключительно на защиту «законных» интересов китайского государства, мира во всем мире и даже на отставание самой социалистической тенденции мирового развития.

Основные результаты научных изысканий специалистов-международников ИДВ, являющиеся органической частью достижений советского и всего марксистского китаеведения и востоковедения в изучении различных аспектов внешней политики Китая, а также более широких вопросов международной обстановки на Дальнем Востоке, можно, на наш взгляд, сгруппировать по следующим позициям.

1. Победа народной революции в Китае и его переход на социалистический путь были исторически закономерными и предопределили принятие им курса на всестороннее, тесное сплочение и сотрудничество с социалистическим лагерем. Это отражало общую объективную закономерность развития мирового социализма как единой политической и экономической системы. Успехи строительства нового общества в КНР

¹⁶ Результатом этого сотрудничества явился, в частности, сборник статей «КНР и социалистические страны» (Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. М., 1979. № 12. вып. 1).

на принципах научного социализма, детально показанные и объективно оцененные в трудах советских китаеведов, в том числе и сотрудников ИДВ, ярко высветили историческую правоту марксистско-ленинского положения о решающей роли поддержки победившего пролетариата в переходе отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию или стадию развитого капитализма. Выдающиеся итоги социалистического строительства в КНР до начала пресловутого «большого скачка», прямо и непосредственно связанные с ее тесным сотрудничеством с братскими странами, ныне известны во всем мире, и, в немалой степени, благодаря работам советских ученых. Уникальный для трех десятилетий существования КНР характер этих успехов теперь вынуждены признавать даже преемники Мао Цзэдуна. Эффективность продвижения Китая к социальной справедливости и благосостоянию на пути, указанном марксистско-ленинской наукой, на пути всемерного сплочения и сотрудничества с реальным социализмом, полностью подтверждена самой жизнью. Как и предсказывали марксисты, маоистские утопии о «скачке в коммунизм» при опоре на собственные силы и оригинальные китайские методы полностью провалились. Рушатся и новые иллюзии относительно подобного же скачка при опоре на «щедрую» помощь Запада. Смыкание с империализмом, подчеркнул Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС, «не вернет Китай на здоровый путь развития. Империалисты друзьями социализма не будут»¹⁷.

Осуществленный в ИДВ анализ программы «модернизации», выдвинутой преемниками Мао Цзэдуна, уже в 1978 г. привел к выводу о ее утопическом, опасном для национальных и социальных интересов китайского народа характере. Этот вывод зафиксирован в подготовленном сотрудниками ИДВ материале, помещенном затем в журнале «Проблемы Дальнего Востока». Авторы материала показали, что Китай не располагает необходимыми экспортными ресурсами для покрытия крупномасштабного притока техники и технологии с Запада, что получением чрезмерных и дорогостоящих кредитов Пекин «рискует поставить экономику КНР в зависимость от капиталистического мира». Если даже оставить в стороне эти обстоятельства, то, подчеркивали авторы упомянутого материала, массовые закупки западной техники на собственные и заемные средства при сохранении курса на милитаризацию страны «не могут дать большого экономического эффекта»¹⁸.

Сложный характер внутренних, прежде всего экономических, проблем Китая общеизвестен. Однако решение их, конечно же, не лежит, как издавна указывало марксистское обществоведение, на путях изоляции страны от внешнего мира. Оно тем более не лежит на путях тотальной конфронтации с ним, в особенности с социалистическим сотрудничеством, на путях губительной для китайского и опасной для других народов борьбы за великодержавные, гегемонистские цели. Вопреки шовинистическо-милитаристским фальсификациям опыт долгой истории Китая показывает, что агрессивная, великодержавная политика его правителей в конечном счете всегда вела страну к упадку, обрекала китайский народ и его соседей на неисчислимые бедствия и страдания. Этот тесно связанный с современностью аспект истории Китая с 60-х годов систематически подчеркивается в работах советских китаеведов¹⁹, в том числе в трудах ИДВ²⁰.

¹⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 11.

¹⁸ «ИДВ», 1979, № 1, с. 18, 21.

¹⁹ См.: Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970; С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М., 1976.

²⁰ См.: М. И. Сладковский. Китай. Основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978; его же. Маонзм — идеология реакционного милитаризма. — В кн.: Маонзм без Мао. М., 1979.

Исследования советских ученых по истории и современной внешней политике Китая пронизаны идеей о том, что преодоление шовинистического наследия, с новой силой проявившего себя в идеологии и политике маоизма, является первейшей и кардинальной задачей прогрессивных, патриотических сил китайского общества. Только это может открыть ему путь к эффективному решению собственных проблем и плодотворному, конструктивному участию в мировых делах. «Во внутренней политике Китая,— подчеркнуто в Отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии,— происходят сейчас изменения. Истинный смысл их еще покажет время. Оно покажет, в какой мере нынешнему китайскому руководству удастся преодолеть маоистское наследие». Подлинным интересам китайского народа, отмечалось в докладе, «отвечала бы политика мира, только политика мира и нормальных отношений с другими государствами»²¹.

2. Выход маоизма на международную арену под прикрытием «ультраантиимпериалистических», левацко-революционаристских лозунгов не создал концептуальных трудностей для марксистов в борьбе с ним. В документах КПСС, партийной печати с самого начала было четко определено его основное содержание — великодержавие, гегемонизм. Дальнейшая проработка этой оценки в общеметодологическом плане имела место в трудах ряда виднейших советских обществоведов, в особенности академиков П. Н. Федосеева и А. М. Румянцева²². Важную работу по конкретному обоснованию этой общей оценки проделал Институт Дальнего Востока. Одной из центральных задач его исследования идеологических основ внешней политики Пекина стало разоблачение маоистских фальсификаций относительно того, что разрывание форсированная эскалация группой Мао Цзэдуна конфликта с международными силами научного социализма были якобы «естественной» реакцией на так называемую «соглашательскую», «пацифистскую» позицию этих стран в борьбе с империализмом, на их пресловутое «ревионистское» перерождение, на «буржуазную реставрацию» в большинстве социалистических стран, на «угрозу с Севера». В трудах ИДВ, в частности в уже упоминавшейся обстоятельной монографии «Идейно-политическая сущность маоизма» и особенно в исследованиях В. А. Кривцова, содержится глубоко обоснованное положение о том, что активная, воинствующая внешнеполитическая позиция имманентна маоизму, соединившему в себе авантюризм и безответственность мелкобуржуазного революционаризма с традиционно экстремистским китайским этноцентризмом²³.

3. Разрыв китайского руководства с международным коммунистическим движением в середине 60-х годов, откровенно великодержавный стиль действий Пекина на мировой арене сделали особенно актуальным вопрос о внешнеполитической стратегии китайского гегемонизма, прежде всего вопрос о путях достижения стратегической цели.

Основываясь на анализе обширного круга новых, ставших известными в годы «культурной революции» китайских документов, касавшихся внешнеполитического курса маоизма, советская политология не

²¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 10—11.

²² См., в частности: П. Н. Федосеев. Марксизм и волюнтаризм. М., 1968; его же. Маоизм — идеология и политика китайского великодержавного шовинизма. — В кн.: Маоизм без Мао; А. М. Румянцев. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэдуна». М., 1972.

²³ См.: введение В. А. Кривцова к книге «Маоизм глазами коммунистов». М., 1969; его же. Маоизм. Антимарксистская сущность его основных политических концепций и их идейные истоки. М., 1970; Маоизм и великоханьский шовинизм китайской буржуазии. — «ПДВ», 1974, № 1; Маоизм. Истоки и сущность. М., 1976. В. А. Кривцов — один из основных авторов монографии «Идейно-политическая сущность маоизма».

только еще глубже и убедительней раскрыла милитаристский характер пекинского гегемонизма, а следовательно, одну из важнейших предпосылок для его сближения с империализмом, но и сумела показать закономерную смену вариантов стратегического плана группы Мао Цзэдуна, отличавшихся друг от друга выбором главного союзника, то есть, по существу, разными подходами к использованию основного противоречия современности для провоцирования международной напряженности и глобального военного конфликта. Практически к концу 60-х годов Пекин убедился в бесперспективности попыток нацелить наступательный потенциал хотя бы некоторых из основных революционных сил современности на провоцирование такого конфликта. Он убедился, что их активность ведет к укреплению позиций антивоенного движения, расширяет социально-политическую базу этого движения. Отсюда и резко ускорившийся на рубеже 60—70-х годов поворот китайского руководства к сближению с империализмом и реакцией, вылившийся к концу 70-х годов в его открытое военно-политическое партнерство с ними. Состоявшийся в июне 1980 г. Пленум ЦК КПСС указал: «Партнерство империализма и пекинского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе для американского и китайского народов»²⁴.

Возникновение этого партнерства, по существу, означает слияние старого, империалистического, и нового, китайского социал-шовинистического, источников войны. Чрезвычайно опасный характер данного явления заключается в том, что крайний милитаристский экстремизм пекинского гегемонизма накладывается на резко возросшую в последние годы активность наиболее воинственных сил в правящих кругах Запада, вновь уверовавших в возможность добиться военно-стратегического превосходства над социалистическим содружеством, над всем антиимпериалистическим лагерем, вернуть часть утраченных позиций в мире, прежде всего в зоне развивающихся стран. Само возрождение подобных иллюзорных надежд в значительной мере связано с расчетами этих сил максимально использовать антисоветский, антисоциалистический потенциал, откровенно проимпериалистическую линию китайского социал-шовинизма. При всей несовместимости конечных стратегических целей Пекина и Запада тенденция к развитию военно-политического партнерства доминирует в их отношениях, что предопределено временным совпадением их интересов в борьбе против международных сил мира, демократии и социализма.

Существенный вклад в выработку объективного представления о внешнеполитической стратегии современного китайского социал-шовинизма, о характере и масштабах опасности, создаваемой ею, а также стратегическом взаимодействии Пекина и Запада как в региональных, так и в глобальном масштабах, внесли советские китаеведы²⁵. Крупная доля участия в этом вкладе принадлежит и международникам ИДВ²⁶, которые в последние годы, естественно, подключились к исследованию и самого процесса развития военно-политического альянса империализма с пекинским гегемонизмом, и направлений возможного воздействия

²⁴ «Коммунист», 1980, № 10, с. 9.

²⁵ Вопросы внешнеполитической стратегии Пекина на протяжении многих лет рассматривались в работах М. Л. Алтайского, Г. В. Апалина, О. Б. Борисова, О. Иванова, М. Ильина, М. С. Капицы, Б. Т. Колосова, Ю. Семенова, Б. Соборова, О. Б. Рахманина, М. Украинцева, С. Г. Юркова и др.

²⁶ Анализу маоистской стратегии, ее основных компонентов и эволюции специально посвящены, в частности, следующие публикации ИДВ: А. Г. Кручинин. Борьба Пекина против социалистического содружества. — «ПДВ», 1974, № 1; его же. «Третий мир» во внешнеполитической стратегии Пекина. — «ПДВ», 1976, № 2; В. А. Кривцов. Внешнеполитическая стратегия маоистов. — «ПДВ», 1978, № 2; А. Г. Кручинин. Проимпериализм маоистской внешнеполитической стратегии. — Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. М., 1980, № 22.

этого процесса на формирование международной обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе и во всем мире²⁷, а также на развитие социальной и политической ситуации в самом Китае. Подчеркивая, что на современном этапе открытый проимпериализм — наиболее адекватная форма функционирования современного китайского социал-шовинизма как международного фактора, ученые-международники ИДВ вместе с тем стремятся выявить реальное влияние собственных целей пекинского гегемонизма на ход развития его партнерства с империализмом и реакцией в азиатско-тихоокеанском и других районах мира²⁸.

Поисковые исследования в этом плане ведутся ИДВ в сотрудничестве с соответствующими научными центрами СССР и ряда социалистических стран. Первые результаты упомянутых исследований реализованы в статьях и других формах научной продукции, в том числе в докладах сотрудников ИДВ на прошедших в последние годы крупных внутрисююзных и международных научных форумах, в частности на состоявшейся в марте 1980 г. Всесоюзной научно-теоретической конференции (с участием зарубежных ученых) по теме «Политика Китая в отношении развивающихся стран». 20 из 43 докладов и сообщений сделали сотрудники ИДВ. Конференцию открыл вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев. Развернутое вступительное слово произнес доктор исторических наук О. Б. Рахманин. С большим докладом «Великоханьский курс Пекина — прямая угроза освободившимся странам» выступил директор ИДВ член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский.

В материалах конференции на конкретных фактах было показано, что великоханьский гегемонистский курс Пекина в отношении этих стран пролегает непосредственно в русле неоколониалистской политики империализма, резко усилившего в последние годы свое давление в ряде районов зоны развивающихся государств.

4. В исследованиях ИДВ по общим вопросам курса Пекина на мировой арене, как и в аналогичных работах других советских китаеведческих центров, большое внимание на протяжении последних пятнадцати лет уделялось анализу внешнеполитических концепций китайского социал-шовинизма, которыми он с учетом меняющейся обстановки в мире и результатов предыдущих этапов борьбы за гегемонистские цели камуфлировал свою неизменно активную великодержавную стратегию, свою провокационную милитаристскую линию. Служебный характер маоистского внешнеполитического теоретизирования по отношению к внешнеполитической практике Пекина последовательно разоблачался в соответствующих разработках и публикациях ИДВ²⁹. В частности, подробному рассмотрению была подвергнута претендовавшая на некое «теоретическое обобщение» мировой ситуации концепция Мао Цзэдуна о «трех мирах»³⁰. Понятно, что в последнее время внимание ученых

²⁷ См.: А. Кручинин. Смыкание маоистов с реакционными кругами империализма. — «Партийная жизнь», 1975, № 15; В. И. Петухов. Сближение Пекина и Вашингтона — угроза миру и безопасности народов. — «ПДВ», 1980, № 2; А. Г. Кручинин. Партнерство империализма и пекинского гегемонизма — новая угроза миру. — «Военная мысль», 1981, № 5.

²⁸ См.: Д. В. Петров. Противоречия в борьбе Китая и Японии за влияние в Азии. — Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. М., 1980, № 22; В. И. Петухов. Тайвань в политике США и Китая. — «ПДВ», 1981, № 1.

²⁹ См.: Внешняя политика КНР. О сущности внешнеполитического курса современного китайского руководства. М., 1971; Внешняя политика и международные отношения КНР, т. 1—2. М., 1974; Идеино-политическая сущность маоизма. М., 1977; КНР. Краткий исторический очерк (1949—1979 гг.). М., 1980; ежегодники «Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология». М., 1973—1978.

³⁰ См.: А. Кручинин, В. Феоктисов. Как преемники Мао воюют против социализма и его союзников. Новейшая пекинская «теория» сговора с империализмом. — «Коммунист», 1978, № 5; Что стоит за маоистской «теорией трех миров». — «Коммунист», 1978, № 17 (написана с участием сотрудников ИДВ); А. Г. Кручинин,

ИДВ привлекают попытки преемников Мао скомпоновать очередную теоретическую фикцию по поводу гегемонизма и антигегемонизма, противоборство которых якобы составляет ныне суть всего мирового развития. В их рассуждениях на эту тему с абсолютной очевидностью проглядывает стремление найти более эффективное «теоретическое» оправдание продолжающемуся дрейфу китайского социал-шовинизма к фактическому смыканию с силами мирового антикоммунизма. Эти рассуждения отражают надежду Пекина «освятить теорией» свои планы максимального расширения социально-политической базы того самого «международного единого фронта» борьбы против реального социализма, против всех прогрессивных сил, который пекинские «теоретики» теперь именуют глобальной и региональной «структурой борьбы против гегемонизма»³¹.

5. Как крупнейший советский центр по изучению Китая, Институт Дальнего Востока за время своего существования проделал поистине колоссальную работу в исследовании вопросов региональной политики КНР и развития ее связей с подавляющим большинством стран³². Если не считать отношений Китая с наиболее крупными странами, то эта работа была начата институтом фактически на пустом месте. Нельзя не отметить при этом, что и соответствующие институты АН СССР в свою очередь постепенно развернули изучение политики различных стран в отношении КНР, процесса становления и развития их связей с нею.

Результаты исследований в данной области, имея большое практическое значение, обеспечили вместе с тем надежную основу для концептуальных разработок по общим вопросам курса Пекина на международной арене, его места и роли в мировой политике. Содержащийся в трудах ИДВ, основанный на обширном фактическом материале анализ пресловутой «дифференцированной политики» Пекина в отношении стран социалистической системы, его претензий на роль «защитника» интересов «малых и средних» государств, его линии противопоставления «бедных» стран «богатым» предметно и убедительно показал закономерный характер эволюции внешнеполитической позиции китайского руководства от первоначального косвенного проимпериализма к прямому и широкому взаимодействию с реакцией Запада, от революционистско-националистического авангардизма в мировом освободительном процессе к откровенно державным попыткам добиться гегемонистских целей на путях сколачивания военно-политических альянсов, фронтов, блоков, «структур», подрывающих как региональное, так и глобальное военно-стратегическое равновесие и ведущих к нарастанию международной напряженности. Последняя же, согласно маоистским стратегическим концепциям, была и остается наиболее благоприятным условием борьбы за национально-эгоистические цели современного китайского социал-шовинизма.

В. Ф. Феоктистов. Маоистская «теория трех миров» — платформа открытого союза с империализмом. — «Вопросы истории КПСС», 1980, № 6; А. Г. Кручинин. Маоистская «концепция трех миров» и внешнеполитическая стратегия Пекина. — В кн.: Маонзм без Мао.

³¹ См.: «Жэньминь жибао», 13.II и 27.III.1981.

³² Ввиду обширности научной продукции такого рода, а также учитывая, что далеко не вся она вылилась в форму широких публикаций, здесь целесообразно будет ограничиться перечислением сотрудников ИДВ, длительное время и плодотворно работающих на данном направлении исследования внешней политики КНР. Среди них А. К. Абушаев, В. Н. Барышников, Г. А. Боголюбов, И. Я. Бурлингас, Е. А. Григорьева, В. В. Зайцев, Т. М. Котова, А. С. Красильников, А. В. Кудрявцев, Н. С. Кулешов, А. Г. Ларин, В. П. Ломыкин, А. М. Можарова, Ю. И. Огнев, А. В. Педни, Д. М. Поспелов, А. Ф. Степанов, В. С. Степанов, В. Н. Стрижакова, Т. И. Сулицкая, М. В. Фомичева и др. Частично результаты работы указанных сотрудников представлены в двухтомнике «Внешняя политика и международные отношения КНР» (М., 1974) и в ежегодниках «КНР: политика, экономика, идеология» за 1973—1978 гг.

В многообразной внешнеполитической тематике, разрабатываемой в ИДВ, все более важное место приобретают вопросы отношения Пекина к глобальным проблемам, особенно к проблемам разрядки и разоружения, его подхода к международным движениям, в частности к движению неприсоединения, его деятельности в международных организациях и т. д.³³

б. Советское китаеведение, ИДВ в частности, осуществило за последние пятнадцать лет глубокие, в ряде случаев поистине фундаментальные, исследования по всему кругу факторов и фактов, которые подавались сначала западной буржуазной синологией, а затем маонистской пропагандой и «наукой» как якобы «объективные» источники острой, тотальной конфронтации Пекина с Советским Союзом. (Разумеется, домыслы Мао Цзэдуна о «реставрации» капитализма и «диктатуры крупной монополистической буржуазии» в СССР, домыслы, даже в кругах китайского руководства считавшиеся с самого начала нелепыми, не включались в этот круг.) Созданная в 60—70-е годы советскими китаеводами обширная научная литература, раскрывающая детальную картину взаимосвязей КПСС и КПК, СССР и Китая до и после 1949 г.³⁴, а также разоблачающая фальсификацию этих взаимосвязей³⁵, обоснованно отвергла тезис западной буржуазной синологии и современных китайского социал-национализма о неразрешимых противоречиях, якобы порожденных несовместимостью интересов двух стран и партий, которая будто бы полностью обнажилась в процессе развития отношений между ними.

Особо следует отметить проделанную советскими китаеводами, в том числе сотрудниками ИДВ, работу по освещению отношений СССР с Китаем в оборонной области³⁶. В документах КПСС и Советского правительства, а также в соответствующих научных публикациях в полном объеме показана позиция советской стороны в этой области, издававшая надежные гарантии безопасности КНР, практически равные тем, которыми располагали остальные страны социалистической системы. Ясность, внесенная в данный аспект отношений двух стран, обнажила откровенно фальсификаторский и провокационный смысл утверждений буржуазной синологии и китайского руководства о том, что якобы именно расхождение интересов в вопросах оборонного сотрудничества и будто бы вызванные этим сомнения Пекина относительно реального характера поддержки со стороны СССР в случае империалистической агрессии против Китая решающим образом способствовали возникновению и развитию китайско-советского конфликта.

³³ См.: Ю. М. Рязкин, В. С. Степанов. Движение неприсоединения и поиски Пекина. — «ИДВ», 1979, № 4; В. И. Петухов. Эволюция европейской политики Пекина. — В кн.: Китай и капиталистические страны Европы. М., 1976; Китай и гонка вооружений. М., 1980 (с участием сотрудников ИДВ); Г. И. Рагулин. Деструктивная политика Пекина по проблемам мира и разоружения, гонка вооружения в КНР — угроза развивающимся странам. — Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. М., 1980, № 22, вып. 1; В. С. Степанов. Подрывная деятельность Пекина против движения неприсоединения. — Там же.

³⁴ Существенный вклад в создание этой литературы, помимо указанных ранее авторов, внесли И. Александров, Б. А. Бородин, О. Владимиров, А. М. Григорьев, О. Иванов, В. И. Ларев, Ю. В. Лысенко, А. А. Нетрусов, О. Б. Рахманин, С. Л. Тихвинский и др., а также сотрудники ИДВ: Г. В. Астафьев, В. И. Глушин, Е. А. Григорьева, А. М. Дубинский, А. М. Ледовский, Р. А. Мировицкая, В. С. Мясников, М. Ф. Юрьев, А. С. Цветко и др.

³⁵ См., в частности: О. Иванов. Пекинские фальсификаторы истории советско-китайских отношений. — «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 12; его же. Историческая правда и пекинские фальсификаторы. — Там же, 1978, № 6.

³⁶ Помимо уже упоминавшихся общих работ об отношениях СССР с КНР, этот аспект сотрудничества отражен в монографии «Маоизм: военная теория и практика» (М., 1978), подготовленной с участием ИДВ.

Широко и конкретно показав подход советской стороны к задаче укрепления оборонных возможностей своего союзника по договору 1950 г., соответствующие труды китаеведов СССР еще ярче высветили вынужденный характер мер, принятых нашей страной для укрепления границы с Китаем, способствовали разоблачению мифа «об угрозе с Севера», сфабрикованного Пекином исключительно для прикрытия своего поворота к сближению с империализмом, поворота, логически вытекавшего из милитаристско-гегемонистских устремлений современного китайского социал-шовинизма.

К настоящему времени в СССР в основном завершена научная проработка кардинальных вопросов советско-китайских отношений за период 1917—1980 гг. Она осуществлена в уже упоминавшихся обстоятельных монографиях О. Б. Борисова, Б. Т. Колоскова, М. С. Капицы, трудах ИДВ. В 1977 г. было опубликовано капитальное исследование М. И. Сладковского «История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974)». В 1980 г. вышла в свет монография сотрудника ИДВ Л. В. Филатова «Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю. 1949—1966». Эти труды фундаментально подкрепили вывод о том, что в политике СССР по отношению к КНР не было и нет никаких элементов, способных вызвать трения с подлинно социалистическими патриотическими силами китайского общества, что экономические, как и другие, аспекты этой политики всегда выражали искренний и последовательный интернационализм Страны Советов, с первых дней существования которой содействие национальному освобождению и социальному прогрессу китайского народа являлось одним из важнейших направлений ее деятельности на международной арене.

В целом советские исследования основных аспектов истории отношений СССР с Китаем в новейшее время, включая межпартийные связи, убедительно показали, что негативные тенденции в развитии этих отношений порождены действиями враждебных научному социализму сил в КПК, а не какими-то якобы «органически присущими» мировому социализму национальными противоречиями, о которых давно и упорно твердят буржуазная политология и социология, использующие в качестве самого веского довода именно антисоветскую, антисоциалистическую политику маоизма. Детально, во всех аспектах показанная советскими китаеводами конструктивная и в высшей степени инициативная позиция СССР по вопросам нормализации отношений с Китаем не оставляет (разумеется, для всех кто пытается объективно смотреть на вещи) сомнений в том, что отсутствие перемен к лучшему в этих отношениях — результат активного, воинствующего характера современного китайского социал-шовинизма, пренебрегающего коренными национальными интересами китайского народа и выдающего за его интересы свои амбициозные представления о месте Китая в мире, собственные гегемонистские устремления.

7. Известно, что пекинское руководство давно стремится оправдать свою великодержавную политику ссылками на историю, на якобы оставленные ею крупные проблемы. В этом ему активно содействует буржуазная синология. И закономерно, что советские китаеведы в сотрудничестве с историками разных профилей многие годы упорно работали, в частности, над уточнением реальной картины развития отношений Китая с соседями в прошлом³⁷, в особенности с Россией. Это

³⁷ См.: Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970 (коллектив сотрудников ИДВ АН СССР под руководством С. Л. Тихвинского и Л. С. Переломова); Внешняя политика государства Цин. М., 1977 (коллектив авторов под руководством Л. И. Думана); Г. В. Мурашев. Вьетнамо-китайские отношения XVII—XIX вв. М., 1973.

было тем более необходимо, что и современная буржуазная историография, и маоистская «наука» и пропаганда именно «наследием прошлого» во многом объясняют якобы predetermined характер нынешней внешней политики Китая, прежде всего позицию пекинского руководства по территориальным вопросам, его притязания на земли соседних государств.

Начатые на рубеже 50—60-х годов большим коллективом историков под руководством академика В. М. Хвостова и члена-корреспондента АН СССР С. Л. Тихвинского широкие исследования по истории русско-китайских отношений, в частности по истории русско-китайского территориального размежевания, в дальнейшем были успешно продолжены под руководством С. Л. Тихвинского, М. И. Сладковского, Л. Г. Бескровного, В. С. Мясникова. Уникальная по обширности и надежности документально-фактологическая база, созданная в процессе этих исследований³⁸, придала концептуальным положениям советских работ по истории русско-китайских отношений³⁹ предельную убедительность, стала тем фоном, на котором особенно очевиден спекулятивный, фальсификаторский характер буржуазных и маоистских «научных» выкладок по поводу «исторических корней» враждебности Пекина к Советскому Союзу. Нельзя, однако, не заметить, что в последние годы западные буржуазные специалисты по истории русско-китайских отношений, даже не слишком стремящиеся к объективному освещению отношений между СССР и Китаем, вынуждены все более считаться и с документально-фактологической, и с концептуальной сторонами новейших советских исследований по истории как русско-китайских, так и советско-китайских отношений. Это относится и к пресловутой территориально-пограничной проблематике указанных отношений. Последняя получила обстоятельные разъяснения в ряде заявлений Советского правительства, а также была тщательно проработана в исследованиях советских китаеведов и специалистов по истории СССР⁴⁰, в том числе работах ИДВ⁴¹.

³⁸ См.: Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы, т. 1. М., 1969; т. 2. М., 1972; Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы, т. 1. М., 1978. Эта серия документальных сборников издается под грифом Института Дальнего Востока АН СССР, Историко-дипломатического управления МИД СССР, Центрального государственного архива древних актов. Составители сборников — сотрудники ИДВ Н. Ф. Демидова и В. С. Мясников. Ответственный редактор — С. Л. Тихвинский, редактор — В. С. Мясников.

³⁹ См.: Н. Ф. Демидова В. С. Мясников. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966; В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969; Л. Г. Бескровный, А. Л. Нарочницкий. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке. — «Вопросы истории», 1974, № 6; М. И. Сладковский. Отношения между Россией и Китаем в середине XIX века. — «Новая и новейшая история», 1975, № 3; В. С. Мясников. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.

⁴⁰ См.: В. М. Хвостов. Китайский «счет по реестру» и правда истории. — «Международная жизнь», 1964, № 10; Л. Бескровный, С. Тихвинский, В. Хвостов. К истории формирования русско-китайской границы. — «Международная жизнь», 1972, № 6; Б. П. Гуревич. Вторжение Цинской империи в Центральной Азии во 2-й половине XVIII в. и политика России. — «История СССР», 1973, № 2; Г. В. Мелихов. Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII—XVIII вв. — «Вопросы истории», 1974, № 7; В. И. Мазков, Б. П. Павлов. Псевдоистория на службе маоизма. — «Народы Азии и Африки», 1976, № 3; С. Л. Тихвинский. Вопросы формирования северо-восточной границы Цинской империи. — В кн.: Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977, и др.

⁴¹ См.: А. Кручинин, В. Ольгин. Территориальный «реестр» Мао Цзэдуна. История и современность. М., 1971; В. С. Мясников. Вторжение маньчжуров в Приамурье и Нерчинский договор 1689 г. — В кн.: Русско-китайские отношения в XVII в., т. 2. М., 1972; его же. Подъем и падение Цинской империи. — «ПДВ», 1973, № 3; Е. Д. Костиков. Политическая картография на службе великодержавного национализма. — «ПДВ», 1973, № 4; Е. А. Григорьева, Е. Д. Костиков. Спекуляция маоистов понятием «неравноправный договор». — «ПДВ», 1975, № 1; В. С. Мясни-

Эти исследования до конца вскрыли надуманный, искусственный характер самой «территориальной проблемы», выдвижение которой явилось одним из тактических приемов борьбы пекинских социал-шовинистов за стратегическую гегемонистскую цель, показали откровенно фальсификаторскую суть «научных» обоснований «исторического права» Китая на земли народов СССР.

Институтом Дальнего Востока и с его участием в СССР была проведена значительная работа по изучению истории формирования границ Китая с другими странами, вскрывшая абсолютную несостоятельность притязаний Пекина на мифическое «имперское наследие» канувших в прошлое последних великих деспотов Восточной Азии, созданных монгольскими и маньчжурскими завоевателями, которые наряду с прочими странами региона поработили и Китай, на территорию расположенных по всему периметру границы КНР суверенных государств, отстаивавших свою независимость в длительной и кровопролитной борьбе как с империалистическими колонизаторами, так и с правителями Срединной империи.

Комплекс научных трудов, созданных советскими учеными, в том числе сотрудниками ИДВ, и охватывающих широкий круг основных вопросов истории советско-китайских и русско-китайских отношений, а также истории формирования границ Китая, полностью отмечает провокационные измышления маоистской и буржуазной, включая го-миньдановскую, литературы о некоей будто бы фатальной неизбежности длительного чреватого войной конфликта КНР с СССР, с социалистическим содружеством. Подлинная опасность такого рода вытекает не из этой наукообразной мистики, а из воинственно-милитаристской позиции, из политики современной китайской мелкобуржуазно-националистической реакции, усиленно смыкающейся с экстремистскими кругами мирового антикоммунизма.

8. Лейтмотивом исследований по проблемам современного Китая, осуществленных в СССР, была и остается выражающая исторический оптимизм идея об объективно неотвратимом и успешном преодолении прогрессивными силами китайского общества нынешней крайне трудной, по сути переходной, стадии в его поступательном развитии. В основе этого оптимизма лежит ясное понимание глубокого антагонистического противоречия между национальными и социальными интересами китайской нации, с одной стороны, и их извращенным, великодержавно-шовинистическим толкованием пекинскими лидерами — с другой. Реальность этого противоречия отражается в перманентном политическом кризисе, переживаемом Китаем уже свыше двух десятилетий. Он возник с приходом маоистов к власти. И на это с самого начала указывало советское, все марксистское обществоведение. Теперь это вынуждены признать даже некоторые преемники Мао.

Активно участвуя в борьбе международных сил научного социализма против маоистских мелкобуржуазно-националистических попыток увести КНР в сторону от социалистического пути, превратить ее в составную часть угрожающего миру на земле милитаристского альянса мировой реакции, советские ученые-обществоведы неизменно руководствуются интернационалистскими принципами, лежащими в основе внешней политики КПСС и Советского государства, нацеленной на развитие

ков. Идеиное банкротство пекинских лжеисториков. — «ПДВ», 1978, № 4; М. И. Сладковский. Безрассудность территориальных притязаний руководителей КНР, их экспансионистские замыслы в отношении соседних стран. — В кн.: Территориальные притязания Пекина: современность и история. М., 1979; В. С. Яценев, А. Г. Кручинин. Правда о территориальном размежевании между Россией и Китаем. — «ПДВ», 1980, № 2; и др. Критика маоистских фальсификаций истории русско-китайского территориального разграничения. — В кн.: Китай в новое и новейшее время. М., 1981, и др.

дружбы и сотрудничества советского народа с народами всех стран, в том числе с китайским. Это в полной мере относится к научной и пропагандистской деятельности коллектива ИДВ, который со времени его основания выступает еще одним из наиболее активных членов Общества советско-китайской дружбы. Директор ИДВ член корреспондент АН СССР М. И. Сладковский, а также доктор исторических наук В. А. Кривцов на протяжении многих лет являются заместителями председателя Центрального правления ОСКД, а ряд ведущих сотрудников ИДВ — членами правления.

В своих обширных и продолжающихся развиваться международных научных связях коллектив ИДВ также последовательно придерживается упомянутых принципов. Четко отделяя добрососедские отношения к китайскому народу от отношения к политике пекинского гегемонизма, он вел и ведет борьбу против тех школ буржуазной синологии, которые склонны подходить к Китаю с расистских позиций, с позиций извечности и непреодолимости великоханьского шовинизма.

Свою исследовательскую работу по китайской проблеме в целом коллектив ИДВ рассматривал и рассматривает как неотъемлемую часть деятельности КПСС и Советского государства в поддержку прогрессивных сил современного китайского общества, во имя общечеловеческой цели — сохранения мира на земле.

* * *

Придерживаясь позиции исторического оптимизма, советское китаеведение, в том числе представленное Институтом Дальнего Востока, стремилось и стремится вместе с тем точно взвесить и оценить реальные последствия политики существующего в КНР режима для международных отношений, особенно в азиатско-тихоокеанском регионе.

Ныне в этой стране складывается весьма парадоксальная ситуация: а фоне очевидного отказа китайских лидеров от ряда основополагающих маоистских догм, относящихся к проблемам внутренней политики, происходит дальнейшее усиление враждебной социализму активности Пекина на международной арене. Отсюда следует, что подобный «антимаоизм» тех сил в руководстве КНР, которые ведут дело к укреплению и развитию военно-политического партнерства с империализмом, отражает лишь очередную, прикрываемую фразами об интересах социализма, попытку найти такой вариант социально-экономической политики, который бы позволил более эффективно осуществлять прежнюю гегемонистскую внешнеполитическую стратегию. Этот «антимаоизм» не имея ничего общего с борьбой за цели научного социализма, абсолютно чужд и борьбе за мир, о которой теперь так много говорят пекинские руководители. В противном случае они не отвергли бы с порога выдвинутую XXVI съездом КПСС новую программу мира, и особенно такую важную часть этой программы, как предложение о проведении между СССР и всеми заинтересованными странами конкретных переговоров по мерам доверия на Дальнем Востоке.

Кризис политического режима в Китае продолжается. Нарастает накал борьбы в пекинских верхах по вопросам социальной и внешнеполитической ориентации страны. Острота и напряженность этой борьбы объективно дают основания полагать, что за проявлениями «антимаоизма» в Китае стоят не только так называемые «прагматики» с их шовинистической, проимпериалистической платформой, но и выступающие против них подлинно демократические и патриотические силы китайского общества. Осложняющаяся политическая обстановка в КНР требует еще более систематической и тщательной аналитической работы со стороны ученых-китаеведов. И здесь надежным ориентиром для них остается максимально взвешенный подход к современному Китаю,

отраженный в документах КПСС и братских коммунистических партий, подход, сочетающий трезвый реализм в политике и глубоко научную осмотрительность в оценке ближайших перспектив развития ситуации в этой стране. Он учитывает фактическое положение дел в КНР, сложности преодоления политической мелкобуржуазности в стране, трудные проблемы обеспечения ее экономического роста, усугубляемые демографическим фактором, дезорганизующим влиянием маоистских и постмаоистских экономических концепций. Этот подход основывается на представлениях о КНР как о стране, где заложены существенные элементы основ социализма, и вместе с тем как о стране, все более превращающейся в часть противостоящей социалистическому содружеству военно-политической структуры капиталистического мира, в часть, отличающуюся к тому же милитаристским экстремизмом.

В рамках упомянутого подхода шла и идет борьба международных социалистических сил с реакционной идеологией и политикой маоизма, борьба за нормализацию отношений и восстановление дружественного сотрудничества социалистических стран с Китайской Народной Республикой. Выступая с Отчетом ЦК КПСС XXVI съезду партии, Л. И. Брежнев говорил: «Если советско-китайские отношения остаются замороженными, то причина здесь не в нашей позиции. Советский Союз не искал и не ищет конфронтации с Китайской Народной Республикой. Мы следуем курсу, определенному XXIV и XXV съездами КПСС, и хотели бы строить связи с ней на добрососедской основе. Остаются в силе наши предложения, направленные на нормализацию отношений с Китаем, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу»⁴².

Вместе с тем совершенно ясно, что до тех пор, пока курс Пекина будет пролегать в русле военно-политического партнерства с империализмом, никакое внутреннее «урегулирование», никакие меры по «демаонизации», оставляющие в неприкосновенности великокитайский шовинизм, то есть сердцевину маоизма, сами по себе не в состоянии изменить объективно антисоциалистическую, враждебную делу демократии и мира сущность политического режима в Китае, а следовательно, не может быть снята с повестки дня и задача борьбы международного коммунистического движения, социалистического содружества, всех антивоенных сил против идеологии и политики современного китайского социал-шовинизма.

Всемерное содействие процессу нормализации отношений нашей страны с КНР и активное участие в борьбе с пекинским гегемонизмом, которая является важнейшей формой интернациональной помощи прогрессивным силам китайского народа, по-прежнему остаются профессиональным и гражданским долгом советских китаеведов, представителей всего марксистского обществоведения.

Ход этого процесса и эта борьба, которые находятся в тесной диалектической взаимосвязи, во многом предопределяют перспективы решения сложных и актуальных проблем международного сотрудничества, мира и безопасности в Восточной Азии и на всей земле. Поэтому поиски путей их решения неизменно являются синтезирующим моментом всей многообразной исследовательской работы коллектива ученых-международников Института Дальнего Востока.

⁴² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 11.

Вступая в четвертое десятилетие...

(Заметки о внешней политике КНР)

*М. С. Украинцев,
профессор*

Начало четвертого десятилетия Китайской Народной Республики ознаменовалось дальнейшим сближением Пекина с империалистическими державами. Заигрывая с США, Японией, странами Западной Европы, китайское руководство, с одной стороны, добивается, чтобы они отказались от разрядки международной напряженности, форсировали гонку вооружений, пошли на конфронтацию с СССР, а с другой стороны, стремится привлечь их к осуществлению курса «четырех модернизаций». Чтобы услужить империализму, китайское руководство все чаще выступает вместе с ним против социалистического содружества, освободительных революций, государств социалистической ориентации.

Империалистические державы потакают такому образу действий Пекина, поскольку уже сейчас Пекин стал для империалистов одним из основных каналов проведения антисоветской политики и пропаганды, рудием борьбы против социалистического содружества и национально-освободительных революций.

На этой основе предпринимаются совместные или параллельные действия империализма и китайского гегемонизма на международной арене, действия, направленные против мира, против социализма и освободительных революций.

Характеризуя внешнюю политику пекинского руководства, XXVI съезд КПСС отмечал, что «она по-прежнему нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма. Это, конечно, не вернет Китай на здоровый путь развития. Империалисты друзьями социализма не будут.

За готовностью США, Японии, ряда стран НАТО расширять военно-политические связи с Китаем кроется простой расчет — использовать его враждебность к Советскому Союзу, к социалистическому содружеству в своих собственных, империалистических интересах. Рискованная игра!

Ну а что касается китайского народа, то мы глубоко убеждены: его подлинным интересам отвечала бы политика мира, только политика мира и нормальных отношений с другими государствами»¹.

Курсом нагнетания международной напряженности

На Западе подчас можно услышать рассуждения о том, что вовлечение Китая в международное общение вынудило Пекин придать своей

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 14.

политике большую «гибкость» и «сдержанность». Однако декларации и поведение китайских руководителей свидетельствуют об обратном.

Пекинские лидеры, как и прежде, охаивают разрядку, злорадствуют по поводу обострения международной обстановки, призывают к гонке вооружений, конфронтации, провоцируют конфликты, кликушествуют насчет неизбежности мировой войны.

Во время поездки во Францию, ФРГ, Англию и Италию в октябре — ноябре 1979 г. бывшего премьера Госсовета Хуа Гофэна китайские визитеры говорили о бесперспективности разрядки, о «советской угрозе», о стремлении СССР отрезать Западную Европу от источников нефти, о необходимости сплочения стран Западной Европы, США и Канады и укрепления НАТО против Советского Союза.

Действуя по принципу «муравей точит кость», китайские руководители вновь и вновь призывали Западную Европу к конфронтации с СССР. Они всячески чернили советские инициативы в деле сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, с которыми выступило Советское правительство в ноябре 1979 г., приветствовали решение совета НАТО о размещении в Западной Европе ракетно-ядерного оружия среднего радиуса². Однако в Париже и других западноевропейских столицах отвергли тезис о неизбежности войны, отклонили линию на конфронтацию с социалистическими странами, высказались за продолжение разрядки. Заметим, что во время визита в Китай в октябре 1980 г. президент Франции твердо повторил это положение. Даже в Лондоне было сказано, что Англия будет продолжать поиски там, где это возможно, областей сотрудничества между Западной и Восточной Европой с целью улучшения отношений и что Англия желает иметь хорошие отношения как с Китаем, так и с СССР.

Особенно много усилий приложили китайские правители, чтобы не допустить развития советско-американских отношений. Они утверждают, что «широкий международный фронт» против СССР должны возглавить США, без них такой «фронт» не будет действенным. Они приветствовали санкции США в отношении СССР (которые, как известно, провалились), советовали странам Западной Европы и Японии «в своих собственных интересах укреплять сотрудничество с США и вместе с ними давать отпор стратегическому продвижению СССР на юг»³, призывали империалистические державы оказать на СССР «сильное давление» и «нанести удар»⁴, «разбить ему голову в кровь»⁵. В Пекине с восторгом встретили отказ Вашингтона от ратификации Договора ОСВ-2, приветствовали поворот американской администрации от линии на разрядку к курсу на нагнетание международной напряженности. Китайские правители прямо заявляли, чего они хотят от администрации Рейгана: самым главным вопросом для США, дескать, является борьба против СССР⁶.

Китайские руководители заранее торжествовали по поводу ожидавшегося ими провала встречи в Мадриде представителей 33 государств Европы, а также США и Канады. «Разрядки больше не существует»⁷, — ликовали в Пекине. И когда вследствие настойчивых усилий социалистических государств и многих стран Западной Европы это совещание стало серьезным политическим форумом и вырисовывается возможность принятия важных документов, это в итоге вылилось в серьезное поражение Пекина.

² См.: «Жэньминь жибао», 4, 6.XII.1979.

³ «Жэньминь жибао», 17.V.1980.

⁴ «Хунци», 1980, № 4.

⁵ «Жэньминь жибао», 21.V.1980.

⁶ См. там же, 29.XII.1980.

⁷ Там же, 29.I.1981.

Азии китайские власти также предлагают хаос и постоянные конфронтации. В марте 1981 г. Пекин даже выступил со своеобразной доктриной, которую назвал «структурой совместного сопротивления». «Исторический этап конфронтации» США со странами Восточной Азии, дескать, кончился. Ныне СССР якобы стремится к «вытеснению» США, одновременно добиваясь «изоляции» Японии, «окружения» Китая и «установления контроля» над Юго-Восточной Азией. Называя в качестве примера сближение Китая с США, Японией, некоторыми странами АСЕАН, Австралией и Новой Зеландией, Пекин заявляет о якобы уже сложившейся «новой структуре» международных отношений, при которой Советскому Союзу противостоят все названные страны. У США и стран Восточной Азии, дескать, нет выбора, кроме усиления совместных действий против СССР. В Восточной Азии, утверждают пекинские оракулы, «неизбежны потрясения и войны»⁸.

Китайские власти враждебно реагировали на предложения, направленные на укрепление мира и международной безопасности, которые были выдвинуты XXVI съездом КПСС, отвергли идею применения на Дальнем Востоке мер доверия⁹.

Нет никакого сдвига и в позиции КНР по вопросу разоружения. Китайские представители не устают повторять: пусть первыми начнут разоружаться «сверхдержавы», сократив ядерные и обычные виды вооружений, и только после этого другие страны присоединятся к ним в сокращении вооружений в разумных пропорциях. Иными словами, пусть разоружаются другие, а Китай будет вооружаться!

На весенней сессии Комитета ООН по разоружению 1980 г. делегация КНР заодно с представителями империалистических государств вклонялась как от участия в консультациях по подготовке переговоров относительно принятия конкретных мер по ограничению гонки ядерных вооружений, так и в целом от практического рассмотрения комитетом этой проблемы. Она открыто заявила, что Пекин не только не собирается покончить с испытаниями ядерного оружия, но и не станет вступать ни в какие переговоры. Аналогичную позицию делегация КНР занимала и на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе ее работы Китай произвел очередной ядерный взрыв в атмосфере, поставивший под угрозу радиактивного заражения обширные районы земного шара. Китайские представители на сессии отказались от участия в голосовании по проекту резолюции «Ядерное оружие во всех его видах».

Представители КНР в Комитете по разоружению выступили с демагогическим требованием полностью запретить применение ядерного оружия против любых неядерных государств, невзирая на то, что на территории ряда таких государств размещено иностранное ядерное оружие, а некоторые из них не отказываются от «ядерного выбора». В то же время китайские представители пытались бросить тень на известное заявление Советского Союза (май 1978 г.) о том, что он никогда не применит ядерного оружия против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения ядерного оружия и не имеют его на своей территории (характерный штрих: Пекин обходит полным молчанием позиции США, Англии и Франции в этом вопросе, отказывающихся дать столь далеко идущие обязательства, как СССР). На XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН делегация КНР «голововаляла ногами» (то есть покинула зал заседаний) и по проекту резолюции «О неразмещении ядерного оружия на территории тех государств, где его нет в настоящее время» (США — против, СССР — за).

Характерной является позиция КНР в отношении запрещения химического оружия. 19 июня 1980 г. исполняющий обязанности главы де-

⁸ «Жэньминь жибао», 13, 27.III.1981.

⁹ См. там же, 5.III.1981.

легации КНР в Комитете по разоружению Ю Пэйвэнь вручил председателю комитета рабочий документ «Предложения китайской делегации по основному содержанию конвенции о запрещении химического оружия», единственное назначение которого при ближайшем рассмотрении состояло в том, чтобы нагромоздить дополнительные препятствия к реальному запрещению этого вида оружия¹⁰. В частности, «рабочий документ» предлагал подтвердить в будущей конвенции запрет на применение химического оружия с распространением на эту область системы международного контроля. В то же время в Пекине как бы не замечали выдвинутый еще в 1972 г. странами социалистического содружества проект конвенции о запрещении разработки, производства и накопления химического оружия и уничтожения его запасов, нацеленный на действительное решение рассматриваемой проблемы в интересах всех участвующих государств.

На сессиях Комитета по разоружению в 1980 г. китайская делегация уклонялась вместе с западными державами от обсуждения еще одного важного вопроса разоружения — о запрещении оружия массового уничтожения, по существу высказываясь тем самым против устранения опасности создания новых типов такого оружия, а на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН не участвовала в голосовании по проекту резолюции «Новые виды оружия массового уничтожения». Уходили как в Комитете по разоружению, так и на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители КНР и от обсуждения проблемы запрещения радиологического оружия.

Наконец, китайская делегация в ООН отказалась от участия в голосовании по советскому проекту резолюции «О некоторых неотложных мерах по уменьшению военной опасности», а также по предложенной СССР резолюции «Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущего поколений». Показателен и такой факт. Даже бывший госсекретарь США Э. Маски в выступлении на сессии 22 сентября 1980 г. признал на словах необходимость «контроля над вооружениями», а представитель КНР — министр иностранных дел Хуан Хуа в своей речи 24 сентября полностью игнорировал тему разоружения.

Все это вновь подтверждает, что Пекин пытается не допустить международной договоренности, которая мешала бы милитаризации Китая и вела бы к укреплению международной безопасности.

Китай и страны социализма

Враждебное отношение к членам социалистического содружества продолжает проявляться в том, что Пекин, призывая к укреплению НАТО и ЕЭС и расширению этих империалистических альянсов, клеветает на Организацию Варшавского Договора и Совет Экономической Взаимопомощи. Измышления об ОВД и СЭВ, о характере отношений между социалистическими странами часто фигурируют в выступлениях китайских официальных лиц на страницах печати КНР. Китайская пропаганда продолжает подбрасывать тезисы о наличии пограничных проблем в Европе, о «неурегулированности» «германской проблемы», что объективно направлено против интересов и безопасности всех социалистических стран Европы.

Отношение к СССР характеризовалось все большей враждебностью по мере того, как Пекин становился рупором и инструментом политики империализма. Хотя по тактическим соображениям правительство КНР

¹⁰ См.: Док. ООН С/Д 102 от 19.VI.1980.

и пошло на переговоры с СССР, ход переговоров показал, что китайские руководители рассматривали их как средство давления на СССР и шантажа в отношении своих нынешних империалистических партнеров.

Стремясь придать переговорам деловой характер, правительственная делегация СССР уже на первом пленарном заседании 17 октября 1979 г. передала китайской делегации проект Декларации о принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. Вопрос о выработке принципов отношений между СССР и КНР возник потому, что с прекращением действия Договора 1950 г. утратился важный элемент политико-юридической основы в отношениях между двумя странами.

Проект декларации разрабатывался советской стороной с учетом общепризнанных принципов международного права, основных положений Устава ООН, известных деклараций как Советского Союза, так и Китайской Народной Республики относительно готовности нормализовать двусторонние отношения на основе мирного сосуществования, а также результатов двусторонней переписки, предшествовавшей советско-китайским переговорам. В нем фиксируются стремление сторон строить и развивать отношения друг с другом на основе соблюдения принципов мирного сосуществования, включая принципы полного равноправия, взаимного уважения государственной независимости и суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы и угрозы силой, взаимной выгоды. Проект содержит обязательства сторон воздерживаться от применения силы и угрозы ее применения, не претендовать на какие-либо особые права и гегемонию и выступать против чьих бы то ни было притязаний на гегемонию в мировых делах. Проект предусматривает меры по поддержанию в двусторонних отношениях атмосферы взаимного уважения и доверия, а также соответствующий механизм взаимных консультаций. В проекте Декларации отражается в общей форме готовность сторон содействовать расширению и углублению торгово-экономических, научно-технических, культурных и других связей между ними.

Выработка принципов, разумеется, облегчила бы урегулирование вопросов, накопившихся между СССР и КНР, а многие вопросы отпали бы сами по себе по мере улучшения отношений.

Китайская делегация выработку принципов взаимоотношений поставила в зависимость от выполнения Советским Союзом предварительных условий урегулирования «нерешенных вопросов» и «устранения препятствий». Она в ультимативной форме потребовала принятия Советским Союзом неприемлемых предварительных условий, заявляя, что в противном случае «и речи быть не может» ни о гарантиях неприменения силы, ни о мирном сосуществовании, а следовательно, о нормализации отношений.

Выдвинув тезис о советской «военной угрозе» Китаю «с севера и юга», делегация КНР пыталась обосновать свои требования к СССР в «Предложениях об улучшении отношений между КНР и СССР», которые предусматривают одностороннее сокращение численности советских вооруженных сил в районах, граничащих с Китаем; вывод советских воинских контингентов, дислоцированных на территории Монгольской Народной Республики; прекращение поддержки Советским Союзом «в какой бы то ни было форме» Социалистической Республики Вьетнам; решение пограничных вопросов на основе признания так называемых «спорных районов» на территории СССР вдоль советско-китайской границы, что означало бы признание незаконных китайских территориальных претензий к СССР.

Советская делегация показала несостоятельность требований Китая. Она заявила, что СССР осуществляет лишь необходимые меры оборонительного характера и нет оснований говорить о какой-то «концентрации» советских войск в районе Дальнего Востока, создающей «угрозу» Китаю. Указав, что по китайскую сторону границы войск больше, чем у нас, советская делегация неоднократно ставила вопрос: какие обязательства намерен взять на себя в связи с этим Китай? Ответа на этот вопрос не последовало.

Советская сторона отклонила и попытки Китая вмешаться в отношения СССР с Монголией и Вьетнамом, подчеркнув, что сотрудничество нашей страны с другими суверенными государствами носит мирный характер, не направлено против Китая или какой-либо иной страны, соответствует Уставу ООН и не может быть предметом советско-китайских переговоров.

Было также указано, что переговоры по урегулированию пограничных вопросов между СССР и КНР до сих пор не дали результатов именно потому, что китайская сторона настаивает на территориальных притязаниях к Советскому Союзу под видом «спорных районов».

Следующий тур переговоров должен был состояться в Пекине, и советская правительственная делегация готовилась к нему. Однако 20 января 1980 г. представитель отдела печати МИД КНР, ссылаясь на события в Афганистане, заявил, что «проведение второго раунда китайско-советских переговоров в настоящее время является неуместным»¹¹. Этот шаг китайских властей лишний раз показал, что заявления руководителей КНР о готовности идти по пути нормализации и улучшения отношений с Советским Союзом являются неискренними. Пекинское руководство в попытках оказать давление на СССР и заставить его отказаться от помощи афганскому народу, по существу, пошло на поводу у администрации США, вставшей на опасный путь эскалации международной напряженности.

Китайская пропаганда по мере обострения международной обстановки и провала планов «четырёх модернизаций» наращивала клеветническую кампанию против СССР, призывая к созданию антисоветского международного фронта. Накануне XXVI съезда КПСС в Пекине публиковались материалы, извращающие советскую действительность¹².

Что же думают китайские руководители о перспективах отношений с СССР? Дэн Сяопин на этот вопрос отвечает, что Советский Союз должен отказаться от своей политики, которая Пекину кажется «гегемонистской». Иначе китайско-советские отношения не могут измениться и через 10, и через 20 лет¹³.

Советский Союз же авторитетом XXVI съезда КПСС вновь подтвердил свою конструктивную и разумную позицию: «Если советско-китайские отношения остаются замороженными, то причина здесь не в нашей позиции. Советский Союз не ищет конфронтации с Китайской Народной Республикой. Мы следуем курсу, определенному XXIV и XXV съездами КПСС, и хотели бы строить связи с ней на добрососедской основе. Остаются в силе наши предложения, направленные на нормализацию отношений с Китаем, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу»¹⁴.

* * *

¹¹ «Жэньминь жибао», 21.I.1980.

¹² См. там же, 19, 20.II.1981.

¹³ См. там же, 24.XI.1980.

¹⁴ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, с. 14.

Обострение международной обстановки проявляется и в усилившихся попытках империализма расшатать содружество социалистических государств, столкнуть те или иные страны с пути социализма в глухие закоулки ревизионизма и реставрации капитализма. Наряду с империализмом, сионизмом, реакционным духовенством и диссидентами в атаках этой разношерстной контрреволюции на социализм все более активное участие принимают китайские правители. «К сожалению, воду на мельницу сторонников «холодной войны» льет и нынешняя внешняя политика китайских руководителей», — отметил в выступлении на XXVI съезде КПСС Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар¹⁵.

Пекин, который вот уже более двух десятков лет не может навести порядок у себя дома, обладает удивительным свойством вмешиваться в дела социалистических стран, занимается шпионажем, провоцирует трудности и даже ведет необъявленную войну против некоторых стран.

Наибольшему нажиму со стороны Пекина подвергаются Вьетнам, Лаос, Монголия и Куба. Эти страны рассматриваются в Пекине как враждебные государства, и в борьбе с ними китайские гегемонисты не стесняются в средствах.

Характеризуя образ действия империализма и пекинских экспансионистов, Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан отметил в своем выступлении на XXVI съезде КПСС, что, «стремясь вернуть утраченные позиции, они с каждым днем все теснее сближаются, сговариваются, пытаются контратаковать революционные силы»¹⁶. Китай ежедневно совершает вооруженные нападения на приграничные районы СРВ (в 1980 г. свыше 2500 налетов на населенные пункты и пограничные посты), китайское правительство прервало в марте 1980 г. переговоры с Вьетнамом и отклонило несколько предложений вьетнамской стороны о продолжении переговоров, в Пекине пригреты предатели, бежавшие из Вьетнама, против СРВ ведется психологическая война.

Пекин оказывает нажим на Лаос, готовит и засылает в эту страну вооруженные банды, поощряет остатки реакционных сил на борьбу против народно-демократического государства. Генеральный секретарь ЦК НРП Лаоса, премьер-министр ЛНДР Кейсон Фомвихан сказал на XXVI съезде КПСС: «В прошедшие пять лет нам противостоял злобный контрреволюционный союз империализма, пекинского великодержавного гегемонизма и международной реакции, которые не гнушались ничем, чтобы запугать нас, нанести нашей стране вред»¹⁷.

Пекинские власти продолжают военные приготовления у границ Монголии, строительство дорог и военных объектов. Против МНР ведется враждебная пропаганда, особенно по радио. Китайская сторона требует выплаты свыше 50 млн. долл., которые она затратила в свое время на сооружение некоторых промышленных объектов и жилых домов, хотя многие объекты и дома были оставлены недостроенными, в связи с чем Монголия понесла значительные убытки.

Для подрывной работы в МНР используются хуацяо, которых насчитывается около шести тысяч. Многие хуацяо ведут антимонгольскую пропаганду, распространяют ложные слухи. В последние годы среди хуацяо выявлено немало случаев накопления в недозволенном количестве редких и драгоценных металлов с целью их переправки через границу или спекуляции; были даже обнаружены производство и спекуляция опиумом и другими наркотическими веществами. Самым серьезным следствием антисоциалистической подрывной политики, проводимой Пекином, является то, что некоторые хуацяо оказываются в сетях китайских спецслужб¹⁸.

¹⁵ См.: «Правда», 25.II.1981.

¹⁶ «Правда», 25.II.1981.

¹⁷ «Правда», 26.II.1981.

¹⁸ См.: «Монголия», 1980, № 2, с. 23.

Народно-революционная партия, монгольский народ дают решительный отпор политике Пекина, уверенно преобразуя свою страну и строя социализм. «Продолжение Пекином реакционного маоистского курса — это реальная опасность делу мира и спокойствия не только в Азии, но и во всем мире, — сказал Ю. Цеденбал в выступлении на XXVI съезде КПСС. — Поэтому борьбу против империализма и реакции, за социализм и прогресс наша партия неразрывно связывает с борьбой против реакционного маоизма, великодержавного гегемонизма китайских лидеров»¹⁹.

Китайская пропаганда постоянно клеветает на Кубу, осыпает ее оскорблениями, поддержку ею национально-освободительных революций представляет как служение «социал-империализму», призывает Вашингтон расправиться с островом Свободы. Пекин пытается вмешаться даже в дела движения неприсоединения, подорвать позиции прогрессивных государств, утверждая, будто Куба, как и Вьетнам, не соответствует этому движению и должна быть исключена.

Действуя дифференцированно, Пекин стремится выделить свои отношения с КНДР, Румынией и Югославией. В 1980 и в 1981 гг. в Китае побывали главы правительств этих стран. Премьер Государственного совета КНР Хуа Гофэн участвовал в похоронах президента И. Б. Тито, и тогда же, в мае 1980 г., посетил Румынию. Между указанными странами и Китаем существуют контакты по партийной линии, имеет место обмен военными делегациями. Стороны не раз заявляли о близости или совпадении позиций по многим вопросам. Вместе с тем между названными странами и Китаем имеются и значительные разногласия. В Пхеньяне видят, что китайское руководство занимает двойственную позицию по вопросу вывода войск из Южной Кореи, между Пекином и Вашингтоном есть взаимопонимание в этом деле. Не принимают КНДР, Румыния и Югославия наветов Пекина на политику СССР. Румыния и Югославия твердо высказываются за продолжение разрядки, за предотвращение мировой ракетно-ядерной войны. Растет разочарование в Пхеньяне, Бухаресте и Белграде в связи с неспособностью КНР выполнить свои экономические посулы и сокращением торгово-экономических связей.

Вследствие экономических трудностей в Китае и неопределенности перспектив Пекин хотел бы сократить поставки в КНДР угля и нефти, серьезные споры идут о ценах, о порядке расчетов. Во время визита в январе 1981 г. премьера Административного совета Ли Ден Ока в КНР удалось согласовать план экономического сотрудничества двух стран только на один год.

В ходе поездки в Китай премьер-министра СРР И. Вердеца румынская сторона, ссылаясь на то, что торговый протокол в 1980 г. по многим позициям не выполнен, добивалась расширения торговли, но китайская сторона уклонилась от заключения долгосрочного соглашения. Румынская сторона убедилась в бесперспективности совместной разработки в Китае месторождений железной руды, коксующегося угля, разведки нефти, производства тракторов и самолетов. Румыния предложила начать погашение кредита промышленным оборудованием и продукцией машиностроения; китайская сторона отказалась, ссылаясь на несоответствие предлагаемой техники мировым стандартам. Китай отказался также от закупки румынских буровых установок.

Еще хуже обстоит дело в сфере китайско-югославских экономических связей. План товарооборота выполнен в 1980 г. лишь на 50 %, объем торговли составил менее 150 млн. долл., доля Китая во внешней торговле СФРЮ составила лишь 0,4 %. Во время пребывания в Китае

¹⁹ «Правда», 26. II. 1981.

председателя Союзного исполнительного веча Югославии В. Джурановича в ноябре 1980 г. обе стороны признали, что слишком оптимистически оценивали перспективы торгово-экономических связей. Не было подписано долгосрочное соглашение.

Политика Пекина в отношении Болгарии, Венгрии, ГДР, ПНР и ЧССР по-прежнему направлена на то, чтобы ослабить сотрудничество и дружбу с Советским Союзом, сбить на позиции автаркии и нейтралитета и в конечном счете развалить социалистическое содружество или хотя бы ослабить его.

Пекин, ведя враждебную политику в отношении Организации Варшавского Договора и СЭВ, по-своему «оценивая» события в социалистических странах, выражая сочувствие в связи с «разделением» Германии, декларирует стремление прекратить полемику, расширить экономические и научно-технические связи и налаживать сотрудничество в форме производственной кооперации, приступить к культурному и спортивному обмену и т. д. Однако братские страны обращают внимание китайской стороны на то, что все эти примирительные маневры сопровождаются противодействием разрядке, апологетикой войны, нарастанием враждебной СССР и ряду других социалистических стран деятельности китайского руководства. Как отметил в выступлении на XXVI съезде КПСС Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков, «особенно усердствует в антисоветской и антисоциалистической деятельности нынешнее китайское руководство, которое, сгорая от нетерпения увидеть созданным мировой контрреволюционный фронт против СССР и социалистических стран, приветствует любые действия и любое слово, направленные против разрядки»²⁰. В этих условиях предложения Пекина об улучшении отношений с социалистическими странами не имеют смысла.

Какие цели преследует Пекин и чего стоят его призывы к улучшению отношений, показывает провокационная роль китайских правителей в связи с событиями в Польше. Китайская пропаганда пытается протасить мысль о том, будто события в Польше — это неизбежные последствия строительства социализма и сотрудничества социалистических государств²¹. Она выражает свое сочувствие контрреволюционным элементам, призывает империализм занять «решительную, единодушную позицию»²². Китайские власти хотели бы видеть Польшу не социалистической страной, надежным членом Организации Варшавского Договора, а страной, охваченной хаосом и попавшей под власть контрреволюции. В этом и отражается действительное отношение Пекина к социалистическим государствам. МИД ПНР пришлось сделать ряд серьезных представлений посольству КНР по поводу антипольской пропаганды Пекина.

Кроме того, жизнь подтверждает, что многие предложения китайской стороны — просто демагогия. Несколько лет назад Китай обещал социалистическим странам большие торговые заказы, но в 1979 г. объявил, что в дальнейшем торговля с ними значительно сократится, что и действительно произошло. Например, Китай отказался от традиционных венгерских поставок станков, грузовиков, кабеля, кислородных баллонов и т. д. Попытки некоторых социалистических стран выяснить, что следует за предложениями о производственной кооперации, тоже показали, что китайская сторона на деле не готова к сооружению совместных предприятий, тем более сейчас, когда Пекин вынужден был заморозить строительство многих промышленных и иных объектов, сооружаемых при помощи Японии и западных держав.

²⁰ «Правда», 26.II.1981.

²¹ См.: «Жэньминь жибао», 14.XII.1980.

²² Там же, 17.XII.1980, 29, 30.III.1981.

Особняком стоят отношения Китая с Албанией, которые в целом находятся в замороженном состоянии; бывшие друзья группы Мао в Тиране резко критикуют порядки в КНР и ее проимпериалистическую политику. Китайская сторона тоже время от времени пишет о «неблагоприятной ситуации» в Албании²³. В 1980 г. китайские власти предложили Албании подписать протокол о товарообмене, но албанцы отказались, сославшись на тяжелые условия, выдвинутые китайской стороной.

Политика Пекина в отношении социалистических стран является ныне составной частью контр наступления империализма, особенно американского, на позиции мирового социализма, коммунистического и национально-освободительного движений.

Углубление противоречий с развивающимися странами

Нетерпение в осуществлении гегемонистских устремлений и логика сближения с империализмом привели к обострению противоречий Китая с развивающимися странами. Ничего не осталось от прежней политики союзника народов, борющихся за освобождение и укрепление независимости.

Потерпев поражение в Кампучии, китайские правители вдохновляются и вооружают банды Пол Пота и Сон Санна, стараются превратить Таиланд в базу постоянных налетов на Кампучию и Лаос и втянуть страны АСЕАН в борьбу против стран Индокитая, подталкивают США на интервенцию. Даже Н. Спанук был извлечен в январе 1981 г. из нафталина и втянут в провокационную возню.

В Таиланде, Сингапуре, Малайзии, на Филиппинах, входящих в АСЕАН, а также в Бирме побывали многие высокопоставленные деятели КНР, в том числе в 1981 г. новый премьер Государственного совета КНР Чжао Цзяян; в Китае в 1980 г. находились главы правительств Бирмы, Таиланда и Сингапура.

Пекин поощрял осуществляемое в рамках АСЕАН политическое сотрудничество, выработку единой позиции по основным международным проблемам, призывал к налаживанию между странами АСЕАН военных связей. Обработка Бирмы шла в том направлении, чтобы удерживать ее от сближения с Вьетнамом и другими индокитайскими государствами.

Особое внимание КНР уделяла своим отношениям с Таиландом, стремясь закрепить его руководство на враждебных Вьетнаму позициях. Эта страна, по замыслу Пекина, должна стать плацдармом многолетней войны всякого рода разношерстных банд против Кампучии. США должны снабжать эти банды оружием, а Китай будет продолжать военный нажим на Вьетнам и Лаос и действовать в качестве режиссера затяжного военного конфликта в Юго-Восточной Азии. В адрес Бангкока неоднократно звучали провокационные призывы проявлять «твердость» в отношении стран Индокитая и обещания «встать на его сторону» в случае «вьетнамского нападения».

Страны АСЕАН по-разному реагировали на попытки Пекина надолго создать очаг напряженности в Юго-Восточной Азии. Правящие круги Таиланда уступают нажиму, мирятся с наличием на территории страны бандитских гнезд для нападений на Кампучию. Сингапурские власти крикливо требуют вмешательства в дела Кампучии, в вопрос

²³ См.: «Жэньминь жибао», 28.IV.1980.

о «внутреннем урегулировании», хотя, как известно, в НРК есть свое правительство. Малайзия, Индонезия и Филиппины занимают более сдержанную позицию; они лучше, чем тайландские и сингапурские власти, понимают, чего хочет Пекин, видят опасность вовлечения Таиланда в войну и возражают против китайской линии военного нажима на Вьетнам и Кампучию.

Отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии осложнялись тем, что Пекин продолжал поддержку маоистских антиправительственных сил в районе Юго-Восточной Азии, а эти силы в Бирме время от времени вызывают кровавые столкновения и в крупном масштабе. Страны ЮВА более остро ставят вопрос об отказе Китая от помощи маоистским группировкам в Юго-Восточной Азии. Стало заметно беспокойство США и в какой-то степени Японии в связи с лихорадочной активностью Китая в этом регионе, в первую очередь Таиланде, что также сказывается на позиции стран АСЕАН в отношении Китая.

Китай продолжал проводить недружественную политику в отношении Индии, прикрывая ее иногда дипломатическим камуфляжем.

Возвращение к власти партии Индийский национальный конгресс и формирование правительства во главе с Индирой Ганди явно расстроили китайских руководителей. «Жэньминь жибао» охарактеризовала победу ИНК и Индиры Ганди как неожиданную²⁴, а через три дня газета поносила премьер-министра за то, что она ввод ограниченного контингента советских войск назвала помощью Афганистану и «напала на США и Китай»²⁵. В ходе переговоров с министром обороны США Г. Брауном в январе 1980 г. руководители КНР рекомендовали Вашингтону «не оглядываться» на Индию, ибо не она, а якобы Пакистан является главным стабилизирующим фактором в Южной Азии. Они требовали от США предоставить максимальную помощь Пакистану, обещая в свою очередь поставить ему дополнительные партии оружия.

И. Ганди в передаче радиостанции «Франс Энтер» 10 января 1980 г. выразила беспокойство по поводу действий КНР и США в Южной Азии. Она заявила, что китайско-американский альянс «будет представлять опасность» для Индии и всего района; «Китай создает опасность для Индии», поскольку имеет экспансионистские намерения, от которых Индия уже пострадала. Позднее И. Ганди отметила, что к границам Индии приближается опасность, связанная с вооружением Пакистана Соединенными Штатами, Китаем и Саудовской Аравией. Но поставки оружия Пакистану представляют угрозу и его народу, а также затрудняют процесс нормализации индийско-пакистанских отношений²⁶.

Взрыв возмущения в Индии вызвало заявление Пекина, что «граница между Китаем и Индией никогда официально не была определена». Есть, дескать, «традиционная граница», но Индия в 50-е годы будто бы пересекла эту границу на восточном участке и «оккупировала китайскую территорию площадью 90 тыс. кв. км»²⁷. Глава правительства Индии указала, что, «хотя мы поддержали Пекин в ООН, он относится к нам очень враждебно. Китай до сих пор претендует на индийскую территорию»²⁸.

Министр иностранных дел КНР Хуан Хуа во время встречи с Индирой Ганди в Солсбери в апреле 1980 г., высыпав весь пекинский набор антисоветских тезисов, заверял в «дружеских чувствах» Китая к Индии, предлагал забыть прошлые недоразумения. Вопрос о границе,

²⁴ См.: «Жэньминь жибао», 10.I.1980.

²⁵ Там же, 13.I.1980.

²⁶ См.: «Правда», 22.II.1980.

²⁷ «Жэньминь жибао», 1.III.1980.

²⁸ «Le Matin», 4.III.1980.

дескать, не должен препятствовать нормализации отношений, он может быть обсужден — не решен, а лишь обсужден — после достижения определенного взаимопонимания между сторонами²⁹.

Индийская сторона высказалась в принципе за то, чтобы предпринять новые усилия для улучшения отношений, подчеркнув, что для этого нужны не словесные заверения, а практические дела, при этом улучшение двусторонних отношений не может происходить за счет отношений Индии с третьими странами.

Заверения в стремлении улучшить отношения с Индией потребовались Пекину, чтобы успокоить ее общественность и получить большую свободу рук для превращения Пакистана в ударную силу китайских гегемонистов и американских империалистов в Юго-Западной Азии.

Чего стоят эти заверения, показали события в северо-восточных провинциях Индии, происшедшие уже после того, как Пекин стал подавать сигналы о желании нормализовать отношения.

В результате националистических волнений и беспорядков в штатах Ассам, Трипура и Манипур и непрекращающихся сепаратистских выступлений в некоторых других районах нарушена нормальная жизнь на всем северо-востоке страны. По официальным данным, обнаруженным на сессии парламента, в Ассаме за девять месяцев убито 510 человек. В Трипуре, как сообщили информационные агентства ЮНИ и ПТИ, только за несколько дней убито более 300 человек, несколько тысяч ранено, около 50 тыс. остались без крова.

Комментируя события, индийская печать, опираясь на факты, прямо говорила о китайско-американском сговоре против независимости Индии. Агентство Пресс Эйша Интернэшнл рассказало, что на встречах американских и китайских «специалистов по организации подрывных действий» представители США рекомендовали Пекину расширить сферу деятельности, перенеся ее на штаты Нагаленд, Трипура и Ассам. Как Пекин, более двух десятилетий направляющий сепаратистские движения в этом районе, так ныне и Вашингтон ставят целью отторжение от Индии северо-восточных районов страны и образование там одного или нескольких марионеточных государств.

Пекин не намерен отказываться от политики захвата индийской территории. В июне 1980 г. Дэн Сяопин в интервью индийскому журналисту заявил, что территориальный вопрос можно было бы решить «пакетом»: Китай признает линию Макмагона, а Индия соглашается на закрепление за КНР территории, занятой ею в Аксайчине³⁰. Другой китайский деятель, Ван Биннань, тут же заявил, что у Пекина есть историческое свидетельство, документы, подтверждающие принадлежность Китаю территории южнее линии Макмагона. Иными словами, предлагали индийскую территорию, объявив ее китайской, обменять... на индийскую. Это циничное предложение вызвало протесты в Индии. Да и Пекин не смог долго удержаться на позициях стороны, предлагающей перемирие.

Признание Народной Республики Кампучии со стороны Индии вызвало раздражение руководителей КНР, китайская печать назвала этот акт «глупым»³¹, а Хуан Хуа, чтобы «наказать» Индию, отказался от визита, на который сам настойчиво и долго напрашивался. Однако уже весной 1981 г. китайские власти, стремясь подорвать советско-индийское сотрудничество, вновь заговорили о готовности улучшить отношения с Индией. В конце июня 1981 г. состоялся визит Хуан Хуа в Индию. Китайский министр иностранных дел, однако, не привез в своем портфеле ни отказа от захвата индийской территории, ни при-

²⁹ In: "Times of India", 19.IV.1980.

³⁰ In: "Statesman", 25.VI.1980.

³¹ «Жэньминь жибао», 9, 10.VII.1980.

знания факта включения Сиккима в состав Индии, ни гарантии прекратить антииндийскую деятельность в соседних государствах.

Обострение обстановки вокруг Афганистана в начале 1980 г. было использовано Пекином для того, чтобы сильнее привязать Пакистан к Китаю. Пекинские лидеры настойчиво добивались от Г. Брауна увеличения военной помощи США Пакистану, совместных действий с целью превращения его в китайско-американский плацдарм. В январе 1980 г. в Пакистане появился небезызвестный Бжезинский, а через несколько дней — Хуан Хуа. Китайский министр подталкивал пакистанские власти на активную борьбу против революционного Афганистана, обещал новые поставки оружия, инструкторов. Он всячески запугивал пакистанское правительство, утверждая, что ввод ограниченного контингента советских войск угрожает якобы самостоятельности Афганистана, заверял Зия-уль-Хака, что КНР и США «не оставят Пакистан» в беде. На территории Пакистана создана сеть лагерей, где китайские инструкторы обучают и вооружают банды, засылаемые в Афганистан. По Каракорумскому шоссе осуществляются поставки оружия в Пакистан.

Визит Зия-уль-Хака в КНР в мае 1980 г. ознаменовал собой дальнейшее сближение Пекина и Исламабада на авантюристической основе. Хуа Гофэн и другие китайские лидеры призывали Пакистан к «жесткому подходу» к СССР, усилению агрессии против ДРА. Позиция военного режима в Пакистане в отношении Афганистана была оценена как «ясная и справедливая». Зия-уль-Хак сетовал по поводу усилившихся мер ДРА с целью отражения интервенции и подавления контрреволюции, не по нутру ему оказались также решительные действия СССР, направленные на защиту революционных завоеваний и независимости ДРА. Он просил увеличить поставки танков, самолетов, а китайские власти обещали и впредь поддерживать Пакистан в «противодействии иностранной агрессии». По возвращении Зия-уль-Хак заявил, что его поездка была «чрезвычайно полезной», и «взаимопонимание во всех областях» укрепилось.

В июне 1981 г. в Пакистан приезжал премьер Государственного совета КНР Чжао Цзыян. Главная цель его миссии состояла в том, чтобы подтолкнуть Пакистан на затяжную необъявленную войну против ДРА и не допустить переговоров Исламабада с Кабулом.

Афганский народ увидел, что Пакистан и впредь намерен служить базой империалистов и гегемонистов для агрессии против ДРА. В Индии перспектива дальнейшего увеличения военных поставок Пакистану была расценена как угроза ее безопасности.

В китайской столице усмотрели в афганских событиях удобный для себя случай для провоцирования конфронтации США с Советским Союзом. Расширяя сферы взаимопонимания с американской администрацией, пекинские лидеры с учетом ее нынешнего курса всячески стремятся способствовать росту напряженности между Советским Союзом и странами социалистического содружества, с одной стороны, и Западом — с другой, не оставляя своих давнишних надежд столкнуть США с СССР в конфликте. Афганская тема была ведущей на переговорах в январе 1980 г. китайских лидеров с тогдашним министром обороны США Г. Брауном, в ходе которых подчеркивалась «общность стратегических целей».

Китайское руководство прилагает немало усилий к тому, чтобы представить события в Афганистане как «угрозу миру» в Азии и во всем мире, изобразить их чуть ли не главным источником напряженности в международных отношениях, результатом политики Советского Союза. Выступая по случаю пребывания в январе 1980 г. в Пекине вице-президента Египта Х. Мубарака, заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин договорился до утверждений, будто СССР намеревается «пробриться к югу, к Индийскому океану, с тем чтобы взять под

контроль морские пути, прибрать к рукам нефтяные месторождения».

Как сообщал в конце июня 1980 г., со ссылкой на американские разведывательные источники, журнал «Нью рипаблик», только на территории КНР было обучено методам ведения диверсионных операций около тысячи так называемых «афганских повстанцев», а на деле вооруженных бандитов. В качестве основных баз подготовки мятежников и террористов Пекин избрал приграничные с ДРА районы Пакистана. Там насчитывается 20 специальных лагерей и 50 опорных пунктов, где бандиты проходят подготовку под руководством китайских и американских «советников»³². Китайские «советники» действуют на территории самого Афганистана, сотни «специалистов» направлены Пекином в Пакистан, где они активно готовят бандитские формирования. Китай, подчеркивает журнал, является главным поставщиком оружия для контрреволюционеров. Пекин и Вашингтон полностью взяли на свое содержание контрреволюционное отребье из организации «братья-мусульмане». Китайская сторона предоставила финансовую помощь «афганским беженцам», находящимся в Пакистане³³. На территорию Афганистана перебрасывались целые формирования, тысячи и даже десятки тысяч мятежников и бандитов, вооруженных современным оружием и обученных террористическим актам. Только в 1979 г. прошли специальную подготовку не менее 15 тыс. наемников³⁴. Среди направляемого Пекином для банд оружия — специальная военная техника, включая ракеты класса «земля-воздух», минометы, безоткатные орудия, большое количество стрелкового оружия.

Стремясь максимально обострить обстановку вокруг Афганистана, китайские власти выступают против любой идеи политического урегулирования на основе полного прекращения интервенции. Они назвали трюком даже выдвинутую правительством ДРА 14 мая 1980 г. программу нормализации отношений с Пакистаном и Ираном и полного прекращения интервенции с территории этих стран, а также объявленный в июне 1980 г. правительством СССР частичный вывод советских воинских частей из Афганистана. Государственному секретарю США А. Хейгу, посетившему Китай в июне 1981 г., в Пекине на всех уровнях твердили, что афганский вопрос должен решаться только силой и что необходимо расширить интервенцию против ДРА.

Советская помощь сорвала планы американских империалистов и пекинских гегемонистов, направленные против независимости и свободы ДРА. На состоявшейся в конце января 1980 г. в Кабуле пресс-конференции для афганских и иностранных журналистов Генеральный секретарь ЦК Народно-демократической партии, Председатель Революционного совета ДРА Бабрак Кармаль заявил: «Срыв заговора, который вынашивали против независимого Афганистана империалисты США сообща с Пекином, режимами Садата и Бегина, — один из важнейших результатов нынешнего нового этапа апрельской революции»³⁵.

Для политики Пекина, все более прислуживающего американскому империализму, показательны развитие позиции в отношении революции в Иране. С одной стороны, китайские руководители хотели бы продемонстрировать, что они с пониманием относятся к иранской революции, сочувствуют усилиям, направленным на защиту независимости и безопасности страны. С другой — старались помочь империализму оправдать авантюристические действия администрации Картера в отношении Ирана, повернуть возмущение иранского народа в русло борьбы против СССР.

³² См.: «Правда», 22.I.1980.

³³ См.: «Жэньминь жибао», 20.II.1980.

³⁴ См.: «Правда», 20.I.1980.

³⁵ «Правда», 24.I.1980.

Истине вопреки «Жэньминь жибао» время от времени твердит о «братских отношениях» между Китаем и Ираном. В то же время Пекин ни словом не осудил концентрацию армады американских военных кораблей в Персидском заливе, угрозы по адресу Ирана и прямые агрессивные действия. Китайский представитель «проголосовал ногами», когда в Совете Безопасности ООН 1 января 1980 г. проводилось голосование по проекту резолюции об американских санкциях против Ирана. Этот проект провалился лишь потому, что СССР применил вето. Зато нет недостатка в заявлениях пекинских деятелей, что СССР несет ответственность за ирано-американский конфликт, что угроза Ирану исходит от «северного соседа», что иранский народ должен быть бдительным в отношении СССР.

Проявляя трогательную заботу об интересах американского империализма, Пекин упрекал западные страны в том, что «они не очень хотят нарушать свои отношения с Ираном»³⁶. В условиях всеобщего осуждения американской диверсии против Ирана 27 апреля 1980 г. было сделано заявление отдела печати МИД КНР, в котором выражалось сожаление по поводу случившегося³⁷. Китайская печать наряду с другими сообщениями опубликовала материал под заголовком: «Англия, Канада, Голландия, Австралия и другие страны восхищаются действиями США по спасению заложников»³⁸.

В свете этого у тегеранского радио были все основания заявить, что «Китай стал одним из стратегических звеньев в плане реализации престоупных целей американского империализма»³⁹.

Двуличным является отношение Пекина к событиям на Ближнем Востоке. С одной стороны, китайское руководство утверждает, что в основе египетско-израильской сделки лежит не капитулянтская линия Садата, а «уступки» Израиля, который пошел навстречу «новым предложениям» США, якобы позволившим вывести переговоры из тупика⁴⁰. В декабре 1979 г. китайская делегация не поддержала на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию о положении на Ближнем Востоке, в которой осуждались все частичные соглашения и отдельные переговоры, противоречащие принципам справедливости и всеобъемлющему решению ближневосточной проблемы. Вместе с тем, чтобы ослабить раздражение арабов такой позицией, Хуа Гофэн заявил на сессии ВСНП 18 июня 1979 г. о праве палестинского народа вернуться в родные края и создать государство. Вице-президент Египта Х. Мубарак, посетивший КНР в январе 1980 г., заявил, что «правительство Китая дало согласие на продолжение военного и экономического сотрудничества с Египтом, но желает, чтобы никакие сведения об этом сотрудничестве, не распространялись, поскольку вопрос щепетилен и может оказать влияние на отношения Китая с другими странами»⁴¹. Организация освобождения Палестины настаивала на официальном осуждении Китаем египетско-израильского торга, но Пекин отказался. Руководство палестинским движением отметило, что улучшение отношений с Китаем возможно, если Пекин проявит готовность «изменить свой подход к политике Садата»⁴².

* * *

После катастрофического спада активности Китая на Африканском континенте китайское руководство, увидев, что страны Африки все

³⁶ «Жэньминь жибао», 26.IV.1980.

³⁷ См.: «Жэньминь жибао», 28.IV.1980.

³⁸ Там же, 27.IV.1980.

³⁹ Цит. по «Красная Звезда», 5.VIII.1980.

⁴⁰ См.: «Жэньминь жибао», 22, 29.III.1979.

⁴¹ «Аль-Ахрэм», 22.I.1980.

⁴² «Ар-Рай аль-Амм», 16.III.1980.

более убеждаются в том, что Пекин — прислужник американского империализма, в 1980 г. попыталось интенсифицировать контакты с африканскими государствами. Как и ранее, в политике КНР в Африке выделяются три взаимосвязанных направления: борьба за укрепление и расширение влияния КНР на континенте, содействие Западу в его политике в Африке, антисоветизм. Африканским руководителям пытаются внушить мысль, что источником многих их проблем является «советская экспансия», что действия США, других западных держав в Африке — это «вклад в общую борьбу против экспансии».

Главными партнерами Пекин считает консервативные режимы в Заире, Судане, Сомали. Им оказывается некоторая помощь, в том числе — военная. Китайские правители одобрили оказание некоторыми африканскими государствами услуг США в наращивании военной мощи в Персидском заливе. Пекин продолжает помогать реакционным группировкам, борющимся против правительства Анголы, сомалийским налетчикам в агрессии против Эфиопии. Даже отношения с Зимбабве, установленные в апреле 1980 г., когда страна получила независимость, начинают давать трещины из-за попыток диктовать Зимбабве, что делать, и помощи Пекина антиправительственным силам в Анголе, которая осложняет борьбу народа Намибии за освобождение. Власти Зимбабве ограничивают публикацию информации о Китае в печати и по радио, Зимбабве отмежевалась от позиции КНР в отношении Вьетнама; визит премьер-министра Зимбабве Р. Мугабе в Китай в мае 1981 г. не привел к заключению серьезных соглашений, Китай не смог оказать сколько-нибудь значительную помощь молодой республике. Наконец, хотя китайское руководство высказывается формально в поддержку СВАПО в Намибии, оно и там старается угодить империализму, солидаризуясь с попытками решить проблему Намибии по родезийскому образцу. «Запад дает высокую оценку усилиям пекинских руководителей в Африке... — с полным основанием писал нигерийский журнал. — Национально-освободительная борьба Африки порождает страх и гнев на Западе и среди его союзников; Пекинское руководство стало союзником США. Их совместные подрывные действия угрожают стабильности во многих районах мира и подвергают серьезной опасности мир в Африке и в других районах земного шара»⁴³.

* * *

Стержнем политического курса Пекина в отношении стран Латинской Америки оставалось противодействие расширению ими отношений с СССР и другими социалистическими странами, прежде всего — Кубой, осуществляемое параллельно с США. Китайские правители утверждают, что Латинская Америка — «дымящийся вулкан», «готовый взорваться пороховой погреб», что положение там характеризуется «беспорядками». И все это, оказывается, вызывается не эксплуатацией американскими монополиями, а соперничеством между СССР и США⁴⁴.

По-прежнему весьма тесными остаются связи между Пекином и режимом Пиночета в Чили. Зато весьма подозрительно китайские руководители восприняли победу патриотов в Никарагуа. Не удивительно, что Государственный совет Никарагуа летом 1980 г. принял решение не устанавливать дипломатических отношений с КНР ввиду ее опасной для дела мира политики. Подыгрывая администрации Р. Рейгана, китайское руководство открыто враждебно встретило народное восстание в Сальвадоре; разглагольствуя о «проникновении», «подрыв-

⁴³ "Times international", 7—13.VII.1980.

⁴⁴ См.: «Жэньминь жибао», 31.XII.1979.

ной деятельности», «вмешательстве» СССР и Кубы, Пекин полностью оправдывал интервенцию США в этой стране⁴⁵.

В роли младшего партнера

На рубеже 70-х и 80-х годов происходило расширение политического, экономического, научно-технического сотрудничества, военных связей КНР с некоторыми империалистическими государствами.

США рассматривались в Пекине в качестве главного военно-политического партнера, и китайское руководство многократно заявляло, что китайско-американские отношения диктуются «глобальной стратегической потребностью»⁴⁶. Администрация Картера в свою очередь подчеркивала значение Китая для стратегических интересов США. В январе 1980 г. в Китай приезжал тогдашний военный министр США Г. Браун, выступивший с рядом заявлений. Браун и его китайские собеседники, среди которых были Дэн Сяопин и Гэн Бяо, отметили «общность стратегических интересов» и возможность «дополняющих друг друга акций не только в дипломатической сфере, но и в области обороны». Во время визита в Китай Браун обещал содействие США в модернизации военных отраслей промышленности. Администрация Картера разрешила продажу Китаю оборудования двойного назначения, вспомогательной военной техники и технологии: два спутника связи, радары технической воздушной обороны, военно-транспортные вертолеты, большие военно-транспортные самолеты, приспособления для испытаний реактивных двигателей, радиооборудование, компьютеры и т. д. (Однако, как писала 3 марта 1981 г. «Крисчен сайенс монитор», еще не была заключена ни одна сделка, причина — финансовые трудности.) Делались намеки на возможность продажи Китаю оружия. «Китай, — констатировал известный американский обозреватель Дж. Крафт, — превратился в главного стратегического союзника США против СССР»⁴⁷.

Пекин и Вашингтон обмениваются информацией по международным вопросам, включая сведения, собранные разведкой, осуществляют регулярные консультации, согласовывают свои позиции. Совместно или на параллельных курсах Пекин и Вашингтон действуют против социалистического содружества, стран Индокитая, Афганистана, КНДР, Ирана, Анголы, Эфиопии, китайские руководители поддерживают линию американского империализма на обострение международной обстановки, гонку вооружений. Они даже призывают западноевропейские страны не допускать разногласий с США по международным вопросам, поскольку такие разногласия «используются Советским Союзом»⁴⁸.

США стали вторым после Японии торговым партнером Китая. Китаю предоставлен особый статус в рамках американского закона о контроле над экспортом, что создает благоприятный режим в области продажи ему новейшей технологии и оборудования. Объем торговли в 1980 г. составил 4,6 млрд. долл. Однако экономические связи между двумя странами пока ограничены. Одна из причин этого заключается в дороговизне промышленного оборудования, больших процентах, под которые США предоставляют кредиты. Другая состоит в том, что американские фирмы занимают выжидательную позицию, поскольку они не убеждены в стабильности обстановки в КНР и надежности Китая как партнера.

⁴⁵ Там же, 26.II.1981.

⁴⁶ См. интервью Дэн Сяопина редактору газеты «Christian science monitor». — «Жэньминь жибао», 24.XI.1980.

⁴⁷ «Washington Post», 3.II.1981.

⁴⁸ «Жэньминь жибао», 18.VII.1980.

В силу сравнительно небольшого для США объема экономических связей с КНР они меньше других стран оказались задетыми, когда в связи с инфляцией, ограниченными резервами валюты, нехваткой электроэнергии, слабо развитой инфраструктурой экономика Китая явно надорвалась под бременем завышенных планов и правительство вынуждено было сократить капитальное строительство на 45 %, консервировать строительство около 300 промышленных объектов, в том числе сооружаемых при содействии иностранных фирм, аннулировать многие контракты на поставку оборудования. Но американские фирмы из этого сделали вывод, что в будущем надо проявлять еще большую осторожность. «Многие американцы и другие иностранные предприниматели, которые в течение двух лет пытались наладить деловые связи с Китаем, сейчас потихоньку свертывают свою деятельность... — отмечала американская газета. — Деловые перспективы не внушают оптимизма»⁴⁹.

Политика администрации Картера в отношении Китая вызывала серьезные возражения в Соединенных Штатах Америки. «Мы должны сознавать, — писал американский дипломат М. Тун в «Бизнес уик» в начале апреля 1980 г., — что когда-нибудь китайцы будут испытывать к нам такую же враждебность, какую испытывают сейчас русские... Мы поступили бы глупо, если бы предположили, что в отдаленной перспективе китайцы собираются быть нашими друзьями». «Для США нет никакой прямой выгоды в том, чтобы Китай быстрее или более энергично двигался в ряды крупных ядерных держав, — отмечала «Крисчен сайенс монитор». — Иными словами, нет никаких прямых преимуществ в том, чтобы помогать Китаю развивать свой ядерный потенциал»⁵⁰ «Пришло время критически оценить наши отношения с Китаем, вместо того чтобы придавать им искусственный импульс из-за наших нынешних проблем в отношениях с Советским Союзом», — говорилось в «Вашингтон пост»⁵¹. «Мы стали слишком тесно отождествлять себя с китайской военной политикой... Участие в антисоветской военной политике Китая не принесет пользу долгосрочным задачам США», — предостерегает профессор Д. Лэмптон⁵².

Во время избирательной кампании 1980 г. в лагере Р. Рейгана раздавались голоса, что США заплатили слишком дорого за установление отношений с Китаем, разорвав политические отношения с Тайванем, что нужно больше учитывать интересы Тайваня, что администрация Картера взяла чрезмерно много обязательств, которые невозможно выполнить, что ресурсы США не безграничны, и они не могут пойти на предоставление значительной экономической помощи Китаю. Отмечалось также, что Китай, спекулируя на сближении с США, усиливает свое влияние в Таиланде и некоторых других странах Юго-Восточной Азии. В связи с бурными протестами Пекина и резкими статьями в печати КНР в лагере Р. Рейгана рассуждали в том духе, что США нужны КНР больше, чем Америке Китай, и поэтому никаких реальных акций Пекин не предпримет. На церемонию вступления Р. Рейгана в должность вопреки протестам посольства КНР было приглашено большое количество представителей Тайваня.

После прихода Р. Рейгана в Белый дом новая администрация постаралась успокоить Пекин, но твердо дала понять, что будет руководствоваться в своих делах прежде всего интересами США. Чтобы успокоить китайское руководство, Вашингтон в марте 1981 г. направил в Пекин бывшего президента Дж. Форда. В июне в Китай приезжал

⁴⁹ "New York Times", 25.II.1981.

⁵⁰ "Christian science monitor", 4.VI.1980.

⁵¹ "Washington Post", 12.VI.1980.

⁵² "New York Times", 12.VI.1980.

А. Хейг. Американцы заверили власти КНР, что США будут проводить прежнюю политику в отношении КНР, стороны договорились о «стратегической координации», усилении нажима на Вьетнам, Кампучию и Афганистан, о снятии ограничений на продажу Китаю американской техники «двойного применения» и военной технологии. В то же время не удалось снять разногласий об отношениях с Тайванем. Администрация Рейгана твердо заявила, что будет выполнять Акт об отношениях с Тайванем, ибо это закон, имеющий для нее обязательную силу.

Если на США смотрят в Пекине как на военно-политического партнера № 1, то Япония является главным экономическим партнером Китая. Отношения между двумя странами развиваются с необыкновенной быстротой.

Стремясь расположить японцев, пекинские руководители подчеркивают намерение «учиться» у них, строить экономику с привлечением японской техники и кредитов. Об этом много говорил Дэн Сяопин во время визита в Токио. Во время визита Хуа Гофэна в Японию в мае 1980 г. была вновь подчеркнута важность дальнейшего расширения торгово-экономических обменов между двумя странами и высказано желание, особенно в свете нынешнего серьезного положения с запасами сырья и энергии, и дальше расширять отношения сотрудничества между двумя странами в этих областях, включая совместную разработку месторождений нефти и угля на долговременной и постоянной основе в соответствии с соглашением между заинтересованными организациями в обеих странах.

В ходе визита Хуа Гофэна в Японию было подписано соглашение о научном и техническом сотрудничестве между Японией и Китаем. Они условились способствовать дальнейшему научно-техническому сотрудничеству между двумя странами в рамках этого соглашения.

Стороны выразили свое удовлетворение дальнейшим расширением и развитием культурных обменов между двумя странами. В частности, они дали высокую оценку ходу выполнения программы обмена студентами и перспективам претворения в жизнь в Китае летом 1980 г. программы, призванной содействовать изучению японского языка.

Пекин и Токио решили проводить по мере необходимости встречи между представителями обеих стран на уровне членов кабинета министров с японской стороны и членов Госсовета с китайской стороны поочередно в столицах обоих государств для переговоров по широкому кругу вопросов, в первую очередь по проблемам двусторонних отношений.

Внешне вроде бы все обстоит благополучно. Но только внешне. Японская «Йомиури» писала, что в китайской столице должны понять, что даже «экономическое сотрудничество» имеет рамки в связи с разницей систем. «Токио симбун» высказала предположение, что «в дальнейшем Советский Союз усилит настороженность в отношении Японии. Поэтому опасаются возможного выхолащивания «всесторонней и мирной» дипломатии Японии»⁵³. То, что такие опасения обоснованы, продемонстрировала активность Хуа Гофэна в Токио в июне 1980 г., где он принимал участие в церемонии похорон М. Охире. Вкупе с представителями вашингтонской администрации Хуа прилагал усилия к вовлечению Японии в китайско-американскую кампанию, направленную на обострение международной обстановки.

Серьезные ухабы встречаются и на пути экономического сотрудничества Китая и Японии. Правда, японские монополии опередили своих западноевропейских и американских конкурентов, и объем китайско-японской торговли составил в 1980 г. 9,4 млрд. долл. В Пекине пред-

⁵³ «Токио симбун», 30.V.1980.

ставлены 40 крупных японских фирм, 33 банка Японии поддерживают отношения с Китаем. Но поскольку Япония больше всех взяла на себя обязательство об экономической помощи (строительство металлургических, машиностроительных, нефтехимических заводов, электростанций, двух реакторов на тяжелой воде, поиски и добыча нефти в Бохайском заливе, разработка месторождений каменного угля, цветных металлов и т. д.), то она больше других пострадала в результате сокращения капитального строительства в Китае и замораживания многих проектов. Китайская сторона аннулировала контракты о строительстве металлургического завода (вторая очередь) в Баошани, нефтехимических заводов в Нанкине и Шэньяне, химического завода в Пекине, завода компрессоров для холодильников.

Решение китайских властей явилось тяжелым ударом для многих японских фирм, которые понесли убытки в размере 300 млрд. иен. «Китайский бум в Японии до и после 1978 г. был порожден ошибочным предположением о быстрой модернизации Китая, — писала японская газета. — Теперь необходимо дать хладнокровную и реалистическую оценку в отношении Китая»⁵⁴. Состоялись малоприятные для обеих сторон переговоры. Японское правительство потребовало компенсировать японским фирмам понесенные ими убытки. Китайская сторона старалась успокоить японцев, обещала рассмотреть вопрос о компенсации.

В этих условиях тем более веско звучат в Японии предостережения против увлечения «дружбой» с Пекином. «Необходимо заранее принять все возможные меры для того, чтобы не допустить превращения Китая в державу, представляющую военную и экономическую угрозу». Таков главный вывод, содержащийся в докладе «Политика Японии в отношении Китая в 80-х годах», опубликованном Японским институтом по изучению международных проблем.

Содержание этого доклада отчетливо свидетельствует о том, что недавний «китайский бум» в Японии канул в Лету и наступил период отрезвления, ощущения реальной военной и экономической угрозы со стороны Китая, существенного пересмотра японо-китайских отношений.

Китайские правители явно потерпели поражение в стремлении обострить обстановку в Европе, помочь американской администрации в привлечении стран Западной Европы к санкциям против СССР. Западную Европу посетило много китайских эмиссаров, в том числе премьер и заместители премьера Государственного совета, министры. В Пекин совершил поездку президент Франции (октябрь 1980 г.), президент Италии (сентябрь 1980 г.), премьер-министр Нидерландов (октябрь 1980 г.), руководители некоторых других стран. Страны Западной Европы отмежевались от китайской оценки обстановки в мире, они заявили, что не считают войну неизбежной, выступают за продолжение разрядки, за осуществление мер по ограничению гонки вооружений. Ни одна из стран Западной Европы не присоединилась к американскому экономическому бойкоту СССР. Тогдашний президент Франции выразил надежду, что роль Китая в мире будет возрастать с ростом ответственности за дело мира и сдержанности; некоторое время спустя, в интервью телевидению 29 января 1981 г., Жискар д'Эстэн заявил, что было бы некрасиво использовать отношения с Китаем для давления на СССР. Лидер Французской социалистической партии Ф. Миттеран во время визита в Китай в феврале 1981 г. высказался против антисоветского альянса США, Китая и стран Западной Европы и подтвердил точку зрения ФСП о необходимости сохранения диалога с СССР для поддержания мира в Европе. Дистанцию в отношении Пекина держит правительство ФРГ; в правительственных кругах Бон-

⁵⁴ «Номмури», 15.IX.1980.

на отмечают, что Пекин хотел бы столкнуть Западную Европу с Советским Союзом, но этим расчетам вряд ли суждено сбыться.

Рассеялась и эйфория насчет возможности заработать на модернизации экономики Китая. В 1979 г. объем торговли Китая со странами «Общего рынка», особенно ФРГ, возрос, а в 1980 г. резко сократился. В начале 1981 г. китайская сторона отказалась от разработанного западногерманскими фирмами проекта строительства стана холодной прокатки стоимостью 500 млн. марок для металлургического комбината в Шанхае, проекта концерна «Маннесман-демаг» (440 млн. марок) и еще трех промышленных проектов (800 млн. марок). Франция предложила построить в Китае две атомные электростанции стоимостью 2 млрд. долл., но дело так и не движется. Отказались китайские власти от контрактов и с рядом фирм других западноевропейских стран.

Шоковое состояние бизнеса в западных странах трудно передать. А ведь удивляться нечему: Пекин преподнес еще один сюрприз, посылка о непредсказуемости поведения китайских правителей вновь подтвердилась. «Есть такие европейские компании, которые уже израсходовали несколько миллионов долларов на проекты для Китая, не заключив пока ни одного контракта», — отмечала в связи с этим французская газета⁵⁵. «„Медовый месяц“ западного бизнеса в Китае закончился, — констатировала английская пресса. — Многие бизнесмены считают себя обманутыми»⁵⁶.

* * *

Опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятилетия — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике.

Национализм и разрыв с социалистическим содружеством, авантюризм и безответственность привели к блокированию Пекина с империализмом и крайней реакцией. Империализм не только подталкивает китайских руководителей на борьбу против СССР, социалистического содружества, но и видит в них «пятую колонну», которую использует для подрывной деятельности в мировом революционном движении.

Полностью деструктивной является позиция Пекина в основном вопросе современности — вопросе о сохранении мира. Апологетика войны, сопротивление мерам, направленным на разрядку и разоружение, территориальные амбиции и вооруженные нападения на соседние государства — все это делает Пекин опасным источником войны. Между тем подлинным интересам китайского народа отвечала бы политика мира и нормальных отношений с другими государствами.

«Последовательно противодействуя экспансионистским устремлениям Пекина, агрессивной сути его политики, пропитанной патологическим антисоветизмом, Советский Союз считает вместе с тем необходимой нормализацию советско-китайских межгосударственных отношений на принципах мирного сосуществования. И он готов пройти в этом направлении свою часть пути»⁵⁷.

⁵⁵ "Le Monde", 8.VIII.1980.

⁵⁶ "Financial Times", 18.II.1981.

⁵⁷ А. А. Громыко. Ленинская внешняя политика в современном мире. — «Коммунист», 1981, № 1, с. 25.

Проверенным курсом к полной победе социализма

Е. П. Баврин

В мае 1981 г. в Улан-Баторе состоялся XVIII съезд Монгольской народно-революционной партии. Он собрался на стыке двух важнейших исторических событий в жизни братского монгольского народа.

Первого марта трудящиеся МНР и вместе с ними трудящиеся других братских стран социализма торжественно отметили 60-летний юбилей МНРП — боевого авангарда монгольского народа, вдохновителя и организатора всех его побед, а 11 июля отмечалось шестидесятилетие победы Монгольской народной революции. И это, естественно, наложило свой отпечаток на работу высшего форума монгольских коммунистов.

В Отчетном докладе ЦК МНРП и в выступлениях делегатов анализировались не только итоги общественно-политического и социально-экономического развития страны, достигнутые за пятилетний период, прошедший после XVII съезда, но и результаты плодотворной деятельности партии фактически за шесть десятилетий народной власти.

Особенно глубоко и обстоятельно были проанализированы результаты экономической и социальной стратегии партии, разработанной на XIV, XV, XVI и XVII съездах МНРП и конкретизированной применительно к каждому из этапов социалистического развития МНР. Ее высшая цель — все во имя человека, все для блага человека.

XVIII съезд партии с учетом возросших возможностей и потребностей страны уточнил стратегическую линию на 80-е годы. МНРП будет последовательно проводить курс на повышение материального благосостояния и культурного уровня жизни монгольского народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе всемерного развития общественного производства и повышения его эффективности, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности монгольских граждан.

Съезду предшествовали отчетно-выборные собрания и конференции, продемонстрировавшие нерушимое единство партии и народа, его горячую поддержку внутренней и внешней политики МНРП.

Очередной съезд монгольских коммунистов проходил в обстановке огромного политического подъема, трудового энтузиазма рабочих, кооперированных аратов, народной интеллигенции, по праву гордящихся тем, что уже достигнуто в строительстве новой жизни на древней, но из года в год молодеющей монгольской земле, их твердой решимости с удвоенной энергией бороться за успешное выполнение предначертаний XVIII съезда родной народно-революционной партии.

Победа Монгольской народной революции, которая произошла под благотворным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, стала поворотным пунктом в многовековой истории монгольского народа, создав благоприятные возможности для осуществления коренных преобразований во всех областях общественной жизни.

Ушла в прошлое многовековая технико-экономическая и культурная отсталость страны. Вместо единственной отрасли — раздробленного кочевого животноводства — возникла и быстро набирает темпы многоотраслевая экономика. Успешно решена одна из сложнейших задач революции — переустройство многочисленных индивидуальных аратских хозяйств на коллективных началах, что в значительной мере способствовало превращению сельского хозяйства в крупную отрасль народного хозяйства. Оно год от года становится все более технически оснащенным, интенсивным и многоотраслевым. Победа кооперативного движения в сельском хозяйстве Монголии завершила создание единой социалистической системы хозяйства.

В короткие исторические сроки зародилась и превратилась в одну из ведущих отраслей народного хозяйства национальная промышленность. Возникли современные транспорт и связь. Все более индустриальный характер приобретает монгольская экономика. Совокупная доля промышленности, строительства, транспорта и связи составляет 64 % общественного продукта и 46 % национального дохода. Впечатляющие итоги подлинной культурной революции, осуществленной в МНР.

Если говорить кратко, то суть опыта монгольского народа, осуществленного под руководством МНРП, состоит в том, что к реальному социализму Монголия пришла по укороченному пути, минуя капитализм, непосредственно от докапиталистических общественных отношений. Определяя историческое значение свершенного в Монголии, Л. И. Брежнев говорил: «Миновать капитализм — это значит избежать длительных мучений и страданий, на которые он обрекает трудящихся. Но вместе с тем это значит, что надо в короткий исторический срок проделать всю ту работу по развитию производительных сил, которую капитализм ценой нещадной эксплуатации народных масс проделывает в течение столетий. Задача трудная, но выполнимая, и монгольский народ своим примером и опытом хорошо доказывает это»¹.

XV съезд МНРП, состоявшийся в июне 1966 г., определил экономическую и социальную стратегию партии на период завершения полного построения в МНР социалистического общества. «Центральной экономической проблемой этого периода, — говорится в Программе МНРП, утвержденной XV съездом, — является завершение создания в оптимальном комплексе материально-технической базы социализма путем дальнейшей индустриализации страны, механизации сельскохозяйственного производства, повышения уровня технической оснащенности всех отраслей народного хозяйства. Партия ставит перед собой цель превратить МНР в ближайшем будущем в индустриально-аграрную страну, имеющую рациональную структуру добывающей и перерабатывающей промышленности, правильное и целесообразное сочетание основных отраслей социалистической экономики»².

Единодушное одобрение делегатами съезда Отчета ЦК в качестве руководящего документа партии, принятые съездом постановления, утверждение «Основных направлений развития народного хозяйства и культуры МНР на 1981—1985 гг.» — все это дает основание сказать, что трудящиеся МНР, последовательно претворяя в жизнь намеченный Программой партии курс, уверенно продвигаются к завершению построения социалистического общества. И в Отчете ЦК и в выступлениях делегатов отмечалось, что МНР, развивая высокими темпами общественное производство, неуклонно выполняла основную общественно-экономическую задачу — завершение создания материально-технической базы социализма.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1973, с. 254.

² XV съезд Монгольской народно-революционной партии. М., 1966, с. 177.

Убедительно свидетельствуют об этом и статистические данные, приведенные в докладе товарища Ю. Цеденбала.

Усилия партийных, государственных, хозяйственных и общественных организаций при осуществлении заданий шестой пятилетки (1976—1980) сосредоточивались на всемерном повышении эффективности общественного производства, улучшении качественных показателей работы на всех участках социалистического строительства.

Высокими темпами развивалось в стране общественное производство, в результате чего существенно возрос ее экономический потенциал. О масштабах его роста можно судить хотя бы потому, что объем капитальных вложений за шестую пятилетку (1976—1980) превысил средства, вложенные в народное хозяйство за предыдущие 13 лет. Ныне за каждые два дня осваивается столько капитальных вложений, сколько за весь 1940 г. В два раза больше средств (15 млрд. тугриков) было вложено в народное хозяйство и отрасли культуры по сравнению с предыдущим пятилетием. Основные производственные фонды в народном хозяйстве возросли за годы пятилетки в 1,7 раза, а по сравнению с 1940 г. — в 13,5 раза. За это пятилетие построено и введено в эксплуатацию 4,1 тыс. объектов производственного и социально-культурного назначения.

На 35 % увеличился совокупный общественный продукт, почти на 31 % — национальный доход. Две трети прироста национального дохода получено благодаря повышению производительности труда — она возросла в целом по народному хозяйству за пятилетие на 19,4 %, в том числе в промышленности на 22,7 %, в строительстве — на 27,7 % и т. д.

Продолжалось планомерное наращивание материально-технической базы сельского хозяйства. За годы шестой пятилетки в эту важнейшую отрасль монгольской экономики было направлено около 2,2 млрд. тугриков капитальных вложений.

Сельское хозяйство Монголии располагает теперь основными фондами (без учета скота), в 13 раз превышающими уровень 1960 г. В стране построено 60,2 тыс. животноводческих помещений, 30 тыс. шахтных и почти 5 тыс. буровых колодцев. В сельском хозяйстве работает 23 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении), 4,4 тыс. сеялок, 2,4 тыс. комбайнов и много других машин.

Систематическое оснащение сельского хозяйства современной техникой позволяет повышать степень механизации сельскохозяйственных работ и в полеводстве и в животноводстве.

С укреплением материально-технической базы сельского хозяйства средний годовой объем продукции отрасли возрос, несмотря на исключительно неблагоприятные погодные условия в течение трех лет пятилетки, на 6,3 % по сравнению с предыдущим пятилетием. Ежегодно выращивалось в среднем 8,3 млн. голов молодняка скота, что почти на 3 % больше, чем в 1971—1975 гг. Существенно возросло за пятилетие производство продуктов питания: мяса — на 12 %, молока на 5,4 %, сливочного масла — на 20 %, картофеля — на 88 %, овощей — на 29 %, яиц — в 2,5 раза. В целом же производство сельскохозяйственной продукции в МНР увеличилось в 1980 г. вдвое по сравнению с 1940 г., в том числе в животноводстве в 1,7 раза, в земледелии — более чем в 91 раз.

Основными производственными единицами в сельском хозяйстве МНР являются 255 сельскохозяйственных объединений (СХО), 62 госхоза и кормовых хозяйства, 29 межхозяйственных предприятий. В 1980 г. на одно СХО в среднем приходилась 441 тыс. га земельных угодий, более 10 млн. тугриков основных фондов, 70 тыс. голов общественного скота, 32 трактора (в пересчете на 15-сильные), 13 автомашин. Средние показатели, характеризующие масштабы производства в

животноводческих и сельскохозяйственных госхозах, таковы: на один госхоз приходится 42 млн. тугриков основных фондов, 16 тыс. га пашни, 240 тракторов (в пересчете на 15-сильные), 40 комбайнов. Изменения, происходящие на селе, свидетельствуют о глубоких сдвигах в укладе жизни сельских труженников, ведут к повышению культуры быта, способствуют постепенному внедрению элементов оседлости. Растут материальная обеспеченность труженников сельского хозяйства, их образовательный уровень. На селе работают сейчас десятки тысяч молодых людей, окончивших среднюю школу, профессионально-технические училища и учебные заведения. Здесь трудится свыше 6 тыс. специалистов с высшим и специальным средним образованием.

Последовательно осуществляется в стране социалистическая индустриализация, направленная на создание оптимального народно-хозяйственного комплекса, обеспечение всемерного подъема производительных сил МНР и дальнейшее укрепление материально-технической базы социализма.

В результате технического перевооружения действующих промышленных предприятий и ввода в эксплуатацию новых производственных мощностей объем промышленной продукции за 1976—1980 гг. увеличился в 1,5 раза, а основные производственные фонды — в 2,2 раза.

Особое внимание с учетом специфики страны обращалось в годы шестой пятилетки на развитие опережающими темпами топливно-энергетической базы народного хозяйства. За пятилетие производство электроэнергии удвоилось. Большие работы проведены по расширению и реконструкции действующих угольных разрезов и шахт. Быстрыми темпами осуществлялось сооружение флагмана монгольской топливной индустрии — Баганурского угольного разреза, ввод в эксплуатацию первой очереди которого позволит увеличить добычу угля в стране на 2 млн. т. Ускоренно развивалась также горнодобывающая промышленность. Большое значение для индустриального развития Монголии имеет пуск в эксплуатацию горнообогатительного комбината «Эрдэнэт», построенного при содействии Советского Союза и по своим масштабам входящего в десятку наиболее крупных в мире предприятий подобного рода. За два года производственной деятельности комбината произведено сверхплановой продукции на 60 млн. тугриков. Только в 1980 г. это позволило увеличить монгольский экспорт на 20 %.

Существенно возросли производственные фонды промышленности строительных материалов, легкой, пищевой и других отраслей.

Быстрое наращивание производственного потенциала монгольской промышленности находит яркое выражение в росте объемов промышленного производства республики, которое достигло к концу 1980 г. 4 млрд. тугриков и возросло по сравнению с 1940 г. в 32,2 раза. Ныне промышленность страны за 4 минуты производит столько продукции, сколько ее производилось за весь 1922 г. На долю промышленности приходится 63 % прироста национального дохода страны.

Значительные успехи достигнуты в развитии культуры в республике, в повышении материального благосостояния трудящихся, в реализации программы социального развития. В 1,5 раза выросли средства, выделенные из государственного бюджета на мероприятия в этой области. Выплаты и льготы в расчете на душу населения увеличились в 1980 г. по сравнению с 1975 г. на 23 %. Денежные доходы населения возросли более чем на 32 %. На 30 % возрос розничный товарооборот республики. За годы шестой пятилетки было построено столько жилья, сколько его было введено за две предыдущие пятилетки. В три раза возрос объем оказываемых населению бытовых услуг, в том числе в 6 раз — на селе.

Одним из наиболее впечатляющих показателей правильности социальной политики МНРП, говорилось на ее XVIII съезде, является то,

что население страны, которое до революции 1921 г. неуклонно сокращалось, возросло за годы народной власти в три раза. В настоящее время Монгольская Народная Республика по целому ряду показателей экономического и культурного роста опережает многие страны Азии, да и не только Азии. Это наглядно подтверждают данные о производстве на душу населения мяса, шерсти, пшеницы, электроэнергии, угля. Об этом же говорят данные об уровне развития в стране народного просвещения, здравоохранения и др.

Ныне МНР — страна сплошной грамотности, где 84 % населения в возрасте старше 12 лет имеет образование, из них 44 % имеет оконченное и неоконченное высшее или среднее образование. На 10 тыс. человек в МНР приходится 2758 учащихся, 22 врача и 107 больничных коек. В борьбе за здоровье народа широко используются достижения современной медицинской науки и техники. В народном хозяйстве страны работает сейчас свыше 80 тыс. высококвалифицированных специалистов.

Определяя линию в социально-экономической политике МНРП на 1981—1985 гг., XVIII съезд МНРП указал, что главная задача седьмой пятилетки состоит в обеспечении «поступательного развития общественного производства, дальнейшего наращивания экономического потенциала страны и в достижении на этой основе неуклонного роста материального благосостояния и культурного уровня жизни народа».

Решениями XVIII съезда предусмотрено увеличить объем совокупного общественного продукта в 1981—1985 гг. на 41—45 %, национальный доход — на 38—41 %. О масштабах намечаемых планов говорит хотя бы тот факт, что основные фонды народного хозяйства за седьмую пятилетку увеличатся на 55—60 %, в том числе производственные — на 60—65 %. Более 70 % капитальных вложений — а они в целом должны возрасти на четверть — будет направлено на развитие материально-производственной сферы.

В качестве узловой народно-хозяйственной проблемы наряду с количественным ростом производственного потенциала намечена линия на интенсификацию экономики, всемерное повышение ее эффективности на базе постоянного роста производительности труда, внедрения научно-технических достижений и передового опыта, улучшение качества работы на всех участках, полное использование производственных мощностей, экономии материальных, финансовых и трудовых ресурсов.

Большое внимание обращено на обеспечение устойчивого развития сельскохозяйственного производства и повышение его эффективности с целью более полного удовлетворения возрастающих потребностей населения в продуктах питания, а промышленности — в сырье.

В этой связи съезд наметил систему мероприятий по укреплению материально-технической базы отрасли, развитию межхозяйственной кооперации и специализации в производстве кормов, откорме скота, строительстве сельхозобъектов, внедрении в сельскохозяйственное производство интенсивных методов. Среднегодовой объем производства сельхозпродукции должен возрасти на 22—26 % по сравнению с предыдущей пятилеткой (в том числе мяса — на 5—6 %, молока — на 9—11 %, сливочного масла — на 20—25 %, яиц — в 1,5—1,6 раза). Заготовка кормов к концу пятилетки должна возрасти до 1,1—1,2 млн. т кормовых единиц, производство зерна — до 580—640 тыс. т (на 82 %). Поставлена задача ежегодно выращивать более 9 млн. голов молодняка скота.

Для успешного решения этих крупномасштабных задач намечается разработать комплексную целевую программу развития и повышения эффективности сельского хозяйства, в которой должны быть определены меры по неуклонному обеспечению страны продовольствием и сель-

скохозяйственным сырьем в увязке с решением социальных проблем на селе.

В соответствии с решениями XVIII съезда МНРП и в годы предстоящей седьмой пятилетки будет ускоренными темпами развиваться промышленность МНР с целью более полного удовлетворения в промышленной продукции потребностей народного хозяйства и населения. Выпуск промышленной продукции планируется увеличить в 1985 г. по сравнению с 1980 г. на 52—58 %. На укрепление материально-технической базы промышленности будет направлено 7,8—8,2 млрд. тугриков капитальных вложений, или в 1,3—1,4 раза больше, чем в прошлом пятилетии. Главным направлением развития отечественной промышленности наряду с обеспечением более полного использования уже созданных производственных мощностей, расширением и реконструкцией существующих предприятий будет оставаться строительство новых промышленных объектов.

При формировании индустриального комплекса МНР основной упор, как и в прошлой пятилетке, будет сделан (с учетом специфики страны) на обеспечение опережающего роста топливно-энергетической промышленности. На эти цели запланировано израсходовать почти половину капитальных вложений в промышленность. В годы седьмой пятилетки войдут в строй основные агрегаты самой крупной в МНР электростанции Улан-баторской ТЭЦ-4, линий электропередач Улан-Батор — Дархан, Баганур — Чойр-Ундур, Булган — Хар-Хорин, первая очередь угольного разреза в Багануре и др. В результате этого производство валовой продукции отрасли возрастет к концу пятилетки в 1,7 раза.

Ускоренными темпами будет наращивать производство и горнорудная промышленность. На базе созданной в стране мощной производственной базы и ее высокого технического уровня валовая продукция отрасли возрастет за пятилетку в два с лишним раза.

Еще большую роль в удовлетворении потребностей населения в товарах широкого потребления и продуктах питания будут играть отечественная легкая и пищевая отрасли промышленности. В легкой промышленности будут введены в эксплуатацию новые объекты по производству трикотажных и меховых изделий, ковров, обуви. С учетом этого, а также благодаря более полному освоению построенных предприятий объем валовой продукции этой отрасли возрастет в 1,5 раза. На развитие пищевой отрасли промышленности направляются средства, почти равные сумме капиталовложений в эту отрасль за три предыдущие пятилетки, вместе взятые. Будут построены и войдут в строй действующих шесть пищевых комбинатов, хладобойни в аймаках, пищекомбинат в Эрдэнэте, современные хлебо-кондитерское и молочное предприятия в Улан-Баторе. Производство продукции пищевой промышленности возрастет в 1,3—1,4 раза. Получат дальнейшее развитие также производство строительных материалов, лесная и деревообрабатывающая промышленность, металлообработка и т. д.

Наряду с количественным ростом продукции большое внимание будет уделено проблемам повышения эффективности промышленного производства, дальнейшему улучшению качества выпускаемых товаров.

В области промышленного строительства съезд монгольских коммунистов наметил, как и по другим отраслям народного хозяйства и культуры, масштабную, весьма напряженную, но вполне выполнимую программу. Успешная ее реализация позволит МНР сделать еще один шаг на пути превращения МНР из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну, постепенного сближения и выравнивания уровня ее экономического развития с высокоразвитыми социалистическими странами.

О правильности этой политики свидетельствует неуклонное повышение технической оснащенности сельского хозяйства, широкое внедрение

передовых индустриальных методов в строительство, транспорт и другие отрасли народного хозяйства.

XVIII съезд Монгольской народно-революционной партии сформулировал также задачи в области дальнейшего развития и углубления процесса социалистической индустриализации на ближайшее будущее. Эти вопросы МНР будет решать, как подчеркнуто в материалах съезда, на основе всемерного расширения и углубления интеграционных связей, специализации и кооперирования производства со странами — членами СЭВ и прежде всего с Советским Союзом. И это вполне закономерно.

Сотрудничество в рамках СЭВ позволяет МНР более эффективно участвовать в системе международного социалистического разделения труда в развитии как сельскохозяйственного, так и промышленного производства, сосредоточивая силы и средства прежде всего на оптимальном развитии тех отраслей, для которых в стране имеются наиболее благоприятные природные, географические и социально-экономические условия и которые дают возможность с наименьшими затратами в сравнительно короткий срок обеспечивать ускоренное социально-экономическое развитие страны, повышение эффективности создаваемого народнохозяйственного комплекса.

В этом плане для Монгольской Народной Республики, располагающей значительными потенциальными ресурсами для развития отраслей агропромышленного комплекса, первостепенное значение имеет дальнейшее расширение и углубление сотрудничества со странами — членами СЭВ в области сельского хозяйства, в отраслях легкой и пищевой промышленности, обеспечивающих комплексную переработку сельскохозяйственного сырья как для внутреннего потребления, так и для экспорта. Эти отрасли дают около 40 % совокупного общественного продукта, и в них сосредоточено примерно 60 % занятых в материальном производстве страны. На указанные отрасли приходится порядка 80 % экспортных ресурсов МНР.

Дальнейший рост сельского хозяйства, особенно животноводства, легкой и пищевой промышленности как в ближайшей, так и в более отдаленной перспективе является одним из важнейших условий активного включения МНР в систему социалистической экономической интеграции, повышения эффективности общественного производства и роста благосостояния монгольского народа.

Наряду с этим получит дальнейшее развитие сотрудничество в области горнодобывающей промышленности экспортного направления, прежде всего по добыче плавикового шпата и цветных металлов, а также топливно-энергетической промышленности, строительной индустрии, транспорта, связи и других отраслей народного хозяйства. При определении масштабов, сроков и целесообразности осуществления тех или иных проектов, предлагаемых для сотрудничества в этих отраслях, требующих, как правило, для своего освоения больших капитальных вложений и имеющих сравнительно длительный цикл воспроизводства, важно учитывать необходимость обеспечения прежде всего пропорционального развития экономики самой Монголии, повышения ее эффективности, создания рациональной структуры формирования и использования национального дохода, позволяющей наряду с ростом производственного потенциала страны создать условия для повышения жизненного уровня монгольского народа и решения актуальных социальных проблем.

На основе развития экономики и повышения эффективности общественного производства съездом намечена обширная программа дальнейшего подъема народного благосостояния. На 10—12 % возрастут реальные доходы на душу населения, на 4—6 % — заработная плата рабочих и служащих, на 20—23 % — денежные доходы членов СХО. Розничный товарооборот в седьмой пятилетке должен возрасти на 27—

31 %, при этом в значительных размерах будет увеличена продажа населению предметов длительного пользования (телевизоров, мотоциклов, холодильников, стиральных машин и др.).

Большое место в системе мер по повышению уровня жизни монгольского населения отводится жилищному строительству. За пятилетку должно быть построено 830—840 тыс. кв. м жилой площади, или более, чем имелось в стране к 1960 г. Намечены мероприятия по значительному расширению сети общеобразовательных школ и дошкольных учреждений. Будет усилена работа по созданию условий для постепенного введения всеобщего полного среднего образования детей школьного возраста.

Еще больший вклад в решение актуальных проблем экономического и социального развития МНР в соответствии с решениями съезда будет вносить наука. Усилия монгольских ученых в новой пятилетке будут сосредоточены на обеспечении скорейшего внедрения в народное хозяйство достижений науки и техники и передового опыта, на разработке путей совершенствования управления народным хозяйством, внедрении эффективных методов ведения сельского хозяйства, разработке мероприятий по увеличению добычи и запасов минерального сырья, экономии топливно-энергетических ресурсов.

Большое место в работе съезда заняли вопросы совершенствования планирования и управления народным хозяйством.

Отмечалось, что благодаря целеустремленной работе партийных и государственных органов в последние годы немало было сделано на этом важном направлении хозяйственной деятельности. Совместными усилиями монгольских и советских научных учреждений и центральных плановых органов с участием министерств и ведомств разработана Генеральная схема развития и размещения производительных сил МНР на период до 1990 г. Завершен в основном перевод промышленных предприятий и хозяйственных организаций на новую систему планирования и экономического стимулирования. Началось внедрение комплексной системы управления качеством в ряде отраслей народного хозяйства и т. п.

Для обеспечения высоких конечных результатов работы промышленных и сельскохозяйственных предприятий съезд признал необходимым продолжать улучшение форм и методов управления, усиливать воздействие хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы.

Обращено внимание прежде всего на повышение уровня планирования, на всемерное развитие и укрепление хозяйственного расчета, укрепление трудовой дисциплины и улучшение организованности на производстве. Намечены первоочередные проблемы, по которым будут разработаны комплексные программы, предусматривающие улучшение снабжения населения продовольствием, перспективное развитие сельского хозяйства в увязке с решением социальных проблем, рациональное использование трудовых ресурсов, опережающее развитие топливно-энергетической промышленности. Поставлена также задача продолжить разработку Генеральной схемы развития и размещения производительных сил МНР на период до 2000 г., а также основных направлений экономического и социального развития страны на предстоящие десять лет.

XVIII съезд Монгольской народно-революционной партии выдвинул перед коммунистами и всеми монгольскими трудящимися крупномасштабные и напряженные задачи, успешная реализация которых, как подчеркнуто в Отчетном докладе ЦК МНРП, «приведет к завершению создания материально-технической базы социализма в МНР, что обеспечит необходимые условия для постепенного перехода страны в историческую полосу построения развитого социалистического общества».

* * *

Видное место и в Отчете ЦК МНРП, и в выступлениях большинства делегатов съезда заняли вопросы международной деятельности партии. При этом подчеркивалось, что «главные направления внешней политики МНРП определяются ее принадлежностью к великому содружеству стран социализма, необходимостью обеспечения благоприятных внешних условий для строительства социализма в МНР».

Последние годы были ознаменованы дальнейшим расширением внешних связей МНР, ростом ее авторитета на мировой арене, активизацией участия республики вместе с братскими социалистическими странами в решении назревших международных проблем. В настоящее время Монголия поддерживает дипломатические отношения с 91 государством мира, культурные контакты — с 50 странами, торгово-экономические связи — более чем с 300 объединениями и фирмами 30 стран; она является участником более чем 20 правительственных и около 50 неправительственных организаций различного профиля. МНР состоит членом многих авторитетных международных организаций и специализированных учреждений ООН, она является участником более 60 важных международных многосторонних договоров и соглашений.

Делегаты с воодушевлением восприняли сделанный в Отчете ЦК вывод о том, что курс на всемерное сближение МНР с братскими социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом, определенный XVII съездом партии, успешно претворяется в жизнь.

На новую, более высокую ступень поднялись советско-монгольские отношения, которые включают в себя согласование внешнеполитических акций и идеологической деятельности, координацию народнохозяйственных планов и научно-технического обмена, установление прямых связей между партийными, государственными, общественными и хозяйственными организациями наших стран и многие другие формы сотрудничества.

За годы шестой пятилетки при содействии СССР в Монголии построено и начато строительство более 200 промышленных и сельскохозяйственных предприятий, культурно-бытовых объектов. Сдано в эксплуатацию в городе и на селе 550 тыс. кв. м жилья. Товарооборот между двумя странами возрос за шестую пятилетку на 71 %.

В июне 1980 г. подписано Советско-Монгольское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве на 1981—1985 гг., осуществление которого будет содействовать ускорению темпов развития народного хозяйства Монголии, повышению эффективности общественного производства, дальнейшему подъему народного благосостояния и тем самым успешному выполнению решений XVIII съезда МНРП.

В 1,5 раза за этот период увеличится товарооборот между СССР и МНР, достигнув 5 млрд. тугриков. Все более плодотворными становятся отношения МНР с другими братскими социалистическими странами, особенно с членами СЭВ. Год от года становятся шире и многообразнее экономические, культурные, научно-технические связи МНР с этими странами. Как и Советский Союз, другие страны — члены СЭВ активно участвуют в создании материально-технической базы социализма.

Деятельное участие принимает МНР в осуществлении мероприятий по социалистической экономической интеграции и долгосрочных целевых программ сотрудничества.

Всемерное укрепление и углубление отношений дружбы, интернационального союза и сотрудничества со странами социалистического содружества, подчеркнул Ю. Цеденбал на съезде, было и остается краеугольным камнем внешней политики партии и государства.

Резкому осуждению на XVIII съезде МНРП были подвергнуты проски и великодержавный авантюристический курс китайского руковод-

ства, которое выступает ныне в одном ряду с силами империалистической реакции и политика которого таит в себе угрозу миру и безопасности народов. «Что касается вопроса о наших взаимоотношениях с КНР, — говорил в Отчетном докладе ЦК МНРП товарищ Ю. Цеденбал, — то они ухудшились не по нашей вине. Причина этого заключается в извращении лидерами Китая принципов социализма, в грубом нарушении норм межгосударственных отношений и подмене их политикой и действиями великодержавного гегемонизма, угроз и диктата. В своих попытках осуществить экспансионистские планы в отношении нашей страны они прибегают к фальсификации истории и реальной действительности, к открытым военным приготовлениям против МНР».

Принципиальная классовая внешняя политика МНР находит свое выражение в упрочении двусторонних отношений с государствами Азии, в решительной поддержке, которую МНР оказывает освободительной борьбе народов этого континента, в содействии урегулированию нерешенных проблем, в разоблачении происков империализма и гегемонизма, их попыток подорвать успехи сил мира, демократии и социализма. Особое значение имеют ее последовательные усилия, направленные на распространение разрядки напряженности на Азиатский континент, установление между азиатскими государствами добрососедских отношений, опирающихся на демократические принципы и нормы международного права, превращение Азии в континент безопасности и сотрудничества.

Горячо поддержав выдвинутые XXVI съездом КПСС новые важные мирные инициативы Советского Союза, съезд монгольских коммунистов выступил с предложением о выработке и подписании конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана.

В тесном сотрудничестве с Советским Союзом и другими странами социализма, заявил на XVIII съезде МНРП товарищ Ю. Цеденбал, Монгольская Народная Республика будет всемерно содействовать укреплению мира и безопасности в Азии совместными усилиями азиатских государств, выступать за дальнейшее расширение политического диалога и развитие равноправного сотрудничества в различных областях со всеми азиатскими государствами.

Являясь активным отрядом международного коммунистического и рабочего движения, Монгольская народно-революционная партия последовательно выступает за его сплоченность на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. «МНРП, — заявил с трибуны XVIII съезда МНРП Ю. Цеденбал, — будет и впредь проявлять заботу об укреплении единства коммунистического движения, о расширении и углублении отношений с коммунистическими и рабочими партиями мира, с национально-демократическими партиями и движениями». Партия монгольских коммунистов неустанно добивается единства действий всех антиимпериалистических сил в борьбе за свободу и национальную независимость, достижение экономической самостоятельности и предотвращение угрозы войны.

Стремясь внести свой активный вклад в оздоровление обстановки на Азиатском континенте, съезд заявил о готовности МНРП принять участие в подготовке и проведении встречи представителей коммунистических и рабочих партий стран Азии для обмена мнениями по вопросам обеспечения мира и стабильности в этом важном районе мира.

Все свои успехи в социалистическом строительстве монгольский народ неизменно связывает с организующей и направляющей ролью Монгольской народно-революционной партии. И это с новой силой подтвердил XVIII съезд МНРП, продемонстрировавший нерушимое единство партии и народа, горячую поддержку трудящимися Монголии внутренней и внешней политики МНРП, ее практической деятельности. За

полное претворение в жизнь предначертаний партии монгольский народ ведет неустанную борьбу.

Каждый десятый взрослый житель МНР является коммунистом. В рядах партии сегодня 76,2 тыс. человек — на 13,9 % больше, чем накануне XVII съезда. 63,3 % вновь вступивших в партию — работники сферы материального производства. Среди членов партии 32,6 % составляют рабочие, 17,5 % — члены сельскохозяйственных объединений, 49,9 % — представители интеллигенции, 27 % коммунистов — женщины.

Социальный состав партии, уровень образованности ее членов (71,3 % коммунистов имеют высшее и среднее образование) ярко отражают те глубокие изменения, которые произошли в монгольском обществе за 60 лет со дня образования МНРП.

Сегодняшняя МНР — это социалистическое государство рабочих, кооперированного аратства (скотоводов и земледельцев) и трудовой интеллигенции.

Ведущей силой монгольского общества является рабочий класс, возникновение которого ускорило ход исторического развития МНР, ее переход от феодализма к социализму, минуя капитализм. Рабочий класс Монголии развивался и рос по мере создания и расширения социалистического сектора народного хозяйства, основывающегося на социалистической собственности на средства производства.

По данным на 1980 г., число рабочих и служащих вместе с членами семей, работающих во всех отраслях народного хозяйства, возросло в 8,9 раза по сравнению с 1940 г. Около 21 % рабочих занято в промышленности, примерно 8 % — в строительстве, свыше 11 % — на предприятиях транспорта и связи и около 11 % — в сельском хозяйстве.

С переводом сельского хозяйства на социалистический путь развития в масштабах всей страны преобладающее место в нем заняли члены сельскохозяйственных объединений и работники государственных хозяйств. Если еще в 1956 г. араты-единоличники и некооперированные кустари составляли вместе с членами семей почти 63 % самодеятельного населения, то в 1980 г. их доля снизилась до 0,3 %. В то же время численность членов СХО и кустарно-промысловых артелей в 1979 г. достигла 36,6 %.

Верно служит делу партии и народа монгольская интеллигенция, выросшая за годы революции из среды трудового аратства и рабочего класса. Ее рождение и становление — выдающийся результат культурной революции в МНР.

Социализм предоставил в распоряжение рабочего класса и аратства неограниченные возможности для получения всестороннего образования, для духовного роста, что позволяет им активно пополнять ряды интеллигенции. Особенно возрастает роль интеллигенции на современном этапе — этапе завершения создания материально-технической базы социализма.

В результате всех этих перемен рабочие, кооперированные араты-скотоводы и интеллигенция составляют ныне главную производительную силу монгольского общества.

За годы революции в МНР своей неустанной работой Монгольская народно-революционная партия воспитала новое поколение людей, для которых социализм стал делом жизни, людей деятельных и высокоидейных, самоотверженных патриотов и интернационалистов. Их отличают оптимизм и уверенность в своих силах, высокая политическая трудовая активность.

Всего сорок лет тому назад во всей Монголии насчитывалось лишь 22 человека с высшим образованием и немногим более 600 человек со средним специальным. А ныне в народном хозяйстве работает свы-

ше 80 тыс. высококвалифицированных специалистов, лишь за последние 15 лет специалистов с высшим и средним специальным образованием подготовлено в два раза больше, чем за все предыдущие годы народной власти.

Дипломированными специалистами, имеющими одновременно партийно-политическое образование, является в настоящее время подавляющая часть секретарей первичных партийных организаций, руководителей основных подразделений промышленности, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства.

Партию монгольских коммунистов отличают высокая идейность и организационная сплоченность, сознательность и активность ее членов. Большинство — 96 % передовиков производства, удостоенных в 6-й пятилетке высокого звания «Герой труда МНР», составляют коммунисты. Почти каждый пятый член партии является ударником пятилетки.

В центре внимания съезда находились вопросы повышения руководящей роли партии в монгольском обществе, дальнейшего улучшения ее организаторской деятельности.

В этой связи особо подчеркивалась необходимость дальнейшего усиления авангардной роли, трудовой и общественной активности каждого коммуниста на порученном ему участке работы.

В качестве одной из важнейших XVIII съезд МНРП поставил задачу совершенствования работы по изучению и распространению передового опыта, сделав основной упор на организационном обеспечении его внедрения.

Указано также на насущную необходимость повышать боевитость первичных парторганизаций с учетом того, что они ведут свою работу в гуще масс, в трудовых коллективах, где решается судьба планов, создаются материальные богатства и духовные ценности, утверждается социалистический образ жизни, формируется новый человек — активный строитель социализма.

* * *

Исторический опыт развития Монгольской Народной Республики доказал правоту и жизненность огромной преобразующей силы марксистско-ленинского учения о возможности перехода ранее отсталых стран при помощи и поддержке стран победившего пролетариата к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Он ярко и убедительно показывает, каких высот в политическом, экономическом и социальном развитии может добиться народ, который последовательно идет по этому пути.

Успехи в социалистическом переустройстве монгольского общества являются, несомненно, весомым вкладом МНРП в борьбу, ведущуюся на земном шаре за мир, демократию и социальный прогресс.

Поэтому не случайно к Монголии сегодня прикованы взоры многих стран, которые недавно завоевали свободу и перед которыми стоит вопрос о выборе пути своего развития. Об этом, о международной значимости совершенного монгольскими коммунистами страстно говорили с трибуны XVIII съезда МНРП представители многих коммунистических и рабочих партий мира, национально-демократических партий и движений.

Обращаясь к делегатам съезда монгольских коммунистов, член Национальной ассамблеи Сандинистского фронта национального освобождения Никарагуа Хасинто Суарес Эспиноса сказал: «Встав на путь больших свершений шестьдесят лет назад, вы сумели превратить феодальную страну в край прогресса, в надежный бастион социализма, подтвердив на деле величие и жизненную силу социализма».

«Достижения социалистической Монголии являются составной частью необратимого процесса движения человечества по пути свободы,

независимости, прогресса и социализма», — говорил, приветствуя съезд от имени коммунистов Португалии, член Политкомиссии ЦК Португальской коммунистической партии Динис Фернандес Миранда.

Исторический опыт Монгольской Народной Республики по построению социализма в отсталой стране кратчайшим путем, то есть минуя капиталистическую стадию развития, в эпоху империализма, как подчеркнул член Политбюро, заместитель Генерального секретаря ЦК партии Конгресса независимости Мадагаскара Ракотобе Реми, является объективной реальностью. Этот опыт ценен для стран Азии, Африки и Латинской Америки. Он показывает также, что тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими братскими социалистическими странами является гарантией успехов в строительстве новой жизни.

Представитель ООП в СССР и МНР, почетный гость XVIII съезда МНРП Аль-Шаф Мухаммед Ибрагим в своей речи заявил: «Мы всегда говорим своим соотечественникам-арабам: «Смотрите и учитесь у таких стран, как Монголия; о ней полвека назад никто ничего не знал, и какой она стала сегодня! Она превратилась в развитое аграрно-индустриальное государство с высокой культурой. И подтверждением этому, в частности, является полет гражданина Монголии в космос совместно с советскими космонавтами».

Опыт революции, осуществленной в отсталом средневековом государстве, опыт строительства социализма, минуя капиталистический этап, заявила член Центрального исполнительного комитета Коммунистической партии Индии Парвати Кришнана, имеет большое значение для нашего общего революционного дела.

Член ЦК Йеменской социалистической партии Абдала Ахмед Букейр сказал: «Наша Йеменская социалистическая партия с глубоким уважением относится к опыту вашей дружественной страны, которая на деле доказала возможность победы социализма в отсталых странах, минуя капитализм. Ваш опыт подтвердил, что наша эпоха является эпохой победы социализма и крушения капитализма во всемирном масштабе».

От души поздравляя монгольских братьев со славным юбилеем — 60-летием победы Монгольской народной революции, советские люди желают им новых больших успехов в претворении в жизнь величественных экономических и социальных планов, намеченных XVIII съездом МНРП, что будет способствовать еще более быстрому продвижению Монголии по пути социалистических преобразований.

Очередная попытка канонизировать маоизм (О решении VI пленума ЦК КПК)

В конце июня с. г. состоялся VI пленум ЦК КПК, который принял решение по некоторым вопросам истории Коммунистической партии Китая со времени образования Китайской Народной Республики. Это важный в жизни КПК документ, в котором дается обновленная официальная версия истории КПК. Появление подобного документа явилось результатом длительной борьбы внутри китайского руководства, которая развернулась после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и затрагивала, помимо прочих аспектов, проблему оценки «идей» и деятельности Мао Цзэдуна.

Решение призвано укрепить авторитет и единство КПК, основательно подорванные за последнюю четверть века, способствовать сплоченности КПК и китайского общества на основе идеализированного в решении маоизма, выдаваемого за обогащенный опытом китайской революции марксизм-ленинизм, квинтэссенцию коллективной мудрости партии. В документе предпринята попытка отделить «идеи» Мао Цзэдуна «как научную теорию, выдержавшую длительное испытание историей», от ошибок Мао Цзэдуна, представить маоизм в виде «духовной сокровищницы КПК», а самого Мао оставить в истории как «великого марксизма, великого пролетарского революционера, стратега и тактика», чьи заслуги в целом «в значительной степени преобладают над промахами».

Таким образом, решение VI пленума ЦК КПК утверждает обновленный маоизм в качестве незыблемой идейной и политической основы развития КПК и китайского общества в целом «на длительный период времени». Из этого следует, что VI пленум ЦК КПК сохранил в виде идейно-политической основы партии великодержавный шовинизм, принявший в Китае форму маоизма. Именно поэтому пленум не только не подверг критике ошибки Мао Цзэдуна на международной арене, но, наоборот, подчеркнул, что Мао Цзэдун «проводил правильный внешнеполитический курс», «выдвинул правильную стратегическую платформу», основанную на тезисе о трех мирах, «противился нажиму социализма империализма». В документе неоднократно подчеркивается мысль о борьбе против «гегемонизма», под которым имеются в виду Советский Союз и другие социалистические страны, и даже предпринята попытка возложить часть вины за «культурную революцию» в КНР на Советский Союз. В документе проводится тезис о том, что сам маоизм развивался и утверждался в борьбе против Коминтерна и Советского Союза. В то же время в нем почти не говорится о борьбе против империализма и других враждебных социализму сил. Это значит, что документ имеет явную антисоветскую, антисоциалистическую направленность.

В решении немало места отведено рассуждениям о социализме в КНР, хотя сам анализ процессов экономического и социального развития страны носит самый общий и неопределенный характер. Складывается впечатление, что авторы документа преднамеренно спекулируют

ют на идее социализма с целью представить маоизм как учение, ставящее своей задачей строительство социалистического общества. Одновременно бросается в глаза полное игнорирование опыта реального социализма в других странах.

В идейно-теоретическом и методологическом плане решение пленума ЦК КПК является типичным маоистским документом, содержащим большинство основных концепций и взглядов Мао Цзэдуна, отвечающих интересам современного китайского руководства. Каких-либо принципиально новых крупных выводов и положений в нем нет. Вместе с тем в документе есть некоторые новые оценки (критика IX съезда КПК, XI съезда, Хуа Гофэна и пр.), в целом связанные с критическим отношением авторов к «культурной революции», которая, однако, квалифицируется менее резко, чем прежде.

Во многих случаях авторы искажают историю, фальсифицируют события и факты. Документ имеет целью узаконить право нынешних китайских руководителей на власть в стране, представляя их на многочисленных исторических примерах как соратников и продолжателей «дела Мао Цзэдуна», способных не только критически корректировать его прошлую политику, но и творчески развивать его наследие, проводить «идеи Мао Цзэдуна» в жизнь лучше, чем их творец.

Анализ документа дает основание для вывода, что он представляет собой результат временного компромисса между основными группировками, ведущими борьбу за власть в современном Китае. Поэтому в новый вариант маоизма, санкционированный VI пленумом, включены «идеи Мао», отвечающие взглядам всех трех политических группировок китайского руководства.

Обосновывая и закрепляя политический курс прагматической группировки Дэн Сяопина и подчеркивая в связи с этим значение выводов III пленума ЦК КПК, решение VI пленума одновременно отражает ослабление позиций «леваков» и известное усиление «центристов», ориентирующихся на некоторые выводы VIII съезда КПК в области внутренней политики и опыт КНР периода 1949—1957 гг. и периода «урегулирования» 1961—1965 гг.

Поскольку соперничество между группировками не окончено и, несомненно, будет продолжаться и в будущем, в документе подчеркивается, что классовая борьба в КНР будет существовать еще длительное время, причем может обостриться при известных обстоятельствах. В связи с этим, говоря о постепенном создании «высокодемократического, социалистического, политического режима», решение одновременно призывает «бить по диверсионно-подрывной деятельности классового врага».

Следует обратить внимание на то, что решение VI пленума ЦК КПК пытается создать видимость марксистского оздоровления КПК, реабилитировать Мао Цзэдуна и маоизм, представить внешнеполитический курс КНР как якобы основанный на пролетарском интернационализме и принципах мирного сосуществования.

Решение пленума свидетельствует о том, что китайское руководство не только не пытается преодолеть маоизм, но, наоборот, предприняло попытку его реанимации и сохранения. Тем самым оно обрекает китайский народ на новые трудности и беды, которые неизбежно несет маоизм как чуждая интересам трудящихся, враждебная научному социализму идеология и политика.

Сам факт необходимости принятия второго в истории КПК решения, канонизирующего маоизм как руководящую идеологию и политику, свидетельствует о его теоретическом и практическом банкротстве.

Рассмотрение основных этапов истории КПК, особенно периода после 1949 г., и оценка важнейших событий в истории и современной жизни КПК в данном решении представляет собой фальсификацию процесса исторического развития КПК, призванную идеологически и теоретически оправдать курс нынешнего китайского руководства в области внутренней и внешней политики.

Вместе с тем эта фальсификация является попыткой путем признания ряда серьезных ошибок Мао Цзэдуна нейтрализовать ведущуюся КПСС и всеми марксистско-ленинскими партиями действительно научную критику извращений принципов социализма во внутренней и международной политике, антимарксистского политического курса Мао Цзэдуна и его преемников.

Эта фальсификация призвана положить конец критике Мао Цзэдуна и его последователей сознательной общественностью в самом Китае. Главная цель, которую при этом преследуют китайские руководители, состоит в том, чтобы не допустить утверждения в Китае марксистского подхода к истории КНР, который мог бы стать политической платформой борьбы здоровых сил за подлинно социалистический путь развития страны.

В очень кратком разделе решения VI пленума, посвященном истории КПК (с основания партии в 1921 г. до победы народно-демократической революции в 1949 г.), четко прослеживается преемственность фальсифицированной версии истории КПК, изложенной в решении VII пленума ЦК КПК от 20 апреля 1945 г.

В то же время VI пленум внес некоторые поправки в эту версию, чтобы придать ей видимость объективности, а главное показать, что вместе с Мао Цзэдуном и под его руководством действовала целая плеяда «выдающихся вождей», включая многих нынешних руководителей КПК, которые «внесли важный вклад в становление и развитие» «идей Мао Цзэдуна».

В решении впервые открыто говорится о давнишнем враждебном отношении Мао Цзэдуна к Коминтерну, КПСС и Советскому Союзу. Причем в ход пущена грубо сфабрикованная версия о будто бы имевшей место борьбе Мао Цзэдуна против ошибочных уклонов и тенденций в международном коммунистическом движении в конце 20-х — начале 30-х годов, когда марксизм якобы рассматривался как догма, а «постановления Коминтерна и опыт Советского Союза — как нечто священное», что «едва не завело китайскую революцию в тупик». «Именно в борьбе с этими ошибочными уклонами, — говорится в решении VI пленума, — формировались и развивались идеи Мао Цзэдуна».

Одновременно в решении полностью перечеркивается огромная помощь и поддержка со стороны Коминтерна и КПСС в деле становления и развития КПК, в разработке стратегии и тактики китайской революции. Более того, Коминтерн, в сущности, представляется как виновник «тяжелого поражения» революционных сил Китая в 1934 г., клеветнически утверждается, будто борьба против пятого карательного похода гоминьдана окончилась поражением вследствие «левавантюристического» руководства Ван Мина, который был представителем КПК в Коминтерне. В то же время в решении ни слова не говорится о левацко-авантюристической, антикоминтерновской линии Ли Лисаня, активным проводником которой был Мао Цзэдун. Известно, что возникший в результате этого серьезный кризис в партии был в то время преодолен с помощью Коминтерна.

Умалчивается в этом документе и об исторических решениях VII Конгресса Коминтерна, о решающем вкладе Коминтерна и КПСС в разработку новой политики КПК в связи с эскалацией Японией агрессии в Китае, то есть тактики единого национального антияпонского фронта. История подтвердила, что именно эта политическая линия по-

могла КПК в критический момент (в связи с поражением советского движения и расколом в партии и армии, возникшим в результате беспринципной фракционной борьбы между Мао Цзэдуном и Чжан Го-тао) выйти на путь успешного революционного развития и завоевания широких народных масс на свою сторону, что в конечном счете привело китайскую революцию к победе в 1949 г.

Пресловутое «движение за упорядочение стиля» (чжэнфэн), развернутое Мао Цзэдуном в разгар японо-китайской войны с целью разгрома интернационалистических сил в партии и подмены марксизма-ленинизма мелкобуржуазно-националистическими «идеями» Мао, выдается в решении «за марксистское идеологическое воспитание», которое якобы «дало огромный результат». VII съезд КПК (1945), единственный съезд партии, упомянутый за период до 1949 г., на котором «идеи» Мао были записаны в Уставе партии как «руководящие», представлен исключительным по важности съездом во всей истории китайской революции.

В решении VI пленума признается, что китайская революция на всех этапах своего развития пользовалась поддержкой революционных сил разных стран. Вместе с тем в решении подчеркивается, что, «говоря по существу, китайская революция, пройдя через бесчисленные испытания и преодолев неимоверные препятствия и трудности, одержала победу благодаря тому, что КПК придерживалась принципа независимости и самостоятельности, опоры на собственные силы и полагалась на силы всех народов страны». Тем самым фактически полностью игнорируется такой решающий международный фактор в деле достижения победы китайской революции, как разгром Советским Союзом японского империализма и создание с помощью Советского Союза стратегического плацдарма революционных сил на северо-востоке Китая, который сыграл главную роль в победе китайской революции в 1949 г. Игнорируется также образование мировой социалистической системы после второй мировой войны как фактора изменения соотношения сил в мире в пользу социализма.

Исходным пунктом фальсификации истории КПК за последние 32 года является утверждение о том, будто в этот период КПК, «направляемая марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна, руководила народами всей страны в деле социалистической революции и социалистического строительства и добилась огромных успехов». Иными словами, все достижения китайского народа за более чем 30-летний период приписываются руководству Мао Цзэдуна, его «идеям» и тем деятелям, которые им следовали.

В целом из 32 лет истории КНР негативными с точки зрения развития признаются только десять лет «культурной революции». Все другие грубые извращения принципов социализма (отказ от генеральной линии КПК в переходный период, «большой скачок», «народные коммуны» и другие волюнтаристские мероприятия) представлены как не очень серьезные ошибки Мао Цзэдуна и других руководителей, которые быстро и успешно исправлялись ими же самими.

Периодизация и оценка отдельных этапов истории КНР не носят научного характера. Они служат целям преувеличения роли Мао Цзэдуна и смягчения пагубных последствий для КНР его политического курса.

Вопреки фактам и официальным признаниям катастрофического падения производства и дезорганизации народного хозяйства в годы «большого скачка», «культурной революции», нового «скачка» (1977—1978) фальсификаторы рисуют радужную картину якобы в целом непрерывного поступательного роста экономики КНР, уходя от ответа на главный вопрос: какой урон нанесен стране этой политикой, резко снизившей темпы общественного развития. Как бы ни изворачивались со-

ставители этого документа, нельзя скрыть тот факт, что за эти годы население страны выросло вдвое, составив почти миллиард, а производство на душу населения жизненно необходимых продуктов не только не возросло, а в критические периоды снижалось до уровня, обрекавшего значительную часть населения на прозябанье, голод и даже смерть.

Оценка периода 1949—1956 гг. как периода завершения в основном социалистических преобразований должна фактически оправдать срыв Мао Цзэдуном генеральной линии КПК в переходный период (1953), осуществление которой было рассчитано на 15 лет.

Волюнтаристская политика Мао Цзэдуна, выразившаяся в «чрезмерно поспешном» социалистическом преобразовании частнокапиталистической промышленности и торговли, кустарной промышленности, социалистического кооперирования всех крестьян (все это заняло немногим более года) и фактически открывшая путь «большому скачку», оценивается как «поистине великая историческая победа».

Хотя решение содержит положительную оценку VIII съезда КПК (сентябрь 1956 г.) и выделяет ряд важных его выводов (о сосредоточении усилий на развитии производительных сил общества, о необходимости соблюдать демократический централизм и коллегиальность руководства, бороться против культа личности и т. д.), в целом значение съезда сильно принижено и его принципиальные программные положения преданы забвению.

Фальсификация VIII съезда в данном документе выразилась в замалчивании кардинального положения съезда о том, что без сотрудничества с Советским Союзом и другими революционными силами социализм в Китае победить не может. Не упоминается также историческое решение съезда, исключившего из Устава КПК «идеи Мао Цзэдуна» и утвердившего марксизм-ленинизм в качестве идейно-теоретической основы партии. В решении упорно скрывается тот факт, что именно Мао Цзэдун ревизовал решения VIII съезда и что Дэн Сяопин наиболее активно поддерживал борьбу Мао против решений VIII съезда КПК и против интернационалистических сил в партии. Решение свидетельствует, что дэнсяопиновская группировка не хочет допустить реабилитации Гао Гана и Жао Шуши. Дело в том, что именно Дэн Сяопин был одним из организаторов травли Гао Гана и тем самым выдвинулся в Политбюро и стал генеральным секретарем ЦК партии.

Авторы решения, полностью искажая факты, стремятся протащить мысль, будто Мао Цзэдун еще до съезда в апреле 1956 г. в речи «О десяти важнейших взаимоотношениях» «первоначально обобщил опыт социалистического строительства нашей страны и выдвинул задачу поиска путей социалистического строительства, отвечающих конкретной обстановке нашей страны». Это положение фактически призвано свести на нет решения съезда, отвергнувшие политику и «идеи Мао Цзэдуна». «Поиск путей», за который выступал Мао, как всем хорошо известно, обернулся катастрофой «большого скачка».

Характеристика периода 1957—1966 гг. как «первого десятилетия развернутого строительства социализма» не соответствует историческим фактам, свидетельствовавшим о грубых извращениях в то время принципов социализма в Китае.

Приемом грубой фальсификации является перенос итогового года первой пятилетки (1957) в другой период, охватывающий «большой скачок» и «урегулирование». Замысел авторов документа состоит в том, чтобы сгладить катастрофические последствия «большого скачка» за счет высоких итоговых показателей первой пятилетки (крупного задела в промышленном строительстве, в частности) и данных о восстановлении экономики в годы «урегулирования». Посредством этой манипуляции пекинские фальсификаторы пытаются изобразить дело так,

будто в этот период были достигнуты большие успехи. В действительности же, и это давно доказано, «большой скачок» задержал экономическое развитие КНР не менее чем на 7 лет.

Значительное преувеличение экономических достижений в этот период нацелено непосредственно на возвеличивание нынешних руководителей КНР, и прежде всего Дэн Сяопина, Чэнь Юня и других, которые якобы уже в то время выработали установки, обеспечившие успешное развитие народного хозяйства. Эти установки, отмечается в документе, и поныне «остаются для нас важными и поучительными».

Нынешняя версия периода «большого скачка» и «урегулирования» народного хозяйства свидетельствует о стремлении авторов документа скрыть тот важный в развитии политических событий в КНР факт, что провал «большого скачка», террористические кампании Мао Цзэдуна против коммунистов, кадровых работников и интеллигенции, в которых активно участвовал и Дэн Сяопин, рост недовольства в народе вызвали серьезный раскол в руководстве КПК и оппозицию группе Мао Цзэдуна.

Авторы решения пытаются представить дело так, будто вместе с Мао Цзэдуном все руководители, правда в меньшей степени, повинны в «скачке» и «коммунизации» и якобы вместе с Мао Цзэдуном они дружно и быстро выправили ошибки и преодолели кризис в экономике.

Эти попытки свидетельствуют лишь о том, что острая борьба в КПК по вопросу о путях развития страны, приведшая в то время к «культурной революции», возобновилась в современном Китае, и, возможно, с неменьшим накалом. По-видимому, это обстоятельство вынудило китайское руководство пойти на довольно резкую критику ошибок и «левачества» Мао Цзэдуна в экономике, политике и идеологии и конкретно подвергнуть критике «генеральную линию»¹ Мао Цзэдуна, в которой «не были учтены объективные экономические законы», и его «теорию продолжения революции при диктатуре пролетариата».

«В этот период, — говорится в решении, — ошибки Мао Цзэдуна в области теории и практики классовой борьбы при социализме становились все более и более серьезными, его самовластный стиль работы постепенно нарушил демократический централизм в партии, культ личности все возрастал, а ЦК партии не сумел своевременно исправить эти ошибки. К тому же такие карьеристы, как Линь Бяо, Цзян Цин и Кан Шэн, с темным умыслом использовали эти ошибки и культивировали их, что кончилось развертыванием «культурной революции».

В этом разделе решения содержатся также грубые клеветнические измышления в отношении Советского Союза, который якобы создавал большие дополнительные трудности в период краха «большого скачка».

Китайские руководители, пойдя на вынужденную критику внутриполитического курса Мао Цзэдуна в 1957—1965 гг., приведшего к двум катастрофам — «большому скачку» и «культурной революции», стремятся, по сути дела, убедить народные массы в том, будто нынешняя внутренняя и внешняя политика гарантирует страну от крупных экономических срывов и серьезных политических потрясений.

Специальный раздел документа посвящен «культурной революции», исторические рамки которой определяются десятилетием — с мая 1966 по октябрь 1976 г. «Культурной революции» дается негативная оценка, значительно смягченная, однако, по сравнению с недавними оценками самих китайских руководителей, называвших ее «катастрофическим

¹ В мае 1958 г. по настоянию Мао Цзэдуна 2-я сессия VIII съезда КПК приняла новую генеральную линию: «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу быстрее, лучше и экономнее». Этот, по сути дела, волюнтаристский курс Мао Цзэдуна привел к серьезным экономическим провалам, к нарушению плановости и пропорциональности в развитии народного хозяйства, к значительному снижению темпов развития экономики КНР.

бедствием для Китая» (Ху Яобан)², насаждением «лжесоциализма» (Е Цзяньин)³. Теперь это лишь «серьезная левацкая ошибка... допущенная великим пролетарским революционером». Таким образом, ответственность за развертывание «культурной революции» целиком возлагается на Мао Цзэдуна, осуществлявшего, как говорится в документе, «левацкое единоличное руководство» и выдвинувшего «ошибочные левацкие положения». Причем эти положения объявляются отходом от «идей Мао Цзэдуна», говорится, что «эти положения не имеют ничего общего с идеями Мао Цзэдуна». Следовательно, по мнению авторов документа, Мао Цзэдун в этом случае выступал как бы против самого себя, а «культурная революция» отрицала «работу самого товарища Мао Цзэдуна». Линь Бяо и «четверка» характеризуются не как руководители «культурной революции», а как лица, поставленные Мао «на ответственные посты», где они, «используя ошибки товарища Мао Цзэдуна, за его спиной совершили множество преступлений против государства и народа». В то же время многие нынешние китайские руководители, не попавшие в число жертв «культурной революции» (Е Цзяньин, Ли Сяньнянь, Сюй Сяньцян и другие), представлены как пострадавшие за то, что «резко критиковали ошибочную практику «культурной революции». В этом проглядывается стремление нынешних лидеров полностью освободиться от ответственности за свою деятельность в период «культурной революции», которая на деле отличалась и стремлением занять определенные позиции в борьбе за власть. При этом армии в период «культурной революции», вопреки исторической правде, приписывается позитивная роль «в стабилизации ситуации», достигнутой за счет осуществления кампании «трех поддержек и двух военных». Глухая оговорка о неназванных «отрицательных последствиях» этого мероприятия не меняет общей оценки.

Документ повторяет прошлые утверждения Хуа Гофэна и других о том, будто Мао Цзэдун стремился каким-то образом ограничить активность «четверки», и в то же время возлагает на него ответственность за организацию «движения за критику Дэн Сяопина и отпор правоуклонистскому поветрию пересмотра правильных выводов». Такие обвинения в адрес Мао Цзэдуна чередуются в документе с новыми попытками обелить его деятельность в указанный период. В связи с этим утверждается, что им выдвигались и правильные положения, проводился «правильный внешнеполитический курс», «основы социалистического строя... все же были сохранены... страна по-прежнему оставалась единой и пользовалась большим влиянием на международной арене» и т. п. Сравнительно резкие оценки деятельности Мао в период «культурной революции» авторы документа здесь же стремятся смягчить рассуждениями о краткости «истории социалистического движения», по существу выдают Мао Цзэдуну своеобразную индульгенцию в отношении его левацких установок и действий, а о нем самом говорится как о продукте «определенных исторических условий», делается ссылка на то, что «ликвидировать пережитки векового феодального деспотизма в идейно-политическом отношении не так-то просто».

Следует особо отметить отсутствие упоминаний в документе о «феодално-фашистской диктатуре», своего рода пропагандистском штампе китайской печати последних лет, обозначавшем характер власти в Китае периода «культурной революции». Теперь утверждается, что в этот период «не изменилась природа нашей партии, нашей народной власти». А ведь еще недавно Е Цзяньин в докладе, утвержденном IV пленумом ЦК КПК, заявлял, что в стране «фактически осуществлялась диктатура насквозь прогнившего и мрачного фашизма с примесью фео-

² См.: «Жэньминь жибао», 12.XII.1980.

³ См. там же, 30.IX.1979.

дализма»⁴, что государство в Китае стало властью горстки карьеристов, хулиганов и фигляров, которые «проводили контрреволюционную, фашистскую диктатуру»⁵. Центральная китайская печать писала и о том, что «фашистская групповщина подменила компартию»⁶. Существенное изменение оценок «культурной революции» является не только подтверждением компромиссного характера документа, но и попыткой апологетизации ее реакционной сути.

Главная забота составителей этого документа состояла в том, чтобы не допустить появления и распространения в КНР марксистско-ленинских оценок этой трагической страницы в истории китайского народа, и особенно тех оценок, которые были даны КПСС и другими коммунистическими партиями.

Марксисты-ленинцы с полным основанием охарактеризовали «культурную революцию» как руководимый лично Мао Цзэдуном контрреволюционный переворот, в ходе которого была разгромлена Коммунистическая партия Китая, разогнаны народные органы власти, общественные организации и была установлена военно-бюрократическая диктатура группы Мао Цзэдуна.

Вот почему китайские фальсификаторы пытаются объявить недействительными и изъять из оборота политической пропаганды факты и саморазоблачительные признания нынешних китайских руководителей, фактически подтверждающих, что это был реакционный политический переворот.

Развитие КНР после Мао в документе четко разделяется на двухлетний период после «успешного разгрома в октябре 1976 г. контрреволюционной группировки Цзян Цин» до открытия III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва в конце 1978 г. и современный период (после «великого исторического перелома»), когда, по мнению авторов документа, «партия в идеологическом, политическом и организационном отношении вновь утвердила марксистскую линию». Двухлетний период связывается с некоторыми положительными моментами в развитии страны, среди которых, в частности, отмечается разоблачение «четверки» и «выявление ее фракционной организации», начало «пересмотра сфабрикованных дел», нормализация работы в области науки, культуры и просвещения и т. п. В документе утверждается также, что в этот период «быстро стало на рельсы промышленное и сельскохозяйственное производство». В то же время подчеркнута критика деятельности в этот период Хуа Гофэна как председателя ЦК КПК и главы правительства. Он обвиняется в том, что продолжал придерживаться «левацких руководящих идей», препятствовал реабилитации кадров, «продолжал защищать прежний культ личности» и «в то же время сам насаждал и допускал культ личности». На Хуа Гофэна возложена также «доля ответственности» в связи с имевшей место «погоней за нереально быстрым эффектом в экономической работе». И хотя признаются «заслуги» Хуа Гофэна «в разгроме контрреволюционной группировки Цзян Цин», в документе все же делается вывод о том, что «под его руководством не могут быть исправлены левацкие ошибки внутри партии, тем более не могут быть восстановлены лучшие традиции партии». Тем самым Хуа фактически переведен в разряд второстепенных, а возможно, и номинальных руководителей КПК.

III пленум ЦК КПК, на котором одержала решающую победу прагматическая линия Дэн Сяопина, объявлен «великим переломным моментом, имеющим далеко идущее значение для исторического развития... со дня образования КНР». Тем самым пленуму придается значе-

⁴ «Жэньминь жибао», 30.IX.1979.

⁵ Там же.

⁶ «Гуанмин жибао», 4.VII.1979.

ние партийного форума, превосходящего по своему значению любой из партийных съездов после образования КНР. С ним связывается деятельность руководящих органов КПК (совещание Политбюро ЦК КПК по идеологическим вопросам в августе 1980 г., рабочее совещание ЦК КПК по экономическим вопросам в апреле 1979 г. и др.), а также реабилитация ряда партийных и государственных деятелей, снятие ярлыка «вредный элемент» с мелких промышленников и торговцев, пересмотр классово-принадлежности помещичье-кулацких элементов, усиление деятельности представительных и политико-юридических государственных органов, разработка законодательства, «урегулирование» и укрепление руководящих звеньев различных ступеней и т. д.

Все эти мероприятия и «большие успехи», как мы знаем, даже если они объективно представляют шаги вперед по сравнению с существовавшим при Мао Цзэдуна положением, в основном не выходят за рамки чрезвычайных мер для вывода страны из глубокого социально-экономического и политико-идеологического кризиса, в который завело страну правление Мао Цзэдуна.

Значительное место в решении отводится вопросу об оценке «идей Мао Цзэдуна». В документе нашла отражение продолжающаяся на протяжении последних четырех лет борьба внутри китайского руководства вокруг «идей Мао Цзэдуна». В этой борьбе сталкиваются три тенденции: «левая», или «ортодоксальная» (группировка Хуа Гофэна), прагматическая (группировка Дэн Сяопина) и центристская.

Выразители первой тенденции выступают за фактическое сохранение основных «идей Мао Цзэдуна» при осторожной корректировке некоторых его, главным образом экономических, положений (их платформа была зафиксирована в документах XI съезда КПК). Центральными компонентами этой платформы являются: «теория новолемократической революции», «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата» (включая концепцию «культурной революции»), «теория трех миров».

Платформа группировки Дэн Сяопина предусматривает переосмысление «идей Мао Цзэдуна» в прагматическом духе. Ее кредо — положение Мао Цзэдуна о «реалистическом подходе», который объявлен «основным принципом марксизма», обеспечивающим освобождение сознания от «догматического отношения» как к марксизму, так и к «идеям» самого Мао Цзэдуна. Смысл подобного подхода к маонистскому наследию состоит в стремлении этой группировки развязать себе руки в области политической и теоретической деятельности и обосновать необходимость создания «новых теорий» на базе маонизма и «новой практики». Сторонники этой чисто прагматической корректировки «идей Мао Цзэдуна» выступили против «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата» (включая концепцию «культурной революции»), заменив ее «великим учением Мао Цзэдуна о едином фронте». В связи с этим тезис Мао Цзэдуна о противоречии между буржуазией и пролетариатом как главным противоречии социалистического общества отброшен и заменен тезисом о социальной однородности нынешнего китайского общества, в котором нет больше эксплуататорских классов и буржуазия стала частью трудящихся.

В ходе борьбы вокруг интерпретации «идей Мао Цзэдуна» сторонники «ортодоксальной» линии выдвинули так называемые «четыре основных принципа» (отстаивать социалистический путь, диктатуру пролетариата, руководство со стороны партии и марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна), которые в то время (в начале 1979 г.) противопоставлялись курсу Дэн Сяопина на «раскрепощение сознания».

Официальные документы КПК с конца 1978 г. (начиная с III пленума ЦК) отражали обе эти тенденции и носили компромиссный характер, имея между тем общую идеологическую базу — шовинизм, милли-

таризм и антисоветизм. Вместе с тем наблюдалась тенденция к усилению позиций группировки Дэн Сяопина, что нашло свое отражение в материалах III, IV и V пленумов ЦК КПК одиннадцатого созыва, главным образом в оценке «теории» и практики «культурной революции». В то же время официальная «версия» маоизма, зафиксированная уже на IV пленуме ЦК КПК (1979), содержала в себе явный компромисс: наряду с тезисом Дэн Сяопина об «освобождении сознания» в нее были включены и вышеназванные «четыре основных принципа» как две стороны курса на «восстановление подлинного облика идей Мао Цзэдуна».

Очередным, но, как представляется, не последним фактом компромисса в отношении «идей Мао Цзэдуна» является и решение VI пленума ЦК КПК.

Вопреки утверждениям Ху Яобана в конце 1980 г. о том, что «идеи Мао Цзэдуна» являются лишь «применением» марксизма в Китае, а не его развитием, данное решение вновь возрождает тезис о «развитии марксизма-ленинизма» в «идеях Мао Цзэдуна», причем придает этому развитию «всеобщее значение». Впервые за последние годы решение дает столь обширный перечень «идей Мао Цзэдуна», которые якобы внесли «вклад» в развитие марксизма в Китае. Эти «идеи», как утверждается в решении, охватывают широкий круг вопросов — от философии до теории и практики социалистической революции и социалистического строительства.

В решении маоизму придается явно националистический характер. Его «формирование» и «развитие» прямо связываются с борьбой Мао Цзэдуна против «догматического» отношения к марксизму, постановлениям Коминтерна и опыту Советского Союза, что фактически означает отрицание марксизма как всеобщего интернационального учения пролетариата, а также международных аспектов опыта Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР и других социалистических странах.

Вынужденные подвергнуть критике «теорию» и практику «культурной революции», авторы документа в то же время пытаются представить «идеи Мао Цзэдуна» теоретической основой деятельности КПК на всех этапах ее истории и, что важно отметить, успехов социалистического строительства в Китае в 30-е годы, достигнутых, как известно, вопреки этим «идеям». Однако эта попытка оказалась тщетной. Дезавуировав «теорию продолжения революции при диктатуре пролетариата», которая была объявлена на XI съезде КПК «самым великим вкладом» Мао Цзэдуна в марксизм-ленинизм, авторы решения тем самым лишили «теорию социалистического строительства» Мао Цзэдуна главного «теоретического» элемента. Поэтому не случайно основной упор в доказательстве «применения и развития марксизма» Мао Цзэдуном сделан в решении на его сочинения, написанные до победы народной революции («теория новой демократии», военные «идеи» 30—40-х годов и пр.). Период же после 1949 г. представлен лишь несколькими его выступлениями и работами, главным образом рассуждениями о его «установках», методах, тактических и стратегических решениях и т. п. Существо маоцзэдуновской «теории социалистической революции и социалистического строительства» сведено к отдельным куцым «установкам» (вроде положения о сочетании демократии внутри народа и диктатуры над реакционерами как сущности демократической диктатуры народа) и к его концепции «двух типов противоречий» при социализме, которая послужила, как было отмечено на IX съезде КПК, философским «фундаментом культурной революции». В то же время эта концепция, относя китайскую буржуазию к категории «народ», объявляла ее противоречия с рабочим классом «в определенных условиях» неантагонистическими. Иными словами, эта «концепция» содержит тео-

ретические предпосылки как для левацкой политики разжигания «классовой борьбы» при социализме, так и для правооппортунистической тактики союза с национальной буржуазией.

Решение, полностью игнорируя многочисленные публикации в научных журналах и центральной прессе, в которых содержалась косвенная критика философских «идей Мао Цзэдуна», вновь поднимает эти «идеи» на щит, объявляя их «обогащением и развитием» марксистской теории познания и диалектики. Упор при этом делается на те аспекты маоистской методологии, которые «обосновывали» эмпирический прагматизм, национализм и раскольническую политику (тезисы о решающем значении «обследования», о «раскрепощении сознания», о «специфичности» противоречия, с помощью которых оправдывалась «китаизация» марксизма и борьба против Коминтерна; тезис об обусловленности «истинного» «ложным» как «основе» раскола коммунистического движения и т. п.). В решении вновь утверждаются «идеи Мао» в области культуры, партийного строительства, идеологической работы. Особый акцент при этом делается на такие тезисы, как «опора на собственные силы», «независимость» и «самостоятельность» в их маоистской, националистической интерпретации.

В решении закреплена пропагандирующийся в последние годы тезис о маоизме как «научной системе», в которую входят не все, а только «правильные» «идеи Мао Цзэдуна», высказанные в основном до начала 60-х годов. Последующее же «развитие» маоизма как теории квалифицируется, по существу, как «ошибочное», поскольку основные «идеи Мао» 60—70-х годов, касающиеся оценки внутренних процессов в Китае, объявляются в решении противоречащими и марксизму, и «правильным» идеям самого Мао Цзэдуна.

В целом маоизм, как он определен в решении, представляет собой прагматический набор «идей Мао Цзэдуна», призванных обосновать нынешний, преимущественно правонационалистический курс китайского руководства.

* * *

Анализ решения VI пленума ЦК КПК позволяет заключить, что политический курс современного китайского руководства основывается и будет основываться, как и прежде, на «идеях Мао Цзэдуна», выдаваемых за современный марксизм-ленинизм и легко приспособляемых к интересам той группировки в руководстве, которая сумеет захватить политическую власть. Очевидно, в политике китайских руководителей на международной арене будут доминировать шовинизм, гегемонизм и антисоветизм.

Главная цель политического курса маоистов определяется как «построение современной социалистической державы» (именно «державы», а не общества), то есть мощного государства, способного реализовать на международной арене стратегические замыслы правящей верхушки КНР.

Строительство такой державы должно осуществляться путем сплочения партии и общества на основе вышеназванных «четырёх основных принципов», которые интерпретируются в духе социал-шовинистической платформы господствующей в руководстве группировки.

Жизнь китайского общества рассматривается как «революционная борьба в условиях мирного развития». В связи с этим оправдывается продолжение «классовой борьбы» и необходимость «самопожертвования» со стороны народных масс. Трудящихся ориентируют на новые трудности и лишения.

Что касается важных для страны национальных проблем, то авторы документа, уйдя от вопроса о праве наций на самоопределение, настаивают на осуществлении национальной районной автономии, то есть по-

прежнему лишают национальные меньшинства Китая важнейшего политического права — самим определять свою судьбу.

В решении отмечается необходимость усиления строительства армии и народного ополчения, причем это усиление заранее оправдывается напряженной международной обстановкой и угрозой войны.

Судя по материалам VI пленума ЦК КПК, политический курс китайского руководства может стать еще более шовинистическим и опасным. Мелкобуржуазная, шовинистическая сущность этого курса по-прежнему маскируется марксистскими терминами. Это делается не только для обмана китайского народа, но и для маскировки гегемонистской политики на международной арене. Все это требует дальнейшего усиления борьбы против маоизма со стороны марксистско-ленинских партий.

Решение VI пленума ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК вызвано к жизни как острым кризисом в самой КПК, так и кризисом ее идейно-политической основы — маоизма. Из решения следует, что коренные причины кризиса не устранены, кризис не преодолен, а лишь частично ослаблен путем временного компромисса, достигнутого в борьбе между основными политическими группировками в правящей верхушке страны. Однако этот компромисс недолговечен, он в скором времени будет исчерпан, и в стране снова развернется напряженная борьба, поскольку данный пленум не разработал научной программы дальнейшего развития китайского общества.

Объективный анализ материалов VI пленума ЦК КПК подтверждает правильность оценок событий в Китае, данных XXIV, XXV и XXVI съездами КПСС, форумами братских коммунистических партий. Факты показывают, что только преодоление маоизма, отказ от социал-шовинистической милитаристской платформы позволит Китаю вернуться на путь социализма.

Борьба двух линий в руководстве КПК в первый период войны сопротивления Японии (1937—1939)

А. С. Титов

Политический авантюризм и оппортунизм, прикрываемые псевдореволюционной фразеологией и демагогией, были характерны для Мао Цзэдуна и его группировки не только в последний период его жизни, но и раньше, в частности во время японо-китайской войны 1937—1945 гг. С первых же дней войны Мао Цзэдун и его сторонники пытались навязать КПК свой особый, авантюристический курс, который коренным образом отличался от новой политики КПК, разработанной с помощью руководящих органов Коминтерна на основании исторических решений VI конгресса и предусматривавшей создание единого национального антияпонского фронта в Китае. Наиболее ярко борьба в руководстве КПК по вопросу об отношении КПК к войне сопротивления японской агрессии проявилась на расширенном совещании Политбюро ЦК КПК в Лочуани, созванном по инициативе Мао Цзэдуна в августе 1937 г.

«Выяснение характера войны,— говорил В. И. Ленин,— является для марксиста необходимой предпосылкой, чтобы решить вопрос о своем к ней отношении. Для такового же выяснения необходимо, прежде всего, установить, каковы объективные условия и конкретная обстановка данной войны. Нужно поставить эту войну в ту историческую обстановку, в которой она происходит, и только тогда можно определить свое к ней отношение. Иначе получится не материалистическое, но эклектическое трактование вопроса»¹.

В той конкретной исторической обстановке агрессивная война милитаристской Японии против Китая с целью его порабощения и превращения в свою колонию носила явно захватнический, империалистический характер. Для Китая же война сопротивления японской агрессии с самого начала была справедливой, национально-освободительной войной. Немаловажным был и тот факт, что эта война была направлена против одного из союзников агрессивного фашистского блока — милитаристской Японии, поэтому она одновременно носила и антифашистский характер, являлась, как указывалось в публикациях Коминтерна, «важнейшей составной частью общей борьбы мирового пролетариата и всего передового человечества против насилия варварского фашизма»².

Для оказания сопротивления агрессору объективная обстановка требовала создания широкого единого национального фронта, основой которого могло стать прежде всего сотрудничество двух крупнейших политических партий — гоминьдана и КПК, так как другие политические партии в Китае были крайне малочисленны, не имели опоры в массах и своих вооруженных сил. Тактика единого национального антияпонского фронта открывала перед КПК громадные возможности для уста-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 26, с. 27.

² Цит. по: «Коммунистический Интернационал», 1938, № 6, с. 7.

новления связи с широкими народными массами и завоевания их на свою сторону, для превращения КПК во всекитайскую массовую партию, авангард китайского рабочего класса, всего народа, в крупнейшую общенациональную силу в стране. Коминтерн считал, что лишь через разгром японского империализма, через достижение национального освобождения и объединения Китая возможна эффективная борьба за дальнейший социальный прогресс. Следовательно, главной задачей КПК на данном этапе должна была стать борьба против японского империализма. Разгром японского империализма являлся важнейшим условием народно-демократической революции в стране. Последующие события целиком подтвердили правильность этого курса.

Большая часть руководства КПК — Ван Мин, Бо Гу, Сян Ин, Чжу Дэ, Пэн Дэхуай и др. — правильно понимала рекомендованную Коминтерном новую политику КПК. Они выступали за установление политического и военного сотрудничества между КПК и гоминьданом, за взаимодействие вооруженных сил КПК с гоминьдановскими и местными войсками, за активное участие КПК и ее вооруженных сил в войне против японских захватчиков, за ведение комбинированной, маневренной-партизанской войны и создание опорных баз в японском тылу.

Другого мнения придерживались Мао Цзэдун и его сторонники. На словах они ратовали за единый национальный антияпонский фронт, за установление тесного сотрудничества между КПК и гоминьданом, а на деле продолжали придерживаться прежнего сектантского курса борьбы на два фронта — против японских захватчиков и против правящей партии гоминьдан, возглавляемой Чан Кайши, причем главным считалось второе направление.

Сегодня в Китае признают: «Во время антияпонской войны позиции ЦК нашей партии (то есть Мао Цзедуна и его сторонников. — А. Т.) и Коминтерна в вопросе о создании единого фронта с гоминьданом были неодинаковыми...»³ Нас призывали, отмечает автор цитируемой статьи, «во всем исходить из интересов единого фронта». Председатель Мао был против этого. Суть политики Мао Цзедуна, как явствует из статьи, заключалась в том, чтобы действовать «острее против острей», то есть отказаться от активного участия в войне сопротивления внешнему врагу — японскому империализму и сконцентрировать все усилия на борьбе против внутреннего врага — союзника по единому фронту — гоминьдана⁴.

Как видим, к вопросу определения характера войны Китая против империалистической Японии Мао Цзэдун и его сторонники подошли не с ленинских, диалектических позиций, а эклектически, волюнтаристски, без учета реальной обстановки и тех изменений в соотношении политических и классовых сил, которые были вызваны японской агрессией. Они игнорировали ленинское учение о справедливых и несправедливых войнах, о национально-освободительных войнах колониальных и полуколониальных стран. На лочуаньском совещании Политбюро ЦК КПК они отказались от своих первоначальных призывов к священной национально-освободительной войне против японских захватчиков, от сотрудничества в этой войне с гоминьданом, а следовательно, и от единого национального антияпонского фронта. Вслед за китайскими троцкистами они утверждали, будто антияпонская война сопротивления Китая выгодна лишь гоминьдану, правящему буржуазно-помещичьему блоку, возглавляемому Чан Кайши. Но поскольку гоминьдан, говорили они, по своей природе остается реакционным, победа в антияпонской войне может лишь усилить военную диктатуру Чан Кайши.

³ Хуан Кэчэн. К вопросу об оценке председателя Мао и отношении к идеям Мао Цзедуна. — «Жэньминь жибао», 11.IV.1981.

⁴ См. там же.

Мао Цзэдун и его сторонники умышленно сгущали краски в оценке гоминьдана, рассматривая его как единое «контрреволюционное гнездо», хотя в нем имелись различные группировки, либеральные и прогрессивные элементы (Сун Цинлин, Фэн Юйсян, Юй Южэнь, Шао Лицзы, Сунь Фо, Цай Юаньпэй и др.). Их отношение к войне сопротивления Японии и к сотрудничеству с КПК было различным. Так, довольно влиятельная группировка, возглавляемая Ван Цзинвэем и другими, выступала против вооруженного сопротивления Японии и стремилась к мирному урегулированию японо-китайского вооруженного конфликта. Естественно, она была решительным противником единого национального антияпонского фронта, и особенно установления сотрудничества с КПК. На эту группировку японская военщина, естественно, возлагала особые надежды, начиная войну с Китаем.

Другая группировка, возглавляемая Чан Кайши, стояла за вооруженное сопротивление японской агрессии и, будучи заинтересована во всесторонней поддержке, в получении военной и материальной помощи от Советского Союза, была готова пойти на единый фронт с КПК. Либеральные и прогрессивные элементы в гоминьдане были решительными сторонниками антияпонской войны сопротивления, установления единого фронта с КПК и вели борьбу против прояпонских, капитулянтских и наиболее реакционных элементов в гоминьдане.

Следует также иметь в виду, что в связи с японской агрессивней социальной база гоминьдана изменилась и расширилась за счет патристически настроенных представителей городской мелкой буржуазии и интеллигенции, которые вступили в то время в гоминьдан. По словам члена Политбюро ЦК КПК Жэнь Биши, «под давлением народных масс, под влиянием широчайшего национально-освободительного движения, охватившего все слои китайского народа, гоминьдан начал с 1936 г. постепенно возвращаться на позиции национально-освободительной борьбы... наиболее прогрессивная часть гоминьдана стала сознавать необходимость организационной перестройки работы гоминьдана, устранения ряда больших организационных недочетов и осуществления большей демократии внутри гоминьдана», требуя «отстранения от руководства консервативных и колеблющихся элементов»⁵.

Все это можно и нужно было использовать в интересах КПК и китайского народа, в интересах национально-освободительной войны против японских агрессоров. Конечно, классовая борьба не могла прекратиться и во время антияпонской войны. Выдвигая свой особый курс, Мао Цзэдун как раз и спекулировал на классовых противоречиях между КПК и гоминьданом. Формально, на словах, он признавал, что «во время войны против японских захватчиков все должно быть подчинено интересам войны». «Это,— говорил он,— непреложный принцип. Поэтому интересы классовой борьбы должны быть подчинены интересам войны и не могут им противоречить»⁶. На деле же в основе особого курса Мао Цзэдуна лежала не борьба против японского империализма, а борьба против правящей партии гоминьдан. Поэтому на Лочуаньском совещании Политбюро ЦК КПК он выступил против политического и военного сотрудничества КПК с гоминьданом, заявив, что «КПК должна действовать совершенно независимо и самостоятельно от гоминьдана как в политическом, так и в военном отношении, и даже выступать против него при первой же благоприятной возможности»⁷.

В сущности, он абсолютизировал ленинский принцип политической и организационной независимости компартии внутри антиимпериали-

⁵ См.: Чжен-лин (псевдоним Жэнь Биши). Китайский народ в борьбе против японского агрессора. — В кн.: Китай даст отпор. Ростов-на-Дону, 1938, с. 58.

⁶ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 2. М., 1953, с. 349.

⁷ Цит. по: О. Браун. Китайские записки (1932—1939). М., 1974, с. 284—285.

стического фронта, доведя его до абсурда, отказываясь даже от формального политического и военного сотрудничества с гоминьданом в борьбе против общего врага в рамках единого национального антияпонского фронта.

В знаменитой работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин писал: «Всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»⁸.

Не владея марксистско-ленинским методом анализа конкретной исторической обстановки и объективного положения вещей, Мао Цзэдун многие правильные с марксистско-ленинской точки зрения положения преувеличивал, абсолютизировал, делал их «чрезмерными» и тем самым извращал, опошлял и доводил до абсурда. Желая оправдать свой отказ от сотрудничества с гоминьданом, Мао Цзэдун утверждал, что «Чан Кайши ведет нерешительную, ограниченную, одностороннюю войну, которая неизбежно приведет к поражению. Рано или поздно гоминьдан капитулирует перед Японией, или его разгромят, если какая-то часть его вооруженных сил будет продолжать боевые действия. И тогда ведущая роль в стране перейдет к КПК. Поэтому не надо идти ни на какие уступки гоминьдану»⁹.

Исходя из такой оценки антияпонской войны и гоминьдана, Мао Цзэдун и его сторонники стремились навязать партии свою стратегию, которая привела бы к полному поражению одновременно и Японии, и гоминьдановского режима в Китае. При этом они ссылались на В. И. Ленина, который во время первой империалистической войны выступал за поражение царского правительства России и за превращение империалистической войны в гражданскую, хотя национально-освободительную войну Китая никоим образом нельзя было приравнять к участию царской России в первой империалистической войне.

Этот курс Мао Цзэдуна отражал пессимистические и пораженческие настроения, существовавшие среди определенной части кадровых работников КПК, которые не приняли новую политику КПК, рекомендованную Коминтерном, и не видели другого выхода из создавшегося положения. В сущности, он был возрождением в новых условиях авантюристического курса Ли Лисаня в 1930 г., основанного на провоцировании мировой войны, и прежде всего войны между Японией и Советским Союзом, с целью добиться победы китайской и мировой революции. Как известно, Мао Цзэдун был активным проводником лилсаневского курса. Но поскольку лилсаневщина в свое время была решительно осуждена и отвергнута Коминтерном и КПК, Мао Цзэдун, естественно, не мог открыто выступать с позиций Ли Лисаня в начале антияпонской войны. Поэтому он всячески старался замаскировать суть своего курса во время этой войны, прибегая к демагогии и псевдореволюционной фразеологии.

Вместо того чтобы, следуя новой политике КПК, мобилизовать широкие народные массы, оказать через них давление на гоминьдан и национальное правительство, заставить их вести войну сопротивления Японии до победного конца и проводить демократические преобразования, Мао Цзэдун и его сторонники на лочуаньском совещании пытались навязать партии лозунг «добиться поражения Чан Кайши»¹⁰, что фактически было равнозначно поражению Китая в войне с империалистической Японией.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.

⁹ Цит. по: О. Браун. Китайские записки, с. 284.

¹⁰ См.: А. С. Титов. Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК, 1935—1936 гг. М., 1979, с. 130.

Едва ли Мао Цзэдун рассчитывал добиться одновременного поражения Японии и Чан Кайши лишь силами КПК, которые, по его же признанию, были тогда немногочисленными и не могли играть заметную и тем более решающую роль в войне против численно во много раз превосходящих их и хорошо вооруженных японских войск¹¹. Вероятнее всего, он был уверен, что, как только гоминьдан капитулирует или будет разбит, Япония сразу же начнет войну против Советского Союза и тогда с помощью Советской Армии будут разгромлены не только Япония, но и гоминьдановский режим в Китае. Причем он считал, что чем скорее потерпит поражение или капитулирует Китай, тем скорее начнется война между Японией и Советским Союзом. В этом состоял стратегический замысел Мао Цзэдуна. Его мало интересовали судьба самого Советского Союза перед нарастающей угрозой нападения фашистской Германии, судьба всего международного антифашистского лагеря и единого национального антияпонского фронта в самом Китае. Все это нашло свое выражение в его отказе от активного участия в войне сопротивления Японии, от единого национального антияпонского фронта, от сотрудничества с гоминьданом в борьбе против общего врага.

Курс Мао Цзэдуна был чреват самыми пагубными последствиями прежде всего для КПК и китайского народа. Формально Мао Цзэдун как бы выступал с классовых и революционных позиций, стремился сохранить революционные силы — КПК и ее Красную армию — для будущей борьбы с классовым врагом — гоминьданом. В действительности такого рода утилитаризм граничил с предательством интересов китайского народа и соответственно революционного движения в Китае, ибо в той критической обстановке поражение гоминьдана означало бы также и поражение КПК и вообще борьбы всей китайской нации против японских империалистов. Утверждение Мао Цзэдуна о том, что в случае захвата Японией всего Китая партизаны, руководимые КПК, после долгих лет упорной борьбы смогли бы отвоевать его у японцев¹², было чистой водой демагогией. Даже если бы мечта Мао Цзэдуна о выступлении Японии против СССР сбылась, то совершенно очевидно, что японская военщина, прежде чем начать войну против Советского Союза, бросила бы все силы на ликвидацию войск и партизанских баз китайских коммунистов и укрепление своего тыла для борьбы с серьезным противником.

Что касается выдвинутой Мао Цзэдуном тактики пассивного сопротивления японцам и расширения вооруженных сил КПК в их тылу, то она также была крайне уязвима. КПК и ее вооруженные силы могли существовать и развиваться только при поддержке и защите народных масс, а это означало активную их защиту от японских захватчиков. Только тактика активной борьбы против японских захватчиков и единый национальный антияпонский фронт могли способствовать укреплению и расширению позиций КПК и ее вооруженных сил. Иначе КПК и ее вооруженные силы (если бы они придерживались особого курса Мао Цзэдуна) были бы обречены на изоляцию не только от рабочего класса, но и от широких народных масс Китая и превратились бы в узкую, сектантскую группировку.

Несмотря на демагогию Мао Цзэдуна, его особый курс на совещании в Лочуани был отвергнут большинством. Даже Чжоу Эньлай, склонный прислушиваться к мнению Мао Цзэдуна, выступил против его особого курса, в том числе против установки «об абсолютной независимости действий КПК» и ее вооруженных сил в условиях единого фронта с гоминьданом. По его мнению, независимость КПК и 8-й

¹¹ См.: О. Браун. Указ. соч., с. 286.

¹² См.: А. С. Титов. Указ. соч., с. 139.

армии могла быть только относительной, поэтому не следует открыто не подчиняться приказам Нанкина. Компартия Китая, подчеркнул Чжоу Эньлай, «чтобы укрепить свое положение, должна принять активное участие в войне и сдержать слово, данное гоминьдану, о честном сотрудничестве и вместе с ним добиваться полной победы...»¹³. Он не согласился и с указанием Мао Цзэдуна относительно того, что 8-й армии надлежит вести лишь партизанскую войну, уклоняясь от столкновений с крупными частями противника, ибо подобные действия могут породить у людей мысль, будто КПК не делает все возможное для войны с Японией. Чжоу Эньлай настаивал на том, чтобы 8-я армия при благоприятных условиях вела маневренную войну против японских захватчиков в больших масштабах. «Если даже ей придется понести значительные потери в маневренной войне, — подчеркнул Чжоу Эньлай, — они не будут напрасны, потому что это докажет народу, что мы отдаем все силы войне против Японии»¹⁴.

Что же касается утверждений Мао Цзэдуна о капитулянтстве Чан Кайши, то Чжоу Эньлай заявил, что «Чан Кайши, начав оказывать сопротивление Японии, не остановится на полпути. Учитывая личное упорство Чан Кайши, а также положение в стране и за рубежом, об этом нечего беспокоиться»¹⁵.

Другие участники совещания в Лочуани также не поддержали особый курс Мао Цзэдуна. По их мнению, война сопротивления укрепила в народе авторитет гоминьдана и со временем может перерасти в войну всенародную, а любая односторонняя акция компартии явится вызовом гоминьдану и чревата опасностью распада единого фронта, что было бы катастрофой для китайского народа. Перед лицом могущественного врага необходимо найти приемлемое и для КПК, и для гоминьдана решение¹⁶.

Оказавшись в меньшинстве, Мао Цзэдун был вынужден лавировать. Он предложил прервать заседание Политбюро ЦК КПК на три дня, чтобы участники совещания могли всесторонне обдумать все вопросы и проконсультироваться друг с другом. Затем он внес на обсуждение и утверждение два документа: «Программу борьбы против японской агрессии и спасения родины» из 10 пунктов, составленную на основе рекомендаций Коминтерна и делегации КПК в ИККИ, и резолюцию «О современном положении и задачах партии», из которой были исключены фразы вроде «добиться поражения Чан Кайши»; не упоминалось в ней и об «абсолютной независимости КПК и 8-й армии». После небольших поправок оба документа были приняты¹⁷.

Маоистская историография, умышленно фальсифицируя историю КПК в угоду культуре личности Мао Цзэдуна, впоследствии истине вопреки грубо исказила роль и значение лочуаньского совещания, утверждая, будто бы оно было «озарено блестящими идеями» Мао Цзэдуна. Но и после совещания в Лочуани Мао Цзэдун не отказался от своего авантюристического курса и продолжал торпедировать единый фронт КПК с гоминьданом. По данным некоторых современных историков КНР, после отправки частей 8-й армии на шаньсийский фронт в сентябре 1937 г. Мао Цзэдун направил им указание не подчиняться приказам гоминьдановского командования, рассредоточиться, вести партизанские действия, создавать опорные базы. Главное, подчеркивал он, — создание опорных баз, а не война с Японией, не ве-

¹³ Цит. по: А. С. Титов. Указ. соч., с. 129—130.

¹⁴ Цит. там же, с. 130.

¹⁵ Цит. там же, с. 129.

¹⁶ См. там же, с. 130; Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party, 1928—1938. The Autobiography, vol. 2. Lawrence, 1972, p. 537.

¹⁷ См.: А. С. Титов. Указ. соч., с. 130.

денне боевых действий¹⁸. По тем же данным, командование 8-й армии вопреки этим указаниям Мао Цзэдуна стремилось вести маневренную войну с гоминьдановскими войсками и не хотело уходить в японский тыл, вести там партизанскую войну и создавать опорные базы. В партии преобладала точка зрения о необходимости установления сотрудничества с гоминьданом и его армией и проводились мероприятия, соответствующие новой политике КПК¹⁹.

Падение в ноябре 1937 г. Шанхая и Тайюани Мао Цзэдун расценил как подтверждение своих выводов о быстром и неизбежном поражении гоминьдана и вновь пытался навязать партии свой прежний курс на отказ от сотрудничества с гоминьданом. Выступая на собрании партактива в Яньани 12 ноября 1937 г., он в завуалированной форме двуручнически протаскивал свои «идеи», с которыми выступал на лочуаньском совещании. Говоря о скором и неизбежном поражении гоминьдана, ведущего «однобокую войну», он всячески поносил тех, кто внутри КПК стремился к сотрудничеству с гоминьданом, охарактеризовав это как «классовое капитулянтство» и «новый милитаристский уклон». По его словам, после реформирования Красной армии отдельные лица — он имел в виду командование 8-й армии — «не желают безусловно подчиняться руководству коммунистической партии, гонятся за личной славой, почитают за честь получить назначение от гоминьдана (то есть сделать карьеру)» и т. п. Одновременно он утверждал, что в Северном Китае военные действия, которые велись силами регулярной армии, возглавляемой гоминьданом, уже закончились, а партизанская война, возглавляемая коммунистической партией, приобрела основное значение²⁰. Он заявил, что «выдвинут и твердо проводится в жизнь новый стратегический принцип самостоятельно, независимого ведения партизанской войны...»²¹.

Все это не соответствовало действительности и было блефом. Части 8-й армии, отправившись в начале сентября 1937 г. на шаньсийский фронт, взаимодействовали с гоминьдановскими и местными войсками и властями не только в боевых операциях, но и в создании антияпонских партизанских баз, в частности крупнейшего Пограничного района Хэбэй — Чахар — Шаньси и др., органы власти которых формировались и действовали в соответствии с политикой единого фронта²². В Северном Китае продолжались военные действия регулярных гоминьдановских и местных войск, так как Чан Кайши приказал им оставаться там и не переходить на другой берег реки Хуанхэ. Только на шаньсийском фронте действовало свыше 300 тысяч регулярных гоминьдановских и местных войск²³.

Серьезный удар по попыткам Мао Цзэдуна навязать партии авантюристический курс нанесло совещание Политбюро ЦК КПК, проходившее под руководством Ван Мина в декабре 1937 г., хотя на нем и не было персональной критики Мао Цзэдуна. С докладом на совещании «О современном положении и задачах партии» выступил Ван Мин. Доклад был единодушно одобрен всеми участниками совещания, в том числе и Мао Цзэдуном. Основные положения и установки доклада Ван Мина сводились к следующему:

¹⁸ См.: Ши Фэн. Борьба против капитулянтской линии Ван Мина. Шанхай, 1976, с. 24.

¹⁹ См. там же, с. 19—20.

²⁰ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 2, с. 103—104, 96.

²¹ Там же, с. 104.

²² См.: Чен Чанхао (Чэнь Чанхао). Пограничный район Шаньси — Хэбэй — Чахар — база вооруженного сопротивления Японии. — «Коммунистический Интернационал», 1938, № 8, с. 103—113.

²³ См.: Чжу Дэ. Год национально-освободительной войны 8-й национально-революционной армии. — «Синьхуа жибао», 24.VII.1938.

последовательно проводить политику единого национального антияпонского фронта, укреплять и расширять сотрудничество КПК с гоминьданом и другими антияпонскими партиями и группами, оказывать им реальную конкретную помощь, избегать ультралевизны в своей политике, вести дружественную критику союзников по единому фронту, содействовать их прогрессу, поддерживать центральное правительство Чан Кайши в вооруженном сопротивлении и воздействовать на него давлением снизу, силами масс, чтобы оно осуществляло реформы и преобразования в направлении демократизации и улучшения жизни народных масс, избавилось от прояпонских, капитулянтских и разложившихся элементов в своих рядах;

укреплять военное сотрудничество с гоминьданом путем умелого сочетания партизанской войны народных вооруженных сил с действиями регулярной армии до окончательной победы над японскими захватчиками, помня, что только партизанской войной японцев не победить;

привлекать к созданию антияпонских партизанских баз и органов власти представителей разных антияпонских партий, групп, организаций и местных вооруженных отрядов, сделать эти базы и Пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся образцами в деле сопротивления Японии и демократизации всей страны, прообразом нового Китая;

широко создавать организации компартии по всей стране, особенно среди рабочих, усилить марксистско-ленинскую подготовку членов партии, добиваться единства и сплоченности партии, так как интересы партии превыше всего.

Учитывая серьезную опасность влияния на КПК различных мелкобуржуазных и буржуазных союзников по единому фронту, Ван Мин еще ранее предупредил, что китайские коммунисты ни в коем случае не должны допустить «потери политической и организационной самостоятельности или сокрытия своего коммунистического лица и знамени»²⁴. Он обращал внимание КПК на необходимость решительной борьбы против сектантских элементов, «не понимающих, что в настоящих условиях единственный путь к раскрепощению китайского народа — это путь создания единого национального фронта против японских насильников», а также против «оппортунистов-капитулянтов, готовых пожертвовать политической и организационной самостоятельностью партии и Красной армии и растворить их в других организациях»²⁵.

Это была развернутая и конкретная программа деятельности КПК во время антияпонской войны сопротивления. Она была диаметрально противоположна авантюристическому курсу Мао Цзэдуна. В соответствии именно с этой программой, а не с курсом Мао Цзэдуна действовали китайские коммунисты в первый период японо-китайской войны 1937—1939 гг. В результате не только был сорван японский план капитуляции Китая перед Японией, но и были достигнуты решающие успехи в укреплении позиций КПК и ее вооруженных сил, возросли их авторитет и влияние среди широких народных масс, небывало увеличилась численность рядов КПК и ее вооруженных сил.

Так, разгром частями 8-й армии под командованием Линь Бяо бригады одной из отборных японских дивизий генерала Итагаки 25 сентября 1937 г. под Пинсингуанем (в северо-восточной части провинции Шаньси) и успешные боевые действия других частей 8-й армии всколыхнули общественное мнение не только в Китае, но и за его пределами; они развеяли миф о непобедимости японской армии, подняли боевой дух китайской армии, воодушевили китайский народ на дальнейшую борьбу против японских захватчиков. По свидетельству на-

²⁴ Ван Мин. Новый этап агрессии японского империализма и новый период борьбы китайского народа. М., 1937, с. 26.

²⁵ Там же, с. 24—25.

чальника Главного политического управления 8-й армии Жэнь Биши, шаньси-суйюаньские войска «проявили при защите Ханьсяна и, в частности, Юаньпина исключительный героизм, самоотверженность и мужество. В результате этого героического сопротивления продвижение японцев было приостановлено... Это, — указал Жэнь Биши, — дало нам возможность сосредоточить новые подкрепления в районе Синькоу. В Синькоу мы выдержали бой в течение месяца... Бой у Синькоу были самыми ожесточенными со времени начала военных действий в Северном Китае»²⁶.

По тем же данным, командование 8-й армии совместно с шаньсийскими властями приступило к организации и мобилизации народных масс на борьбу с японскими захватчиками; оно поддержало «постановления о прогрессивных мероприятиях, опубликованные шаньсийским правительством во главе с Янь Сишанем... а также создание организаций по мобилизации масс в районах военных действий, как, например, объединенного комитета по военной мобилизации, которые значительно способствовали работе по организации и мобилизации масс»²⁷.

Командование 8-й армии строго придерживалось политики единого национального антияпонского фронта, сотрудничая со всеми антияпонскими партиями, армиями, местными властями и их вооруженными силами. «Малейшее ослабление единого фронта, — подчеркивал Чжу Дэ, — даст возможность расколоть наше единство. Расширение и укрепление единого национального антияпонского фронта, всего китайского народа, и в первую очередь единство всех китайских армий, — вот залог победы китайского народа над японскими агрессорами»²⁸.

Общими усилиями командования 8-й армии, местных коммунистов, участников движения «9 декабря», гоминьдановцев, местных властей и их вооруженных сил был создан в начале 1938 г. Хэбэй-Чахар-Шаньсийский пограничный район — одна из крупнейших опорных баз сопротивления японским захватчикам в Северном Китае, которая сыграла очень важную роль в вооруженном сопротивлении Японии в Северном Китае. По этому образцу стали создаваться другие антияпонские базы и пограничные районы. Правительство Пограничного района Хэбэй — Чахар — Шаньси было первым правительством действительно единого национального антияпонского фронта. Оно было признано Центральным правительством Китая. Каждая антияпонская партия и партийные группировки, входившие в это правительство, сохраняли свою политическую и организационную самостоятельность, а также право на дружескую критику, взаимный контроль, всестороннее обсуждение всех вопросов. Все это создавало необходимые условия для вооруженного сопротивления Японии.

«Только правильное понимание и осуществление сотрудничества гоминьдана и компартии как базы единого национального антияпонского фронта, — писал видный тогда деятель КПК Чэнь Чанхао, — могли придать ему силу, укрепить его в пограничном районе. Благодаря этому правильному пониманию сотрудничество гоминьдана и компартии принесло огромные результаты в пограничном районе и стало его жизненной силой»²⁹.

По словам Чэнь Чанхао, «когда японские грабители занимали Тайюань, существование этого района находилось под страшной угрозой. Головные части 8-й армии в то время лишь вступали в пограничный район провинций Хэбэй, Чахар, Шаньси. И если бы не было тес-

²⁶ Жэнь Биши. Воспоминания о вооруженной борьбе против японских захватчиков в Шаньси. — «Коммунистический Интернационал», 1938, № 5, с. 85.

²⁷ Цит. там же, с. 87.

²⁸ Чжу Дэ. Опыт и уроки 6-месячной оборонительной войны 8-й армии. — «Коммунистический Интернационал», 1938, № 5, с. 82.

²⁹ Чен Чанхао. Указ. соч., с. 107.

ного сотрудничества компартии и гоминьдана, которое привело к сплочению всех партий, войск, правительственной армии и народных масс, нельзя было бы созвать съезд партийных, военных, правительственных представителей и установить правительство единого фронта»³⁰.

И далее: «Когда пограничный район переживал критический момент, гоминьдан не был в состоянии взять на себя тяжесть огромного дела сопротивления Японии и спасения пограничного района. В районе даже не было гоминьдановских организаций, и ЦИК гоминьдана не мог осуществлять свое руководство. В то же время коммунистическая партия не могла одна справиться с этим делом, так как силы ее в этом районе были слабы, а кроме компартии и гоминьдана, нет другой силы, которая могла бы успешно справиться с этой задачей. Благодаря тесному сотрудничеству членов гоминьдана и компартии были сплочены все силы других антияпонских партий и течений, и тогда стало возможным оказать должное сопротивление зарвавшемуся японскому хищнику»³¹.

Опыт взаимодействия 8-й армии с гоминьдановскими войсками, местными властями и вооруженными силами в Шаньси и Северном Китае показал, насколько эффективными могут быть единый национальный антияпонский фронт, совместное руководство и совместная вооруженная борьба компартии гоминьдана против японских захватчиков. «Если бы коммунисты не боролись искренно совместно с гоминьданом за спасение родины и пограничного района (Шаньси — Хэбэй — Чахар. — А. Т.) от нашествия японских империалистов, — указывал Чэнь Чанхао, — то все 46 уездов этого района, вероятно, уже давно находились бы под игом Японии»³².

Партизанские базы в 1938 г. возникли также в Центральном и Южном Китае, в провинциях Аньхуэй, Фуцзянь, Гуандун, Хунань и других местах.

В связи с успехами политики единого национального антияпонского фронта, ростом авторитета и влияния КПК в широких народных массах Китая рос авторитет и Мао Цзэдуна, которого в то время уже считали вождем компартии. Как широкие народные массы, так и основная масса коммунистов не знали о наличии разногласий в руководстве КПК между Мао Цзэдуном и сторонниками новой политики КПК. Положение Мао Цзэдуна как вождя партии, сосредоточившего в своих руках основные рычаги руководства партией и связь с Коминтерном, затрудняло осуждение и критику его действий и взглядов. К тому же в то время усилилась кампания восхваления Мао Цзэдуна как якобы выдающегося марксиста-ленинца. Двуручничество Мао Цзэдуна также осложняло распознавание сущности его авантюристического курса. В результате борьба двух линий в руководстве КПК по вопросам отношения к антияпонской войне, политики единого национального антияпонского фронта и сотрудничества КПК с гоминьданом носила своеобразный характер. Мао Цзэдун и его приверженцы всячески маневрировали, двуручничали, шли на уступки, выжидали. Сторонники новой политики КПК, отстаивая свои позиции, в свою очередь избегали непосредственной критики и разоблачения сектантских, авантюристических взглядов и установок Мао Цзэдуна, не желая обострять отношения в руководстве КПК и партии, считая, что Мао Цзэдун заблуждается, надеясь на то, что он в конце концов исправится. Так было во время лочуаньского совещания Политбюро ЦК КПК, декабрьского совещания 1937 г. и мартовского совещания 1938 г.

Все это позволило Мао Цзэдуну продолжать укреплять свои позиции в партии и постепенно навязывать ей свои взгляды и установки.

³⁰ Там же, с. 105.

³¹ Там же, с. 106.

³² Там же.

Так, несмотря на решение декабрьского совещания Политбюро 1937 г. о созыве «в ближайшее время» VII съезда партии, Мао Цзэдуну удалось под различными предложениями перенести срок созыва съезда сначала на 1939 г., затем на 1940 г. и т. д. Он боялся, что на съезде его взгляды и особый курс могут быть подвергнуты критике и осуждению. Поэтому вместо съезда был проведен в октябре—ноябре 1938 г. VI расширенный пленум ЦК КПК, на котором Мао Цзэдун выступил с основным докладом. Наряду с правильными положениями и установками, соответствовавшими новой политике КПК и рекомендациям Коминтерна, он навязывал свои «идеи» и установки. В частности, он сделал заявку на так называемую китаизацию марксизма-ленинизма, заложил основы фальсификации истории КПК и протаскивал установки, направленные на подрыв сотрудничества КПК с гоминьданом. При этом Мао Цзэдун воспользовался тем, что ряд видных руководителей КПК (Ван Мин, Бо Гу, Чжоу Эньлай и др.), не дождавшись окончания работы пленума, выехали в Чунцин для участия во 2-й сессии Национального политического совета и по другим неотложным делам. И не случайно о своих «идеях» и сомнительных установках он говорил лишь в заключительном слове на пленуме 5 и 6 ноября 1938 г.

Вернувшийся из Москвы к началу работы VI пленума ЦК КПК Ван Цзясян, которого в начале 1937 г. направил туда Мао Цзэдун в качестве своего личного эмиссара, утверждал, будто Исполком Коминтерна рекомендовал избрать Мао генеральным секретарем ЦК КПК. В действительности такого мнения в Коминтерне не было. По словам того же Ван Цзясяна, в Коминтерне считали теоретиком КПК не Мао Цзэдуна, а Чжан Вэньтяня, являвшегося тогда генеральным секретарем ЦК КПК. В то же время сам Ван Цзясян, выполняя поручение Мао Цзэдуна, в разговоре с отдельными работниками Коминтерна говорил, будто ЦК КПК считает необходимым избрать генеральным секретарем ЦК КПК Мао Цзэдуна. А Исполком Коминтерна никаких рекомендаций не давал, считая, что данный вопрос должен решить VII съезд КПК. И все-таки эта уловка Мао Цзэдуна и Ван Цзясяна имела определенный успех. Многие поверили этому вымыслу. В результате положение Мао Цзэдуна в руководстве КПК укрепились.

Несмотря на все уловки Мао Цзэдуна и его приспешников, VI пленум ЦК КПК в целом принял правильное решение, нацелившее партию на дальнейшую мобилизацию всех национальных сил для продолжения войны сопротивления Японии до окончательной победы, на развитие и расширение единого национального антияпонского фронта и особенно на укрепление сотрудничества с гоминьданом. «Сотрудничество гоминьдана и КПК является основой единого национального антияпонского фронта, гарантией победы и государственного строительства»³³, — говорилось в резолюции пленума. Коммунисты, указывалось в резолюции, должны быть образцовыми борцами за дело создания единого национального антияпонского фронта, исходя из принципов: «Все для победы!», «Все должно подчиняться интересам оборонительной войны!», «Все для единого национального антияпонского фронта!»³⁴

В резолюции VI пленума обращалось особое внимание на необходимость решительной борьбы против всяких попыток раскола единого национального антияпонского фронта и сотрудничества между КПК и гоминьданом, а также на необходимость развернуть в партии идеологическую борьбу на два фронта — против «левого» и пра-

³³ Справочные материалы по истории КПК. Издание Партшколы ЦК КПК. [Б. м.] 1957, с. 54.

³⁴ Там же.

вого уклонов, «которые наносят вред единому фронту и оборонительной войне»³⁵.

VI Пленум ЦК КПК заявил о своей твердой поддержке Чан Кайши и национального правительства в войне сопротивления Японии, одоблив обнародование в апреле 1938 г. чрезвычайным съездом гоминьдана Программы оборонительной войны и строительства государства, созыв Национального политического совета, организацию Национально-политических советов в провинциях и городах Китая, предоставление политическим партиям права на легальное существование, создание массовых организаций, постепенное осуществление демократических преобразований и реформ в стране и т. д.³⁶

Несмотря на некоторые трения и конфликты между вооруженными силами КПК и гоминьдана в Северном Китае, которые усилились к весне 1939 г., первый период войны сопротивления, продолжавшийся до начала второй мировой войны в Европе осенью 1939 г., был периодом наиболее эффективного сотрудничества КПК с гоминьданом, а также периодом консолидации китайской нации в единую силу. Одновременно это был период, когда ряды Коммунистической партии Китая и ее вооруженных сил стремительно росли, а их авторитет и влияние в широких народных массах настолько укрепились, что на них не могли повлиять те потрясения и политические повороты, которые были вызваны деятельностью прояпонских и воинствующих антикоммунистических элементов в гоминьдане, а также действиями Мао Цзэдуна и его фракции в КПК. Широкие народные массы увидели в КПК силу, способную бороться за национальные интересы и прогресс страны, поэтому они продолжали поддерживать ее вплоть до победы в 1949 г.

³⁵ Там же, с. 55.

³⁶ См. там же, с. 52—53.

Экономические отношения Китая с государствами АСЕАН

М. А. Андреев

Упрочение позиций социализма в Юго-Восточной Азии, которую Китай традиционно, но безосновательно считает сферой своего преимущественного влияния, внесло определенные коррективы во внешнеполитический курс Пекина в этом регионе. После объединения Севера и Юга Вьетнама на социалистической основе, победы народной революции в Лаосе, свержения клики Пол Пота — Иенг Сарн в Кампучии и провала китайской агрессии против СРВ весной 1979 г. пекинские экспансионисты делают ставку на страны АСЕАН, понимая, что в Индокитае гегемонистские устремления Пекина обречены на провал.

Китайские геополитики стремятся путем сближения и заигрывания с государствами АСЕАН, во-первых, расширить свое влияние в зоне деятельности этой ассоциации, во-вторых, осложнить отношения между государствами Индокитая и АСЕАН и, в-третьих, нагнетать напряженность в Юго-Восточной Азии, добиваясь раскола между государствами региона, что содействовало бы экспансии Китая в юго-восточном направлении. Начавшееся сближение Китая с государствами АСЕАН происходит на крайне узкой и шаткой основе, поскольку остаются нерешенными такие острые межгосударственные проблемы, как территориальные претензии Китая на всю континентальную и часть островной Юго-Восточной Азии; продолжение материальной, идеологической, политической и военной поддержки Пекином партизанских движений в Малайзии, Таиланде и на Филиппинах; особые отношения Пекина с зарубежной китайской буржуазией в странах ассоциации; неравноправный и эксплуататорский характер экономического обмена между Китаем и государствами АСЕАН. Эти проблемы вызывают обоснованные опасения в странах группировки относительно агрессивных намерений Китая в Юго-Восточной Азии.

Как показало социологическое обследование тайландских специалистов в октябре 1977 г., среди населения Таиланда, включая высших служащих госаппарата, существуют опасения, связанные с агрессивностью Китая в Юго-Восточной Азии. 45 % опрошенных рядовых граждан и 31 % государственных служащих утвердительно ответили на вопрос, является ли Китай агрессором. На вопрос, нападет ли Китай на другие страны, был получен утвердительный ответ от 43,7 % рядовых граждан и 70,3 % государственных служащих, участвовавших в анкетировании. 60 % рядовых граждан и 86,7 % чиновников на вопрос, оказывает ли Китай поддержку промаоистскому партизанскому движению в Таиланде, ответили утвердительно. Наконец, 45 % опрошенных граждан и 41,4 % чиновников считают, что Китай планирует нападение на Таиланд¹. Стоит подчеркнуть, что это обследование было проведено до

¹ In: Bangkok Bank Monthly Review, December 1978, p. 568.

агрессии Китая против СРВ и спровоцированного Пекином обострения положения на тайландско-кампучийской границе.

В официальных кругах АСЕАН все отчетливее кристаллизуется мнение о том, что в нынешней обстановке национальным интересам государств АСЕАН отвечает развитие дружественных отношений с государствами Индокитая, которые эффективно препятствуют реализации экспансионистских устремлений Китая в Юго-Восточной Азии, в том числе и в зоне АСЕАН, а не бездумное сближение с Китаем, представляющим вполне конкретную угрозу национальному суверенитету государств ассоциации. Такой подход отличается политическим реализмом и конструктивностью, поскольку Вьетнам, Лаос и Кампучия со своей стороны не раз выступали инициаторами налаживания добрососедских отношений с государствами АСЕАН.

Существо экономических отношений Китая со странами АСЕАН, их формы и неравноправный для последних характер невозможно понять и правильно оценить без учета роли зарубежной китайской буржуазии в экономике стран ассоциации и растущей ориентации этой буржуазии на Пекин.

В настоящее время в зоне АСЕАН проживает около 15 млн. лиц китайской национальности, или хуацяо, из них около 11 млн. являются гражданами стран их нынешнего пребывания, а остальные 4 млн. сохраняют гражданство КНР, Тайваня, имеют двойное подданство, либо вообще являются лицами без гражданства. Паспорта КНР имеет свыше миллиона хуацяо, и есть основания предполагать, что в последние годы прослойка хуацяо с пекинскими паспортами увеличивается за счет лиц, не имевших гражданства или имевших ранее тайваньское подданство. Известно также, что с середины 70-х годов Пекин проводит негласную работу среди хуацяо, уже натурализовавшихся в странах АСЕАН, вынуждая их принять гражданство КНР.

Важно подчеркнуть, что трудящиеся элементы китайского населения в странах АСЕАН, составляющие около 90 % его общей численности, уже давно обрели родину в странах своего нынешнего пребывания и имеют соответственно гражданство Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин. Запутанность и сложность проблемы гражданства лиц китайской национальности в странах АСЕАН объясняется, с одной стороны, политическим и экономическим маневрированием капиталистов-хуацяо, стремящихся расширить свои позиции в экономике стран «пятерки», заручиться гарантиями Пекина против возможных репрессий со стороны правительств стран АСЕАН и не упустить спекулятивные прибыли от участия в экономическом обмене между Китаем и государствами ассоциации. С другой стороны, сложность этой проблемы вытекает и из нарастающих усилий Пекина по привлечению на свою сторону имущих слоев зарубежных китайских меньшинств, поскольку именно они располагают политическим и экономическим влиянием, столь необходимым Пекину для реализации великодержавных планов в Юго-Восточной Азии. В Пекине прекрасно понимают, что судьба их экспансионистских намерений в странах АСЕАН в решающей степени зависит от поддержки конкретных мероприятий в этом направлении именно эксплуататорскими элементами местных китайских меньшинств. С начала 1978 г. Китай резко активизировал свою работу среди хуацяо, стремясь вовлечь зарубежную китайскую буржуазию в «широчайший антигегемонистский фронт» против Советского Союза и других социалистических стран, увеличить поступление в Китай эксплуататорских доходов от капиталистов-хуацяо из стран АСЕАН и использовать их политическое влияние в странах этой группировки для давления на местные правительства в угодном для Пекина духе.

Эти действия Пекина в сочетании с продолжающейся деформацией социалистического базиса в самом Китае, блокированием его с империа-

листоческими державами и проповедью ярого антисоветизма расширили возможности для компромисса и сотрудничества между зарубежной китайской буржуазией и Китаем и привели к усилению влияния Пекина среди капиталистов-хуацяо в странах АСЕАН.

Особые отношения, сложившиеся между Китаем и зарубежной китайской буржуазией в Юго-Восточной Азии, открывают Пекину доступ к эксплуатации народов государств АСЕАН. Китайский капитал еще с колониальных времен глубоко внедрился в плантационное и мелкокрестьянское хозяйство, внутреннюю и внешнюю торговлю, транспорт, сферу кредита, промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья, горнодобывающую промышленность и коммунальное хозяйство. В послевоенные годы, несмотря на серию ограничений со стороны местных властей, ему удалось не только сохранить свои прежние позиции, но и расширить их путем усиленного внедрения (часто в сотрудничестве с транснациональными корпорациями западных держав) в многочисленные отрасли обрабатывающей промышленности, а также в сферу банковских, страховых и экспортно-импортных операций стран АСЕАН.

Медленное становление АСЕАН, затянувшееся практически до 1976 г., по времени совпало с заметной активизацией китайского капитала в экономике стран ассоциации. В настоящее время финансовая мощь китайской буржуазии в зоне АСЕАН оценивается в 50 млрд. ам. долл.², хотя к концу 60-х годов ассоциация располагала здесь примерно 30 млрд. ам. долл.

Инвестиции зарубежной китайской буржуазии в зоне АСЕАН за этот период выросли более чем в пять раз. По оценке, на конец 1969 г. инвестиции капиталистов-хуацяо в странах ассоциации составляли 3159,4 млн. ам. долл., в том числе в Индонезии — 704 млн., в Малайзии — 700, в Сингапуре — 770, в Таиланде — 412 и на Филиппинах — 573,4 млн. ам. долл.³. К концу 1975 г. эти инвестиции увеличились до 16 млрд. ам. долл. (Индонезия — 2570 млн. ам. долл., Малайзия — 3674, Сингапур — 4559, Таиланд — 3737 и Филиппины — 1611 млн. ам. долл.)⁴.

Если Пекину удастся склонить к коллаборационизму китайскую буржуазию в странах АСЕАН (а события пока развиваются именно в этом направлении), то ее внушительный экономический потенциал будет поставлен на службу интересам Китая, и он получит новые рычаги как для вмешательства во внутренние дела государств пятерки, так и для усиления эксплуатации народов этих стран. Даже сейчас, когда Пекин еще не добился лояльности всей китайской буржуазии в зоне АСЕАН, он широко опирается на местные деловые круги китайской национальности в ограблении народов Юго-Восточной Азии. Ведущим каналом экономического обмена между Китаем и государствами АСЕАН служит внешняя торговля, хотя она осуществляется с перерывами и осложнениями.

К моменту создания АСЕАН (август 1967 г.) Китай из-за великодержавных перегибов в своей политике по отношению к Индонезии, Малайзии, Сингапуру, Таиланду и Филиппинам находился в глубокой изоляции в регионе и практически не имел с ними дипломатических отношений.

Само собой разумеется, что напряженность политических отношений между Китаем и государствами АСЕАН серьезно препятствовала налаживанию устойчивых экономических контактов. Торговые отношения Китая с пятеркой стран до середины 60-х годов оставались нестабильными, часто прерывались по политическим соображениям и осуществ-

² In: *Asian Business*, February 1981, p. 66.

³ In: *Yuan-li Wu, Chun-hsi Wu. Economic Development in South East Asia. The Chinese Dimension*. Stanford, 1980, p. 33.

⁴ *Ibid.*, p. 170.

влялись в значительной мере через третьи страны, прежде всего через Гонконг, Макао и Сингапур. К моменту создания АСЕАН только два члена ассоциации — Малайзия и Сингапур — вели прямую торговлю с Китаем, да и они в то время не имели ни дипломатических отношений, ни официальных соглашений о торговле. Филиппины установили прямые торговые связи с Пекином только в 1971 г., а до того торговали с ним через Гонконг и Макао. С начала 1959 г. Таиланд запретил прямую торговлю с Китаем, ссылаясь на то, что «товары китайского производства в большинстве своем не относятся к категории жизненно важных, обычно доставляются в страну нелегально, что вызывает трудности в контроле над их импортом и увеличивает дефицит торгового баланса»⁵, и возобновил прямые торговые отношения с Китаем только в 1974 г. Что касается Индонезии, то она, введя официальный запрет на торговлю с Китаем в октябре 1967 г., до сих пор не отменила его, и ограниченный товарооборот между Индонезией и Китаем осуществляется при помощи гонконгских и сингапурских посредников.

Отсутствие надежной договорно-правовой основы торговых отношений со странами, впоследствии вошедшими в состав АСЕАН, Китай компенсировал путем развития посреднической, а порой и контрабандной торговли, устанавливая негласные деловые контакты с местной китайской торговой буржуазией, что позволяло ему продвигать значительные партии своих экспортных товаров на рынки стран пятерки даже в условиях прямого запрета на торговлю с Китаем, длительное время действовавшего в этих странах.

В 70-е годы АСЕАН стала важным торговым партнером Китая, особенно как рынок сбыта для китайской экспортной продукции. По данным 1978 г., страны АСЕАН по объему совокупного товарооборота с Китаем находились на пятом месте среди партнеров Китая после Японии, стран ЕЭС, Гонконга и США; их доля в торговле Китая составляла 5,5 %. В экспортной торговле Китая на долю стран АСЕАН приходилось 8 % всего китайского вывоза, и по этому показателю они также находились на пятом месте после США, Гонконга, Японии и стран ЕЭС. В импортной торговле Китая на долю государств АСЕАН приходилось лишь 3,3 % китайского ввоза, и они находились опять-таки на пятом месте после Японии, стран ЕЭС, США и Австралии.

В условиях свершившейся переориентации внешнеэкономических связей Китая на развитые капиталистические государства важно отметить, что наряду с тремя центрами современного империализма (США, Япония и страны ЕЭС) и Гонконга, всегда игравшего особую роль во внешнеэкономических связях Китая с внешним миром, именно страны АСЕАН вошли в пятерку ведущих торговых партнеров Китая. Не менее важно и то обстоятельство, что пятое место стран АСЕАН в торговле Китая обусловлено преимущественно высокой экспортной активностью Китая на рынках этой ассоциации. Наконец, страны АСЕАН превратились в крупнейший после Гонконга источник поступления иностранной валюты в Китай по торговым операциям и играют важную роль в оплате крупного пассивного сальдо в торговле Китая с ведущими империалистическими государствами.

Эти особенности внешней торговли Китая со странами АСЕАН и объясняют его повышенный интерес к развитию торговли с ними.

Заинтересованность стран АСЕАН в торговле с Китаем представляет менее очевидной. Китай занимает весьма скромное место в суммарном товарообороте стран ассоциации. В 1978 г. на его долю приходилось лишь 1,4 % всего товарооборота стран АСЕАН, удельный вес экспорта в Китай в их суммарном экспорте составил лишь 0,8 %, а импорт из Китая в страны пятерки — 1,9 % общего импорта стран ассоциации.

⁵ Bangkok Bank Monthly Review, December 1978, p. 539.

В 70-е годы внешняя торговля Китая со странами АСЕАН развивалась высокими темпами. За 1969—1978 гг. товарооборот Китая с этими странами вырос с 336,4 млн. до 1107,7 млн. ам. долл. Среднегодовой темп прироста товарооборота достиг в 70-е годы 27 %. Экспорт Китая в государства группировки за тот же период вырос с 235,3 млн. до 785,9 млн. ам. долл. Более низкими темпами рос китайский импорт из стран группировки — в 1969 г. он составил 101,1 млн., а в 1978 г. — 321,8 млн. ам. долл. При опережающих темпах прироста китайского экспорта в страны группировки над темпами прироста китайского импорта из указанных стран активное сальдо в торговле Китая со странами АСЕАН, естественно, росло более высокими темпами. Если в 1969 г. оно составляло 134,2 млн., то в 1978 г. — уже 464,1 млн. ам. долл.

Торговлю Китая со странами АСЕАН отличает острая и хроническая несбалансированность в пользу Китая, редко встречающаяся в практике современных международных экономических отношений. По суммарному итогу за 1969—1978 гг. совокупный экспорт Китая в страны группировки в 2,8 раза превысил совокупный импорт Китая из указанных стран, а масштабы активного сальдо в торговле Китая с ними за указанный период достигли 3 млрд. ам. долл. В этот период пятерке стран ни один год не удавалось свести сальдо по экспортно-импортным операциям с Китаем в свою пользу. Такие страны, как Индонезия и Сингапур, в течение этого десятилетия неизменно имели пассивное сальдо в торговле с Китаем. Малайзии лишь однажды — в 1977 г. — удалось получить активное сальдо в торговле с Китаем в размере 4,2 млн. ам. долл., в остальные же годы торговля неизменно складывалась в пользу Китая. Торговлю Филиппин с Китаем можно считать относительно сбалансированной (активное сальдо экспортно-импортных операций за 1972—1978 гг. в пользу Китая составило примерно 50 млн. ам. долл.). Лишь Таиланду удалось по итогам торговли за 1974—1978 гг. получить активное сальдо в торговле с Китаем в размере 62,2 млн. ам. долл.

Наибольшие потери от несбалансированности торговли с Китаем несут Индонезия, Малайзия и Сингапур. Последнему за счет получения комиссионных вознаграждений от реэкспортных операций с китайскими товарами удается частично компенсировать свои валютные потери в торговле с Китаем, связанные с пассивным сальдо его экспортно-импортных операций с Пекином. Что касается Филиппин и Таиланда, то общие итоги их торговли с Китаем с учетом реэкспорта китайской продукции через Сингапур — также в пользу Китая.

Основными статьями китайского экспорта в страны АСЕАН остаются продовольственные товары (рис, свежие и консервированные овощи и фрукты, мясо- и морепродукты, чай, специи) и товары широкого потребления (ткани, одежда, предметы домашнего обихода), а также некоторые виды простого оборудования и химикаты. С середины 70-х годов Китай в незначительных количествах поставляет нефть и нефтепродукты в Таиланд и на Филиппины.

В деловых кругах стран ассоциации отмечают, что на местном рынке ощущается перенасыщенность по некоторым позициям китайского экспорта, качество китайских товаров уступает качеству аналогичной экспортной продукции других государств, а товарные характеристики поставляемых партий китайской продукции часто не соответствуют характеристикам образцов, на основании которых заключаются контракты⁶. Экспорт китайских товаров ширпотреба в масштабах, превышающих обоснованные потребности стран АСЕАН, оказывает негативное воздействие на развитие национальной промышленности. Так, в Таиланде чрезмерный экспорт китайских товаров наносит ущерб отраслям ме-

⁶ In: Bangkok Bank Monthly Review, December 1978, p. 543—544.

стной промышленности, производящим изделия из стекла и фаянса, домашнюю утварь и ткани⁷. Одна из причин, по которым Индонезия воздерживается от возобновления прямой торговли с Китаем, состоит в том, что «нарастающая промышленность может получить тяжелый удар со стороны китайской продукции, которая в случае возобновления прямой торговли начнет массированно поступать на индонезийский рынок»⁸.

Сложившаяся структура китайского экспорта в зону АСЕАН слабо соответствует потребностям стран группировки в машинах и оборудовании, сырье и полуфабрикатах.

Китайский импорт из стран АСЕАН, как уже отмечалось, по стоимости почти в три раза уступает стоимости китайского экспорта в эти страны. В торговле с ними Пекин издавна придерживается тактики искусственного сдерживания импорта как по стоимости, так и по его номенклатуре. Основу китайского импорта из стран АСЕАН составляют каучук, олово, медный концентрат, сахар, рис и растительные масла. Китайские внешнеторговые организации упорно уклоняются от закупок промышленной продукции в странах АСЕАН, хотя последние уже обладают существенными экспортными фондами некоторых видов готовых изделий. Это обстоятельство препятствует диверсификации экспорта государств АСЕАН и развитию их национальной промышленности. Исключение составляет, пожалуй, только закупка нескольких плавучих буровых установок в Сингапуре, но и эта сделка заключена практически с филиалами транснациональных корпораций, обосновавшихся в этой островной республике. Настойчивые попытки правительства стран группировки расширить номенклатуру экспорта этих стран в Китай пока что наталкиваются на упорное сопротивление Пекина и не дают желаемого результата. Китай по-прежнему закупает в зоне АСЕАН преимущественно товары стратегического назначения.

Таким образом, торговля Китая со странами АСЕАН характеризуется острой несбалансированностью в пользу Китая, несоответствием его экспортных поставок импортным потребностям государств ассоциации, а также систематическим сдерживанием экспорта товаров стран пятерки на китайский рынок. В перспективе можно ожидать обострения конкуренции между Китаем и государствами АСЕАН на рынках третьих стран по широкому кругу готовых изделий, а также обострения конкуренции готовых изделий из Китая с промышленной продукцией стран АСЕАН на ее рынке.

Неблагоприятное для стран АСЕАН развитие торговых отношений с Китаем объясняется экспортной экспансией Китая на рынках ассоциации.

Китайские внешнеторговые организации учитывают такой фактор, как наличие многомиллионного китайского меньшинства в странах АСЕАН с его приверженностью к китайскому образу жизни, включая китайскую структуру потребления, что порождает высокий и устойчивый спрос на товары именно китайского производства.

Местная китайская буржуазия, контролирующая 40—60 % экспортно-импортных операций и 60—80 % внутренней торговли стран ассоциации, располагает широкими возможностями для ввоза и реализации на внутреннем рынке китайской экспортной продукции. Она охотно выступает в качестве агентов по сбыту китайских товаров в зоне АСЕАН, поскольку операции с ними, во-первых, дают ей хорошие прибыли и, во-вторых, служат убедительным свидетельством ее лояльности по отношению к Пекину. Вся торговля Китая со странами АСЕАН осуществляется при участии местных китайских торговцев. Внешнеторговые органи-

⁷ Ibid., p. 544.

⁸ "Kompas", August 23, 1978.

зации КНР имеют широкую сеть агентов из числа местных китайских торговцев и выплачивают им высокие комиссионные вознаграждения — в размере 5, 10 и даже 20 % стоимости экспортируемых товаров. Они широко практикуют поставку товаров на условиях консигнации с рассрочкой платежей до полугода, на обычных агентских условиях, на базе доверительных коносаментов без должного финансового обеспечения, предоставляют агентам экспортные кредиты даже при поставке потребительских товаров, приглашают местных китайских импортеров на Гуанчжоускую ярмарку экспортных товаров, проводимую дважды в год, и т. д.

На рынках стран АСЕАН Китай широко использует такое острое оружие экспортной экспансии, как демпинг. По имеющимся данным, экспортные цены на китайские товары нередко устанавливаются на уровне 10, 20 и даже 30 % ниже мировых цен на аналогичные товары иностранного производства. С учетом выплаты высоких комиссионных вознаграждений агентам масштабы скидок с экспортных цен на китайскую продукцию достигают половины мировой цены. Как правило, демпинговые скидки на китайские товары чаще и острее всего применяются на новых для Китая рынках, а рынки стран АСЕАН по уже известным причинам относятся именно к этой категории. По мере закрепления на этих рынках Китай обычно подтягивает цены на свою продукцию до уровня мировых, как это имеет место сейчас на рынках Таиланда и Малайзии. Китай продолжает использовать каналы посреднической и контрабандной торговли для расширения своего экспорта в страны АСЕАН, даже имея с ними прямые торговые отношения.

Расчеты по неторговым операциям между Китаем и государствами АСЕАН также сводятся не в пользу стран ассоциации.

За всю историю существования АСЕАН ни одно из государств этой группировки не получало экономической помощи Китая. До учреждения ассоциации Китай обещал свою помощь только одной Индонезии, но предоставил ей лишь 10 % обещанных сумм экономической помощи. После того как была установлена причастность Китая к событиям 30 сентября 1965 г., Индонезия сама отказалась от китайской экономической помощи.

Страны ассоциации не обращались и не обращаются к Пекину с просьбами о помощи, хотя хорошо известна их заинтересованность в привлечении внешних финансовых ресурсов для нужд экономического и социального развития. В китайской экономической помощи они справедливо усматривают инструмент политического давления на государства-получатели, который способен расширить экономическое и политическое присутствие Китая в зоне АСЕАН, и без того достигшее опасных масштабов. Из опыта других развивающихся стран государствам АСЕАН хорошо известно, что китайская программа помощи скромна по масштабам, отстала по натурально-вещественному содержанию и сопряжена с многочисленными политическими условиями. Они справедливо опасаются вмешательства китайских специалистов во внутренние дела стран, рискнувших принять китайскую экономическую помощь. Такое вмешательство не раз отмечалось в странах Юго-Восточной Азии в прошлом. Наконец, в странах АСЕАН не без оснований считают, что получение китайской экономической помощи открывает местной китайской буржуазии дополнительный канал для нелегального перевода их капиталов в Китай, поскольку она может, оплачивая местные затраты Китая по строительству в рамках помощи, беспрепятственно накапливать крупные суммы на своих счетах в Китае. В прошлом подобные махинации также имели место в некоторых странах Юго-Восточной Азии.

Китай также не спешит предлагать свою экономическую помощь странам АСЕАН. Это объясняется прежде всего глубоким и острым кризисом всей программы экономической помощи Китая развивающимся

странам, который начался во второй половине 70-х годов. В условиях финансовой необеспеченности программы «четырёх модернизаций» и роста задолженности Китая империалистическим державам он оказался не в состоянии выделять на регулярной основе сколько-нибудь значительные дополнительные суммы для оказания помощи и, более того, испытывает затруднения с выполнением уже принятых обязательств. Поэтому с середины 70-х годов объем китайских обязательств по оказанию экономической помощи развивающимся странам неуклонно падает и сейчас составляет не более 100 млн. ам. долл. в год. Через пропекинские партизанские движения и ориентирующуюся на Китай часть капиталистов-хуацяо Пекин оказывает достаточно сильное политическое давление на страны Юго-Восточной Азии и потому считает излишним прибегать здесь к такому дорогостоящему средству давления, каким была и остается китайская экономическая помощь.

В Пекине рассматривают государства АСЕАН как источник пополнения золотовалютных запасов Китая и не намерены даже на временной основе отвлекать ограниченные ресурсы Китая для оказания экономической помощи странам этой группировки. Наоборот, получая здесь эксплуататорские доходы через зарубежную китайскую буржуазию, ничем не компенсируемые для стран ассоциации, Пекин за счет этих доходов финансирует всю свою программу экономической помощи развивающимся странам.

Можно считать установленным фактом, что официальные экономические отношения между Китаем и государствами АСЕАН либо складываются не в пользу государств ассоциации (внешняя торговля и неторговые операции — судоходство и туризм), либо вообще отсутствуют (предоставление займов и кредитов).

Однако экономический обмен между Китаем и государствами АСЕАН не ограничивается этими официальными отношениями и включает в себя негласное движение капиталов, мотивируемое особыми отношениями между Пекином и зарубежной китайской буржуазией, действующей в зоне ассоциации.

Еще в середине 50-х годов в Китае было введено в действие подробно разработанное положение о негласном привлечении капиталов зарубежной китайской буржуазии в его экономику⁹. В форме семейных переводов родственникам в Китае, предпринимательских инвестиций в смешанные предприятия на китайской территории, всевозможных благотворительных пожертвований, банковских вкладов и т. д. капиталисты-хуацяо нелегально направляли и направляют в Китай крупные финансовые ресурсы. Зарубежная китайская буржуазия из стран АСЕАН издавна переводит крупные капиталы в Китай. Достаточно сказать, что за 1954—1963 гг. капиталисты-хуацяо из Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин перевели в Гонконг, а затем частично и в Китай 3,8 млрд. гонконгских долларов, а со второй половины 60-х годов приток китайского капитала из стран АСЕАН в Китай через Гонконг вырос примерно в 2,5 раза¹⁰.

Это нелегальное движение китайского капитала из стран АСЕАН в Китай ничем не компенсируется для стран ассоциации и разоблачает участие Китая в эксплуатации народов стран Юго-Восточной Азии.

Есть убедительные свидетельства того, что Пекин намерен и дальше расширять свое участие в эксплуатации народов государств АСЕАН. Об этом говорят активизация работы Пекина среди зарубежных китайских меньшинств с начала 1978 г., расширение контактов внешнеэкономических организаций КНР с деловыми кругами китайской национальности

⁹ Подробнее см.: М. А. Андреев. Зарубежная китайская буржуазия — орудие Пекина в Юго-Восточной Азии. М., 1973.

¹⁰ In: Yuan-li Wu, Chin-hsi Wu. Economic Development in South East Asia, p. 95.

в странах АСЕАН и особенно принятии закона о смешанных предприятиях в Китае.

По мнению японских экспертов, капитал китайской буржуазии из стран АСЕАН глубоко укоренился во многих промышленных, торговых и банковских компаниях Гонконга, поэтому вероятность участия капиталов капиталистов-хуацяо из Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин в финансировании деятельности смешанных компаний в Китае через Гонконг очень велика¹¹. Кроме того, этот капитал начинает поступать в Китай и напрямую — непосредственно из стран группировки. Имеются сведения, что на новых условиях сингапурские бизнесмены-хуацяо уже вкладывают свои капиталы в строительство гостиниц в Пекине, Шанхае и Кантоне. Китайские бизнесмены из Таиланда стали акционерами смешанных компаний, занимающихся птицеводством в Кантоне и строительством отелей в пяти городах Китая. Их примеру последовали филиппинские предприниматели китайской национальности, участвующие капиталами в строительстве гостиниц в Пекине и Шанхае. Наконец, малайзийские предприниматели-хуацяо вкладывают свои капиталы в налаживание производства натурального каучука и пальмового масла в южных провинциях Китая.

Известно, что еще до принятия закона о смешанных предприятиях китайская буржуазия из стран АСЕАН вложила свои капиталы в создание более чем ста предприятий в Китае, учитывая многочисленные льготы, негласно предоставленные ей пекинским руководством еще в 1955 г. Сейчас, получив новые льготы и привилегии, она форсирует нелегальный экспорт капитала в Китай. До осени 1979 г. правительство КНР одобрило 13 соглашений о создании смешанных предприятий с участием иностранного, в том числе и зарубежного китайского капитала. К осени 1980 г. на рассмотрение китайского правительства поступило дополнительно около 100 предложений о создании смешанных предприятий¹².

Для стран АСЕАН этот отлив китайского капитала в Китай оборачивается все более ощутимым уроном, поскольку они не получают никакой компенсации за утечку капиталов из их экономики, а надежды на возврат капитала и прибылей на него из Китая весьма сомнительны. Возросшие масштабы бегства китайского капитала из стран АСЕАН в Китай расширяют участие Китая в эксплуатации народов стран группировки.

По имеющимся оценкам иностранных экспертов, в 70-е годы переводы капиталистов-хуацяо в Китай из других стран мира колебались в пределах от 500 млн. до 2 млрд. ам. долл. в год¹³. Если исходить из преимущественной концентрации зарубежной китайской буржуазии и ее капиталов в странах АСЕАН, где, по нашим оценкам, действует около 60 % капиталов зарубежной китайской буржуазии, то во второй половине 70-х годов объем переводов капиталистов-хуацяо из стран АСЕАН в Китай можно оценить в пределах от 300 млн. до 1200 млн. ам. долл. в год. Известно, что Пекин в 1978 г. потребовал от зарубежной китайской буржуазии довести объем переводов в Китай к 1981 г. до миллиарда долларов в год. В этом случае переводы зарубежной китайской буржуазии из стран АСЕАН на рубеже 70—80-х годов должны были составить около 600 млн. ам. долл. в год.

Следует учитывать и еще одну опасную тенденцию в экономических отношениях Китая со странами АСЕАН, связанную с принятием закона о смешанных предприятиях в Китае. Похоже, что, стремясь повысить

¹¹ См.: Обзор торгово-экономических связей Китая со странами АСЕАН. Токио, 1980, с. 66 (на яп. яз.).

¹² China's Import-Export Trade. China's Export Commodities Fair. Special Edition, 1980. Hongkong, II. III. 1980, p. 14—15, 34.

¹³ См.: Обзор торгово-экономических связей Китая со странами АСЕАН, с. 64.

участие Китая в эксплуатации народов стран АСЕАН и установить более жесткий контроль над зарубежной китайской буржуазией в зоне ассоциации, Пекин намерен расширять сеть собственных предприятий в этих странах.

Экономическое присутствие КНР в зоне деятельности АСЕАН уже многие годы проявляется в функционировании предприятий КНР в странах ассоциации. Китай, например, активизирует инвестиционную деятельность в Сингапуре, который он хотел бы превратить в свой опорный пункт в АСЕАН. Здесь действует отделение Китайского банка с четырьмя его местными филиалами. Это отделение является полной собственностью КНР и, действуя в ее интересах, осуществляет коммерческие операции, получает денежные переводы и вклады, обслуживает торговлю Китая со странами АСЕАН. С начала 1980 г. сингапурское отделение Китайского банка получило право участвовать в операциях с «азиатскими долларами», что открывает Китаю доступ на рынок заемных средств в Сингапуре. Помимо этого банка, в Сингапуре действуют отделения еще двух банков КНР — Гуандун провиншиэл бэнк и Пекинского банка, но по масштабу операций они уступают деятельности Китайского банка. В островной республике действуют также две страховые компании КНР — «Чайна иншуранс» и «Тай Пинг иншуранс»¹⁴.

В розничной торговле Сингапура заметное место занимают 11 универсальных магазинов-импортумов, реализующих на местном рынке только китайские товары. По имеющимся сведениям, эти магазины принадлежат компании «Импортум холдинг (Сингапур) лтд», капитал которой совместно контролируется местными китайскими бизнесменами пропекинской ориентации и внешнеторговыми организациями КНР.

Есть свидетельства проникновения капитала различных государственных организаций КНР в морское судоходство и газетное дело Сингапура, а также в некоторые отрасли экономики Малайзии и Таиланда.

Толкование закона о смешанных предприятиях позволяет создавать их не только на китайской территории, но и за ее пределами — в виде филиалов смешанных предприятий. Из 13 утвержденных к осени 1980 г. смешанных предприятий 8 было создано на территории Китая, а 5 — за его пределами. По первым сведениям, смешанные предприятия с участием капитала КНР за рубежом создаются в морском судоходстве, страховании, торговле и пищевой промышленности. Это открывает дополнительные возможности для активизации экономической экспансии Китая на рынках стран АСЕАН путем создания смешанных торговых и производственных предприятий с участием капитала КНР и местных капиталистов-хуацяо и для дальнейшего наращивания эксплуататорских доходов КНР за счет народов государств АСЕАН.

Похоже, что Китай путем расширения сети собственных предприятий на территории АСЕАН и налаживания их тесного сотрудничества с местными китайскими предпринимателями намерен создать в зоне ассоциации мощный экономический анклав, ориентирующийся на обслуживание интересов Китая, а не государств АСЕАН. Такой поворот событий вряд ли отвечает целям ассоциации. Такой поворот событий на практике может продвинуть реализацию экспансионистских намерений Пекина в Юго-Восточной Азии.

Анализ масштабов и форм экономического обмена между Китаем и государствами АСЕАН вскрывает неравноправный и эксплуататорский характер этого обмена со стороны Китая. Невыгодность подобных экономических отношений с Китаем для стран АСЕАН представляется очевидной. Потери этих стран в процессе экономического обмена с Китаем настолько велики, что они становятся наряду с политическими факторами дополнительным аргументом против бездумного и поспешного сближения стран ассоциации с Китаем.

¹⁴ In: "Singapore Business", 1977, № 2, p. 14.

ИСТОРИЯ

Из истории русско-японских и советско-японских отношений

Л. Н. Кутаков,
доктор исторических наук
С. И. Бербицкий,
кандидат исторических наук

Советские люди проявляют неизменный интерес к страницам русской истории, связанным с открытием, исследованием и освоением Курильских островов — неотъемлемой части территории СССР.

Курильская гряда замыкает Охотское море, растянувшись непрерывной цепочкой от южной оконечности Камчатки до острова Хоккайдо. Она прикрывает подходы к побережью русского Дальнего Востока.

Общее название всех островов — «Курильские» — дали им русские исследователи за их постоянно дымящиеся вулканы. Русское происхождение наименования гряды признают и японские авторы¹. Курильская гряда насчитывает свыше тридцати более или менее значительных островов и множество мелких островков.

Впервые русские посетили Курильские острова в первой половине XVII в. Имеются сведения о том, что русские кочи (парусные морские лодки) бывали у берегов Камчатки и Курильских островов еще во второй половине XVI в., тогда как о посещении в ту пору этих мест иностранными путешественниками нет никаких сведений². Об открытии Курильских островов русскими в 40-х годах XVII в. упоминается в японской исторической литературе. Японский автор XIX в. Тёкэн Мацунага, обравший в своей книге «Сахалин и Камчатка» все, что ранее писалось другими японскими историками по вопросу о посещении русскими Курил и Сахалина, сообщает, что «в 1643 году русские пришли в Камчатку и открыли» Курильские острова³. По-видимому, автор имеет в виду сведения о Курильских островах, полученные русским землепроходцем Юрием (по-японски Юуру) Селиверстовым из отряда Михаила Стадухина в 1649 г.⁴ Жители Курильских островов рассказали М. Стадухину, что и до него на их земле бывали русские люди⁵. Эти данные стали наноситься на русские географические карты. Об этом свидетельствует, в частности, «роспись» «Чертежа всей Сибири», «збиранного» в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича в 1667 г. В ней говорится: «от того камня на полдень (Камчатка. — Авт.) до устья Амура-реки выпало осмь рек, а против устьев тех рек есть столп каменной, вышел из моря вельми высок». Имеется в виду остров Алайд, позднее названный островом Атласова, из числа Курильских островов, о котором русские узнали в результате посещения этого района в середине XVII в. Это подтверждается картой голландца Н. Витсона

¹ См.: Д. Позднеев. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России, т. 2. Иокогама, 1909, с. 3.

² См.: К. Е. Черевко. Экономическое освоение Сахалина: история и современность. — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 4, с. 127.

³ См.: Д. Позднеев. Указ. соч., т. 2, ч. 2, с. 3.

⁴ См.: К. Е. Черевко. Как в Россию проникали первые сведения о Японии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4, с. 128—129.

⁵ См.: Курильская гряда (Заметки капитана Сноу). — «Записки Общества изучения Амурского края», т. 8, вып. 1. Владивосток, 1902, с. 1.

1687 г., где остров Алаид — «столп каменной» — обозначен как «Stolpka тетсоу»⁶.

В 1692 г. вся гряда Курильских островов была нанесена на карту на базе русских источников послем России Идесом, направленным Петром I в Китай⁷. Таким образом, честь открытия Курильских островов, несомненно, принадлежит русским мореходам.

В 1695 г. из Анадыря на Камчатку совершил поход казак Лука Морозко. Он привез в Анадырь сведения о Камчатке и Курильских островах и сообщил их приказчику Владимиру Атласову⁸. В 1697 г. Атласов совершил путешествие по западному берегу Камчатки на юг от устья реки Гольгиной (тогда называвшейся рекой Нинчугу) по 52°10' северной широты. В. Атласов сообщил, что за южной оконечностью Камчатки находятся острова, на которых живут люди. Сведения о Камчатке и Курильских островах, сообщенные В. Атласовым в Тобольск, легли в основу карты, составленной С. У. Ремезовым в самом начале XVIII в. Эта карта, названная «Чертеж вновь камчадалские земли и моря», является одной из ранних карт Чукотского полуострова, Камчатки и Курильских островов⁹. На ней имеется надпись: «Земля Курильская на озере и на островах».

Хотя в середине XVII в. на европейских картах между Азией и Америкой и помещали землю Эдзо и Камчатку, европейские картографы не знали ни точного географического местоположения этих земель, ни что это за земли. Голландец де Фриз (или де Фрис) в 1643 г. обнаружил на север от Японии какую-то землю, но из-за сильного тумана не смог установить ее очертания. Фриз также не определил, является ли эта земля островом или частью материка. Он не предполагал, что это была часть Курильской гряды. Таким образом, путешествие Фриза не имело значения для открытия и изучения Курильских островов.

Стремление иметь выход в Восточный океан (как тогда назывался Тихий океан) и контролировать находящиеся на нем острова, прикрывавшие русские владения, отражало реальные интересы России. По своему географическому положению острова являются естественным продолжением русской территории в Тихом океане, и владение ими было необходимо для выхода России в океан и обеспечения связи с Чукоткой и Камчаткой.

К моменту открытия островов русскими Курильские острова и Сахалин населяли айны, а также сибирские народности — нивхи (гиляки), ороки, эвенки и ительмены. Сибирские народности вместе с айнами образовали их коренное население. Родство жителей Курильских островов и Сахалина с жителями материка подтверждается сходством языка, нравов, обычаев, общностью материальной культуры и общим антропологическим обликом. Айны в более древние времена населяли современную Японию и только впоследствии были оттеснены на север — на Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова, где они потеснили нивхов.

Из Сибирского приказа от имени Петра I последовал ряд указов в Иркутск, Тобольск, на Анадырь и на Камчатку о том, чтобы «провесть земли и острова и привести иноземцев в ясачный платеж». Так, например, в грамоте, направленной в 1708 г. из Сибирского приказа в якутскую воеводскую канцелярию, предлагалось послать в камчатский острог приказчика и с ним человека призывать иноземцев «под его ве-

⁶ См.: К. Е. Черевко. Курильские острова в русской и зарубежной картографии. — В сб.: Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., 1980, с. 161—162.

⁷ См. там же.

⁸ См.: А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Воениздат, 1948, с. 66.

⁹ См.: Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 г. М., 1965, с. 189—193.

ликого государя руку» и в «ясачный платеж»¹⁰. В заключение документа предписывалось «приложить тщание по сыску иных народов богатых, которые реки в Море-Океан Восточный впали и живут на островах, и проведывать про них ласкою и учинить с ними дружбу и торговые промыслы»¹¹.

После похода В. Атласова начинается освоение Камчатки, а затем и Курильских островов. В 1700 г. на Камчатку был назначен первый приказчик Тимофей Кобелев; в 1704—1708 гг. его сменил пятидесятник В. Колесов. В 1705 г. он направил на Курилы отряд казака Ламаева, который наложил ясак на курильцев с первых островов¹².

В 1710 г. казачьему десятнику В. Савостьянову был послан наказ построить суда и «за переливами» на море земли «проведывать», а людей приводить в подданство¹³. Это поручение было исполнено в 1711 г. казацким атаманом Данилой Анциферовым и есаулом Иваном Козыревским, которые посетили острова Шумшу и Парамушир и остров-скалу Авось. По возвращении они составили чертеж исследованных ими островов и дали их описание, подчеркнув при этом, что все Курильские острова до прибытия на них русских никому не принадлежали.

Через переводчика Анциферов и Козыревский предложили местным жителям принять российское подданство. «И они, иноземцы, нам... сказали, что-де мы здесь живучи ясаку платить никому не знаем и прежде до сего с нас ясаку никто не бирывал»¹⁴. Анциферов и Козыревский собрали с жителей острова ясак, привели их в российское подданство, присоединив, таким образом, острова к Российской империи. Анциферов и Козыревский составили также чертеж других Курильских островов, о которых они узнали путем расспросов.

Позднее (в 1726 г.) И. Козыревский сообщал Берингу, что «люди нифонцы (то есть японцы. — Авт.) далее Матсмаю в северную сторону на иные острова не ходят. И на сем концу острова ж караул ж»¹⁵, то есть японцам было запрещено плавать севернее Матсмая (Хоккайдо). Достоверность этого сообщения И. Козыревского не вызывает сомнений: тогда в Японии действовали токугавские законы, запрещающие японцам под страхом смерти покидать свою страну и сооружать корабли, годные для дальнего плавания. Поэтому на север от Японии плавали лишь японские пираты, да иногда штормом относило в открытое море купеческие и рыбацкие суда, команды которых попадали при кораблекрушении в плен к жителям Курильских островов.

В том же докладе Берингу Козыревский сообщал, что он «на ближних морских островах был и другие видел и самовластных народов проведаль»¹⁶. «Самовластными», то есть независимыми, как писал Козыревский, называли себя и курильцы южных островов: «Итурупцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве»¹⁷. Курильские острова не были заняты японцами, и русские не только первыми их открыли и нанесли на карту, но и первыми фактически установили над ними права владения. В этом крупное историческое значение походов И. Козыревского.

Карта, составленная И. Козыревским в результате посещения Курильских островов в 1713 г., легла в основу карты, составленной С. У. Ремезовым в 1719 г. и направленной в Москву. На этой карте:

¹⁰ Памятники сибирской истории XVIII века, кн. 1. СПб., 1882, с. 418.

¹¹ Там же, с. 421.

¹² См.: А. В. Ефимов. Указ. соч., с. 84.

¹³ См.: Памятники сибирской истории XVIII века, кн. 1, с. 422—423.

¹⁴ Там же, с. 462.

¹⁵ Центральный государственный архив древних актов (далее ЦГАДА), ф. Портфель Миллера, № 533, д. 8, л. 9; см. также: «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 2, с. 139—142.

¹⁶ ЦГАДА, ф. Портфель Миллера, № 533, д. 2, л. 18.

¹⁷ Там же, д. 8, л. 8.

изображена целая гряда Курильских островов, островов Матсмай и большой (на юге не ограниченный) остров с надписью «остров Нифон»¹⁸. Карта И. Козыревского, получившая большую известность, была также использована военнопленным шведом И. Ф. Таббертом (Страленбергом) при составлении им в 1725 г. карты Сибири¹⁹.

В 1719 г. Петр I отправил экспедицию в составе геодезистов Ивана Евреинова и Федора Лужина с официальным поручением «ехать до Камчатки и далее куды указано и описать тамошние места, сошлася ли Америка с Азией», но основной задачей экспедиции «было разведать Курильские острова и путь в Японию»²⁰.

В 1945 г. в ЦГАДА была обнаружена и подлинная карта Сибири, Камчатки и Курильских островов, составленная И. Евреиновым. Отчет экспедиции позволяет судить о большой работе, проделанной геодезистами. Они произвели астрономическое определение координат большого числа пунктов Сибири и Курильских островов и нанесли их на карту. Курильские острова были обследованы «до 16 острова» (острова Кетой).

Таким образом, был выполнен труд большого научного и политического значения. Вновь было подтверждено, что на Курильских островах живут туземцы, что никаких японцев на островах нет и что японцы, равно как и камчадалы, лишь торгуют с жителями островов.

Петр I, которому И. Евреинов в 1722 г. лично доложил о результатах своей поездки и показал карту осмотренных им Курильских островов, остался доволен результатами экспедиции. Экспедиция И. Евреинова 1721 г. имела большое значение для изучения и освоения Курильских островов.

Карта И. Евреинова, так же как и карта И. Козыревского, была известна современникам и вошла в научный оборот в России (работы 1721 и 1734 гг. И. К. Кириллова) и в Западной Европе (работы 1732 г. Н. Д. Делиля и Д'Анвилля).

В начале 1727 г. императрице Екатерине I было доложено мнение сената, основанное на донесениях из Сибири, о том, что около Камчатки имеются острова, которые следовало бы взять во владение. Сенат указывал, что «те земли прилежали к российскому владению и ни у кого не подвластные и к содержанию и владению под российской державой нетрудные»²¹.

В связи с этим сенатом было высказано мнение о посылке отряда во главе с якутским «казачьим головой» Афанасием Шестаковым для сбора ясака. Главной целью экспедиции Шестакова было обследование и приобретение новых земель в Восточном океане. Один из отрядов экспедиции (которую в 1730 г. после гибели Шестакова возглавил капитан Павлуцкий), руководимый подштурманом Иваном Федоровым и геодезистом Михаилом Гвоздевым, получив в 1732 г. задание идти на судне «Гаврил» из Большерецка к Анадырскому носу, «где проведать, сколько островов, какие на них люди и вновь приискывать и ясак брать, с коих сбора не бывало»²², достиг Северной Америки (Аляски)²³. Штурман экспедиции Я. Я. Генс в 1733 г. составил карту Камчатки и Курильских островов, находящихся между Камчаткой и Японией²⁴.

¹⁸ См.: А. В. Ефимов. Указ. соч., с. 109.

¹⁹ См.: Архив внешней политики России (далее — АВПР), Шведские дела, 1728, д. 4, л. 258—264.

²⁰ А. В. Ефимов. Указ. соч., с. 141; см. также: А. С. Сгибнев. Попытки русских к заведению торговых отношений с Японией в XVIII в. и начале XIX столетия. — «Морской сборник», 1869, № 1, с. 41.

²¹ ЦГАДА, сенатская книга, № 666, л. 7 об.

²² А. Сгибнев. Экспедиция Шестакова. — «Морской сборник», 1869, № 2, с. 25.

²³ См.: А. В. Ефимов. Указ. соч., с. 171—173.

²⁴ Карта опубликована в приложении к сборнику «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». Географгиз, 1948 (далее — «Русские открытия»).

Основываясь на результатах экспедиции, русское правительство в своих официальных документах рассматривало Курильские острова как составную часть Российской империи. Так, при назначении Г. Писарева на должность «начальника Охотска» ему была дана 30 июля 1731 г. от имени правительства Анны Иоановны инструкция регулярно собирать ясак, «сколько возможность допустить», с жителей Курильских островов, с которых «и прежде сего несколько лет бран ясак на Камчатку». Правительство предупреждало Писарева, чтобы «посланным для взятия ясаку подтверждать накрепко, чтоб оные к обывателям показывали, как возможно, ласку и вводили б их в вольной и свободной торг»²⁵.

Во второй четверти XVIII в. систематические исследования русских Курильских островов стали простирались вплоть до Хоккайдо. В 1738—1739 гг. участник северной экспедиции Беринга М. Шпанберг исследовал и нанес на карту всю гряду Курильских островов, дав им русские наименования. В 1739 г. «рудознатец» Гардебол из этой экспедиции проводил на острове Шикотан геологические изыскания²⁶. Это свидетельствовало об экономическом освоении приобретенных владений.

В своем донесении в адмиралтейств-коллегию М. Шпанберг писал: «В том пути прошел я от лежащих на море тридцать два острова, о коих именно описанной компании в журнале и в карте...»²⁷. Он подробно описал несколько южных островов, их природные ресурсы, растительность, животный мир. Самые крупные из них Шпанберг назвал Фигурным, Трех сестер и Цитронным. Шпанберг сообщал, что на южных островах живут те же курильцы, что и на северных островах и на Камчатке.

В разговорах через толмача они заявили, что «под властью японского хана только один Матсмай-остров (то есть Хоккайдо. — Авт.), а прочие острова неподвластны»²⁸. Сведения Шпанберга еще раз подтверждают, что Курильские острова, включая острова Малой Курильской гряды, не принадлежали Японии. Другой участник экспедиции Беринга Вальтон, посетивший Курильские острова в 1739 г., также составил их карту²⁹.

Русские мореплаватели, таким образом, совершили важнейшие географические открытия; они нанесли на карту Курильские острова и часть Японии и доказали, что остров Штатов и земли Компании, названные так в свое время голландцем де Фризом, суть не что иное, как два из Курильских островов³⁰. На основании карт Шпанберга и Вальтона была напечатана в 1745 г. в академическом российском атласе Генеральная карта Российской империи, изображающая устье Амура, Сахалин, часть Японии, Курильские острова и южную часть Камчатки.

В 1755 г. Н. Сторожев доносил в Большерецк, что часть курильцев на Кунашире, самом южном острове Большой Курильской гряды, «уговорена им в ясасный платеж», то есть признала подданство России. Таким образом, подданными России стали жители всех Курильских островов³¹. В инструкции иркутского губернатора, составленной на основании правительственного указа 1772 г., говорилось, что «от самой Курильской Лопатки в полуденную сторону в море находятся Курильские

²⁵ Полное собрание законов Российской империи, т. 8. СПб., 1830, с. 523.

²⁶ См.: Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, с. 178.

²⁷ «Русские открытия», с. 81.

²⁸ Там же, с. 93.

²⁹ См. там же, с. 98—99.

³⁰ Любопытно, что русские исследователи долгое время рассматривали Матсмай как последний Курильский остров. В «Исторической табели российских плаваний и открытий в Северо-Восточном море», относящейся к 1790 г., указывается, например, что капитан Шпанберг, проходя все Курильские острова, был на последнем из них — Матсмае (см.: А. В. Ефимов. Указ. соч., с. 269). Основанием для этого служил тот факт, что на Хоккайдо жили те же самые айны, что и на Курильских островах.

³¹ См.: Л. Н. Кудашев. Из истории Курильских островов. — «Вопросы истории», 1963, № 8, с. 49.

острова, на которых живут верноподданные ее императорского величества ясашные курильцы... а простираютца те острова даже до японских городов»³².

В последней четверти XVIII в. сибирские власти с целью окончательного закрепления Курильских островов за Россией и ограждения их от всевозможных покушений со стороны Японии разработали план постройки на острове Уруп укрепления и устройства там русского поселения. Для осуществления этого плана в 1775 г. была снаряжена на южные Курильские острова полуразведывательная, полупромышленная экспедиция. Во главе экспедиции был поставлен дворянин Иван Антипин. Впоследствии к нему присоединился «передовщик» Дмитрий Шабалин. В инструкции И. Антипину поручалось плыть из Петропавловска к острову Уруп, далее идти на остров Итуруп и затем, взяв с собой курильцев, — на следующие Курильские острова. В случае встречи с японцами предписывалось поступать с ними «учтиво, ласково и благопристойно» и попытаться заключить с ними письменный договор. Курильцев, вновь прибывших на острова, следовало «склонять ласкою и доброхотством... в (русское) подданство с платежом некоторого самопроизвольного ясака... и перепись тем народам учинить»³³.

Царское правительство стремилось не только завершить включение в состав Российского государства населения островов, значительная часть которого вела кочевой образ жизни, переселяясь с одного острова на другой, но и всерьез заняться хозяйственным освоением этих островов.

В результате поездки Д. Шабалина и И. Антипина на острова Итуруп и Кунашир весной 1778 г. в российское подданство было принято 1500 человек. В 1778 и 1779 гг. они вновь посетили три южных острова (Итуруп, Кунашир, Шикотан), взяли ясак с живших там курильцев и составили поденные ведомости о принятии в российское подданство еще нескольких сот человек. Хранящиеся в Центральном государственном архиве поденные ведомости свидетельствуют о добровольном характере перехода курильцев в подданство России³⁴. С целью выяснения пригодности земли Курильских островов для хлебопашества и скотоводства И. Антипин посеял там различные хлебные злаки; на острове Уруп рожь, пшеница и ячмень созрели и дали хороший урожай. Материалы о поездках Шабалина и Антипина, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов, представляют значительный интерес для изучения истории того, как завершилось освоение русскими южных островов Курильской гряды.

Регулярный сбор ясака с жителей всех Курильских островов, осуществлявшийся в течение нескольких десятилетий, свидетельствовал о российском подданстве курильцев.

Екатерина II в 1779 г. решила отменить сбор ясака, чтобы завоевать симпатии местного населения, к тому же ясак сам по себе не имел серьезного экономического значения для царского правительства. В указе, изданном Екатериной II 30 апреля 1779 г., предписывалось «приведенных в подданство на дальних островах мохнатых курильцев оставить свободными и никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому не принуждать»³⁵.

Пушные богатства североамериканских колоний и тихоокеанских островов, принадлежавших России, при соответствующей организации промыслов открывали широкие возможности для закрепления России на азиатских рынках. Русские купцы и моряки регулярно посещали

³² Цит. по: А. В. Ефимов. Указ. соч., приложения, с. 304.

³³ ЦГАДА, ф. Гос. арх., VII, д. 2539, л. 107—108.

³⁴ См. там же, л. 14, 141—146, 285—286; см. также: Л. Н. Кудашев. Указ. соч., с. 50—51.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи, т. XX. СПб., 1830, с. 814.

Курильские острова. На острове Итуруп в 1785—1786 гг. зимовала группа русских моряков (С. Ежов и др.)³⁶.

22 декабря 1786 г. Екатерина II «по случаю покушения со стороны английских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных на Восточном море»³⁷ приказала осуществить мероприятия, предложенные в записке президента коммерцколлегии В. Р. Воронцова и гофмейстера А. А. Безбородко. В своем представлении Воронцов и Безбородко исходили из того, что «неоспоримо должны принадлежать России: 1) берег американский от 55°21' широты, на север простирающийся, обойденный капитаном Берингом, Чириковым и другими российскими мореходами; 2) все острова, около сея матерые земли и полуостров Аляска находящиеся; 3) Лисьи и Алеутские острова; 4) гряда Курильских островов...»³⁸. Согласно Екатерины II с соображениями Воронцова и Безбородко являлось юридическим подтверждением того, что Россия фактически владела Курильскими, Алеутскими и другими островами Тихого океана, а также Аляской.

Начавшаяся война с Турцией, а затем и со Швецией заставила Екатерину II отказаться от посылки военной экспедиции. Решительные меры, которые могло бы предпринять правительство, создали бы серьезные дипломатические осложнения с Англией, что никак не входило в планы русского правительства.

Созданная Г. Шелеховым Северная компания, впоследствии вошедшая в состав Российско-американской компании, основала в 1795 г. на острове Уруп постоянное русское поселение, состоявшее из 40 человек. Во главе его был поставлен «передовщик» Звездочетов, неоднократно бывавший на Курильских островах и хорошо их знавший. Это поселение просуществовало до смерти Звездочетова (1805). На острове Звездочетов производил опытные посевы ржи, пшеницы, овса и льна³⁹. В 1799 г. русское правительство передало Российско-американской компании право на все промыслы и ископаемые на Курильских островах, предоставив ей привилегию «пользоваться всеми промыслами Курильских и других по Северо-Восточному океану лежащих»⁴⁰.

В Правилах компании, утвержденных Павлом I, в § I указывалось, что земли Северо-Восточной Америки, Алеутские и Курильские острова принадлежат России «по праву открытия»⁴¹. Таким образом, в 1799 г. законодательным путем была вновь подтверждена принадлежность всех Курильских островов России⁴².

После окончательного присоединения к России южных Курильских островов японцы приступили к их исследованию. Это обстоятельство неоднократно признавалось в Японии. Уже упоминавшийся японский историк Тёкэн Мацунага писал, что «русские заняли ближайшие 21 остров и в последние годы XVIII столетия несколько раз плавали на острова Уруппу и Эторофу» (то есть Итуруп)⁴³.

Японский историк Рюносукэ Окамото, стоящий на шовинистических позициях, в книге «Нитиро косё Хоккайдо сико» («История Хоккайдо в связи с отношениями Японии и России»), изданной в 1898 г., писал: «Ког-

³⁶ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 4, с. 129.

³⁷ В 70—80-х годах берега Северной Америки посетили Кук, Мирес, Диксон и Портлок.

³⁸ Архив внутренней политики, культуры и быта, ф. Непременного совета, д. 103. См. также: ЦГАВМФ СССР, ф. 172, оп. 1, д. 367, л. 322.

³⁹ См.: П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия ее до настоящего времени, ч. 1. СПб., 1861, с. 110—111.

⁴⁰ Там же, ч. 1, приложения, с. 119.

⁴¹ Там же, с. 21.

⁴² Привилегии на эксплуатацию Курильских островов Российско-американской компанией возобновлялись царским правительством в 1821 и в 1841 гг. (см. там же, с. 257, 384).

⁴³ Д. Позднеев. Указ. соч., т. II, ч. 2, с. 3.

да тревожное известие о движении России на юг было получено, то талантливый и умный министр тогдашнего бакуфу (то есть правительства. — Авт.) Саданобу Мацудайра посмотрел на этот факт глубоко и предусмотрительно, а именно: в последние годы правления Тэммэй (1787—1788) он сделал распоряжение... произвести исследование о действительном положении этого вопроса»⁴⁴.

В исследовании профессора Кагосимского университета Ёсимичу Корияма признается, что во второй половине XVIII в. японские власти еще не имели четкого представления ни о Курильских островах в целом, ни о том, где находились северные границы самой японской территории. Там указывается, например, что один из чиновников центрального правительства Японии, участвовавший в поисковой экспедиции на южные Курильские острова в 1785—1786 гг., в своем донесении правительству характеризовал остров Итуруп как чужую территорию и что ни один представитель японских властей ни разу не побывал на этом острове⁴⁵. Не считало правительство Японии в те времена, то есть в XVIII в., японской территорией не только Курилы, но и северную часть острова Хоккайдо. Как явствует из исследования Корияма, еще в 1772 г. глава центрального правительства Японии Саданобу Мацудайра в своем предписании подчиненным, изданном в связи с предстоявшими японо-русскими переговорами, недвусмысленно заявил, что район Нэмуру (остров Хоккайдо) не является японской землей⁴⁶.

Прошло несколько десятилетий после присоединения к России южных Курильских островов и двенадцать лет после того, как завершилось приведение в русское подданство жителей острова Кунашир. В 1799 г. японское правительство, согласно показаниям японского чиновника Могамы Токунами (в книге «Черновое сочинение об Эдзо»), послало на остров Кунашир чиновников «с целью открытия этого острова»⁴⁷. Незадолго до этого, в 1798 г., японский отряд низверг русские кресты в южной части Курил на Урупе⁴⁸.

В 1800 г. японские чиновники прибыли на Итуруп и в одной из бухт построили контору, низвергнули русские кресты и водрузили столб, обозначивший присоединение острова к Японии. Вскоре японцы переправили сюда воинский гарнизон. Так был произведен насильственный захват Итурупа, издавна освоенного русскими.

В 1802 г. японцы учредили в городе Хакодате особую канцелярию, которая вырабатывала принципы колонизации Курильских островов и «просвещения» их жителей. Эти захватнические действия не признавались русским правительством. В 1805 г. Резанов, глава российского посольства, отправленного в Японию для установления торговых отношений, «прямо объявил» японцам, «что на север от Матсмая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат российскому императору и чтобы японцы не распространяли далее своих владений»⁴⁹.

В 1805 г. знаменитый русский мореплаватель И. Ф. Крузенштерн произвел определенное астрономических пунктов, съемку и опись Курильских островов, в том числе и южных.

Пребывание в составе России оставило глубокие следы в истории населения Курильских островов. Свыше 160 лет курильцы постоянно общались с русскими. Они получали от русских новые средства производства: сети, огнестрельное оружие, инструменты и пр. Они научились земледелию и скотоводству, развили рыболовство. Население островов начало

⁴⁴ Цит. по: Д. Позднеев. Указ. соч., т. I, с. IX.

⁴⁵ См.: Е. Корияма. Бакумацу шитиро конкэй-си кэнкю (Изучение истории японо-русских отношений в период бакумацу). Токио, 1980, с. 319.

⁴⁶ См. там же, с. 231, 320.

⁴⁷ Д. Позднеев. Указ. соч., т. I, с. 178.

⁴⁸ См.: Э. Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1667—1875 гг. М., 1960, с. 41, 69—70.

⁴⁹ АВПР, СПб., ф. Гл. арх., 1—9, 1867, № 1, л. 97—98.

быстро воспринимать русскую культуру. В 1747 г. была открыта первая школа на острове Шумшу⁵⁰. Впоследствии многие курильцы учились на Камчатке.

Подавляющее большинство курильцев говорило по-русски и носило русские имена и фамилии. Быстро стало проникать к ним и христианство. В 80-х годах XVIII в. все население островов считалось уже православным. В 1840 г. синод учредил особую епархию в районе действия компании. Епископ этой епархии получил наименование «епископ Камчатский, Курильский и Алеутский»⁵¹.

Население Курильских островов видело в русских своих защитников перед японцами. Вполне понятно поэтому дружественное отношение его к русским, которое отмечают все путешественники, посещавшие Курильские острова. Чувствуя себя под защитой России, при встречах с незнакомыми мореплавателями жители Курил предъявляли им грамоту с гербом Российской империи, сообщавшую о покровительстве российского правительства⁵².

Воспользовавшись слабостью России на Дальнем Востоке в связи с Крымской войной, японцы во время переговоров в 1854—1855 гг. навязали России невыгодный для нее пункт о границе между Россией и Японией на Курильских островах. Статья II трактата о торговле, заключенного в Симодэ 26 января 1855 г., гласила: «Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России»⁵³.

Россия, занятая войной с Англией, Францией и Турцией, не имела возможности защищать свои владения на Тихом океане и вынуждена была уступить Японии южную часть Курильских островов, издавна освоенных русскими и составляющих единое целое со всеми остальными островами. Слабость царского самодержавия, выявленная в полной мере поражением царизма в Крымской войне, и возросшая в связи с этим угроза территориальной целостности России и ослабление позиции России на Западе и Ближнем Востоке привели к тому, что царское правительство поступилось южными Курильскими островами, являвшимися в течение почти века составной частью русской территории. Царизм пошел на это невыгодное для него соглашение в надежде на развитие торговых, дружественных и добрососедских отношений с Японией. Статья I Симодского трактата гласила: «Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией. Во владениях обоих государств русские и японцы да пользуются покровительством и защитой как относительно их личной безопасности, так и неприкосновенности их собственности»⁵⁴.

Используя слабость позиций России на Дальнем Востоке, Япония выдвигала требования и в отношении Сахалина, который в силу первенства русских в открытии и освоении его тоже принадлежал России. Царское правительство и здесь пошло на уступки: оно согласилось с тем, что Сахалин «остаётся неразделенным между Россией и Японией»⁵⁵.

Однако надежды царизма на укрепление отношений с Японией оказались беспочвенными. Япония стремилась использовать в своих целях слабость позиций России на Дальнем Востоке, уделявшей основное внимание Европе. Япония в 1875 г. воспользовалась затруднитель-

⁵⁰ См.: М. А. Сергеев. Курильские острова. Географиз, 1947, с. 115.

⁵¹ Л. Н. Кутаков. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964, с. 313.

⁵² См.: М. А. Сергеев. Курильские острова, с. 116.

⁵³ Цит. по: Т. Юзефович. Договоры России с Востоком. СПб., 1869, с. 276—279.

⁵⁴ Там же, с. 276—279.

⁵⁵ См. там же.

ным положением России, чтобы навязать ей невыгодный договор и захватить Курильские острова.

25 апреля (7 мая) 1875 г. между Россией и Японией был подписан Петербургский трактат, по которому Япония отказывалась от своих претензий на Сахалин в обмен на уступку ей Курильских островов⁵⁶. Россия вынуждена была согласиться на это в связи с тем, что внимание царского правительства было приковано к событиям в Европе и на Ближнем Востоке. Обострение франко-германских отношений, вызванное агрессивными действиями Германии, заставляло царизм внимательно следить за развитием событий в Западной Европе. Серьезного внимания требовал от царского правительства и назревавший кризис на Балканах. В предвидении конфликтов в Западной Европе и на Балканах царское правительство не располагало достаточными силами для того, чтобы вооруженным путем отстаивать свои владения на дальневосточной окраине, и отступило перед нажимом Японии. Серьезное беспокойство в России вызывали интриги Англии и Франции, стремившихся подтолкнуть Японию на захват русских владений. Уступкой Курильских островов царское правительство хотело стабилизировать свои отношения с Японией, угрожавшей территориальной целостности России на Дальнем Востоке. Русская дипломатия добилась, чтобы в преамбуле договора была оговорена его цель — стремление покончить с трениями между государствами и упрочить «существующее доброе согласие»⁵⁷.

Когда Курильские острова перешли к Японии, японские власти в 80-х годах решили насильственно выселить из пограничных районов население, воспринявшее русскую культуру и враждебно относившееся к японцам, и переселили всех курильцев с северных островов на остров Шикотан, уединенный и ранее необитаемый. Курильцев лишили огнестрельного оружия и запретили им выходить без разрешения на промысел в море.

В результате нищеты и голода курильское население уменьшалось. Населявшие южные острова Итуруп и Кунашир айны также были оторваны от привычных форм хозяйства. Их заставили работать на японских рыболовных предприятиях, на добыче водорослей и лесных заготовках. Все это приводило к вымиранию населения. На Итурупе, например, в начале XIX в. было около 1500 человек, а в 1913 г., по японским данным, на всех трех островах Малой Курильской гряды и Шикотане численность населения достигала лишь 620 человек⁵⁸.

В 1904 г. Япония вероломно напала на Россию. Курильские острова явились базой для военных операций против России — с острова Шикотан был высажен японский десант на Камчатку. Этими действиями Япония порвала договоры 1855 и 1875 гг. Япония потеряла тем самым и всякое право ссылаться на них.

Япония воспользовалась поражением царской России, чтобы навязать ей грабительский Портсмутский договор, отторгнуть от России южную половину Сахалина.

Японское правительство и юридически, в соответствии со статьей 9 Портсмутского мирного договора 1905 г. и приложения № 10, заявило об аннулировании всех предшествующих договоров с Россией⁵⁹.

Япония превратила Курильские острова и Южный Сахалин в мощный плацдарм для захватов на Азиатском материке и на Тихом океане. 26 ноября 1941 г. именно с баз на Курильских островах японский флот отправился в поход для нападения на Пирл-Харбор. Курильские

⁵⁶ Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891, с. 292—297.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См.: В. И. Соловьев. Курильские острова. М., 1947, с. 39.

⁵⁹ См.: Русская тихоокеанская эпопея. Сб. документов. Хабаровск, 1979, с. 580.

острова и Южный Сахалин служили базой для японских военно-морских судов, совершавших нападения на советские торговые суда в дальневосточных водах в годы Великой Отечественной войны. Курильские острова стали замком, который закрывал для нашей страны выход в океан, а также к портам Советской Камчатки и Советской Чукотки.

Своими односторонними агрессивными действиями в период русско-японской войны 1904 г., интервенцией в Советскую Россию в 1918 г. и нападением на территорию СССР в конце 30-х годов Япония лишила себя всяких моральных прав ссылаться на договоры 1855 и 1875 гг., которые она сама же аннулировала.

На Каирской встрече Рузвельта, Черчилля и Чан Кайши в ноябре 1943 г. было заявлено о лишении Японии территорий, захваченных японскими милитаристами в результате агрессивных войн. В декларации трех держав указывалось, что цель США, Англии и Китая заключается в том, чтобы «лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны 1914 года, и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев... были возвращены Китайской Республике», а также чтобы Япония была изгнана «со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности»⁶⁰.

В феврале 1945 г. на Ялтинской конференции руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании были подтверждены права СССР на Курильские острова. Ялтинское соглашение устанавливало, что Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе при условии «восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году». Третий пункт соглашения предусматривал передачу Советскому Союзу Курильских островов⁶¹.

Ялтинская конференция имела большое международное значение. Она способствовала значительному сокращению сроков второй мировой войны и разработала программу послевоенного устройства мира и создания условий, обеспечивающих прочный мир и безопасность на Дальнем Востоке. Япония, капитулировав, приняла те условия, которые были определены в Ялте союзными державами.

К важным актам, регулирующим послевоенное устройство мира, относится опубликованная 26 июля 1945 г. Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая, к которой присоединился Советский Союз 8 августа 1945 г. Союзники призывали Японию капитулировать и предупреждали ее о том, что дальнейшее сопротивление приведет к быстрому и полному разгрому Японии, неизбежному опустошению метрополии и окончательному уничтожению ее вооруженных сил. Потсдамская декларация формулировала основные принципы, которые должны были применяться к Японии после ее капитуляции. Один из них имел непосредственное отношение к территориальной проблеме. В декларации говорится, что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем»⁶².

В соответствии с Потсдамской декларацией и Ялтинским соглашением была издана специальная директива штаба американских оккупационных войск японскому правительству за № 677 от 29 января 1946 г. В ней указывалось, что из юрисдикции японского правительства исключаются Курильские острова⁶³.

⁶⁰ «Известия», 3.XII.1943.

⁶¹ См.: «Правда», 13.II.1946.

⁶² Сборник документов МИД СССР. М., 1947, с. 24.

⁶³ «Международная жизнь», 1956, № 4, с. 37.

2 февраля 1946 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР, который установил, что вся земля с ее недрами и водами на территории Южного Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью СССР. Возвращение Курильских островов и Южного Сахалина Советскому государству было закреплено в Конституции СССР. В 1947 г. Курильские острова были включены в Южно-Сахалинскую область РСФСР.

В июле 1951 г. советскому правительству были переданы американо-английский проект мирного договора с Японией и приглашение на мирную конференцию, назначенную на 4 сентября 1951 г. в Сан-Франциско. Советское правительство приняло приглашение для того, чтобы изложить позицию Советского Союза и способствовать заключению подлинно демократического мирного договора. Конференция в Сан-Франциско фактически являлась форумом для осуществления формальной процедуры подписания мирного договора с Японией, представленного США и Англией. В статье 2 мирного договора, подписанного в Сан-Франциско не только бывшими союзниками СССР по второй мировой войне, но и самой Японией, недвусмысленно определено: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года»⁶⁴.

СССР, твердо руководствуясь в своих отношениях с Японией принципом добрососедства и мирного сотрудничества, прилагал усилия к достижению справедливого согласованного урегулирования послевоенных проблем между нашими странами. Исходя из этих соображений, правительство СССР 12 октября 1954 г. выступило с декларацией, в которой выражалась готовность предпринять шаги с целью нормализации своих отношений с Японией.

Правительство Хатояма также в официальном заявлении от 11 декабря 1954 г. подтвердило стремление Японии восстановить нормальные дипломатические отношения с СССР.

Переговоры между делегациями Советского Союза и Японией начались в Лондоне 3 июня 1955 г. Советская делегация представила проект мирного договора, который предусматривал ликвидацию состояния войны и установление дипломатических отношений между двумя странами. Япония, однако, отклонила советские предложения и представила свой проект договора, в котором выдвигалось требование передать ей часть советской территории — Южный Сахалин и Курильские острова.

Острая борьба внутри правящих кругов Японии, открытое вмешательство США в ход переговоров чрезвычайно затруднили подписание мирного договора. В этих условиях среди представителей деловых кругов, политических деятелей, широкой общественности стала превалировать точка зрения о необходимости в первую очередь добиваться восстановления дипломатических отношений между обеими странами.

В результате переговоров, которые проходили с 13 по 19 октября 1956 г. в Москве, была подписана Совместная декларация СССР и Японии, которая предусматривала восстановление дипломатических отношений между двумя странами.

СССР рассматривал совместную декларацию как важный шаг к урегулированию широкого комплекса японо-советских отношений. С этой целью представители СССР и Японии согласились в возможно более короткий срок вступить в переговоры о заключении торговых

⁶⁴ Сборник документов и материалов по Японии. 1951—1954, с. 90.

договоров или соглашений и продолжить после восстановления нормальных дипломатических отношений переговоры о заключении мирного договора.

В Японии был выдвинут тезис о том, что острова Малой Курильской гряды, а также Итуруп и Кунашир якобы не входят в понятие «Курильские острова», которые были переданы СССР по Ялтинскому соглашению 1945 г. и от которых Япония отказалась по Сан-Францискому договору 1951 г.

В действительности же в течение почти трех столетий Курильские острова рассматривались как единое целое. Довоенная японская историческая и географическая литература также рассматривала Курильские острова как единое целое. Так, например, в официальном путеводителе по Японии, изданном в 1933 г. Управлением туризма, по поводу Курильских островов говорится, что «Курильские острова, всего 32 острова, простираются на расстояние 710 миль от Немуро (Хоккайдо) до Курильского пролива, отделяющего группу островов от южной точки Камчатки... Главные острова: Кунашир, Шикотан, Итуруп, Уруп, Шумшу, Аланд, Парамушир⁶⁵. В более поздних изданиях путеводителя (например, за 1941 г.) говорится то же самое⁶⁶.

В переписке между правительством СССР и американским правительством, которое безоговорочно в течение ряда лет признавало Ялтинское соглашение, не было никаких расхождений по вопросу о принадлежности всех Курильских островов Советскому Союзу. Так, например, президент США 18 августа 1945 г. писал Председателю Совета Министров СССР: «Я выражаю согласие с Вашей просьбой изменить «Общий приказ № 1» с тем, чтобы включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке»⁶⁷. Таким образом, и советское и американское правительства рассматривали Курильские острова, которые должны перейти к Советскому государству, как единое целое.

При обмене нотами между США и Советским Союзом в порядке подготовки к мирному урегулированию с Японией везде на разных языках фигурировало единое понятие «Курильские острова» и имелась в виду вся Курильская гряда. Южные Курилы никогда не выделялись в отдельную группу. Так, например, в меморандуме по вопросу о мирном договоре с Японией, который Д. Ф. Даллес передал 26 октября 1950 г. советскому представителю Я. А. Малику, вопрос о Курильских островах поднимался как о едином целом, без разделения Курильской гряды на северные и южные острова⁶⁸. В памятной записке правительства СССР правительству США от 20 ноября 1950 г. вопрос также шел о всех Курильских островах⁶⁹.

Аналогичное положение было и при обмене нотами и заявлениями между СССР и США при обсуждении проекта мирного договора. Позднее на конференции в Сан-Франциско в сентябре 1951 г., а затем при обсуждении Сан-Францисского договора в американском сенате и япон-

⁶⁵ An Official Guide to Japan. Tokyo, 1933, p. 272.

⁶⁶ См.: Русская тихоокеанская эпопея, с. 380.

⁶⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. II, 1976, с. 287. В первоначальном варианте «Общего приказа № 1» союзного верховного главнокомандующего о деталях капитуляции японских вооруженных сил Курильские острова не были включены в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам, на что было обращено внимание Советским правительством.

⁶⁸ См.: АВП СССР, ф. 07, п. 24, д. 325, л. 6—7.

⁶⁹ См.: «Правда», 24.XI.1950.

ском парламенте везде в разных текстах и на разных языках упоминалось единое понятие — Курильские острова, без выделения островов Малой Курильской гряды и группы южных Курильских островов.

Политический обозреватель Т. Хаяси в журнале «Тюо корон» сослался на высказывания бывшего государственного секретаря США Д. Ф. Даллеса, бывшего премьер-министра Ёсида и начальника договорного департамента Нисимура, которые доказывали, что японский парламент ратифицировал в 1952 г. Сан-Францисский договор, основываясь на том, что в состав Курильских островов, от которых Япония отказалась по указанному договору, «входят не только Северные Курилы, но и острова Кунашир и Итуруп»⁷⁰.

Значительно осложнило советско-японские отношения подписание в январе 1960 г. Договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности между Японией и США. Политическое содержание договора и его милитаристский характер серьезно обострили обстановку на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана и затрагивали интересы многих государств, расположенных в этом обширном районе, и в первую очередь непосредственного соседа Японии — Советского Союза.

Большое значение для укрепления взаимопонимания и развития советско-японских отношений сыграли встречи и переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и других советских руководителей с премьер-министром Японии в Москве в октябре 1973 г. В совместном советско-японском заявлении от 10 октября говорилось, что с момента восстановления дипломатических отношений на основании Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. советско-японские отношения получили благоприятное развитие и, в частности, значительно продвинулись в политической, экономической и культурной областях. Стороны признали, отмечалось далее в этом заявлении, что укрепление добрососедских, дружественных отношений между СССР и Японией на основе принципов невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и равенства не только отвечает общим интересам обеих стран, но и является большим вкладом в дело мира и стабилизации на Дальнем Востоке и во всем мире. В этой связи стороны выразили решимость прилагать усилия для дальнейшего развития отношений между СССР и Японией.

В заявлении также отмечалось, что урегулирование нерешенных вопросов, оставшихся от времени второй мировой войны, и заключение мирного договора будут вкладом в установление мирных добрососедских и дружественных отношений между обеими странами.

СССР относил к нерешенным вопросам целый ряд проблем, обсуждение которых могло бы создать более благоприятные условия для заключения мирного договора. Отвечая на вопросы главного редактора газеты «Асахи» С. Хата, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев заявил, что «Советский Союз готов, если, разумеется, с японской стороны не будет выдвигаться заведомо неприемлемых условий, довести это важное для наших стран дело, до конца». Далее Л. И. Брежнев отметил, что «мирные договоры, как правило, охватывают широкий комплекс вопросов, в том числе о линии прохождения границы. Это относится и к советско-японскому мирному договору. Говорить же, что в отношениях между нашими странами есть какая-то «нерешенная территориальная проблема», — это одностороннее и неверное толкование»⁷¹.

⁷⁰ «Тюо корон», 1979, № 7; см. также: Русская тихоокеанская эпопея, с. 585—586.

⁷¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. VI. М., 1978, с. 414—415.

Проблема периодизации китайской революции*

*В. Н. Никифоров,
доктор исторических наук*

Китайская революция составляет основное содержание истории Китая 1925—1949 гг., так что этапы революционной борьбы китайского народа служат одновременно разделами периодизации истории Китая новейшего времени. Исследование сущности каждого из этих этапов, выяснение закономерности смены одного этапа другим позволяет понять позицию классов и социальных групп, их расстановку в разные исторические периоды, проверить правильность стратегии политических партий Китая и партийных теоретиков. В связи с этим раскрывается вся важность обсуждения проблем периодизации.

В китаеведческой литературе к 1949 г. эта периодизация выглядела так:

- 1) Китайская революция 1925—1927 гг.;
- 2) Революционная борьба китайского народа против реакции и японской интервенции (1928—1937);
- 3) Национально-освободительная война китайского народа против японского империализма (1937—1945);
- 4) Народно-освободительная война китайского народа (1946—1949);
- 5) Китайская Народная Республика (с 1949 г.)¹.

Вскоре, однако, под воздействием маоистской литературы указанная периодизация искусственно была заменена известной схемой «революционных войн» (четыре «войны» до 1949 г.). В этой схеме Мао Цзэдун подменил понятие «революция» понятием «война», так как в войне видел единственную форму развития революции². От периодизации «по войнам» наша историография освободилась в 60-е годы. Мы не останавливаемся на истории борьбы в китаеведении вокруг указанной темы — периодизации «по войнам», нас интересуют только главные вехи периодов, а они в схеме «революционных войн», в общем, те же, что в приведенной выше периодизации советских историков конца 40-х — начала 50-х годов.

Деление новейшей истории Китая в современной литературе в принципе совпадает с периодизацией, данной Г. В. Ефимовым в 1949—1951 гг.³.

Анализируя эту продиктованную жизнью периодизацию, приходим к следующим выводам.

В основе смены периодов здесь лежит смена задач революции. 1925—1927 годы являлись национальной революцией, то есть решались в первую очередь общенациональные задачи: объединение страны и завоевание независимости от иностранного империализма. Соответ-

* Статья подготовлена по материалам выступления автора на Международной конференции, посвященной 60-летию КПК, проходившей в Институте Дальнего Востока АН СССР в апреле 1981 г.

¹ См.: Г. В. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая (2-е изд.). М., 1951, с. 514—515.

² См.: Китай (БСЭ). М., 1953, с. 168—230.

³ См.: Новейшая история Китая. М., 1972.

венно 1925—1927 гг. были революцией общенационального единого фронта, включавшего рабочих, крестьян, национальную буржуазию, часть помещиков.

Такой же, несомненно общенациональный, характер носил этап 1937—1945 гг., когда революция приняла форму войны за национальное спасение, против японского империализма. В эти годы снова существовали условия для общенационального единого фронта, который в начале национально-освободительной войны (1937—1938) показал себя весьма действенным.

Совершенно четким выглядит в рассмотренной схеме периодизации и этап 1946—1949 гг. Хотя общенациональные задачи в это время продолжали решаться, на первый план выдвинулись противоречия непосредственно классового характера. Общенационального фронта в период 1946—1949 гг. не существовало, помещики и по крайней мере часть буржуазии оказались в одном лагере, а рабочий класс, крестьянство, мелкая городская буржуазия — в другом, какая-то часть национальной буржуазии оказалась нейтрализованной. Вовсю развернулась аграрная революция, впервые с 1927 г. революционная война достигла наконец стадии освобождения городов. Все это в сочетании с мощным воздействием на Китай внешнего фактора (мы имеем в виду разгром Советской Армией в 1945 г. японской Квантунской армии и оказание Советским Союзом китайской революции эффективной помощи, а также поддержку всех миролюбивых прогрессивных сил) создавало объективные предпосылки для перерастания демократической революции в социалистическую.

Таким образом, характер трех указанных периодов не вызывает сомнения: периоды 1925—1927 и 1937—1945 гг. представляют две части национально-освободительного этапа, 1946—1949 гг., напротив, — этап общедемократической, преимущественно аграрно-крестьянской революции.

Все указанные три этапа — это три стадии национально-освободительной и антифеодальной революции, закономерно сменяющие друг друга по восходящей линии. Сложнее обстоит дело с периодом 1928—1937 гг., который как бы вторгается в середину национально-освободительного этапа, разрывая его на две части. В период 1928—1937 гг. в отличие от трех перечисленных выше периодов (1925—1927, 1937—1945, 1946—1949) отсутствовала общекитайская революция или всекитайская национально-освободительная война; на большей части территории Китая господствовала политическая реакция; в тех относительно немногих районах, где продолжалась партизанская война, она носила характер крестьянской антифеодальной революции, в которой на первом плане стояли не общенациональные, а классовые интересы и противоречия.

С точки зрения логически стройной схемы периодизации период 1928—1937 гг. может, таким образом, быть отнесен как к национально-освободительному этапу (так как первоочередной задачей в масштабах всего Китая объективно оставалось освобождение нации от иностранного империализма), так с некоторым основанием и к антифеодальному этапу (так как практически решались, если вообще решались, задачи антифеодальные). Специфика периода 1928—1937 гг. проистекает из того, что он носил ярко выраженный переходный характер. Движение под лозунгом Советов, аграрная революция, формирование армии компартией — все это происходило на небольшой части территории.

Но сами по себе эти факторы, возникавшие и развивавшиеся на этапе советского движения, являлись закономерным порождением современной им стадии революции. Революционные силы, несмотря на потери и поражения, пришли к участию в национально-освободительной войне 1937—1945 гг. обогащенные опытом десятилетней антифео-

дальной борьбы, работы в гуще крестьянства, партизанской войны. Соединение антифеодального и антиимпериалистического потоков в революции не всегда проходило гладко, преждевременное решение одних задач иногда мешало решению других, первоочередных задач, но само по себе постоянное соединение двух потоков было закономерным; чаще всего оба они обогащали друг друга.

Для классов и партий в этих условиях главная трудность состояла в том, чтобы определить, какая из двух задач, национальная или классовая, и когда именно выдвигается на первый план.

С сентября 1931 г., со времени японского вторжения в Маньчжурию, главным для Китая объективно становится спасение от захвата его империалистической Японией. К 1931 г. стало ясно, что политика гоминьдановского правительства, направленная на объединение страны и на независимое капиталистическое развитие, провалилась. Японский империализм, захватив у Китая огромную территорию с десятками миллионов населения, собирался наступать дальше. Японская агрессия ставила перед китайским народом задачу общенационального сплочения во имя национального спасения. Объективно это выглядело как возвращение китайского общества к задачам первого, общенационального этапа освободительной борьбы или как напоминание о нерешенности общенациональных задач. Цель ставилась в 1931—1937 гг. более узко, чем в революции 1925—1927 гг.: место борьбы против всех империалистических держав должна была занять война против японского империализма. Революционный процесс на части территории Китая стал принимать после 1931 г. (в масштабах всей страны принял после 1937 г.) форму национальной войны, как когда-то в Турции кемалистская революция приняла форму войны против греческой агрессии.

Между 1931 и 1937 гг. классы и партия Китая постепенно должны были выработать для себя новую стратегию, соответствующую первоочередной задаче отпора японской агрессии. На некоторое время образовались как бы «ножницы» между объективным и субъективным факторами. Коренная причина возникновения этих «ножниц» — экономическая и политическая разобщенность Китая, незавершенность формирования китайской нации, противоречие между общенациональными интересами и узкими, текущими интересами отдельных региональных, классовых, социальных групп.

Гоминьдановское правительство не спешило организовывать сопротивление японской агрессии, пока та непосредственно направлялась против его соперников — местных милитаристов. Местные группировки, не только феодальные, но и буржуазные, даже призывая к отпору Японии, одновременно опасно интриговали против центра. Крестьянин Юга Китая долго не понимал, почему он должен прекратить борьбу против близкого, привычного врага — помещика во имя сопротивления каким-то японцам, которых он в глаза не видел. Все это были такие же объективные факты, лежавшие в основе политики партий и группировок, как и японская агрессия, которая, однако, выдвигалась на первый план.

Задачи, диктующие совершенно иную расстановку классовых сил, первыми осознали международный и китайский пролетариат. Сначала Коминтерн и китайская делегация в нем, возглавляемая Ван Минном, затем, с декабря 1935 г., китайское студенчество и рабочий класс выступили за создание общенационального единого антияпонского фронта. Но только в 1937 г. единый антияпонский фронт оформился, объективный и субъективный факторы соединились. Китай вновь твердо встал на почву национально-освободительной борьбы, продолжавшейся до 1945 г., до разгрома Японии.

В итоге налицо смена в истории Китая трех стадий: национальной (1925—1927, 1937—1945), демократической (1946—1949) и в перспек-

тиве социалистической революции (после 1949 г.). Эти стадии в общем соответствуют современной научной классификации революционных движений во многих странах: национально-освободительному, национально-демократическому и социалистическому этапам.

Мысль о том, что китайская революция должна пройти три основные стадии — общенациональную, общедемократическую и социалистическую, высказывалась в марксистской литературе, в частности Сталиным в 1937 г. Мы говорим в данном случае о существовании постановки проблемы, а не о догматической форме, в которую в то время проблема эта нередко облекалась.

По материалам конца 20-х годов видно, что конкретно дело понималось так: каждому из трех этапов отвечает свойственная ему одному расстановка классовых сил. Подразумевалось, что каждый этап представлен характерной для него классовой силой, специально заинтересованной именно в этой главной задаче: на первом этапе это буржуазия, на втором — промежуточные слои (крестьянство), на третьем — пролетариат. На первом этапе — революционная власть, руководимая национальной буржуазией, на втором — власть типа демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, которая на третьем этапе перерастает в диктатуру пролетариата.

Дело, разумеется, не в числе этапов. Важно установить основные задачи и примерную последовательность их решения разными комбинациями классовых сил.

В 1927 г. теоретики Коминтерна имели в своем распоряжении лишь опыт немногих происшедших между 1917 и 1927 гг. колониальных революций (к примеру, кемалистской в Турции). Считалось, что китайская революция не пойдет по кемалистскому пути, то есть не застрянет на первом этапе (события последующих лет подтвердили это). Теоретики Коминтерна делали вывод, что Китай пройдет аграрно-крестьянский и социалистический этапы. Это был общетеоретический прогноз, так как детали, разумеется, нельзя было предсказать.

Специфика китайской революции, конкретные сроки перехода ее из одной стадии в другую не раз служили камнем преткновения для компартии Китая.

Советские исторические исследования 70-х годов дают для рассуждений на эту тему богатую пищу. Так, в настоящее время можно считать доказанным, что вступление китайской революции в аграрно-крестьянский этап весной — летом 1927 г., которое приветствовалось в то время многими авторами (см., например, известную работу Мао Цзэдуна об аграрном движении в Хунани), в действительности в то время не состоялось. Перерастание революции из демократической стадии в социалистическую в конце 1927 г. (сторонником такого взгляда был также Мао Цзэдун) в тот период также не имело места.

Решения V съезда КПК (1927), в смысле постановки общих задач, как известно, были в принципе верны, однако они отражали непонимание того, что начался спад революции. Съезд исходил из представления о продолжающемся ее подъеме. Даже в целом реалистические решения VI съезда КПК (1928), в которых признавался факт временного поражения революции и в которых намечена программа практической работы партии, особенно в деревне, на весь буржуазно-демократический этап, свидетельствовали о том, что все еще не преодолено представление о том, будто новый революционный подъем, который принесет победу народной революции, не за горами. Оставалась почва для ошибок, особенно в «городской» политике, не дававшая партии возможность выйти из изоляции. Хуже того, оставалась почва для широких «лево»-революционалистских авантур типа лилисаневщины.

Неравномерность развития революционной борьбы разных районов, разных социальных групп в условиях Китая толковалась неверно; в основу практических лозунгов клалли, как правило, самый высокий уровень, где-либо достигнутый революционным движением, и провозглашали начало нового этапа, от которого фактически основная масса народа была еще очень далека. Во второй половине 1927 г., пока факт начавшегося упадка революции не был осознан, революционные силы в Китае и вне его хотели верить в скорое перерастание китайской революции в социалистическую. VI съезд КПК нанес подобным ошибочным построениям, казалось, последний удар, но уже через три года надежда на скорейшее перерастание революции в социалистическую вновь возродилась в теории и практике руководства КПК («линия Ли Лисаня» 1930 г.). Руководство ЦК КПК противопоставило себя Коминтерну, предлагавшему более реалистическую линию; последнее обстоятельство придало лилсаневскому уклону специфически националистический оттенок.

Все же после ряда решений Коминтерна и ЦК КПК периода 1928—1931 гг. для КПК в общем стало ясно, что рано форсировать переход от демократического этапа к социалистическому, что китайская революция находится на этапе аграрной революции. Это в категорической форме констатировано IX пленумом ИККИ (1928), VI съездом КПК (1928), а также зафиксировано в ряде последующих документов.

В апреле—июне 1927 г. вывод о начале крестьянско-аграрного этапа диктовался уверенностью в том, что десятки миллионов крестьян вовлечены в аграрную революцию, то есть что движение стремительно идет вперед. Между тем сейчас известно, что подъем крестьянского движения в Хунани, в некоторых других провинциях при всем его размахе был все же гораздо более ограниченным географически, а в смысле выдвигаемых лозунгов и форм борьбы — непрочным, кратковременным. Когда в мае 1927 г. ссылались на то, что в одной Хунани насчитывается в крестьянских союзах свыше двух с половиной миллионов членов, не считая членов «Красных пик» и прочих средневековых братств (которые в тогдашней литературе идеализировались), то это говорилось уже после пресловутого «переворота 21 мая» в Хунани, положившего конец широкому крестьянскому движению, в обстановке наступления контрреволюции.

После поражения революции 1925—1927 гг. проблема смены этапов в Китае стала особенно сложной. Компартия и вооруженные силы в конце 20-х — начале 30-х годов вели героические бои за осуществление задач аграрно-крестьянского этапа. Но до 1935 г., даже в период наиболее правильной политики ЦК КПК (1931—1934), на территориях, охваченных демократическими аграрными преобразованиями, постоянно жило всего каких-нибудь несколько миллионов человек (в 1935—1937 гг. эта цифра падает примерно до миллиона). Сотни миллионов крестьян всего Китая по-прежнему жили под гнетом феодализма и реакции.

Этапы, выделяемые теоретически, в реальной жизни, конечно, всегда переплетаются. Возможное их взаимопроникновение понималось в 1925—1927 гг. главным образом так, что каждый современный и предстоящий этап — национальный, потом аграрный — может быть, не разрешит непосредственно стоящих перед ним задач, но раскачает массы, чтобы передать решение своих задач следующему, более высокому этапу. В России 1917 г. такое развитие явилось результатом исключительно быстрых темпов революции. В Китае крайне замедленное течение революционного процесса вызвало, однако, противоположную особенность: в результате неравномерности развития боевой авангард в 1927—1934 гг. несколько раз забегал вперед, пытаясь решать задачи следующего этапа, для которых страна в целом еще не созрела; отста-

лая, косная громада китайского общества тянула этот авангард назад, возвращая на уровень задач, более или менее отвечающих сравнительно ранним стадиям освободительного движения. В китайской революции не столько высшие этапы «доделывали» задачи, оставшиеся от ранних стадий, сколько на более низких стадиях борьбы предварительно решались некоторые важные задачи предстоящих высших этапов (например, еще при переходе к этапу аграрно-крестьянского движения организация армии и учреждений, которые могут быть использованы для перехода к диктатуре пролетариата; проведение на этапе национальной войны демократических преобразований в освобожденных районах, подготовляющих более высокий аграрно-крестьянский этап). Именно при определении времени смены этапов делались наиболее серьезные ошибки, именно вокруг этих поворотных пунктов стратегии возникла межпартийная и внутрипартийная борьба. Гоминьдан хотел бы задержать китайское общество на национальном этапе, группа Мао Цзэдуна — на крестьянско-демократическом этапе. Цепляясь за крестьянский этап, Мао Цзэдун и его окружение дважды противились стремлению интернационалистов в Китае и вне его своевременно привести политику КПК сначала в соответствие с задачами первого, национального этапа (борьба вокруг лозунга единого национального фронта в 1935—1937 гг. и позже), потом — в соответствие с задачами перевода революции на социалистический этап. Теория «новой демократии» Мао Цзэдуна (1940) как раз и выражала это стремление задержать революцию на общедемократическом этапе.

Ирония истории состоит в том, что группа Мао, отождествлявшая себя с крестьянско-аграрной стадией революции, на деле не смогла верно определить рамки даже этого этапа и соответствующую политику. В годы национально-освободительной войны против Японии внешне «левые» выпады маоистов против Чан Кайши на деле препятствовали решению главной задачи текущего этапа — достижению победы над Японией. Тем самым они затягивали переход революции на более высокую ступень. Маоистское руководство, столько твердившее о свержении Чан Кайши, в 1945—1946 гг. оказалось плохо подготовленным к военной борьбе с гоминьданом; положение было выправлено, успех достигнут и на этот раз здоровыми силами КПК, достигнут благодаря помощи международного фактора и вопреки Мао Цзэдуну. В проведении аграрной реформы в 1946—1949 гг. руководством КПК, как оно потом само признало, также были допущены серьезные ошибки, без которых победа была бы достигнута в более короткие сроки и ценой меньших потерь.

Исследования историков показывают, что за 1928—1948 гг. в гоминьдане неизменно росло влияние помещиков, а в компартии — крестьянства; напротив, удельный вес экономически передовых классов, национальной буржуазии и пролетариата, руководство со стороны которых вначале определяло лицо обеих партий, неуклонно уменьшался. К 1949 г. идея буржуазного развития Китая потерпела крах, но и движение Китая в социалистическом направлении потенциально находилось под серьезной угрозой.

Вопрос о необходимости перерастания демократической революции в социалистическую стал предметом острой борьбы в КПК в 1949 г. Группа Мао Цзэдуна упорно и сознательно противилась идее такого перерастания, ссылаясь на теорию «новой демократии», согласно догмам которой Китай должен был после установления народной власти длительное время оставаться на «новодемократическом» этапе, то есть руководство пролетариата, по существу, отрицалось. Грань между начавшимся периодом КНР и «третьей гражданской революционной войной» (как Мао назвал 1946—1949 годы) фактически стиралась, а социалистический этап переносился в неведомое будущее. Интернацио-

налисты в КПК, позицию которых выразил Ван Мин в своем выступлении на II пленуме ЦК КПК (март 1949 г.), отстаивали социалистическую перспективу. Одним из объектов борьбы стало в тот момент и общее теоретическое представление об этапах китайской революции.

О взглядах Ван Мина на проблему смены этапов мы можем судить по его позднейшим высказываниям. Ван Мин решительно возражал против смещения общенациональных и общедемократических задач: «...этапы революции,— писал он,— определяются ее характером, а характер революции определяется теми объективными историческими задачами, которые должны быть и могут быть решены в определенный исторический период. Хотя между национальной и аграрной революциями существует тесная связь, их нельзя смешивать, потому что они и по содержанию, и по движущим силам различны. По своему содержанию национальная революция призвана решать задачу ликвидации господства империализма и его лакеев в Китае, а аграрная революция — решить задачу ликвидации пережитков феодализма. По своим движущим силам антиимпериалистическая революция значительно шире, чем аграрная революция»⁴.

Касаясь конкретной связи между сменой основных задач китайской революции и периодизацией, Ван Мин писал: «В действительности китайская революция имела лишь три главных врага, она должна была решить лишь три главные исторические задачи, поэтому она может иметь лишь три этапа; нельзя сократить ее до двух этапов, нельзя и расширить ее до пяти этапов.

Практический исторический ход развития китайской революции показывает: этап антиимпериалистической революции в Китае, то есть этап общенационального антиимпериалистического объединенного фронта, и этап буржуазно-демократической революции за свержение реакционного господства гоминьдана, стержневым моментом в которой была аграрная революция, проходили по два раза. Иначе говоря, революция антиимпериалистического национального единого фронта 1925—1927 гг. и антияпонский национальный единый фронт и антияпонская национально-революционная война 1937—1945 гг. в основе своей были идентичны, они принадлежали к этапу антиимпериалистической национально-освободительной революции. Первая из них была репетицией второй.

Аналогично этому аграрная и гражданская революционная война 1927—1937 гг., центральным содержанием которой было свержение реакционного господства гоминьдана, и гражданская революционная война 1947—1949 гг., главной задачей которой были свержение реакционного господства гоминьдана и проведение аграрной революции, по характеру были идентичны, обе принадлежали к этапу буржуазно-демократической революции за ликвидацию остатков феодализма и его государственной власти.

Попытка Мао Цзэдуна отнести период после создания КНР к третьей гражданской революционной войне, а также утверждения о социалистическом этапе, который неизвестно когда наступит,— тем более принципиальная ошибка, ибо, как теперь общепризнано, провозглашение КНР ознаменовало собой конец этапа буржуазно-демократической революции и начало этапа социалистической революции в Китае.

Отсюда видно, что мнение Коминтерна и КПК о характере и этапах китайской революции было совершенно правильным, оно соответствовало конкретному состоянию китайской революции. Мнение Мао Цзэдуна, напротив, не только не согласуется с теорией ленинизма, но и противоречит историческим фактам китайской революции»⁵.

⁴ Ван Мин. Об идеологических и теоретических корнях падения Мао Цзэдуна, (рукопись), с. 89.

⁵ Там же, с. 92—93.

Следует констатировать, что Ван Мин в цитируемом отрывке верно передал суть марксистско-ленинского понимания этапов китайской революции⁶.

Зигзагообразность оставалась характерной чертой развития Китая и после 1949 г. Напомним: сначала рывок 50-х годов вперед, затем «большой скачок» назад; за годами «упорядочения» следует вакханалия «культурной революции»; сложный современный период, когда попыткам исправить грубейшие ошибки маоистского курса противостоят стремление руководства любой ценой сохранить авторитет Мао и открытая тенденция к возвращению Китая в капиталистический лагерь. Все это очень напоминает, хотя и в более внушительных масштабах, колебания 30-х—40-х годов.

Особенности Китая, служившие почвой для срывов и зигзагов, для перерождения революционного руководства, не являются, по нашему убеждению, какими-то роковыми, заранее предопределенными. Передовые элементы Китая теоретически, видимо, могли с помощью международного пролетариата и сил социализма обеспечить другую, благоприятную перспективу. Пока что этого не произошло. Но тот факт, что в 50-е годы китайское общество, хотя и медленно, все-таки шло в общем для всех народов направлении, смогло объединить страну, завоевать политическую независимость, сделать первые шаги на поприще индустриализации, показывает, что цель, достигнуть которой несравненно труднее,— в огромной, отсталой стране обеспечить народу зажиточную, культурную мирную жизнь— является вполне реальной и исторически необходимой.

⁶ Об этапах см. также: Ван Мин. Ленин, ленинизм и китайская революция. М., 1970, с. 13—24.

ИДЕОЛОГИЯ

Новые маневры руководства КПК в международном коммунистическом движении

Р. М. Асланов,
кандидат исторических наук

Б. А. Болотин,
кандидат исторических наук

Исторические решения XXVI съезда КПСС, проникнутые духом коммунистического оптимизма, горячо одобряют коммунисты и трудящиеся различных стран. Эти решения с интересом, удовлетворением и надеждой восприняты всеми людьми доброй воли.

Гостями съезда, как известно, были делегации 123 коммунистических, рабочих, национально-демократических и других партий и организаций из 109 стран всех континентов. И все они приветствовали неоспоримые успехи СССР, его вклад в приумножение могущества мирового социализма, в разрядку международной напряженности, все солидаризировались с ленинской внутренней и внешней политикой КПСС и Советского государства.

Резким контрастом на этом фоне выглядят заявления наиболее реакционных органов печати Запада и пекинской пропаганды. Грубые нападки Пекина на КПСС, выдержанные в тонах худших маоистских образцов, нельзя не расценивать и как проявление враждебного отношения китайского руководства к коммунистическому и всему революционному движению, ко всем прогрессивным и миролюбивым силам, чьи представители присутствовали на съезде советских коммунистов.

В Китае берутся утверждать, что Советский Союз будто бы переживает «серьезные внутренние трудности» и что он якобы представляет собой «главный источник военной опасности». Доходят даже до архинелепых заявлений, что на XXVI съезде КПСС «царил уныние» и что на нем не было предложено «ничего нового». В искаженном свете органы пропаганды Пекина представили лишню КПСС в международном коммунистическом движении, само существование которого китайской пропагандой ставится ныне под сомнение. Характерно, что в сообщении агентства Синьхуа о докладе товарища Л. И. Брежнева на съезде международное коммунистическое движение упоминалось в кавычках¹.

Итак, налицо сохранение враждебности руководства КПК по отношению к коммунистическому движению. Стратегическая линия на подрыв коммунистического движения, на борьбу против него, которую Пекин пытается осуществлять с начала 60-х годов, остается неизменной. Меняются лишь тактические приемы, формы и методы действий в отношении отдельных компартий и коммунистического движения в целом, поскольку к этим переменам вынуждают следующие один за другим провалы антикоммунистической политики пекинских лидеров.

На изменение тактики подрывной деятельности Пекина против международного коммунистического движения уже обращалось внимание в советской печати². Нам в свою очередь хотелось бы показать в общих

¹ См.: «Жэньминь жибао», 25.11.1981.

² См.: «Коммунист», 1981, № 12, с. 73—82; 1980, № 11, с. 106—107; «Новое время», 1980, № 20, с. 10—11; № 51, с. 10—12.

чертах изменение подхода послемаоцзэдуновского руководства к коммунистическому движению по сравнению с позицией Мао и его окружения, проследить эволюцию идейно-политических установок, которые Пекин в своих неблагоприятных целях пытался и пытается навязывать компартиям.

Скоре после провозглашения Китайской Народной Республики руководство КПК объявило опыт китайской революции эталоном для революционного движения в странах Азии и Океании³. Оно призвало компартии Индии, Индонезии, Японии и других стран идти по «китайскому пути» — по пути вооруженной борьбы, создания освобожденных районов в сельской местности, окружения городов и т. д. При этом совершенно игнорировались географические, исторические, социально-экономические и политические условия, значительно отличающиеся от китайских, проявлялось пренебрежительное отношение к особенностям и традициям революционного движения, к опыту и мнению самих компартий этих стран.

Такие китайские «советы» не принесли ничего, кроме вреда, они только затрудняли деятельность компартий, сбивали их с правильного курса. Лишь преодоление пагубного маоистского влияния, самостоятельная разработка стратегии и тактики на основе творческого применения марксистско-ленинской теории и опыта мирового коммунистического движения с учетом специфики каждой страны и конкретной ситуации позволяют компартиям находить правильные решения и добиваться успехов в своей деятельности.

В конце 50-х — начале 60-х годов Мао Цзэдун стал добиваться принятия «китайской линии» уже не отдельными компартиями, а всем коммунистическим движением. На Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1957 г. он выступил с беспрецедентным по своему авантюризму и чудовищным по сути призывом к немедленному развязыванию мировой термоядерной войны, чтобы «одним махом» покончить с империализмом⁴.

Идея «мгновенного» разгрома империализма усиленно протаскивалась в серии пропагандистских статей центральных органов китайской печати 1960 г. и последующих годов. Она была положена в основу выдвинутого Пекином в 1963 г. «Предложения о генеральной линии международного коммунистического движения», в котором содержалось требование «решительного ведения народами революционной борьбы и доведения до конца мировой пролетарской революции»⁵.

Маоистская проповедь мировой войны как единственного средства победы «мировой революции» удивительно напоминала троцкистские концепции «подталкивания» революционного процесса. Маоисты, как и троцкисты, оправдывали войны с целью «осчастливить» трудящихся зарубежных стран, присваивали себе право решать судьбы других народов. Великодержавный шовинизм маоистов маскировался при этом под пролетарский интернационализм.

Попытки некоторых деятелей из руководства КПК эксплуатировать пролетарский интернационализм в своих национально-эгоистических целях имели место еще до победы китайской революции. В начале 30-х годов тогдашний лидер партии Ли Лисань и его сторонники упорно добивались, чтобы все мировые революционные силы, прежде всего военно-экономический потенциал СССР, были брошены «на алтарь» китайской революции. Лилисаневцы утверждали, что китайская революция стала «основным очагом» мировой революции. Они делали ставку на развязывание мировой войны, с помощью которой хотели «подтолк-

³ См.: «Жэньминь жибао», 22.XI.1949.

⁴ См.: Маоизм без прикрас, М., 1980, с. 237.

⁵ Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения. Пекин, 1963, с. 5.

нуть» мировую революцию и таким образом «облегчить» успешное развитие революции в Китае. Эти взгляды разделял и поддерживал и Мао Цзэдун. Однако левацкая линия Ли Лисаня была осуждена и отвергнута Коминтерном⁶.

Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения, выдвинутое в противовес платформе коммунистического движения, разработанной в документах международных совещаний коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг., явилось очередной попыткой поставить мировое революционное движение на службу Китаю. Источником показной «революционности» Мао и маоистов в то время были гегемонистские замыслы и устремления, рассчитанные на то, что крупнейшие державы мира — СССР и США — в результате войны уничтожат или, во всяком случае, значительно ослабят друг друга, и тогда Китай сможет занять главенствующее положение на земном шаре.

Коммунистические и рабочие партии, естественно, не могли согласиться ни с подстрекательскими призывами Мао Цзэдуна, грозившими гибелью всему человечеству, ни с притязаниями Пекина на руководство революционным движением и на доминирующую роль в мире. Встретив решительный отпор своим гегемонистским планам со стороны коммунистов различных стран, маоистское руководство стало на путь борьбы против международного коммунистического движения. Причем маоисты, выразители мелкобуржуазно-националистических взглядов, не переставали изображать себя марксистами-ленинцами и интернационалистами. А отказ компартий от поддержки пекинских планов развязывания мировой войны и установления мирового господства Китая маоисты изображали как «предательство революции» и «отступление от пролетарского интернационализма».

Группа Мао Цзэдуна, по существу, отрицала интернациональный характер деятельности компартий. Из ее рассуждений вытекало, что интернационализму не имело никакого отношения ни строительство социализма и коммунизма в социалистических странах, ни борьба против монополий, реакции и угрозы войны в странах капитала. «Интернационализмом» они называли лишь то, что могло служить их великодержавным устремлениям. Поэтому маоисты заявляли, что компартии капиталистических стран «утратили свою революционность», «обуржуазились», замкнулись в рамках национальных границ, превратились в «социал-реформистские». Особенно раздражал Пекин курс коммунистического движения на осуществление мирного сосуществования, сохранение и упрочение мира.

За несогласие с маоистской «генеральной линией» Пекин объявил многие компартии «ревизионистскими кликами». Он порвал связи с подавляющим большинством коммунистических и рабочих партий. В первой половине 60-х годов китайское руководство приступило к созданию в зарубежных странах маоистских группировок, которые должны были образовать идейно-политическое течение международного масштаба, противостоящее коммунистическому движению. Однако планы организации маоистского движения в международном масштабе провалились. Маоизм, оказавшийся непригодным в самом Китае, тем более не прижился в других странах. Те, кого вначале увлекли трескучие ультрареволюционные лозунги, раздававшиеся из Пекина, постепенно распознали их фальшь и сравнительно быстро разочаровались в маоизме.

Недовольство, разброд и шатание среди бывших сторонников Мао привели к расколу, распаду, самоликвидации целого ряда маоистских «партий» и организаций, к отходу значительной части их от Пекина.

⁶ Подробнее об этом см.: Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 313—349.

После смерти Мао Цзэдуна количество пропекинских группировок сократилось в 4—5 раз. Не успев возникнуть, маоистское «движение» практически развалилось.

Как известно, коммунистическое и рабочее движение основано на единстве интернациональных и национальных задач, интернациональное содержание борьбы рабочего класса выливается в конкретные формы и черты национального. В отличие от марксистско-ленинской позиции мелкобуржуазная идеология противопоставляет пролетарскому интернационализму либо узкий национализм, либо космополитизм «без берегов».

К началу 70-х годов Пекину стало ясно, что его усилия использовать левацкую демагогию для раскола коммунистического движения или создания сколько-нибудь значительного течения, способного противостоять этому движению, оказались напрасными. Полностью обанкротилась маоистская политика, направленная на подчинение революционных сил современности интересам мировой гегемонии Китая. Край этой политики был обусловлен стремлением пекинских лидеров навязать этим силам по-троцкистски космополитическую и по-маоистски спекулятивную интерпретацию пролетарского интернационализма, которая игнорировала значение национального момента в революции.

Великоханьский шовинизм, определявший левацкую тактику маоистов в 60-х годах, в корне враждебный принципам пролетарского интернационализма, уже тогда объективно содействовал антикоммунистическим проискам империализма, становился его резервом и союзником. Поэтому главным результатом раскольнической деятельности Пекина в мировом революционном процессе явилось то, что китайские лидеры еще при Мао Цзэдуне добились признания со стороны империализма, который не без оснований рассматривает их в качестве силы, противостоящей социалистическому содружеству, коммунистическому, рабочему и национально-освободительному движению, мировому революционному процессу в целом.

Нынешние руководители Китая хотят теперь воспользоваться помощью империализма для форсированного превращения Китая в мощную милитаристскую державу. В союзе с империализмом Пекин собирается бороться против революционных сил, служащих преградой на пути его гегемонистских устремлений⁷.

В то же время курс на смыкание с империализмом лишает китайских руководителей ореола былой «революционности», отталкивает от них прогрессивные круги, миролюбивую общественность во всем мире, изолирует Пекин от передовой части человечества. Поэтому, чтобы сделать свой курс на мировой арене более привлекательным, Пекин в последнее время усиливает заигрывание с левыми силами. Но дело, конечно, не только в создании внешней привлекательности китайской политики. Расчет вновь делается на внесение раскола в ряды левых сил, на перетягивание части их на китайскую сторону.

В этом русле осуществляется и возобновление связей КПК с отдельными коммунистическими партиями. Ради установления контактов с компартиями, пользующимися безусловным влиянием в своих странах и в мире, китайские руководители готовы отмежеваться от отвергаемой коммунистами идеологии «левого» экстремизма, распространявшейся Пекином прежде за пределами Китая.

В начале 1981 г. Пекин впервые подверг критике «новых левых». На них была возложена вся ответственность за возникновение беспорядков и терроризма на Западе, в очевидном согласовании с поднятой администрацией США истерической кампанией «борьбы с международным терроризмом». «Бэйцзин жибао» назвала воззрения «новых левых»

⁷ Подробнее об этом см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 2, 4.

«гибридной теорией, объединяющей черты индивидуализма, анархизма и эклектизма»⁸. При этом газета умолчала, что «новые левые» с самого начала находились под сильным влиянием маонизма. В ряде случаев Пекин идет даже на отречение от прежде насаждавшихся им маонистских группировок.

Теперь в Пекине вину за инспирирование «лево»-экстремистского движения в странах Запада под маонистскими лозунгами и за его провал возлагают на Кан Шэна, Чэнь Бода и «банду четырех», которые непосредственно занимались связями с зарубежными маонистами. Таким образом нынешнее китайское руководство пытается отмежеваться от бывших сторонников Мао, потерпевших фиаско. Правда, и до сих пор Пекин еще использует маонистские группировки в отдельных странах в интересах своей политики, но он уже не делает на них главную ставку в борьбе против мирового коммунистического движения.

В Китае длительное время замалчивалась деятельность коммунистического движения, делался вид, что его вообще не существует. Теперь там вновь заговорили о коммунистическом движении, причем с акцентом на исконные исторические связи КПК с международным коммунистическим движением (1). После «культурной революции» в КНР возобновлено издание работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Летом 1979 г. на всекитайском совещании идеологических работников в городе Люйда был принят «план исследований в области марксистской теории» и было решено провести в Пекине выставку книг классиков марксизма-ленинизма⁹. В 1980 г. в Китае отмечалась 160-я годовщина со дня рождения Ф. Энгельса. Уже сейчас объявлено о подготовке к 100-летию со дня смерти К. Маркса.

Появляется все больше работ по истории Коммунистической партии Китая. В прошлом году вышел первый том 50-томного собрания биографий «исторических деятелей КПК». В нынешнем году будут изданы «Беседы по истории Компартии Китая». Причем в историко-партийных работах теперь упоминается о содействии Коминтерна становлению КПК¹⁰. В Китае решено опубликовать «Документы и материалы Коминтерна, касающиеся китайской революции» в трех томах. «Жэньминь жибао» писала, что это издание поможет восполнить наблюдавшееся долгие годы невниманье исследователей к взаимоотношениям между Коминтерном и китайской революцией. При этом газета указала: «Период существования Коминтерна отмечен тем, что в китайской революции произошло много важных событий, с которыми он тесно связан»¹¹.

В 1980 г. в Пекине было создано Общество изучения истории международного коммунистического движения, которое «будет изучать историю и нынешнее состояние международного рабочего движения»¹². Недавно китайскими издательствами выпущены первый том «Краткой истории международного коммунистического движения» (до 1924 г.) и «История международного коммунистического движения» от зарождения марксизма до победы китайской революции в 1949 г. (1). На страницах китайской печати время от времени появляются материалы о видных деятелях мирового коммунистического движения: А. Грамши, Г. Димитрове, Э. Тельмане, Л. Лонго и др. Эти работы и материалы при всей кажущейся их «новизне» и «объективности» страдают явной тенденциозностью и односторонностью, они перекраивают историю коммунистического движения на маонистский, антисоветский лад и

⁸ «Бэйцзин жибао», 30.III.1981.

⁹ См.: «Жэньминь жибао», 14.VII.1979.

¹⁰ См., например, статью журнала «Данши яньцзю» (1980, № 1), перепечатанную 6 октября 1980 г. в «Жэньминь жибао».

¹¹ «Жэньминь жибао», 18.IX.1980.

¹² «Гуанмин жибао», 19.II.1980.

призваны оправдать политический курс Мао Цзэдуна и его последователей.

Нынешние руководители КПК не только демонстрируют внимание к истории коммунистического движения и свою причастность к нему, но, следуя тактике Мао Цзэдуна и его окружения, не скрывают своих претензий на особую роль в этом движении. «Жэньминь жибао» писала в одной из установочных статей по вопросам партстроительства: «Мы должны не только руководить осуществлением четырех модернизаций в нашей стране, но и испытывать важную ответственность за мировое коммунистическое движение»¹³.

«Гуанмин жибао» трактовала изменения в китайском руководстве чуть ли не как проявление лучших пролетарских традиций и подчеркивала их важность для дальнейших судеб коммунистического и рабочего движения. «Меры, предпринимаемые в самое последнее время по реорганизации системы руководства партией и государством, — это важная реформа, основанная на обобщении исторического опыта диктатуры пролетариата за рубежом и внутри страны со времен Парижской коммуны, — утверждала газета. — Можно предсказать, что последовательное проведение этой реформы окажет широкое и далеко идущее влияние на международное коммунистическое и рабочее движение»¹⁴.

Изображая Китай единственным в наше время продолжателем дела Парижской коммуны, «Жэньминь жибао» писала: «В настоящее время именно мы осуществляем великое начинание — создание трудового народом нового мира»¹⁵.

Давая понять, что Китай решает те же проблемы, что и мировое коммунистическое движение, «Жэньминь жибао» в передовой статье о стиле партии заявляла, что этот вопрос отражает обобщение более чем 30-летнего исторического опыта КПК и одновременно является «серьезной теоретической и практической проблемой, поставленной историческим опытом международного коммунистического движения и различных социалистических стран»¹⁶.

По меньшей мере странно, что, оставаясь, по существу, вне коммунистического движения и продолжая нападки на него, Пекин заявляет о своей «ответственности» за коммунистическое движение, о своем «широком и далеко идущем влиянии» на это движение. К чему клонят в Пекине, затеявая все эти разговоры о коммунистическом движении? Там, очевидно, вновь хотят навязать коммунистическому движению или какой-то его части политический курс, устраивающий китайских лидеров. Поэтому в Пекине фальсифицируют историю коммунистического движения, грубо искажают положение в нем на современном этапе, продолжают попытки осуществить ревизию марксизма-ленинизма, подменить принципы пролетарского интернационализма махровым национализмом.

Затеянная Пекином игра с некоторыми компартиями диктуется намерением ослабить противодействие гегемонистской политике нынешних правителей Китая. Но самое главное — пекинская правящая верхушка надеется, что, расширив связи с компартиями, она будет иметь возможность манипулировать своей принадлежностью к коммунистическому движению в прагматической игре с силами империализма и реакции, игре, которой руководство КПК придает первостепенное значение. Тем самым в конечном счете Пекин объективно стремится вовлечь в смы-

¹³ «Жэньминь жибао», 17.III.1980.

¹⁴ «Гуанмин жибао», 17.X.1980.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 14.III.1981.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 9.III.1981.

канье с империализмом и некоторые компартии вопреки их действительным интересам.

Нынешнее руководство КПК, отказываясь от использования некоторых наиболее односторонних сверхлевацких постулатов и положений маоизма, оставляет в неприкосновенности его националистическую сущность. По-прежнему паразитируя на марксизме-ленинизме, оно уже не занимается огульным распространением повсюду китайских шаблонов и схем «революционной борьбы», призывов к «интернациональному сплочению» народов всего мира под маоистскими знаменами, как это делалось раньше. Теперь оно пытается (копируя в известном смысле империалистическую тактику) развести революционное движение по «национальным квартирам», разобщить его, чтобы облегчить борьбу с ним и навязывание ему оппортунистических концепций, которые в свою очередь облегчили бы решение задач пекинских гегемонистов.

Своими действиями Пекин явно стремится разобщить ряды коммунистов, ослабить их боевой, революционный дух, вызвать колебания и растерянность, сепаратистские и нейтралистские тенденции в некоторых компартиях, подтолкнуть их к отказу от международной пролетарской солидарности, к отходу от совместной борьбы за общие цели коммунистов всего мира. Поэтому, в частности, в Пекине все чаще стали говорить о том, что будто бы «марксизм устарел», что он «не подходит для Китая», что необходимо заняться пересмотром марксизма. Вице-президент Академии общественных наук Китая Чжоу Ян на научной конференции, посвященной 60-летию «движения 4 мая» 1919 г., превозносил «освобождение» КПК от «догм марксизма-ленинизма, созданных III Интернационалом»¹⁷. Вопрос о «модернизации» марксизма с целью придания ему «большого соответствия современным условиям и специфике Китая» поднимался на состоявшемся в декабре 1980 г. в городе Гуанчжоу рабочем совещании китайского «Общества изучения произведений марксизма-ленинизма»¹⁸. На совещании было рекомендовано исследователям уделить особое внимание изучению «теорий моделях социализма».

Пытаясь оправдать игнорирование руководством КПК общих закономерностей социалистического строительства и принизить международное значение опыта КПСС и советского народа, первыми проложивших путь к социализму, современные пекинские идеологи обращаются к антиленинским писаниям Бухарина. Заместитель директора Института марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна Су Шаочжи в одной из своих статей вытащил на свет бухаринскую идейку о «неизбежно отсталом», «далеко не образцовом» характере «российского социализма», который-де «не может дать передовым государствам твердой модели». Су Шаочжи объявил Бухарина чуть ли не основоположником столь милой его сердцу теории «моделей социализма»¹⁹. Китайская пропаганда вообще поднимает на щит Бухарина, утверждая, что его «теоретические взгляды и сегодня обладают жизнеспособностью и притягательной силой»²⁰.

К созданию «плюралистического» и «рыночного» социализма призывал на страницах «Жэньминь жибао» некий Ху Пин в статье «О развитии по пути многообразия». «Плановое развитие, — писал, например, он, — часто превращается в плановую помеху и подрыв производительных сил общества, в плановое подавление и удушение трудовой активности и творческих сил народных масс. Поэтому мы не должны

¹⁷ «Гуанмин жибао», 8.IV.1979.

¹⁸ См.: «Гуанмин жибао», 29.XII.1980.

¹⁹ См.: «Цзинцзи дунтай», 1980, № 11, с. 40—41.

²⁰ «Сысян чжансянь», 1980, № 6, с. 18.

ни в коем случае абсолютизировать плановость. Следует допускать необходимую гибкость. "Если нет света на Востоке, то может быть светло на Западе"²¹.

Несмотря на недоговорки и эвфемизмы, к которым прибегают проповедники нынешнего курса Пекина, совершенно ясно, куда они клонят: китайская «модель социализма» должна устраивать Запад. Но что же это за «социализм», который бы устраивал врагов социализма?

Предпринимаемая в Китае ревизия и опoшление марксизма сочетаются с «модификацией» маоизма. «Модификация» маоизма представляет собой попытку приспособить маоизм к новой обстановке, осудив только приведшие к очевидным провалам, наиболее вопиющие ошибки, допускаясь Мао в теории и на практике. «Мы неизменно будем придерживаться идей Мао Цзэдуна», — заявил Дэн Сяопин на встрече с французскими журналистами в феврале этого года.

Вопросам отставания «идей Мао» и их «дальнейшего развития» посвящены специальные статьи в печатных органах ЦК КПК и провинциальных парткомов. Высказывания Мао Цзэдуна вновь стали систематически использоваться для подтверждения тех или иных аспектов политики китайского руководства. В журнале «Хунци» содержится весьма характерная оценка роли и места Мао и его «идей». Он именуется «великим марксистом, великим вождем всей партии, всей армии и всего народа». Указывается, что «его заслуги стоят на первом месте, а ошибки — на втором». «Мы, — отмечается в статье, — непременно должны унаследовать многие хорошие идеи товарища Мао Цзэдуна, правильность которых подтверждена практикой и опытом, а также развивать их в ходе практической работы»²².

В выступлении постоянного секретаря Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины Хуан Кэчэна на собеседовании по «некоторым принципиальным вопросам внутрипартийной жизни», материалы которого опубликованы в «Жэньминь жибао», осуждались те, кто считает, что «достаточно опираться лишь на марксизм-ленинизм». При этом всячески подчеркивались «особенности» и «специфика» Китая.

О необходимости «развития идей Мао Цзэдуна в новых исторических условиях» пишет орган комитета КПК провинции Цзянсу «Цюньчжун». «Практика доказала правильность идей Мао Цзэдуна, — утверждает журнал. — Во всех случаях, когда практика показывает что-либо ошибочное, это не относится к научной теории идей Мао Цзэдуна». «Цюньчжун» (а в таких провинциальных изданиях часто апробируются новые установки китайского руководства) ставит в заслугу Мао «китаизацию марксизма-ленинизма» в ходе длительной борьбы: на международной арене — с Коминтерном, внутри партии — с разными «уклонами». Авторы статьи стремятся доказать неприемлемость марксизма-ленинизма для Китая, пускаются в рассуждения о том, что «марксизм-ленинизм родился в Европе и является европейским как по форме, так и по содержанию». В статье указывается, что «Мао Цзэдун вместе со своими соратниками поднял национальную идеологию на небывалую высоту». К авторам маоистских «принципов и выводов» «Цюньчжун» относит Лю Шаоци, Чжу Дэ, Чжоу Эньляя и некоторых нынешних китайских руководителей. Журнал восхваляет их за то, что они «не только осмелились отбросить отдельные не подходящие к реальностям Китая принципы и выводы из теории марксизма-ленинизма», но и создали «новые принципы и выводы», «не скопированные у Маркса и Ленина». К числу таких новшеств «Цюньчжун» причисляет теорию и практику новодемократической революции, теорию вооруженной борьбы, курс опоры на собственные силы, курс «пусть расцвете-

²¹ «Жэньминь жибао», 8.VIII.1980.

²² «Хунци», 1981, № 4, с. 9.

тают сто цветов, пусть соперничают сто школ» и др. Из установок в области международной деятельности Пекина выдвигается лишь одна — «создание единого фронта борьбы с гегемонизмом», под которым в Китае подразумеваются Советский Союз и другие социалистические страны.

Подобный подход нельзя не рассматривать как очередное подтверждение и очередную попытку «теоретического» обоснования националистической позиции нынешнего китайского руководства, отрицающего всеобщий характер марксизма-ленинизма и объявляющего «китаизированный марксизм» в виде «идей Мао Цзэдуна» незыблемой идейно-политической основой КПК. Заявляя, что «квинтэссенция идей Мао Цзэдуна» всегда будет «духовным оружием народов», Пекин вновь подтвердил старые претензии на общемировое значение идейного наследия Мао.

В принятом VI пленумом ЦК КПК в июне 1981 г. «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» хотя и признаются провалы маоистского курса в экономике и политике, подвергаются критике многие стороны деятельности Мао Цзэдуна и осуждается культ его личности, утверждается, однако, что «заслуги» Мао «преобладают над промахами, несмотря на допущенные им серьезные ошибки», и подчеркивается, что его «идеи» являются «руководящими идеями», которые «будут направлять деятельность КПК и впредь»²³.

В «Решении» всячески превозносится специфика «китайского пути» общественного развития, дается фальсифицированная версия истории КПК, которая рассматривается в отрыве от мирового революционного процесса и изображается как серия побед «идей Мао Цзэдуна».

В «Решении» прямо сказано, что труды классиков марксизма-ленинизма «не могут дать готовых решений вопросов, возникающих в деле строительства социализма в Китае». При этом международный опыт строительства социализма замалчивается, а значение международной помощи китайской революции со стороны Коминтерна и СССР очерняется и фальсифицируется. В «Решении» сказано, будто следование установкам Коминтерна и ориентация на опыт Советского Союза «едва не завели китайскую революцию в тупик». Отрицание марксизма-ленинизма как теоретической основы социализма, равно как и отрицание значения международного опыта социалистической революции и социалистического строительства, направлено на закрепление маоизма в качестве единственной идеологической доктрины КПК. Китайское руководство предложило искать «решение вопросов», которых якобы нет в трудах классиков марксизма-ленинизма, у Мао Цзэдуна, в работах, перечень которых указан пленумом. Этот перечень включает «труды великого кормчего», посвященные поиску и обоснованию особого «социалистического пути, подходящего для условий Китая», в противоположность теории и практике научного коммунизма.

Борьбу против КПСС, коммунистических и рабочих партий, прочно стоящих на марксистско-ленинских позициях, против Советского Союза и стран социалистического содружества послемаоцзэдуновское руководство продолжает считать своей главной задачей. Китайские руководители, несмотря на вынужденную критику ими Мао Цзэдуна, продолжают оставаться маоистами, шовинистами, антисоветчиками и, по существу, антикоммунистами. Применяемые ими ссылки на марксизм-ленинизм никого не должны вводить в заблуждение.

Руководители Китая, ратовавшие за создание антисоветского, антисоциалистического «единого фронта» КНР, США, западноевропейских

²³ См.: «Жэньминь жибао», 1.VII.1981.

стран НАТО и Японии, сегодня выступают за расширение рамок этого фронта путем подключения к нему крайне правых, а также определенной части левых сил. Они призывают к объединению для борьбы против мирового социализма не только государства, но и политические партии. В дополнение к тезису о «едином фронте» в пекинской пропаганде выдвигается новая формула: «создание структуры совместного сопротивления советскому гегемонизму»²⁴, означающая объединение всех, кого Пекину удастся объединить, для «обуздания и отбрасывания» Советского Союза.

Пекину хотелось бы включить в задуманную им «совместную структуру» некоторые национально-демократические, социалистические, буржуазно-националистические и другие партии стран «третьего мира», с которыми КПК в последние два года интенсивно устанавливала межпартийные связи. В страны Азии, Африки и Латинской Америки выезжали делегации КПК, которые занимались в основном антисоветской обработкой своих партнеров из партий, стоящих у власти в этих странах. Но, несмотря на все старания китайского руководства, ни одна из развивающихся стран не последовала за Пекином.

Заместен интерес лидеров КПК к западноевропейской социал-демократии. В КНР приглашались такие руководящие деятели «евролевых» партий, как В. Брандт, Ф. Гонсалес, М. Соареш, Б. Кракси, Ф. Миттеран. При этом явно просматривалось стремление китайского руководства навязать антисоветскую линию Социалистическому интернационалу. Чрезмерно назойливым антисоветизмом и враждебностью разряда китайские руководители ставят своих гостей-социалистов в пелюшечное положение. Сопровождавший Ф. Миттерана в поездке в Пекин К. Эстье вынужден был заметить в интервью еженедельнику Французской социалистической партии «Юните», что «делегация ФСП не может разделить китайские тезисы в международной области»²⁵. Вместе с тем была подтверждена позиция Французской социалистической партии о необходимости продолжения диалога с СССР для поддержания мира в Европе. С нескрываемым раздражением было воспринято в Пекине заявление Ф. Миттерана о том, что «Франция не должна вооружать Китай».

С еще большими трудностями пекинские лидеры сталкиваются при попытках вовлечь в «совместную структуру» коммунистические партии. Ни одна из компартий не может согласиться с враждебностью руководителей Китая к Советскому Союзу и другим социалистическим странам, с братанием китайских гегемонистов с империализмом и реакцией, с раздающимися из Пекина призывами к войне. Но в Пекине делают вид, что не замечают этого несогласия, и пытаются создавать впечатление у собственного народа и мировой общественности, что политика КНР находит поддержку у некоторых коммунистических партий.

Руководители КПК выступают сегодня, во всяком случае на словах, за «самостоятельность и независимость» компартий, против какого-то «центра» коммунистического движения. А ведь не кто иной, как Мао Цзэдун и его группа объявляли Китай «центром мировой революции», пытались третировать отдельные компартии, диктовать им свои установки, попирая их элементарное право на самостоятельность и независимость. Ведь именно маоистское руководство Компартии Китая выдвигало ее на роль «партии-гегемона».

Появление новых подходов Пекина к коммунистическому движению нельзя расценивать иначе как признание краха прежней политики, рассчитанной на то, чтобы КПК встала над остальными компартиями

²⁴ «Жэньминь жибао», 20.11.1981.

²⁵ «Unité», 20.11.1981.

и по своему усмотрению командовала коммунистическим движением. Потерпев неудачу в подчинении себе компартий, вызвав их резко отрицательную реакцию на маоистские попытки превратить коммунистическое движение в инструмент осуществления великокитайской политики, руководители КПК пробуют теперь снова и по-иному войти в доверие к некоторым компартиям ради той же цели.

Внутри китайской компартии происходят сложные и противоречивые процессы, идет острая борьба по вопросам отношения к идейно-политическому наследию Мао Цзэдуна и определения путей дальнейшего развития страны. Перипетии этой борьбы не могут не оказывать влияния и на линию Пекина по отношению к международному коммунистическому движению.

Линия, которая проводится Пекином в данный момент, может продолжаться в течение какого-то времени, а может и видоизмениться так или иначе в зависимости от исхода борьбы в партии, изменений в расстановке сил, очередных компромиссов в китайском руководстве. Ныне преобладающей тенденцией является объединение пекинских лидеров со злейшими врагами социализма и мира — империалистами и реакционерами различных мастей в борьбе против революционных и миролюбивых сил.

В этих условиях стремление руководства КПК причислить себя к коммунистическому движению выглядит нелепо и кощунственно. За так называемой «нормализацией» отношений с некоторыми компартиями скрываются далеко идущие расчеты и планы. Это прежде всего расчет на раскол коммунистического движения, на подрыв мирового антиимпериалистического фронта. Не случайно империалисты рассматривают Пекин в качестве троянского коня в революционном движении.

На XXVI съезде КПСС и на съездах братских партий, в выступлениях видных деятелей международного коммунистического движения и материалах коммунистической печати обращалось внимание на серьезную опасность братания политических наследников Мао с империалистами, на попытки Пекина вместе с его новыми союзниками затормозить и повернуть вспять мировой революционный процесс, поставить под угрозу разрядку международной напряженности и всеобщий мир.

Перед лицом империалистическо-гегемонистского курса на обострение международной напряженности коммунисты еще теснее сплачивают свои ряды, усиливают отпор подрывной, раскольнической деятельности руководства КПК. Как подчеркнул на XXVI съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, в принципиальных расхождениях между революционерами и реформистами, между творческим марксизмом и догматическим сектантством, левацким авантюризмом «компромиссов быть не может — сегодня так же, как и во времена Ленина»²⁶.

²⁶ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 23.

КУЛЬТУРА

Проблемы китайской филологии: вечность и современность

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Исследование китайской литературы и языка стоит в ряду актуальной проблематики в нашей отечественной науке. Весьма существенно, что в то время, как в годы пресловутой «культурной революции» в Китае закрывались университеты и научные учреждения, литературные творения творческого гения китайского народа предавались анафеме как «ядовитые сорняки» и сжигались на кострах, в Советском Союзе не только не прекращались исследование и популяризация китайского литературного наследия, но, напротив, все с большей ответственностью продолжались и углублялись. Известно, с каким остервенением хунвэйбины, вдохновляемые маоизмом, выкорчевывали наследие прошлого, великие ценности классики, создававшейся китайским народом на протяжении веков, бессмертные произведения китайских и зарубежных художников слова.

В свете этих событий научную деятельность Института Дальнего Востока АН СССР поистине трудно переоценить. Речь фактически идет не просто о синологической деятельности в рамках национальных научных задач, но о значительно большем — о выполнении советскими востоковедами своего интернационалистического долга. Наступит день, когда труды советских ориенталистов будут по достоинству оценены также и в Китае, хотя мы уверены, что настоящие китайские ученые и теперь не могут не видеть того вклада, который вносится советскими китаеведами в сокровищницу мировой синологии.

Мудрому человеку принадлежит замечание: литература — духовное завещание, которое одно поколение оставляет другому. И мы должны быть признательны творцам неумирающих человеческих ценностей, завещание которых не передается забвению неисчислимыми поколениями.

Известно, однако, что маоизм, особенно в период «культурной революции», ставшей национальной катастрофой, повел фронтальное наступление против исторического и духовного наследия, против наиболее самобытных и положительных традиций народа, которые противостоят «идеям кормчего» и которые могут быть использованы теперь или в дальнейшем противниками маоизма.

События последних лет в Китае достаточно убедительно обнаруживают важность и актуальность марксистского исследования литературного и философского наследия прошлого, всего того, что на протяжении веков создавалось мыслью и творческими усилиями китайского народа и что составляет ценный вклад его в сокровищницу мирового речевого искусства. Именно из-за Китайской стены все еще доносятся весьма странные суждения о ненужности культуры прошлого, не прекращаются призывы к уничтожению прежних ценностей под видом ликвидации «феодальной отравы», призывы к тому, чтобы навсегда убить народную традицию, бережно сохраняемую с незапамятных времен. Уничтожая источники прекрасного, маоизм уничтожает общечело-

веческое словесное творчество. Но, испепеляя и вычеркивая из памяти китайского народа великие его традиции и культурное наследие, что же оставляют в ней маоисты?

У китайской филологии в нашей стране в академическом и университетском ее преломлениях давние и глубокие традиции, которые складывались на почве естественного соседства двух народов — русского и китайского. Складывались в ходе многосложного исторического развития их взаимосвязей, в условиях возникновения и исчезновения различных режимов и социальных устройств, нередко вопреки устремлениям господствующих сил, царивших за Великой китайской стеной, которую они воздвигли для того, чтобы оградить себя от «дикости и варварства» за пределами «Тянься» — «Поднебесной» или «Чжунго» — Центрального государства. То была попытка герметически изолировать Китай от внешнего мира.

Современный человек обращается к помощи всей культуры, стремясь раздвинуть границы своего духовного мира, вместить в сознании небывалый поток новейшей информации, но вместе с тем стремясь устоять перед нарастающим натиском «идей», граничащих с безумием, перед захватывающим дух ощущением нескончаемости мироздания и его познания. Неостановим поток времен. В наше нынешнее входит непременно часть от прошлого и какая-то часть от будущего. И разве взаимодействие и противоборство этих составляющих частей не является тем, что мы называем современностью? Но что представляет собой понятие времени для литературы? Время — это прежде всего человек, типы и образы людей. Человек в самой своей сущности и есть живое воплощение времени, истории. Многое, целая бездна самих предпосылок идет от прошлого. И поэтому невозможно осмыслить настоящее без знания минувшего, знания наследия прошлого. Нельзя увидеть и будущее. Здесь должна быть усвоена живая связь времен. Примечательны в этом отношении слова Николая Рериха: «Странны такие противоположения. Кто обернут лишь к прошлому, а кто смотрит на будущее. Почему же не мыслится синтез, связывающий одну вечную нить знания? Ведь и прошлое, и будущее не только не исключают друг друга, но, наоборот, лишь взаимоукрепляют... Конечно, будущее в своей беспредельности окрыляет и вдохновляет. И вообще, разве можно не любить будущее? Но разве прошлое не является чудесными вратами к тому будущему достижению?»

У каждой исторической эпохи свой взгляд на минувшее, на творцов духовных ценностей прошлого. По слову Гейне, позднейшие поколения откроют в Гёте помимо способности пластически созерцать, чувствовать и мыслить многое другое, о чем мы не имеем теперь никакого представления. При этом Гейне отмечал также, что каждая эпоха, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза и видит в старинных созданиях человеческого духа много нового, своего. Движение времени, то есть жизни, в литературе определяется тем, что в ней возникают характеры, типы, образы, которые, в сущности, воплощают в себе, помимо прочего, приметы времени, черты эпохи. И нередко на типичных этих персонажах лежит ответ будущего.

Мы знаем, что марксистская наука отвергает культ абстрактного человека, человека вообще, вне истории, вне социальной среды. Человек всегда принадлежит исторически определенной общественно-экономической формации, принадлежит своему классу, нации, первичному коллективу. Конкретный человек как личность вообще обладает определенными чертами, свойственными каждому, всем без исключения. Это способность трудиться, мыслить, говорить. Присущи ему и свои особенные черты, характеризующие его как индивидуальность, как данную личность. Таким образом, конкретная личность есть продукт общества, социальной среды, в которой она развивается и действует.

Личность формируется общественными отношениями, социальными условиями и обстоятельствами. В свою очередь она формирует и общественную жизнь. Нельзя забывать, писал К. Маркс, что «обстоятельства изменяются именно людьми»¹. Формирование общественной жизни и отношений осуществляется человеком посредством труда, социальной активности, воли и разума, творческой деятельности. Несомненно, эта мера воздействия людей на социальную среду зависит от многих обстоятельств, в особенности от качеств человеческой личности, интеллектуальных, нравственных и творческих ее особенностей.

Поколения людей, как и мы, воспитывались классической литературой, тем огромным наследием, которое создавалось светлыми гениями человечества. Мы продолжаем жить в сфере действия ее гуманизма. И мы не видим причин от нее отказываться. Священный долг новых поколений — бережно хранить наследие, ценить высшие творения человеческого духа, национальной культуры, общемировые художественные ценности. Это и есть путь познания человека, человека в мире и мира в человеке, и этот путь необратим.

Литературные памятники древнего Китая мы рассматриваем не изолированно, не обособленно, но в их взаимосвязях и обусловленности общественной жизнью, раскрывающейся во всем многообразии и противоречивости. Мы также исходим из необходимости исследования специфики словесного творчества, своеобразного выражения общественных закономерностей в литературе как форме общественного сознания, как виде искусства — искусства слова.

Сохраняя живую связь со своим временем, подлинное искусство обращено не только к настоящему, к своим современникам. Настоящее обретает свое значение и смысл в свете будущего. Однако будущее — это не просто продолжение прошлого или экстраполяция настоящего. Оно сопряжено корнями с минувшим. Опыт прошлого и историческая перспектива нерасторжимы в процессе формирования мира грядущего.

Памятники искусства слова — нескончаемая биография человечества. Многовековая литература, вобравшая в себя традиционную культуру китайского народа, донесла до наших дней образцы высокого речевого искусства. История, литература, философия — все это было объединено в древнем, а затем в большей мере и в средневековом Китае литературой, включающей в себя все так называемые гуманитарные науки. История как литературный жанр, то есть исторические сочинения, в отличие от художественного вымысла неизменно вызвала к себе в Китае наиболее уважительное и серьезное отношение. Вообще говоря, у истоков литературы художественный вымысел еще не осознавался как таковой, и авторы первых рассказов были уверены, что передают лишь случившееся в действительности.

Отдавая должное «Шуцзинну», в котором своеобразная констатация вех истории и одновременно память китайского народа, «Шицзинну», являющемуся душой китайского народа, воплотившейся в поэтическом слове, «Ицзинну» ценнейшему источнику наших знаний о духовной жизни древнего Китая, где с наибольшей силой проявилась идея древних о глубокой взаимосвязи природы и человека, — отдавая каждой из этих книг должное место в истории китайской литературы, во главу угла мы ставим книгу песен «Шицзин». Именно она как поэтический памятник интересует нас больше всего: в «Шицзине» мы находим исторический источник, объясняющий китайскую древность, песни, рассказывающие о культурных традициях, не только о календаре, но о самом человеке, равном небу и земле, о тех правилах его поведения, которые стали во всем мире без иронии называться «китайскими церемониями». «Шицзин» в песнях раскрывает древнюю эпоху истории китайского

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 2.

народа, быть может, полнее и глубже, чем многие исторические, этнографические и другие памятники китайской старины, ибо он представляет собой своеобразную энциклопедию китайской древности, которая словно впитала в себя все поэтические краски этого мира.

«Шицзин» дает богатейший материал для размышлений о переводе нероглифической поэзии на западные языки, для суждений о системе китайского стихосложения и ее особенностях и, наконец, для выяснения роли и значения музыки в китайской древности. Из «Шицзина» мы узнаем не только о том, какую была эта музыка, проходящая через всю китайскую поэзию в последующие века, но и о государственной, общественной ее роли, восходящей к легендарным временам царей Яо и Шуня. И понимаем всю глубокую серьезность отношения к музыке как составной части почитаемой старины, в которой по завету Конфуция воспитание, достойное человека, должно завершаться обучением музыке.

Вывод о взаимной связи между музыкой и образом политического правления имел для конфуцианства весьма существенное значение. Отсюда явно вытекала необходимость постоянного наблюдения за фольклорным песенно-поэтическим творчеством в целях изучения настроений народа и характера политического правления страной. Не отсюда ли, в частности, сохранность фольклора и близость к нему позднейшего литературного творчества, а затем и присущая Китаю во всем многообразии его существования непрерывность традиции?

Гадательная «Книга перемен» («Ицзин») возникла на почве древнекитайского земледельческого фольклора. И если «Шицзин» в своих лирических песнях и одах раскрывает древнюю эпоху истории китайского народа и приближает ее к нам в неповторимой поэтической самобытности, то афористический «Ицзин», представивший человеческий мир как вечное взаимопроникновение и единство начал света и тьмы, в свою очередь оказал колоссальное влияние на движение философской мысли, литературное и поэтическое творчество, на многовековой процесс художественного и эстетического развития Китая.

Минувшие века с авторитетностью засвидетельствовали жизненность этих литературных творений: они не могут быть сожжены на кострах безумствующих правителей, не могут быть уничтожены или заглушены яростью деспотических и самонадеянных диктаторов, древних и новых, как бы устрашающи и жестоки ни были их угрозы и кара за неповиновение, как бы ни пылали разжигаемые ими костры из преданных анафеме «ядовитых сорняков».

И с точки зрения конкретного исследования проблем китайской филологии, и в свете общемирового литературного процесса научный интерес представляют такие вопросы: генезис китайской литературы и ее периодизация в эпоху древности, в том числе переход от архаического фольклорного творчества с его синкретическим характером к словесному искусству в различных жанровых формах и видах, от устной поэзии к письменной, от анонимной литературы («Шицзин» — «Книга песен») к творчеству индивидуальных авторов («Чуцы» — «Чуцкие строфы» и др.); связь литературы и общества в древнем Китае; роль религиозных концепций в древней и средневековой литературе (конфуцианство, даосизм, буддизм); соотносимость народных и аристократических тенденций в китайских литературных памятниках. Нас интересуют научные оценки канонических конфуцианских трактатов, суждения об их природе и времени создания, этическом начале этих памятников. Сюда же относятся вопросы мифологического содержания древнего словесного искусства. Мифы не рождаются из ничего. Едва ли не у каждого народа питательной средой мифологии служит сама земля и люди. В этом ряду стоят и вопросы традиционности художественных приемов, соотношение поэзии и прозы, развитие драматургии и традиционной эстетической и критической мысли.

Свою задачу филологи видят в том, чтобы в русле мирового литературного процесса исследовать истоки китайской художественной мысли и попытаться найти вехи, по которым она развивалась с древнейших времен до наших дней. Случается, что движение времени, возникающие события бросают на литературное прошлое добавочный свет, обнаруживая в нем не только отражение, но и прорицание, художественное провидение. Не в этом ли возрождение жемчужин прошлого, которое, разумеется, требует большой научной и эстетической выразительности? Но искусство это связано с автором, человеком, который выражает себя в искусстве слова.

Существенным для филолога является вопрос о составе и содержании китайской литературы (вэнь), о том, что относится к произведениям прозы и каковы критерии самого отбора. Многочисленные исторические и философские произведения китайских авторов, особенно минувших эпох, вне всякого сомнения, содержат в себе элементы художественности («Исторические записки» Сыма Цыня и др.) и должны осмысливаться также и историками литературы.

О какой прозе идет речь? Прежде всего о той, которая содержит в себе конфуцианское и даосское учения. В древнейший и древний периоды развития китайской литературы не существовало; не существовала, впрочем, и «чистая» философская, научная и другая проза. В те времена создавалась некая синкретическая проза, заключавшая в себе элементы художественности. Однако без знания упомянутой «прозы» трудно проникнуть в глубину китайской поэзии, выросшей на понятиях, заключенных в записях конфуцианских и даосских мыслителей.

Если говорить о проблеме изучения истории китайской литературы, то следует прежде всего принять во внимание вопросы комплексной китаистики и специализации, анализируя труды китайских авторов по истории литературы, работы японских исследователей, которые представляют первостепенный интерес по фактическому их знанию предмета, а также специфические проблемы и трудности изучения китайского словесного искусства. В этой связи необходимо подчеркнуть важность создания марксистской истории китайской литературы как главной задачи советских филологов, которые уже сделали немало в области исследования предмета, с учетом трудов по истории китайской литературы на китайском, японском и западных языках, критического разбора взглядов зарубежных исследователей.

Уместно в этой связи привести пример с Артуром Уэлли, одним из выдающихся синологов мира, всю свою жизнь посвятившим изучению и переводу на английский язык китайской классической поэзии, которой он занимался, однако, лишь на Британских островах и никогда не бывал в Китае. Это, разумеется, было книжное изучение поэзии, вне всякой связи с живой реальностью, поэтической атмосферой страны и народа.

Когда же Уэлли в пятидесятых годах был приглашен пекинскими властями посетить Китай, он принял приглашение, хотя и не без колебания. Однако совершить путешествие в Пекин он не решился и вместо себя послал близко знакомую леди, которая по прибытии в аэропорт заявила изумленным китайцам, что Уэлли передумал... Ученый опасался разочарования от встречи с действительным Китаем, который, как он полагал, наверняка окажется не тем, что он создал в своем воображении.

Культ предков, к примеру, как известно, связан со смертью и со взглядом китайцев на смерть как на возвращение, возвращение в землю, благодаря которой и из которой возникает весь окружающий нас мир. Эта трактовка загадочного, если не обратиться к изначальной древности, возвращения очень верна и материалистична. «Как я смерть

объясню? Тут особых не надо слов: просто тело отдам, чтоб оно смешалось с горой!» — восклицает в V в. великий поэт Тао Юаньмин.

Таким образом, снимается соблазнительный для европейского мышления мистический покров и со «смерти-возвращения», и с культа предков, находя основания для этого в «Шицзине». И если даже для некоего древнего китайца примирение со смертью как с возвращением уже романтизировалось и потеряло свою первоначальную связь с матерью-землей, то все равно филологу весьма важно дойти до времени и причин возникновения культа предков, столь большое место занявшего в жизни народа и сохранившего огромное влияние на систему отношений внутри общества.

Известна мудрая традиция: думая о будущем, обращаться мысленно к истокам, к которым восходит человеческая культура и которые продолжают сохранять свое непреходящее значение не только для минувшего. Ценности культуры любого народа, в том числе произведения искусства слова, не есть нечто застывшее, они не принадлежат лишь прошлому. Они живут и в дне нынешнем. Разве человек не должен видеть мост сегодняшнего, по которому человек из вчера идет в завтра? Это вместе с тем не просто видение, но и предвидение отношения людей к миру, каким оно будет завтра. А забвение настоящего есть отрешенность от будущего.

Что нужно, смеет поставить вопрос, для того, чтобы познакомиться с древностью и попытаться понять ее? Оказывается, для этого необходимо прежде всего узнать современность той страны, которой принадлежит изучаемая древность. В течение веков играло важную роль в Китае искусство слова, поэзия, как неотторжимая часть каждодневного существования человека. Фольклор, нашедший свое выражение в древней книге песен «Шицзин», не утратил своего обаяния, не потерял значения и в событиях последних десятилетий, сохранил непосредственную связь с дорогим человечеству культурным наследием. Правомерно говорить о присутствии прошлого и будущего в любой современности, в самой реальности, в жизни, в каждом человеке, хотя мы порой не задумываемся над тем, какие бездны прошлого скрыты у нас за плечами, как велика непрерывная череда поколений, о том, что в слове как свидетеле прошлого заключена живая связь времен.

Если мы снова и снова перелистаем мысленно великую книгу общечеловеческой истории, то не сможем не заметить нагромождения героических и трагических событий, войн и кровопролития, разрушения и созидания. И хотя историю творили люди, все же двигали ими самые разные побуждения. Бессмертия как высшей награды, однако, удостоивались лишь те, кто силы свои, помыслы и весь свой талант отдавали священному делу служения человеку и человечеству.

Среди наиболее прославленных была и есть самая светлая и благородная плеяда — первооткрыватели, основоположники нового, небывалого. В их числе одним из первых стоит имя певца древности Цюй Юаня. Проблеме Цюй Юаня и его творчества уделялось определенное внимание и в Китае, и за его пределами. В нашей стране изучение поэзии Цюй Юаня, основоположника авторской поэзии в Китае, — одна из наиболее привлекательных проблем, которая разрабатывается многими исследователями. Цюйюаневский вопрос требует наших дальнейших изысканий, ибо проблема эта связана с генезисом китайской поэзии и возникновением индивидуального авторства, а значит, личностного «я», эволюционно последовавшего после безымянного коллективного творчества, которое развивалось на протяжении тысячелетий.

История духовного развития человечества свидетельствует, что речевое искусство переживает времена застоя и упадка, но оно остается вечным, как и сама жизнь. Наиболее верная примета истинного величия вещи, если она с течением времени не только не удаляется от нас

и не рассеивается как дым, а, напротив, все ближе и знакомее становится нам, все выше подымается в своем значении и все особеннее и самобытнее представляется нам в ряду бесчисленных явлений, мерцающих вокруг этой исторической вехи.

Отвечая на вопрос, почему произведения античных художников так величественны, Д. Дидро указал на то, что эти художники посещали философские школы. Видимо, подобным взглядом руководствовался и Стендаль, которому принадлежит изречение, что он никогда не отделял художника от мыслителя, как не мог отделить художественной формы от художественной мысли.

Все это ведет нас к тому, что подлинный художник должен не только много видеть вокруг себя на свете и быть знакомым с его внешними и внутренними явлениями, но многое и великое должно пройти через его собственный ум, через его собственную душу, должно глубоко проникать и волновать его собственное сердце, он должен многое испытать и пережить, прежде чем он будет в состоянии воплотить в конкретных образах подлинные глубины жизни.

Именно с этим связано одно из направлений советской филологической науки — исследование исторических закономерностей развития общемировой литературы и процессов, происходящих в современном словесном искусстве.

Важнейшим методологическим нашим принципом является положение о единстве человечества, истории, о диалектическом взаимодействии различных цивилизаций и культур, которые в общемировом процессе перерабатываются в единую, объемлющую весь мир цивилизацию будущего. Диалектическое осмысление общемирового литературного процесса ведет к заключению, что литературы народов всех континентов невозможно рассматривать как нечто замкнутое, изолированное и отчужденное друг от друга. Напротив, литературы самых различных стран находятся в постоянной связи, соприкосновении и взаимопроникновении. Различными путями и способами они воздействуют друг на друга, в той или иной мере оказывая друг на друга взаимное влияние. Процесс литературного развития происходит своими собственными, специфическими путями, в соответствии с присущими ему закономерностями, определяемыми движением и прогрессом человеческой истории и культуры.

В поле зрения филологов — специфические стороны периодизации истории литературы, в том числе различные суждения относительно Возрождения в Китае; развитие китайской письменности начиная с гадательных надписей на костях жертвенных животных; вопросы возникновения и ранних форм словесного искусства; особенности китайского мировоззрения — догматы конфуцианства, идеи единства неба, земли и человека, взаимопроникновения идей конфуцианства и даосизма, значение и роль буддизма в древнем Китае и т. д.

В некоторых востоковедных работах, затрагивающих вопросы методов исследования, выделяются два подхода: один — когда исследование ведется учеными, прилагающими свои концепции к материалу истории или литературы; второй — когда исследование ведется авторами, изучающими конкретный материал, и на его основе вырабатывается свое понимание исторического или литературного процесса. При этом имеется в виду, что для первых характерно наличие известной философской презумпции, определяющей всю идейно-историческую концепцию; для вторых якобы показателем эмпиризм — подчиненное следование материалу и определяемость выводов его изучением.

При подобной классификации методик исследования явно обнаруживается противопоставление теоретических, точнее, умозрительных концепций конкретному изучению. Последнее представляется как бы лишенным теоретической основы, являя собой элементарное подчине-

ние материалу, тогда как первые в соответствии с этой классификацией будто содержат в себе определенное предвидение, философскую осмысленность, творческое озарение.

Однако истина, как известно, всегда конкретна. И согласно диалектической методологии, путь к ней один: от конкретного к абстрактному, а затем подтверждение абстрактного конкретным. Следовательно, подход к решению проблемы восточных литератур должен осуществляться не с позиции априорности или существующего стереотипа, сотворенного по подобию и образу европейских моделей, но объективно, с учетом реального пути развития словесного искусства китайского народа. Опираясь при этом следует не на фантазии, какими бы заманчивыми они ни представлялись, а на научный анализ фактов литературного процесса в Китае, который только и предоставляет возможность раскрыть природу явлений китайской литературы исходя из ее собственной сущности, но не из того, что было порождено своеобразием развития, например, европейской литературы.

Короче, концептуальность должна вытекать из исследования действительного литературного процесса с помощью научной методологии, а не сводиться к попыткам выдавать за новаторство произвольность, не соответствующую реальности. Иначе, как гласит китайское изречение, неизбежно «подрезание ног к обуви».

Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования проблем, опираясь на надежные научные основания. Это так же справедливо, как изображение прекрасной нероглифической каллиграфии Го Можо, обращенное к автору этих строк: «Изучение древности еще не завершено». И завершимо ли? Свиток с этим посвящением висит у меня в рабочем кабинете внуковского моего пристанища и постоянно находится перед моими глазами. Не в силах скрыть неумного моего восхищения философской мыслью и каллиграфическим мастерством этого свитка, написанного Го Можо одним взмахом кисти в одно из мгновений, которые мы испытали во время нашей жизни в далеком сычуаньском городе Чунцине...

В разработке указанных проблем мы исходим из того понимания, что научные исследования филологов, историков и эстетиков, в которых проливается свет на различные стороны человеческого бытия, а также содержатся существенные наблюдения и творческие суждения, могут играть полезную роль в интеллектуальном и нравственном развитии современного человека. в обогащении его эстетического и гуманистического мироощущения.

Общезвестно убеждение классиков марксизма-ленинизма в том, что все культурные богатства, созданные человечеством, являются достоянием народа и без овладения ими невозможно развитие подлинно социалистической идеологии и культуры. Глубокое это убеждение сохраняет все свое значение и в наше время. Более того, оно приобретает особую актуальность теперь в борьбе с разного рода проявлениями нигилистического отношения к культурному наследию прошлого со стороны анархистских и ревизионистских течений, стремящихся подменить истинное восприятие традиции тезисами «радикального» ниспровержения «старого» искусства и эстетики — «ядовитых сорняков феодализма» и т. п. Ими отвергается необходимость сохранения накопленного человечеством культурного достояния, сокровищ художественной мысли, овладение которыми представляет собой неотъемлемое условие духовного и нравственного формирования человека нашего времени и будущих поколений. Весьма существенно при этом замечание В. И. Ленина, что «хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством»².

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 542.

Важнейшая проблема, которой ныне уделяется значительное внимание, — национальное и общечеловеческое. В национальном своеобразии любой литературы, в том числе, разумеется, китайской, непременно содержатся качества общечеловеческого значения, которые при известных условиях — одни раньше, другие позже — становятся фактом литератур различных народов, приобретают общемировое признание. Чтобы национальное искусство слова одной страны, однако, стало общечеловеческим, интернациональным, необходимо несколько условий: значимость, глубина, поучительность, масштабность событий и явлений национальной жизни, изображенных в произведении, талант, высокая степень художественного обобщения. Именно этими качествами обладают наиболее зрелые произведения литературы — национальной и общемировой. «Гений народа, хотя бы и богато одаренного, должен черпать свое вдохновение во всемирно-человеческом опыте. Предоставленный самому себе, он чахнет; лишь близость и дружба с гениями других наций дают ему вечно юную силу»³.

Углубленное и всестороннее изучение идейной и художественной сущности литературного наследия китайского народа — одна из столь же существенных, сколь и актуальных задач отечественной востоковедной науки. Не каждому понятны язык сложных научных трудов или симфоническая музыка классиков. Многие поэтические произведения авторов китайской старины также требуют конкретных знаний, подготовки, заинтересованного изучения.

Роберт Лоуэлл как-то сказал: «Изучать кого-либо можно или по-настоящему, всерьез, или чисто интуитивно, мимоходом. Вещами, о которых вы спрашиваете, занимаются ученые: это их хлеб, их выдумки. Они — вполне допускаю — представляют определенный интерес, но противоречат рассудку. Я не люблю читать такие материалы, видеть писателя, которого понимаю, распростертым на операционном столе, наблюдать, как сознательно нагнетается скука»⁴.

Преимственность в развитии культуры, несомненно, играет важную и положительную роль в общественном развитии. Изучение истории и жизни, литературного наследия минувших эпох помогает нам лучше и всестороннее понять не только художественную культуру прошлого, но также словесное искусство современности.

Классические национальные традиции служили китайскому народу той почвой, на которой развивалось словесное искусство, разносторонне отражая движение идейных и эстетических взглядов в различные эпохи. Огромна познавательная ценность классического китайского наследия. Как бедны были бы гуманизм и патриотическое творчество в Китае без «Книги песен», «Чуских строф», танской поэзии, сунских цы, без Цюй Юаня, Тао Юаньмина, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Ван Вэя, Су Ши, Оуян Сю, Ли Цинчао, Синь Цици, многих десятков и сотен выдающихся художников слова!

Лишение китайского народа культурного его наследия означало бы лишение его духовного потенциала, жизненной перспективы. Это путь самоуничтожения, гибели, грозящей тем, что с лица земли будут стерты бесценные творения искусства и культуры, создававшиеся неисчислимыми поколениями китайского народа. Ясно, что подобного рода подход к культурному наследию общего не имеет с марксизмом. Проблеме этой посвящены многочисленные работы советских синологов.

Нужно ли доказывать, что подъем и рост национального сознания неотделимы от традиций народа, от его культуры во всем ее богатстве и многообразии. Процесс формирования культуры непрерывен и преемствен. Он нерасторжимо связан со всей системой идеологических

³ Г. Брандес. Литература XIX века в ее главных течениях. Французская литература. СПб., 1895, с. 1.

⁴ «Литературная газета», 29.IV.1981, с. 14.

ценностей, создаваемых народом в его историческом движении. Отказ от национального культурного наследия неизбежно приводит к разрыву с историческим прошлым народа, к умерщвлению национальной памяти, к губельному беспамятству.

Речь идет о выработанных веками художественных ценностях, выработанных творческим гением китайского народа. О ценностях, которые, как и в истории любого народа, нередко имеют безграничное прошлое и безграничное будущее. Именно к народному этому достоянию, к истокам культуры маоизм призывает повернуться спиной. Никакой преемственной связи. Полный разрыв со всем предыдущим развитием, уничтожение всех живых традиций народа. Методологическая несостоятельность такой позиции самоочевидна. Что общего у этих нигилистических и деструктивных взглядов с марксистско-ленинским учением?

Новая культура, согласно маоизму, может возникнуть только на развалинах старого, только как антитеза дореволюционной культуры, которую необходимо сломать, разрушить с той же решительностью и бескомпромиссностью, с которой революция разрушает старый общественный строй, ломает старую государственную машину.

Проблема культурного наследия, как известно, нашла освещение в трудах классиков марксизма-ленинизма. Предельно четкая формулировка дана В. И. Лениным: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»⁵.

В ленинских работах создана цельная концепция марксистских взглядов в отношении духовной деятельности человека, являющаяся научной основой художественной политики нашей партии. Речь идет не только об истолковании проблемы культурного наследия, но и об основополагающих взглядах на проблему литературных традиций и новаторства.

Не «отворачиваться от истинно прекрасного... только на том основании, что оно «старо», а взять его в качестве «исходного пункта для дальнейшего развития», — говорил В. И. Ленин, высмеивая всякого рода «ниспровергателей»⁶. Из этого совершенно ясно, что художественную культуру прошлых эпох нельзя ни разрушать, ни безрассудно отвергать. Из этого также ясно, что пролетариат является наследником классических произведений литературы всех времен и народов.

Прошлое не бесследно, как не бесследны былые чувства. Без прошлого нет настоящего. Не о тоске, конечно, по стародавнему укладу жизни идет речь. Речь о другом. О преемственности культуры.

Литература, в том числе лучшие образцы творчества прошлого, призвана пробуждать в человеке способность ощущать себя участником повествования, непосредственным участником изображаемых событий. Эта способность к сопереживанию переплетается с сотворчеством, способствует познанию и творению человеком самого себя. Мы не просто получаем представление о своих возможностях и знаниях, но в то же время как бы раздвигаем их границы: «...наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения...»⁷.

Связь прошлого с настоящим выражается не просто в том, что настоящее вышло из недр прошлого. Прошлое не перестает меняться в человеческом сознании, в сознании поколений. Можно говорить о том,

⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 41, с. 304.

⁶ В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1976, с. 657.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 568.

что каждый новый век или поколение переосмысливает, переосознает и по-своему воспринимает минувшее. Переосмысленное, оно вновь приобретает актуальность, вливается в современность, участвует в духовном нашем движении. Здесь происходит как бы продление жизни прошлого, возникает некая вторичная, обратная связь истории с современностью, которая помогает нам видеть мир в живой, реальной динамике, в непрерывном становлении, обновлении, преобразовании.

Поэзия, в частности китайская, живет в вечном отборе. И мы знаем, что высоту поэзии, конечно, может оценить и современник, но прочность фундамента, силу традиции — лишь потомки. Это применимо и к явлениям, возникающим в процессе развития искусства слова в Китае.

У Китая, как и у всякого другого государства, существует великая традиция преемственности, культура каждой эпохи является закономерным развитием всей предыдущей культуры китайского народа. Для развития словесно-речевого искусства в Китае характерна непрерывность традиции. Классические национальные традиции служили китайскому народу той фундаментальной основой, на которой развивались поэзия и проза, разносторонне отражая движения идейных и эстетических воззрений в различные эпохи. В этом нельзя не видеть воплощения связи времен, живой связи в движении человеческого духа, мышления и слова, быть может не менее действенной, чем личный опыт художника.

В ходе долгой истории Китая возникали и рушились империи и царствовавшие династии, одни деспотические режимы сменялись другими, еще более жестокими. Движимые страхом перед опасностью низвержения, тиранствующие властители, стремясь подавить народный гнев, тщетно пытались найти спасение в жестоких инквизициях, в расправах над вольнодумцами, в изъятии и в чудовишном истреблении книг в огне костров, в придании анафеме бесценных сокровищ художественного гения китайского народа. Но и самые лютые времена оказались не властны над развитием словесного творчества: ветер истории давно развеял память о жестоких императорских цензорах, а творения искусства слова, многовековые памятники человеческого духа сохранились до наших дней, и лучшие образцы вошли как неотъемлемая часть в сокровищницу всемирной литературы.

Существенными поэтому представляются для нас задачи изучения литературного наследия китайского народа, в том числе проблемы, непосредственно относящиеся к самим произведениям. Мы имеем в виду вопросы генезиса жанров, их анализа, своеобразия стилей и языка, особенностей мироощущения творцов песенно-поэтических произведений, вопросы поэтики как совокупности художественных принципов и средств литературного выражения, изучение сюжетно-композиционных и идейно-образных особенностей поэтических произведений, разбор внутренней цели поэтического творчества, этического и эстетического начал и т. д.

Не в глубине веков, конечно, должен искать человек утешения. Мы не можем ни мыслить, ни чувствовать так, как жили и чувствовали древние, люди тысячелетнего прошлого. Тем более речь идет не об идеализации и безгреховности прошлого, не о ностальгии по невозвратно ушедшему и не о слепом преклонении перед тенями минувшего времени. Речь о другом. О том, что прошлое, как и будущее, существует сегодня. В самой реальности, в жизни, в каждом человеке. И слово — свидетель прошлого. В нем живая связь времен. Происходит как бы продление жизни прошлого.

Литературное наследие любого народа, в том числе китайского, — это искусство слова, которое в своих собственных формах, отличающихся нередко непосредственной простотой и благородством, художественно отобразило долгую и многосложную историю страны, пути ее

неостановимого движения, тяжкие испытания в битвах со стихиями природы и социальным злом, общественное бытие и неугасимую волю ее народа к раскрепощению и справедливому устройству жизни.

Литературное наследие, однако, не только отображение истории народа, его жизни и борьбы, не только подлинная энциклопедия традиций и обычаев народа. Помимо всего, это извечный источник неисчерпаемого богатства языка, выразительных его возможностей, образности, меткости, афоризмов.

Внимание, проявляемое к художественному наследию, отечественному и зарубежному, все более усиливается. Нынешние условия духовной жизни в нашей стране сделали реальным приобщение народа к первоначальным ценностям словесного искусства, ко всему прекрасному, что создано человечеством на Востоке и Западе за многовековую историю. Все истинно ценное, что порождено в веках художественным гением всех народов, может и должно служить современному человеку, обогащать его интеллектуально, этически и эстетически, раздвигать рубежи духовного его мира.

Изложенные мысли ведут нас к выводу о том, что углубленное и всестороннее изучение идейной и художественной сущности литературного наследия, в нашем конкретном случае поэтического наследия китайского народа, — одна из столь же существенных, сколько и актуальных задач отечественной востоковедческой науки.

Большой интерес представляет литература революционных десятилетий в Китае (двадцатые-тридцатые годы), когда были созданы весьма значительные в идейно-художественном отношении произведения, отображающие революционные сдвиги в жизни китайского народа. Именно к этому периоду относится проникновение в Китай научного коммунизма, марксистско-ленинских идей, а также широкая популяризация советской литературы, которой в Китае принадлежит исключительная высокая роль. В советской литературе китайских художников и читателей привлекала революционная открытость, ее обращенность к народным массам, ее гуманистическое содержание, органическая взаимосвязь ее идейной настроенности с обновлением самого реалистического метода, с художественным новаторством. Многие из достигнутого в революционные эти десятилетия было разрушено во время «культурной революции». И новой китайской литературе предстоит создаваться на руинах, оставленных хунвэйбиновскими ордами.

Китайские литераторы многократно подчеркивали, что из книг советских писателей они узнали о русской революции и социализме больше, чем из всей доступной им текущей прессы. Великий Лу Синь, говоря о вдохновляющем примере России, отмечал: «Из ее литературы мы поняли самое важное — в мире существует два класса — угнетатели и угнетенные!.. Тогда это явилось величайшим открытием, равным открытию огня»⁸. И мы знаем, что испепеляющим и животворным огнем стали сами произведения Лу Синя — столетие со дня рождения которого торжественно отмечается нами в этом году, — беспощадно обличавшего вопиющую несправедливость полуколониального и полуфеодалного режима в Китае.

⁸ Лу Синь. Собр. соч., т. II. М., 1955, с. 99.

Бессмертие художника

(К столетию со дня рождения Лу Синя)

В. Ф. Сорокин,
доктор филологических наук

Не очень долгий жизненный путь Чжоу Шужэня, вошедшего в историю китайской и мировой культуры под именем Лу Синя, уместился между двумя датами: 25 сентября 1881 г. и 19 октября 1936 г. Следовательно, этой осенью исполняется сто лет со дня рождения писателя и сорок пять лет со времени его кончины. Все, кому дороги идеалы и заветы прогрессивного искусства, все подлинные друзья китайского народа отдадут в эти дни дань уважения и памяти его замечательного сына.

У советских людей есть особые основания достойно отметить юбилей великого художника. Его произведения стали известны советским читателям более полувека тому назад — раньше, чем кому бы то ни было за пределами Китая. В 1925 г., спустя всего три года после выхода в свет гениальной повести Лу Синя «Подлинная история А-кью», она уже была переведена на русский язык молодым китаеведом Б. А. Васильевым. Развернувшиеся в Китае бурные события несколько отодвинули ее публикацию, и она появилась вместе с переводом ряда других прекрасных творений писателя в 1929 г. Почти одновременно эта повесть и рассказ «Кун Ицзи» вышли в другом переводе, в большом сборнике произведений новой китайской прозы.

Так началось знакомство, чтобы более не прерываться. Сборники рассказов и статей Лу Синя, работы о его творчестве выходили и в 30-е годы, и сразу после окончания Великой Отечественной войны. После же создания КНР почти не проходит года, чтобы в том или ином издательстве, на том или ином из языков нашей родины не появлялось новых публикаций произведений Лу Синя, исследований его творчества. Среди них нельзя не выделить четырехтомное Собрание сочинений (1954—1955); лусиневский том «Библиотеки всемирной литературы» (1971), вышедший огромным тиражом; книги и статьи В. В. Петрова, Л. Д. Позднеевой, В. И. Семанова, Н. Т. Федоренко, Л. З. Эйдлина и других китаеведов, внесшие весомый вклад в мировое лусиневедение. В нынешнем году уже вышли из печати «Твори» Лу Синя на украинском языке в Киеве и почти полный сборник его художественных произведений в Москве. Наша общественность торжественно отмечала памятные даты Лу Синя; нет сомнения, что достойно будет отмечен и нынешний юбилей.

Возникает естественный вопрос: чем же вызван этот читательский и исследовательский интерес к творчеству писателя, жизненный и творческий путь которого закончился без малого полвека тому назад? Чем дорог нам Лу Синь сегодня?

Тем, что Лу Синь был не только глубоким реалистом в великом гуманистом, но и убежденным сторонником прогресса и обновления, пламенным патриотом и стойким интернационалистом. В этом мы видим смысл его деятельности и значение оставленных им заветов.

Начало активной общественно-политической деятельности Лу Синя следует, по-видимому, датировать 1907—1908 гг., когда он, учась в Японии, стал участвовать в работе «Союза восстановления суверенитета». Сохранившиеся свидетельства не дают возможности с уверенностью сказать, был ли Лу Синь членом этой организации — одной из составных частей возглавлявшегося Сунь Ятсеном «Объединенного союза». Но несомненно то, что Лу Синь горячо сочувствовал ее целям — освобождению Китая из-под власти заскорузлой и прогнившей цинской монархии, не способной ни оградить страну от посягательств империалистов, ни повести ее по пути социального и экономического развития. Принимал он и революционные методы, которыми союз намеревался достичь своих целей.

Решающую роль в этом переходе на революционные позиции юноши, воспитывавшегося в патриархально-конфуцианской среде, сыграло его семилетнее пребывание в Японии, передовой по сравнению с тогдашним Китаем стране, общение с радикально настроенными членами китайского землячества и, не в последнюю очередь, воздействие русской революции 1905 г., всколыхнувшей многие сопредельные страны. Но важно отметить, что, еще находясь в Китае, будущий писатель приобрел к идеям, питавшим движение за реформы в конце XIX в., с упоением читал не только европейскую научную и философскую литературу, но и реформаторский журнал «Ши у бао», и бунтарское «Письмо о гieste» Чжан Бинлиня. Сама китайская действительность,

зрелище страданий родного народа толкали юношу на путь борьбы за изменение судеб страны. Менялись его представления о том, на каком конкретном участке борьбы он сможет принести наибольшую пользу — то ли как инженер, создающий материальные блага, то ли как врач, облегчающий физические страдания людей, то ли как писатель, пробуждающий к новой жизни их усталые или заблудившиеся в потемках невежества души. Но в том, что борьба необходима и неизбежна, Лу Синь не сомневался с самого начала.

Обстоятельства сложились так, что Лу Синю довелось принять весьма скромное участие в политических событиях периода Синьхайской революции. Но при первой же возможности он предоставил свои силы и знания новому правительству, заняв видный пост в министерстве просвещения. Не его вина, что его начинания, в частности предложенный им в 1913 г. «Проект распространения искусств», после вынужденного ухода Сунь Ятсена с президентского поста и наступления реакционных сил не смогли быть осуществлены. Последовавшие годы юаньшикаевского безвременья Лу Синь провел, как он выражался, в «зимней спячке», занимаясь главным образом собираньем и описанием памятников литературы и искусства прошлых эпох. И это действительно был период накопления духовных сил, ожидания, вызревания условий для борьбы, а не отказа от идеалов.

Что дело обстояло именно так, стало ясно в дни «литературной революции» и «движения 4-го мая». Апрелем 1918 г. помечен рассказ «Записки сумасшедшего», с которого началась всекитайская, а затем и всемирная слава Лу Синя. Тем же годом датированы и его первые статьи и заметки на разговорном языке байхуа, положившие начало деятельности Лу Синя — революционного публициста, выразителя дум передовой части китайского общества. Четырнадцать сборников публицистики, изданных или составленных самим писателем, а также множество заметок, фельетонов, предисловий, не вошедших в прижизненные собрания его произведений, в своей совокупности воссоздают яркую и достоверную картину духовной жизни целой эпохи, картину идейных поисков и борьбы сил прогресса с реакционерами всех мастей — милитаристами и компрадорами, шовинистами и «либералами». В этих поисках, в этой борьбе оттачивался талант Лу Синя — полемиста и сатирика, накапливался его политический опыт, углублялось его понимание стоявших перед страной труднейших проблем и путей их решения. Этот процесс с неизбежностью привел писателя в последнее десятилетие жизни к признанию истинности марксистского учения, к убеждению в том, что «бесклассовое общество возникнет обязательно».

На каждом из этапов борьбы, на каждом повороте бурной истории Китая от конца 10-х до середины 30-х годов нашего столетия Лу Синь ставил в своей публицистике такие вопросы, выбирал такие мишени для критики, которые фокусировали в себе существенные стороны общественных противоречий. Внешне порой могло показаться, что Лу Синь ведет полемику по частным вопросам, отвечает на личные выпады, — на деле же за «частностями» вставляли жизненно важные для страны проблемы, а «личные» недруги оказывались противниками всего здорового и передового.

Так, в период «движения 4-го мая» и «литературной революции» одна из главных схваток развернулась между сторонниками распространения в художественной, научной и политической литературе живого разговорного языка байхуа, с одной стороны, и «классицистами», цеплявшимися за старый, не воспринимавшийся на слух, насыщенный сложными оборотами и намеками вэньянь. Разумеется, не только лингвистические проблемы волновали спорящих. Речь шла о том, что живой язык был куда более приспособлен для широкой популяризации новых идей и научных знаний, хлынувших в это время в Китай. Высказанные же на вэньянь, эти идеи и знания остались бы в лучшем случае достоянием немногочисленной, получившей классическое образование элиты и не смогли бы сыграть должной роли в духовном пробуждении общества и общем развитии страны. «Убийцами современности» назвал Лу Синь тех, кто в стремлении сохранить свои привилегии или из ложного представления о «национальном достоинстве» Китая пытается преградить путь новым концепциям, ссылаясь на их «заморское» происхождение. Он воспроизводит в ироническом контексте и тем самым развенчивает привычный в устах националистов традиционного толка, воспитанных в духе превосходства всего китайского, набор «аргументов»: территория Китая обширна, все имеется в изобилии, цивилизация самая древняя, мораль — первая в мире; хотя материальная культура в других странах стоит высоко, наша духовная культура еще выше; все, что сейчас есть за границей, в свое время уже было в Китае, обо всех науках уже говорили наши мудрецы и т. д. и т. п.

Писатель противопоставляет этим благоглупостям полемически заостренную оценку прошлого Китая («в нашей истории было лишь два материальных предмета — огонь и меч», «мы всегда либо были рабами, либо хотели ими стать, но не могли найти хозяев») и его современного положения, определяемого грузом пережитков, архаичной системой представлений и моральных ценностей. Но этого разговора по большому счету, как он ни необходим, Лу Синю кажется недостаточно. Ведь его противники выставляли себя хранителями «национального духа» и «культурного достояния» страны, сторонников же разговорного языка приравнивали к «извозчикам и продавцам соев», не способным-де постичь прелести древнего стиля. И вот Лу Синь — блестящий знаток литературного языка и вообще традиционной китайской культуры — бьет оппонентов тем самым оружием, монопольными владельцами которого они себя

изображали: на неопровержимых примерах он доказывает, что они плохо владеют древним языком, не могут даже правильно расставить знаки препинания, о глубоко же понимании ими сущности классического наследия тем более говорить не приходится. Ревнителю «национального духа» были посрамлены в глазах читающей публики.

Примеры углубленного подхода и переоценки явлений литературы и искусства прошлого дал сам Лу Синь в своей книге «Краткая история китайской прозы» (1924) и других работах, в которых он противопоставил плодотворные тенденции в классическом наследии, связанные главным образом с демократическими идеями, консервативным воззрением, заставшим и нежизнеспособным формам.

В течение долгих лет Лу Синь верил — быть может, заставлял себя верить — в теорию эволюции: «Издавна я... полагал, что будущее обязательно будет лучше прошлого, молодежь — лучше стариков (IV, 5) ¹. В этом Лу Синь видел залог неизбежного торжества прогресса. Поражение революции в 1927 г., явившееся следствием раскола в едином прежде лагере «новых» сил, последовавший за этим чанкайшистский террор потрясли его. Он увидел, что и молодые не представляют чего-то единого, что одни из них могут убивать других, таких же молодых, но с иными воззрениями. Однако в отличие от интеллигентов, случайно оказавшихся в революционном стане — вроде тех, что изображены в известной трилогии его современника Мао Дуя «Затмение», — потрясение не дезориентировало Лу Синя, не лишило воли и мужества.

Наоборот, именно с конца 20-х годов в жизни и творчестве Лу Синя наступает период наибольшей политической зрелости и четкого осознания идеалов, которые он отстаивал с поразительным бесстрашием и искренностью. Убедившись в том, что прежние его взгляды не во всем оправдали себя, он решительно пересмотрел их и нашел новые ответы на поставленные жизнью вопросы. Так он пришел к вере в торжество пролетарской революции, стал боевым соратником китайских коммунистов, признанным вождем левого движения в области культуры, стойким другом Советской страны. «Раньше я лишь ненавидел свой, хорошо знакомый мне класс и ничуть не жалел о его гибели, потом, убежденный фактами, понял, что только поднимающийся пролетариат имеет будущее», — писал Лу Синь в 1932 г. (IV, 151). И ничто не могло поколебать его новых убеждений — ни полицейский террор, ни клевета врагов, ни ложь реакционной прессы, ни посулы власти имущих. Недаром кисть, которой он писал, называлась «цзинь бу хуань» — «на золото не меняется».

Лу Синем двигало сознание высокой миссии художника в эпоху ломки старого и рождения нового общества, понимание важной роли литературы как составной части революционного дела. «Я считаю, — писал он, — что всякая литература — это, конечно, пропаганда, но не всякая пропаганда обязательно литература... Поэтому в революции, кроме лозунгов, плакатов, деклараций, телеграмм, учебников, должно использовать и литературу — именно потому, что это литература» (IV, 68), не забывая при этом, что «фактически впереди идет политика, а уж вслед за ней претерпевает изменения и литература» (IV, 107). Выполнить же свою историческую миссию художник сможет лишь тогда, когда прогрессивные убеждения войдут в его плоть и кровь: «Основной вопрос упирается в автора: если он революционер, то, о каких бы событиях он ни писал, какой бы материал ни привлекал, все это будет революционной литературой. Из фонтана всегда течет вода, из вен — кровь».

С этих позиций писатель на рубеже 20-х—30-х годов повел борьбу за создание подлинно революционной и подлинно художественной литературы в Китае. Ему приходилось разяснять ошибки субъективно честных, но склонных, по молодости и недостатку жизненного опыта, к упрощенчеству и крикливой лозунговости представителей прогрессивного лагеря. Выступал он и против тенденции к сектантству и чрезмерному увлечению сиюминутными политическими задачами, порой проявлявшихся в деятельности Лиги левых писателей Китая (1930—1936). Но главным объектом его критики были враги справа — разношерстная толпа «свободных людей», «третьих» (то есть не причислявших себя ни к буржуазии, ни к пролетариату), «кувыркающихся» мелкобуржуазных литераторов, ярых националистов, на поверку оказывавшихся пособниками международного империализма. В многочисленных работах, которые сочетают строгость и убедительность аргументации с обличительным пафосом и убийственным сарказмом, Лу Синь показал общую природу всех этих групп и группочек — их страх перед революционной литературой, их ненависть к освободительной борьбе китайского народа. Все их «возвышенные» рассуждения о «чистом искусстве», о «бесклассовом характере» литературы, равно как и высокопарные речи о «священном долге китайской расы», объективно были подчинены одной цели — воспрепятствовать созданию и распространению в Китае культуры, служащей интересам большинства народа и ведущей его к лучшему будущему.

В этой многосторонней и конструктивной по сути своей полемике с идейными противниками и заблуждающимися Лу Синь часто выступал совместно с замечательным коммунистом-интернационалистом и выдающимся литератором Цюй Цюбо, с ко-

¹ Ссылки на произведения Лу Синя даются в тексте по Полному собранию сочинений (Пекин, 1956—1958, на кит. яз.). Римские цифры означают том, арабские — страницу.

торым он был близок в начале 30-х годов в Шанхае. (Здесь уместно напомнить, что Цюй Цюбо принадлежит первая развернутая характеристика творчества Лу Синя, сделанная с марксистских позиций в 1933 г. и до сих пор не утратившая своего значения.) Вместе с Цюй Цюбо писатель искал пути замены нероглифической письменности алфавитной, считая это непременным условием обеспечения подлинной массовости литературы, приобщения к культуре широчайших народных масс. Эта проблема, как известно, и поныне остается в Китае неразрешенной.

Стойкость, мужество и революционная страстность Лу Синя и его талантливых соратников принесли богатые плоды. Левая литература и искусство 30-х годов навсегда остались одним из ярчайших явлений китайской прогрессивной культуры, и недаром во время «культурной революции» маоисты с таким остервенением набрасывались на них.

Деятельность Лу Синя в тот период отнюдь не замыкалась в сфере литературы. Он принимает живейшее участие и в политических акциях, связанных с борьбой против возмрастшей угрозы фашизма и милитаризма. Он участвовал в работе целого ряда демократических организаций — Лиги движения за свободу, Лиги защиты гражданских прав, был почетным председателем состоявшегося в 1933 г. в Шанхае Конгресса борьбы против фашизма и империализма. Сам постоянно находясь под угрозой расправы, он публично протестовал против полицейского террора чанкайштин, разоблачал преступления империалистов против китайского и других народов мира.

В самые последние месяцы своей жизни Лу Синь был особенно озабочен проблемой создания единого фронта борьбы против нависшей над страной угрозы японской агрессии. Лу Синь долго жил в Японии, ценя ее культуру, много переводил с японского, дружил с целым рядом прогрессивно настроенных японцев. Но когда «самурайский дух» и империалистская жажда захватов явно возобладали в политике правящих классов восточного соседа, Лу Синь в числе первых поднял голос тревоги и протеста, обратился к творческой интеллигенции с горячим призывом объединить свои усилия с усилиями всех патриотических элементов общества, с тем чтобы преградить дорогу интервенции, спасти родину от порабощения.

Так вновь проявилось свойственное Лу Синю умение выделить самую главную из задач, стоящих в каждый данный момент перед нацией и ее литературой. Это особенно заметно в его публицистике, но и в сюжетной прозе речь всегда шла о самом существенном в жизни народа.

Прочитав в 1918 г. в майском номере прогрессивного журнал «Синь циннянь» рассказ «Записки сумасшедшего», подписанный никому до того не известным именем «Лу Синь», читатели еще не могли знать, что присутствуют при рождении новой китайской литературы. Между тем рассказу, форма которого была навеяна известным произведением Гоголя, была уготована завидная доля: многие современные китайские писатели могли бы с полным основанием сказать, что они «вышли» из «Записок сумасшедшего» Лу Синя. Все — если не считать традиционного вступления — было новым в этом рассказе: непримиримое отрицание старого уклада жизни, гуманистический пафос, сочетание фантазии и гротеска с реалистическим изображением психики страдающего человека, наконец, язык — живой, полнокровный, всем понятный в отличие от архаизированных стилизаций, модных в тогдашней литературе.

Герою рассказа представляется, будто он живет среди людоедов и скоро настанет его черед быть съеденным. Поначалу он еще надеется найти людей, не причастных к этому злу, но скоро отчаивается. Вот разве дети, может быть, их удастся воспитать по другому... «Спасите детей!» — на этом обрывается рассказ, произведший, по словам современника, впечатление «бомбы, брошенной в лагерь феодальных сил».

Собственно художественное наследие Лу Синя невелико по объему: три сборника рассказов — «Клич» (1923), «Блуждания» (1926), «Старые легенды в новой редакции» (1936) — и сборник лирических миниатюр «Дикие травы» (1927). К ним можно добавить томик воспоминаний «Утренние цветы, собранные вечером» (1927) и несколько десятков стихотворений в классической и современной манерах. Но благодаря серьезности постановки социальных и этических проблем, глубине проникновения во внутренний мир персонажей, представляющих самые различные пласты китайской действительности, каждый рассказ был и остается заметным явлением в новейшей литературе Китая. Остановимся на некоторых из них, наиболее характерных для мировоззрения и творческого облика Лу Синя.

Созданный вслед за «Записками сумасшедшего» рассказ «Кун Ицзи» с произвольной болью, оттеняемой нарочито спокойным тоном повествования, говорит нам о судьбе жалкого неудачника. Он не раз проваливался на экзаменах на чиновничью должность, не сумел сделать карьеры, работать тоже не научился. Промышляя случайным заработком, он при случае может стянуть то, что плохо лежит (и в конце концов гибнет, искалеченный хозяевами украденного). Но, выпив чашку вина, он начинает изъясняться на древнем языке, хвастаться ученостью и третировать других, «необразованных» завсегдатаев кабака. Те платят ему непрестанными насмешками и оскорблениями. Откуда это взаимное презрение и вражда у людей, по существу равно обездоленных? «Между нами, людьми, стоят высокие стены; они мешают нашему общению», — отвечает писатель. Эти стены воздвигнуты сословными предрассудками, культивировавшимися в старом Китае представлениями о том, будто человек, вкушавший книжной премудрости, возвышается над остальными и призван властвовать

над ними. Разделенные высокими стенами, не находя или даже не пытаясь найти пути друг к другу, гибнут многие персонажи произведений Лу Синя — те, у кого не хватает сил на бесконечную, изнуряющую борьбу за существование.

Гибнет тетушка Сянлинь из «моления о счастье» — вдова, насильно выданная вторично замуж, вновь овдовевшая, лишившаяся единственного сына. Всю жизнь она работала на других, собирала чай, рубила деревья, выкармливала шелковичных червей, не жалея сил, не жалуясь. Но никто не позаботился о ней самой, о ее человеческом достоинстве. И даже смерть ее вызывает лишь раздражение у помещика — умерла под самый праздник, не могла выбрать другого времени...

Совсем иной человек Вэй Ляньшу («Одинокий») — образованный, независимый, вызывающий всеобщее удивление тем, что любит книги больше, чем деньги. Он пытается противопоставить себя застойному провинциальному миру, выступает против лицемерия и ханжества, задевает в статьях местные авторитеты. Как ибсеновский доктор Стокман (и как молодой Лу Синь), он думает, что его сила — в одиночестве, в свободе от цепей общества. Однако общество находит весьма простые средства заставить его подчиниться. Нужда и сознание бессилия заставляют его капитулировать, пойти на службу к тем, кого он обличал, и загубить свою жизнь в картах и вине.

«Высокая стена», разделяющая людей, особенно наглядно ощущается в высоко поэтичном рассказе «Родина». Герой его возвращается в родные места и встречается с крестьянином, который когда-то был товарищем в его детских играх. Вместо бойкого, смышленного и смелого мальчика он видит перед собой человека, рано постаревшего от непрестанных забот, с «огрубевшими и потрескавшимися, словно сосновая кора», руками. Он как будто стыдится своего «слишком вольного» поведения в детстве и бывшего «брата» величает «баринном». Он давно смирился со всем — с голодом, бандитами, правительственными поборами, и в лице его, иссушенном и похожем на деревянную скульптуру, нельзя прочесть возмущения или хотя бы жалоба.

Неизменно верный своему девизу — писать правду, как бы горька она ни была, Лу Синь не боялся показать, что долгие века бесправия и унижений оставили глубокий след в психологии народных масс. Суеверия, фатализм и даже вызванная непониманием враждебность к борцам за дело народа — все это отчетливо видел писатель. Примеры тому мы находим в «Снадобье», где несчастные старики пытаются вылечить чахоточного сына кровью казненного революционера, в изумительной по рельефности изображения сценке «На позорище», где толпа с тупым равнодушием смотрит на осужденного. Но ярчайший из примеров — гениальная сатирическая повесть «Подлинная история А-кью». Герой ее — бездомный бобыль, незадачливый ухажер и мелкий воришка, примкнувший было к революции (1911 года), о которой он ничего не знал, и казненный после революции за преступление, которого не совершал. При всей своей забитости он обладает сокровищем — «теорией моральных побед». Каждый раз, претерпев очередную обиду, он при помощи тех или иных несложных софизмов убеждает самого себя в моральном превосходстве над обидчиком. Против этой «теории», оправдывающей бегство от противоречий жизни вместо борьбы за их разрешение, и направлена сатира Лу Синя.

Не следует удивляться, что писатель избрал главным объектом сатиры несчастного батрака, хотя вся повесть не оставляет сомнения в том, что духовный облик А-кью — порождение всего уклада жизни в старом Китае. Лу Синь считал своим долгом помочь родному народу быстрее покончить со всем, что мешало его движению вперед, в том числе и с отрицательными сторонами психологии масс. Критика Лу Синя, при всей ее беспощадности, есть проявление любви писателя ко всему лучшему, чем обладает народ, — любви требовательной, рождающей нетерпимость к уродливым явлениям. В повести об А-кью проявился революционный патриотизм Лу Синя, притворявшийся лжепатриотизму проповедников национальной исключительности Китая, готовых прославлять все отсталое и нелепое лишь потому, что оно когда-то зарождалось на китайской почве.

В образах жертв несправедливого общественного строя, чьи человеческие качества и добрые задатки не смогли раскрыться под гнетом жизненных обстоятельств, с наибольшей силой проявился свойственный Лу Синю гуманизм, боль за искалеченные судьбы людей. Писатель изобразил, хотя и не с такой же степенью детализации, и виновников их несчастий — помещиков, чиновников, «ученых». Каждый из них отвратителен по-своему, в совокупности же они составляют коллективный портрет правящих классов старого Китая, с их жестокостью, жадностью, заскорузлостью и лицемерием, возведенным в добродетель.

Но есть в рассказах писателя и образы иного плана, олицетворяющие его веру в будущее народа, в моральную красоту простого человека. Среди них — юноша-революционер Ся Юй, и в тюрьме не прекращающий агитации против властей («Снадобье»); поэтичные фигуры крестьянских детей; рикша, пожертвовавший своим заработком, чтобы помочь старой женщине («Маленькое происшествие»). Все же в произведениях 20-х годов, когда писатель еще не овладел марксистско-ленинским миропозрением, перспективы борьбы за освобождение народа представляются ему весьма туманно, а сама борьба изображается мрачной, жестокой, бесконечно долгой.

Это особенно заметно в «Диких травах», этих редкостных по выразительности языка и сгущенности настроения миниатюрах — стихотворениях в прозе, притчах, ко-

ротких сценках. Достаточно привести названия некоторых из них: «Мертвый огонь», «Прощание тени», «Надгробная надпись», «Среди поблекших пятен крови». И даже в стихотворении «Такой боец», прославляющем негиблемую стойкость и мужество, где герой один борется против всех. Борьбу же победоносную, борьбу коллективную Лу Синь воспел главным образом в тех своих поздних публицистических произведениях и «Старых легендах в новой редакции», где героями выступают люди, не жалеющие сил и жизни для блага народа, тираноборцы и противники агрессивных войн. Думается, правы те исследователи, которые видят в появлении подобных образов свидетельство начала перехода творчества Лу Синя от критического реализма к реализму социалистическому².

Нельзя считать случайным совпадением тот факт, что первым опубликованным произведением Лу Синя была «Душа Спарты» (1903), а последним, завершенным им за три дня до смерти — «Предисловие к «Сборнику семи советских писателей» в переводе Цзо Цзинхуа»³. Обращение к опыту мировой истории и философии, стремление популяризировать в Китае прогрессивную культуру различных стран и народов были свойственны Лу Синю на всем протяжении его деятельности, характеризую его как убежденного интернационалиста. Примечательно и то, что в «Душе Спарты» Лу Синь уже четко формулирует воспитательные цели, которые он ставил перед собой. Рассказ о подвиге древних спартацев у Фермопил он предваряет прямым обращением к соотечественникам: «Этот рассказ о древних событиях я посвящаю нашей молодежи. О, если и ныне есть мужчины, не желающие уронить себя в глазах женщин, пусть они отбросят свои кисти для письма и поднимутся!»

В серии крупных статей 1907—1908 гг. Лу Синь, сетуя на то, что Китаю недостает «бойцов в сфере духовной», ищет тех, кто «словами, исходящими от чистого сердца, поведет нас к красоте и силе», кто «словами, преисполненными тепла, поможет нам выйти из холодной пустыни». Таких бойцов он находит среди мыслителей и писателей Европы, которые не побоялись выступить против господствующих мнений и вкусов, чья полная романтического пафоса поэзия бросила вызов не только тиранам на земле, но и богу на небесах (отсюда название одной из статей — «Сила сатанинской поэзии»). В числе этих ярких творческих личностей, которых писатель выдвигает в качестве образцов для китайских собратьев по перу, мы находим Байрона и Ибсена, Петефи и Мицкевича, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Впервые обратившись к истории русской литературы, Лу Синь уже в те годы дает ей самую высокую оценку: «Новая русская литература... постепенно обрела самостоятельность и, с каждым днем расцветая, ныне уже стоит в ряду литератур самых передовых стран, изумляя всех в Западной Европе своей красотой и величием». И если свою работу переводчика Лу Синь ранее начал с романов Жюль Верна, то с этого времени на первый план выдвигаются переводы русских, а затем и советских писателей.

Первыми были переведены антивоенный рассказ В. Гаршина «Четыре дня» и два ранних произведения Л. Андреева — «Ложь» и «Молчание». Лу Синя в то время привлекла в художническом облике Гаршина острота осознания писателем несовершенства окружающей действительности. Творчество же Андреева он считал глубоким, своеобразным, в чем-то загадочным и неизменно называл его в числе писателей, наиболее повлиявших на его собственную художественную манеру. К произведениям этих двух мастеров Лу Синь обращался и позже, но постепенно круг переводимых им русских классиков расширяется. В него входят восемь рассказов Чехова, глава «Голодный город» из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, «Русские сказки» Горького. Подвигом жизни Лу Синя был почти полный перевод «Мертвых душ» Гоголя (смерть оборвала его на пятой главе второго тома). Им опубликовано также много оригинальных и переводных материалов о творчестве Толстого, Достоевского, Короленко, Тургенева и других корифеев русской словесности, а также перевод «Очерка истории малороссийской литературы», впервые познакомивший китайского читателя с художественным наследием украинского народа.

«Я чувствую, — писал Лу Синь, — что русская культура богаче, чем какая-либо иная иностранная культура. Между Китаем и Россией существует какая-то связь, их культура и история имеют много общего... Произведения русской литературы переведены на китайский язык в гораздо больших масштабах, чем литература других государств, и оказали самое большое влияние на современный Китай. Упорная борьба в современном китайском обществе — это та борьба, о которой можно прочитать у русских прозаиков». И в другом месте, конкретизируя сказанное выше: «Мы загорались надеждой, читая произведения сороковых годов. Мы горевали вместе с героями произведений шестидесятников... С помощью русской литературы мы узнали великую вещь — что в мире существуют два рода людей: угнетатели и угнетенные... Из произведений Леонида Андреева мы познали ужас, из Арцыбашева — отчаяние и падение, зато у Короленко мы учились гуманности, у Горького — борьбе»⁴.

Неизменная любовь, которую питал Лу Синь к русской классике, естественным образом переросла в жгучий интерес к советской литературе. Хорошо сказал об этом

² Одним из первых эту точку зрения выдвинул Дин И (Е Дингън) в своей книге «Очерк истории современной китайской литературы» (Пекин, 1955, с. 194, на кит. яз.).

³ См.: Хроника жизни Лу Синя, т. 2. Хэфэй, 1979, с. 740 (на кит. яз.).

⁴ Лу Синь. Полн. собр. соч., т. XIX. Шанхай, 1938, с. 7 (на кит. яз.).

К. М. Симонов: Лу Синь был «убежден, что для его родного Китая, сбрасывающего с себя оковы феодализма, сражающегося за свою свободу и независимость, не было примера более ценного и поучительного, чем пример советского общества, и не было литературы, более демократической по своему духу, более действенной и прямо отвечающей интересам народа, чем пример советской литературы и той русской литературы, на демократические традиции которой опиралась в своем опыте советская литература».

Лу Синь был в числе первых китайских интеллигентов, увидевших в Великом Октябре «зарю новой эры» (эти слова произнесены им в 1919 г.), но должно было пройти известное время, прежде чем он смог, прорываясь сквозь завесу дезинформации и клеветы, уяснить вполне подлинный характер и действительные масштабы революционных преобразований в России, увидеть достижения новой культуры, творимой народом и для народа. Так он стал и до конца дней оставался одним из самых верных и преданных друзей нашей страны и ее литературы.

«Я чувствовал, что старое общество загнивает, и надеялся, что на смену ему придет общество новое, но еще не знал, каким оно должно быть. Не знал я также, будет ли оно обязательно хорошим... Теперь существование и успехи Советского Союза убедили меня в том, что бесклассовое общество возникнет обязательно, и это не только полностью развеяло мои сомнения, но и значительно укрепило мое мужество», — говорил Лу Синь в 1934 г. (VI, 14). А двумя годами раньше он вместе с группой левых писателей послал Совнаркому и трудящимся Советского Союза телеграмму по случаю восстановления дипломатических отношений между Китаем и СССР, в которой, в частности, говорилось: «Китайский народ увидел теперь подлинный облик империализма и одновременно еще более убедился в миролюбии Советского Союза... Мы восхищены тем, с какой энергией советский народ ускоряет темпы социалистического строительства, осуществляет на практике самые высокие идеалы человечества. Теперь в нашей стране даже простые люди знают, что СССР — страна мира и радости»⁵.

И еще одно высказывание Лу Синя, относящееся к тому же времени, представляется очень важным: «Последние пятнадцать лет империалисты смотрят на Советский Союз как на исчадие ада, но его литература одержала победу на мировой литературной арене. Победа эта состоит в том, что благодаря своему замечательному содержанию и художественному мастерству она завоевала широкие массы читателей и принесла им много полезного» (IV, 350). Действительно, книги советских писателей завоевали читательские массы во многих странах, включая Китай, и здесь огромную роль сыграл сам Лу Синь.

Суммируя высказывания писателя о советской литературе, анализируя принципы отбора им произведений советских авторов для перевода, можно сделать заключение, что литература первой в мире страны социализма была важна для Лу Синя в нескольких отношениях. Прежде всего он рассматривал советские книги как учебники революции, как правдивый и воспитывающий читателя рассказ о трудном и славном пути, пройденном рабочими и крестьянами под водительством партии большевиков, — о том пути, который предстояло пройти в своеобразных условиях Китая и его соотечественникам, поднявшимся на бой за светлое завтра. Далее, он видел в произведениях Горького и Фадеева, Серафимовича и Шолохова яркие образцы новой, социалистической литературы, творческое освоение которых должно было принести огромную пользу молодой революционной культуре Китая. Наконец, советская литература помогла вести интернациональное воспитание китайского народа, показывая ему, что он не одинок в своей борьбе, помогала разоблачать клевету реакционеров и критиковать национальную ограниченность тех, кто «не очень-то любит рассказы о чужих достоинствах».

Внутри страны список произведений видных советских писателей, вышедших в Китае в переводе самого Лу Синя (с немецкого или японского языков) или в переводах с русского других авторов, но отредактированных Лу Синем и снабженных его предисловиями. Здесь «Разгром» А. Фадеева («Я люблю эту книгу, как свое родное детище», — писал Лу Синь), «Октябрь» А. Яковлева, «Железный поток» А. Серафимовича, «Часы» Л. Пантелеева, первый том «Тихого Дона» М. Шолохова, рассказы К. Федина, Д. Фурманова, М. Зощенко, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова и многое, многое другое. В Пекине и Шанхае Лу Синь объединял вокруг себя энтузиастов — переводчиков советской литературы, помогал им словом и делом, и не один известный впоследствии мастер художественного перевода с русского языка получил первое напутствие и поддержку от великого писателя.

Большое значение придавал Лу Синь переводам теоретических и литературно-критических работ советских авторов, благодаря которым китайские писатели и читающая публика в целом приобщились к марксистско-ленинской эстетике. Им были переведены и изданы материалы о политике РКП(б) в области литературы (1930), два сборника статей А. Луначарского, глава из книги В. Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература». Кроме того, он перевел важные теоретические работы Плеханова. Используя эти книги и статьи, основываясь на хорошо известных ему вы-

⁵ Цит. по: В. В. Петров. Лу Синь и Советский Союз. — «Иностранная литература», 1976, № 10, с. 201.

сказываниях В. И. Ленина о Толстом, Горьком и других писателях, Лу Синь на рубеже 20-х—30-х годов провел ряд дискуссий с теми участниками революционного литературного движения, которые совершали ошибки левацко-вульгаризаторского толка, упрощенно подходили к творческим проблемам, грешили схематизмом и сектантством. Особенно настойчиво пропагандировал Лу Синь ленинские положения о том, что новая пролетарская культура не создается на пустом месте, что она должна взять все ценное, что накоплено человечеством на протяжении его истории.

Вопреки этим фактам организаторы печальной памяти «культурной революции», расправляясь с учениками и соратниками Лу Синя, скрывая от народа одни его произведения и беззастенчиво фальсифицируя другие, пытались сделать из великого писателя своего единомышленника, «последователя идей председателя Мао»⁶. Ныне их наследники, возобновив издание сочинений Лу Синя и их изучение, готовясь пышно отметить его юбилей, в то же время пытаются затушевать ту роль, которую в творчестве Лу Синя и в развитии революционной литературы в Китае играла боевая дружба с советской культурой, с Международным объединением революционных писателей⁷, делая упор лишь на контакты с японскими и американскими представителями. Но все эти усилия исказить облик Лу Синя обречены на провал.

Нельзя не отметить, что увлеченность Лу Синя популяризацией произведений русской и советской, а также японской, голландской, немецкой, польской и других литератур, работ советских и западноевропейских графиков ни в какой мере не означала недооценки национальных традиций китайской литературы и искусства. Об этом свидетельствует не только огромная работа, проделанная Лу Синем по собиранию и исследованию старинных книг и предметов искусства, но и органическое сочетание национальных и заимствованных — разумеется, в творчески переработанном виде — элементов в его художественном творчестве. Приемы композиции, психологизм, отказ от острых сюжетных ходов роднят рассказы Лу Синя с европейской новеллой XX в.; в то же время многое в образной ткани, отборе выразительных средств и стиле связывает их с традиционной китайской прозой и даже живописью. Интернациональное и национальное гармонически сочетались во всем творческом и жизненном облике Лу Синя.

И как последовательный интернационалист, Лу Синь не мог не возвысить свой голос в поддержку первой страны социализма, против попыток международной реакции организовать «крестовый поход» против Советского Союза. В статье «Нас больше не обманут» (1932) он писал: «Разве есть у империалистов такие интересы, которые не были бы противоположны нашим интересам?.. Ради того, чтобы оттянуть свой неизбежный конец, они злобствуют по поводу успехов Советского Союза... Лакеи империалистов намерены идти воевать. Что ж, пусть себе идут вслед за своими хозяевами и воюют. У нашего народа и у них интересы прямо противоположны. Мы — против нападения на Советский Союз. Наоборот, мы хотим повергнуть наземь лодеев, готовящих нападение на СССР, какими бы сладкими ни были их речи и какое бы благородство на себя они ни напускали. Это и есть наш собственный путь жизни» (IV, 339).

Да, таким был и остается «собственный путь в жизни» для всех истинных патриотов Китая, всех, кому дороги коренные интересы его великого народа.

Творчество великого китайского писателя, светлый пример его жизни вдохновляли и будут вдохновлять всех, кто борется за идеалы социализма, за мир и дружбу между народами. В этом — залог бессмертия Лу Синя.

⁶ Подробнее см.: А. Н. Желуховцев. Фальсификации продолжаются. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2.

⁷ Об этом рассказывается в статье безвременно скончавшегося 19 июня с. г. известного китаиста-литературоведа М. Е. Шнейдера «Незабываемые свидетельства интернациональной солидарности». — «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 1, с. 151—158.

Новые проблемы упрощения китайской письменности

*М. В. Софронов,
доктор филологических наук*

Идея упрощения китайской письменности ни у кого не вызывает возражения. Проблема состоит в том, что и как упрощать в китайской иероглифической письменности. Китайское письмо — это и явление китайской культуры, и средство записи китайского языка. Эти двусторонние связи письменности с языком и культурой предъявляют к ее реформаторам противоречивые требования. Упрощенная письменность должна укрепить связи с современным китайским языком, но при этом принципы иероглифического письма как культурной традиции не должны нарушаться.

Все эти сложности порождают горячие дискуссии между сторонниками и противниками упрощения письма, а также споры внутри обеих групп вот уже 30 лет.

Подготовка к упрощению китайской письменности

Научная разработка проблемы упрощения китайской письменности непосредственно связана с революционно-демократическим «движением 14 мая» 1919 г. Инициатором дискуссии по проблемам китайской письменности был Цянь Сюаньтун — профессор Пекинского университета. Быстрые успехи «литературной революции» привели его к убеждению, что наступило подходящее время также и для «революции письменности». Однако Цянь Сюаньтун понимал, что прямой переход от иероглифической письменности к алфавитной невозможен, этому должен предшествовать некий переходный период, в течение которого следует пользоваться упрощенной китайской письменностью. В 1923 г., когда Цянь Сюаньтун внесил это предложение, он считал, что этот период продлится не более 10 лет¹. В течение всего этого времени Цянь Сюаньтун призывал пользоваться упрощенными знаками любого происхождения, а также «белыми знаками»². Слова, не имеющие соответствующих иероглифов, он предлагал записывать алфавитом чжунь цзыму, а иностранные слова записывать в их исходной графической форме. Призыв Цянь Сюаньтуна нашел отклик только в кругу специалистов по китайскому языку и письменности. Упрощенные и «белые» знаки так и не попали на страницы китайской печати того времени.

Исторические события конца 20-х годов развивались в направлении, неблагоприятном для сторонников реформы китайской письменности. После реакционного переворота Чан Кайши и определенной стабилизации его политического режима стал проводиться жесткий курс в области культуры, ориентированный на традиционные конфуцианские ценности. Иероглифическая письменность была объявлена национальной святыней. Соответственно разработка ее реформы воспринималась в официальных гоминьдановских кругах как «подрывная деятельность» против китайской культуры. Тем не менее в сложившейся ситуации Цянь Сюаньтун и его единомышленники, не забывая о разработке алфавита на латинской основе, продолжали свою работу по упрощению китайской письменности.

В начале 30-х годов идея упрощения знаков китайской письменности получила достаточно широкую общественную поддержку. Каждый год появлялись новые списки упрощенных иероглифов, собранных энтузиастами реформы письменности. Они публиковались не только в лингвистических изданиях, но также и в приложениях к различным литературным журналам. В 1934 г. Подготовительный комитет единства китайского языка опубликовал список из 2400 упрощенных знаков, подготовленный под руководством Цянь Сюаньтуна. В начале 1935 г. редакция 15 литературных журналов опубликовали манифест с призывом к упрощению китайской письменности³.

¹ См.: Цянь Сюаньтун. Революция письменности. Бэйпин, 1931, с. 174—175 (на кит. яз.).

² Белыми знаками называются графически простые иероглифы, используемые вместо сложных знаков, имеющих одинаковое с ними произношение.

³ См.: Чжоу Югуан. Общие проблемы китайской письменности. Пекин, 1964, с. 323—325 (на кит. яз.).

В обстановке общественного подъема, сложившейся к 1935 г., министерство просвещения вынуждено было пойти на некоторые уступки. В августе оно опубликовало для ознакомления список из 324 упрощенных иероглифов, то есть лишь небольшую часть списка, подготовленного Цянь Сюаньтуном и его сотрудниками. Упрощенные иероглифы предполагалось использовать при школьном обучении письму, не распространяя их за пределы школы. Однако и такое ограниченное решение вызвало бурю негодования в консервативных кругах и прессе. На заседании пленума ЦКК гоминьдана один из наиболее консервативных деятелей этой партии Дай Цзитао на коленях просил у собравшихся пощадить иероглифическую письменность. По распоряжению Чан Кайши в феврале 1936 г. министерство просвещения издало приказ о необходимости использования упрощенных иероглифов в практике преподавания. Так была отменена первая попытка реформы китайской письменности.

В отличие от гоминьдана Коммунистическая партия Китая в целом поддерживала реформу китайской письменности. В конце 20-х — начале 30-х годов отношение ЦКК к реформе письменности было сформулировано в трудах выдающегося деятеля ЦКК, ее генерального секретаря в начале 30-х годов Цюй Цюбо. Работа Компартии Китая в области реформы китайской письменности в 30-х годах осуществлялась через Лигу левых писателей, которой руководили Лу Синь и Цюй Цюбо. Однако деятели Левого лиги видели в латинизированном письме наиболее подходящую замену иероглифической письменности, поэтому не придавали большого значения упрощению и усовершенствованию самих иероглифов. Лу Синь, внимательно следивший за событиями в области реформы китайского письма, откликнулся на опубликование министерством просвещения списка упрощенных иероглифов статьей «О неправильных знаках», где он писал, что «в действительности, кроме реформы, нет никакого другого абсолютно надежного средства излечения нашей письменности»⁴.

После трагической гибели Цюй Цюбо практическую деятельность по проблемам реформы китайского письма в ЦКК вел У Юйчжан — сотрудник Цюй Цюбо. С его деятельностью были впоследствии связаны все основные достижения в области реформы письменности в КНР.

В середине 30-х годов, после неудачи проекта упрощения иероглифов, основное внимание деятелей реформы письменности было сосредоточено лишь на дискуссии между сторонниками двух соперничающих алфавитов. Однако к концу 30-х годов стало ясно, что необходимым условием коренной реформы китайской письменности является конкретное решение судьбы старой иероглифической письменности.

В марте 1938 г. состоялась так называемая ханькуские консультации, на которых сторонники двух соперничающих алфавитов — Цю Фэн и Е Лайши со стороны латинизированного, Ван Юйчуань и другие со стороны романизированного — попытались выяснить, что их объединяет. Оказалось, что их взгляды совпали по пяти весьма важным пунктам реформы китайской письменности, из которых весьма примечательным явился второй. «Китайские иероглифы и китайская иероглифическая письменность, — гласил этот пункт, — должны быть оставлены. Однако в настоящее время, пока они еще могут применяться, они должны быть реформированы, сближены с разговорным языком, и в настоящее время нам следует также активно проводить движение за усовершенствование иероглифов и за иероглифы с транскрипцией чжунь цзыму»⁵. Так сторонники алфавитного письма пришли к пониманию тесной связи перехода к алфавиту с упрощением китайской письменности.

В начале ноября 1940 г. в Яньани был опубликован учредительный манифест Общества новой письменности. «Хотя китайская письменность не соответствует требованиям времени и нам следует пользоваться алфавитным письмом, — говорилось в манифесте, — китайская иероглифическая письменность прошла долгий исторический путь и не может быть с легкостью отброшена в сторону, она должна пройти постепенно процесс эволюции, после чего реформа письменности сможет получить свое завершение»⁶. Так идея перехода к алфавиту, которая в конце 30-х годов преобладала в освобожденных районах, была связана с решением судьбы китайской иероглифической письменности.

В знак одобрения идей манифеста свои подписи под ним поставили руководители ЦКК, всего 52 подписи. 7 ноября 1940 г. состоялось официальное открытие учредительной сессии общества. В конце ее работы было избрано почетное правление и рабочее правление во главе с У Юйчжаном. Было постановлено также, что день 7 ноября будет праздником революции китайской письменности.

Далее сведения о деятельности Общества новой письменности в Яньани становятся все более скудными, а в 1944 г. было официально объявлено о временном прекращении движения за латинизированную письменность ввиду недостатка кадров. Недостаток кадров был лишь формальной мотивировкой прекращения работы по распространению латинизированной письменности. Ее действительная причина состояла в том,

⁴ Лу Синь. Полн. собр. соч., т. 6. Пекин, 1972, с. 283—284 (на кит. яз.).

⁵ Ли Цзиньси. О новой письменности для национального языка. Пекин, 1949, с. 48 (на кит. яз.).

⁶ Цит. по: Ни Хайшу. История движения за алфавитное письмо в Китае. Шанхай, 1948, с. 166.

что КПК в это время готовилась взять в свои руки власть во всей стране и потому нуждалась в поддержке самых широких кругов общества, в том числе приверженцев китайского письма, которые составляли большинство среди интеллигенции.

Реформа 1956—1959 гг.

После того как в начале 1949 г. стало ясно, что Компартия Китая победила, сторонники реформы китайской письменности перешли к активным действиям. Вскоре после освобождения Пекина в августе 1949 г. началась подготовка к учредительной конференции Общества содействия реформе письменности, к участию в которой были приглашены все видные специалисты в этой области. На подготовительных совещаниях разгорелась острая дискуссия между сторонниками немедленной реформы китайской письменности, возглавляемыми У Юйчаном, и старыми деятелями в этой области, которые настаивали на тщательном и длительном изучении проблемы. У Юйчан и его единомышленники считали, что победа КПК является условием, благоприятным для реформы китайской письменности. Однако предложения У Юйчана встретили сильную оппозицию на подготовительных совещаниях. У Юйчан 25 августа 1949 г. обратился с письмом к Мао Цзэдуну, в котором просил указаний по поводу реформы китайской письменности. Мао Цзэдун не ответил лично на письмо, а передал его для ответа Го Можо, Мао Дуню и Ма Сюйлуню. Ответные письма, в которых излагались их взгляды на реформу китайской письменности, были переданы У Юйчану 29 августа⁷. Стало ясно, что направление реформы китайской письменности на этой конференции будет определять не У Юйчан и даже не Мао, а другие деятели китайской культуры, придерживающиеся более традиционных взглядов. Было создано третье подготовительное совещание, на котором организаторы объявили, что на учредительном съезде вопрос о немедленной реформе китайского письма не будет поставлен.

В сентябре 1949 г. профессор Пекинского педагогического института Ли Цзиньси опубликовал брошюру с речью, которую он собирался произнести на подготовительном совещании. Ли Цзиньси признавал, что китайская иероглифическая письменность отжила свой век, но вместе с тем считал, что в настоящее время она не может быть ликвидирована. С практической точки зрения, доказывал Ли Цзиньси, ликвидация китайской иероглифической письменности в настоящее время не только невозможна, потому что немедленная отмена ее приведет к превращению Китая в страну поголовной неграмотности, но и не нужна, потому что при всех своих недостатках иероглифы выполняют свои функции и смогут выполнять их еще долго⁸.

10 октября 1949 г. Общество содействия реформе китайской письменности было создано, но сама проблема реформы китайской письменности еще лишь обсуждалась в комитете по культуре и образованию при правительстве КНР. В августе 1950 г. министерство просвещения провело первое совещание относительно упрощения китайской письменности. Результатом этого совещания явился список упрощенных знаков китайского письма, содержащий свыше полутора тысяч иероглифов. В октябре подготовительный комитет исследовательского комитета реформы китайской письменности опубликовал проект первого списка упрощенных иероглифов, состоящий из 550 знаков. В августе 1951 г. секретариат Общества содействия реформе китайской письменности также опубликовал целый словарь упрощенных знаков китайского письма, содержащий свыше 3300 иероглифов. Таким образом, деятельность организаций, занятых реформой китайской письменности, свидетельствовала о том, что перед ними стояла одна и та же задача — упрощение китайской письменности. По величине списка упрощенных иероглифов, опубликованного каждой из этих организаций, можно судить, насколько далеко каждая из них собиралась продвинуться по пути реформы.

5 февраля 1952 г. был официально создан исследовательский комитет реформы китайской письменности при комитете культуры и образования Центрального народного правительства. Председателем комитета был назначен Ма Сюйлунь, сопредседателем и первым заместителем — У Юйчан. В комитете состояло 14 членов. В своей речи Ма Сюйлунь сказал, что руководство комитета в 1951 г. дважды обращалось к Мао Цзэдуну за указаниями по поводу их будущей деятельности. На первый запрос Мао Цзэдун дал очень общее указание — исследовать проблему реформы письменности. Однако на второй запрос, сделанный в ноябре — декабре 1951 г., был получен ответ в духе прежних, яньаньских высказываний Мао Цзэдуна по этому поводу: «Письменность должна быть реформирована, — указывал Мао Цзэдун, — она должна пойти по общему для всех письменностей мира пути алфавитного письма, его форма должна быть национальной: алфавит и проект должны быть созданы на основе ныне существующих знаков китайской письменности».

В речи сопредседателя У Юйчана содержалось упоминание о личной встрече с Мао Цзэдуну: «В июне прошлого года председатель Мао беседовал со мной. Он сказал, что прежде всего следует провести упрощение китайской письменности, а в вопросах реформы китайского письма не следует отрываться от действительности»⁹.

⁷ См.: «Гуанмин жибао», 15.VII.1978.

⁸ См.: Ли Цзиньси. О новой письменности для национального языка. Пекин, 1949, с. 9—10 (на кит. яз.).

⁹ «Чжунго юйвэнь», 1952, № 1, с. 4—5.

Исследовательский комитет был настроен на изучение проблемы реформы письменности. Результатом его работы явились список упрощенных знаков китайского письма и несколько вариантов алфавита для китайского языка: национальный, латинский и кириллический.

В январе 1955 г. вместо исследовательского комитета реформы китайской письменности был создан комитет реформы письменности во главе с У Юйчжаном. Это означало конец периода исследований в области реформы китайской письменности и переход к самой реформе. Комитет опубликовал «Проект упрощения китайской письменности» для широкого обсуждения, содержащий 798 упрощенных знаков. Это был самый большой список упрощенных иероглифов, который когда-либо предназначался для официального утверждения. Далее над ним работал специальный комитет, созданный для утверждения проекта. Комитет придал проекту окончательный вид. Уже после утверждения в проект были внесены поправки на Всекитайской конференции по реформе письменности в октябре 1955 г.

28 января 1956 г. Государственный совет КНР издал официальный «Проект упрощения китайской письменности», который содержал 515 упрощенных знаков и 54 упрощенных графических элемента иероглифов. 1 февраля 1956 г. был введен в действие первый список упрощенных иероглифов. О планах комитета реформы китайской письменности в отношении упрощения иероглифов можно судить по заявлению У Юйчжана, которое он сделал в статье, опубликованной 1 января 1956 г. в «Жэньминь жибао»: «В течение ближайших трех лет необходимо упростить написание половины из общего числа 6—7 тысяч часто употребляемых иероглифов. Лишь в этом случае мы можем считать, что работа по упрощению написания китайских иероглифов будет завершена». Это означало, что в упрощении китайской письменности комитет ориентировался на тот список, который был издан секретариатом Общества содействия реформе письменности еще в 1951 г.

Реформа письменности вызвала недовольство у части китайской общественности. В первые же дни кампании «Пусть расцветают все цветы» известный специалист по китайской письменности Чэнь Мэнцзя выступил со статьей, в которой обвинял комитет реформы письменности в поспешных действиях и игнорировании мнения специалистов. Эта статья положила начало критическим выступлениям в печати по поводу реформы китайского письма. Критические замечания были также высказаны на трех совещаниях по реформе письменности, которые созывал комитет реформы письменности 16, 20 и 27 мая 1957 г.¹⁰ В дальнейшем курс «Пусть расцветают все цветы» был свернут, и публикация критических замечаний по поводу реформы письменности прекратилась.

Однако они не остались незамеченными. В своем докладе о задачах реформы китайской письменности на собрании, созванном Всекитайским комитетом НПКСК 10 января 1958 г., Чжоу Эньлай сдержанно одобрил упрощение китайской письменности, предупредив, однако, против беспорядочного пользования упрощенными знаками. Как бы отвечая на критику в адрес комитета реформы письменности, он указал, что упрощение иероглифов проходило всегда: народ уже давно начал реформу письменности, а комитет лишь собрал и обобщил результаты стихийной реформы. Его прогноз на будущее был довольно туманным: «...письменность все же будет меняться, доказательствам этого могут служить изменения ханьских иероглифов в прошлом»¹¹.

Комитет реформы письменности не изменил своих планов быстрой реформы. 15 июля 1959 г. в действие был введен последний список упрощенных иероглифов и список упрощенных графических элементов. Так была завершена реформа китайской письменности, в результате которой была упрощена часть наиболее сложных знаков из числа самых распространенных. В 1960 г. был опубликован сводный список, состоящий из 2238 иероглифов, упрощенных целиком или частично. Их число оказалось несколько меньшим, чем планировал комитет в 1956 г. В 1964 г. комитет реформы письменности, министерство культуры и министерство просвещения издали таблицы начертания знаков, встречающихся в печатных изданиях, содержащие 6196 иероглифов. Начертания некоторых графических элементов были приближены к курсивным формам¹².

В апреле 1960 г. было опубликовано указание ЦК КПК о распространении методов изучения иероглифов с помощью алфавита. В этом документе содержалось указание относительно дальнейшего упрощения китайского письма: «Ныне существующую китайскую письменность следует и далее упрощать таким образом, чтобы каждый знак содержал менее десяти черт или же число черт в нем не превышало бы десять, чтобы в их структуре были простые и ясные закономерности. Следует постепенно отсеивать знаки, трудные для написания, распознавания, чтения, знаки, в которых часто делаются ошибки при написании, распознавании, чтении»¹³. Документ завершался рекомендацией подготовить очередной список упрощенных иероглифов и представить его

¹⁰ См.: 1957 нянь вэньцзы гайгэ бяньлунь сюаньцзи. Пекин, 1958, с. 227, 13—45.

¹¹ См.: О реформе китайской письменности (сборник материалов). Пекин, 1958, с. 26 (на кит. яз.).

¹² Курсивный стиль начертания иероглифов снизу характеризуется общепринятыми упрощениями, которые графически характеризуются наличием закругленных линий, отсутствующих в уставном письме кайшу.

¹³ «Чжунго юйвэнь», 1960, № 6, с. 231.

на утверждение Госсовету КНР. Однако выполнение этой рекомендации надолго затянулось.

Второй проект упрощения китайской письменности

Упрощение письменности, проведенное в КНР в 1956—1959 гг., принесло наибольшую пользу тем, кто лишь приступил к ее изучению или недостаточно владел ею. Неожиданным результатом реформы оказалось появление значительного числа неофициальных упрощенных знаков. Кроме того, сразу же после введения в действие упрощенных знаков оказалось, что многие находят их все еще сложными. В списках упрощенных знаков можно было встретить иероглифы, содержащие 13—16 черт, и они нуждались, по мнению многих, в дальнейшем упрощении¹⁴.

Благодаря кампании ликвидации неграмотности китайская иероглифическая письменность стала доступной многомиллионным массам китайских трудящихся. Однако степень и практика владения письменностью у многих из них невысоки. Эти люди владеют недостаточным количеством иероглифов, обычно не более 1500, к тому же значительной частью лишь в упрощенном виде. Поэтому им доступна обыденная местная информация в виде объявлений, стенных газет и дацзыбао, но чтение центральных газет и другой печатной продукции вызывает у них трудности.

В годы «культурной революции» значение рукописных документов существенно увеличилось, потому что большая часть общественной информации в то время распространялась в рукописном виде. Перемещения масс населения во время этой грандиозной политической кампании способствовали тому, что отдельные наиболее удачные локальные формы упрощенных иероглифов получили распространение по всей стране. Эти упрощенные знаки стали общественной проблемой, по поводу которой был задан вопрос редакции журнала «Хунци». В апреле 1972 г. Го Можо выступил с ответом. «Самое главное, — писал он, — состоит в том, что упрощенная китайская письменность — это лишь продукт переходного периода»¹⁵. Поэтому он одобритительно отзывался о деятельности народных масс, упрощающих иероглифическую письменность, но при этом заметил, что результаты этой деятельности должны быть обобщены и распространены учеными-филологами.

Выступление Го Можо послужило сигналом к возобновлению деятельности в области реформы китайской письменности. Комитет реформы письменности был сформирован заново и приступил к работе в конце 1972 г. Это был первый государственный орган в области культуры, восстановленный после «культурной революции».

Руководителям комитета удалось заручиться покровительством Мао Цзэдуна, который в марте 1973 г. сделал краткий доклад на заседании комитета, содержащий основные указания относительно реформы китайской письменности. Было решено изложить их в форме статей руководителей комитета. В подготовленных статьях были приведены указания Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Яо Вэньюаня. Однако когда эти статьи попали на глаза Яо Вэньюаню, который руководил в то время печатными органами КНР, он вычеркнул из них указания Чжоу¹⁶.

Издание журнала комитета реформы письменности не было возобновлено, но с личного одобрения Мао Цзэдуна в газете «Гуанмин жибао» с 15 мая 1973 г. была открыта специальная рубрика «Реформа письменности», под которой дважды в месяц публиковались материалы по разным ее аспектам.

Идеи, высказанные в статьях первого выпуска этой рубрики, по существу не отличались от уже известных указаний Мао Цзэдуна и принципиальных установок основателя комитета У Юйчжана: китайская письменность в настоящее время представляет собой временное средство письма, которое следует сделать как можно проще и удобней для текущего использования.

Основная идея теоретических статей, появившихся в последующих выпусках этой рубрики, состояла в том, что «народные массы являются истинными творцами китайской письменности, народные массы также выступают и как ее реформаторы». Правящие классы старого Китая всегда стремились к усложнению китайского письма, к сохранению его в традиционных графических формах, между тем как народ — ремесленники, крестьяне, торговцы — стремились к созданию упрощенных знаков¹⁷. Одна из главных идей авторов теоретических статей в «Гуанмин жибао» состояла в том, что реформа китайской письменности — это требование народных масс. Та же мысль — массы все более осознают необходимость реформы китайской письменности — присутствует и в статье, подписанной комитетом реформы письменности, которая была опубликована сразу после прихода Хуа Гофэна на пост председателя КПК¹⁸.

Материалы, опубликованные в «Гуанмин жибао», свидетельствуют о том, что после «культурной революции» нестандартные упрощенные знаки получили еще большее

¹⁴ См. там же, с. 258—259.

¹⁵ «Хунци», 1972, № 4, с. 26.

¹⁶ См.: «Гуанмин жибао», 8.IV.1977.

¹⁷ См.: «Гуанмин жибао», 25.X.1973.

¹⁸ См. там же, 5.XI.1976.

распространение, широко использовались в системе ликвидации неграмотности и даже в начальной школе. Это новое явление, потому что в китайской школе орфографические требования всегда были очень строгими. Любое отклонение от стандартного начертания считалось ошибкой. Тем не менее в материалах, опубликованных «Гуанмин жибао», можно было встретить письма учителей начальной школы, где они говорили, что они не правят нестандартные упрощенные знаки в письменных работах своих учеников, так как им стало понятно, что иероглифическая письменность доживает свой век, поэтому нет надобности изучать ее так же тщательно, как раньше¹⁹.

Основные направления реформы письменности, которые обсуждались в публикуемых материалах, сводились к следующему: устранение вариантов начертаний иероглифов, сокращение числа знаков, находящихся в употреблении, упрощение начертания знаков. Первая задача была в основном выполнена еще в 1955 г., когда из китайской письменности было устранено 1055 вариантов начертаний.

Значительные усилия авторов писем и статей были сосредоточены на сокращении числа знаков, находящихся в употреблении. Существо проблемы состоит в том, что это сокращение имеет весьма четкие границы, определенные минимумом слов, необходимых для изложения основных проблем общественной жизни, науки, техники. С течением времени число слов, находящихся в употреблении, не сокращается, а увеличивается, что проявляется и в увеличении числа иероглифов. Поэтому единственным резервом сокращения числа иероглифов, находящихся в употреблении, является использование одного знака для нескольких одинаково звучащих слов: вместо нескольких сложных и редких знаков для обозначения одинаково звучащих слов авторы писем и статей предлагали пользоваться одним простым.

Использование простых, часто встречающихся знаков вместо редких и сложных, но одинаково произносимых знаков представляет собой легализацию существующей практики «белых знаков», которая часто ведет к недоразумениям. Теоретически использование «белых знаков» должно привести к тому, что смысловая нагрузка на знак китайского письма должна возрасти. Число значений, которые должна передавать письменность, при неизменном числе знаков постепенно возрастает, поэтому будет возрастать также и их полемия. Следовательно, и само письмо станет удобнее для пишущего, но неудобнее для читающего. Однако последний аргумент во внимание не принимался, так как упрощенное иероглифическое письмо рассматривалось как временное средство, от которого можно отказаться, как только будет введена алфавитная письменность.

Эти теоретические статьи, большая часть которых была написана работниками комитета реформы письменности, явились обоснованием второго проекта упрощения китайской письменности. Проект был подготовлен в мае 1975 г., однако его утверждение произошло не сразу, несмотря на поддержку Мао Цзэдуна, который в то время еще был жив. «Банда четырех», как теперь объясняет китайская пресса, не проявила интереса к представленному проекту и даже противодействовала ему. Неодобрительное отношение Цзян Цин к упрощению китайской письменности было высказано ею на приеме у Чжоу Эньлая в честь американского лингвиста китайского происхождения Ван Шиюаня. В ответ на рассказ Чжоу Эньлая об упрощении китайской письменности она якобы заявила, что «из-за этих упрощенных иероглифов мы теперь неграмотны»²⁰. Чжан Чуньяо нашел, что историческое развитие реформы письменности ему не совсем ясно и передал второй проект на рассмотрение тяжело больному Чжоу Эньлаю, который в то время уже находился в госпитале. Однако и Чжоу Эньлай не спешил с подписанием проекта. «Председатель уже давно говорил мне об этом, — сказал он, возвращая проект, — только почему на этот раз так мало? Выясните как следует мнение масс, включите поправки масс»²¹. После смерти Чжоу Эньлая, Мао Цзэдуна и ареста «банды четырех» сложилась ситуация, в которой Хуа Гофэн, председатель партии и премьер Госсовета, 19 декабря 1977 г. подписал этот проект.

Второй проект был немного больше по объему и радикальнее по степени упрощения знаков китайского письма. Он делился на два списка. В объяснительной записке к проекту говорилось, что в первый список включены иероглифы, которые в настоящее время уже давно распространены по всей стране, но только сейчас в опытным порядке будут использованы в печатных изданиях. Во втором списке большая часть упрощенных знаков хорошо известна во многих местах Китая или во многих областях человеческой деятельности, и лишь небольшая часть упрощенных знаков представляет собой формы, созданные в народе или сотрудниками комитета реформы письменности по тем моделям, по которым создаются народные упрощенные формы. По поводу двух последних категорий упрощенных знаков второго списка комитет предполагал изучить мнение читателей с целью последующего усовершенствования начертания в соответствии с их предложениями. Первый список содержал 193 упрощенных знака, из которых 172 предназначались для самостоятельного использования, а 21 знак — в качестве графического элемента в составе более сложных. С учетом упрощенных графических элементов в составе сложных знаков в первом списке содержалось 248 иероглифов.

¹⁹ См.: «Гуанмин жибао», 25.V.1974; 10.III.1975.

²⁰ «Гуанмин жибао», 31.XII.1976.

²¹ Там же, 13.I.1977.

Второй список был значительно больше первого. Он содержал 269 упрощенных знаков, из которых 245 предназначались для самостоятельного использования, а 24 знака — в качестве графического элемента в составе более сложных; кроме того, он содержал 16 графических элементов, которые не могли самостоятельно выступать в качестве знаков китайского письма. С учетом знаков, в которых содержались упрощенные графические элементы, во втором списке содержалось 605 иероглифов.

Важной особенностью второго проекта упрощения китайской письменности являлось расширение в нем числа «белых знаков», которыми заменялись одинаково произносимые сложные или редкие знаки китайской письменности. Упрощения такого рода были мало представлены в первом проекте. Увеличение числа «белых знаков» в китайской письменности является шагом к подрыву ее основ и превращению в сложное и ненадежное средство графической передачи китайского языка.

Таким образом, по обоим спискам число упрощенных знаков составило 853, а число упрощенных графических элементов — 61. Важной особенностью этого проекта является то, что в обоих списках содержится 263 иероглифа, замененных «белыми знаками». Знаки этих двух списков находятся среди 4,5 тысячи наиболее распространенных иероглифов. Авторы проекта в качестве следующей задачи назвали упрощение тех знаков, входящих в указанные 4,5 тысячи, число черт в которых превышает 10. Общее число таких знаков — 1300. Эти знаки, по их мнению, должны явиться предметом дальнейшего упрощения. Авторы проекта обратились ко всем заинтересованным лицам с просьбой высказать мнения по их упрощению.

Первый список второго проекта упрощения китайской письменности был введен в действие с 1 января 1978 г. Однако через шесть месяцев после введения в действие все новые упрощенные знаки исчезли со страниц китайской печати без предупреждения и объяснения причин. Так закончился важный и интересный период истории китайской иероглифической письменности — период ее упрощения.

Причины прекращения реформы достаточно ясны. Китайская иероглифическая письменность, несмотря на свои недостатки, является предметом гордости для каждого мало-мальски образованного китайца. Поэтому все попытки ее реформы встречаются с недоверием и даже раздражением. Реформа письменности всегда была в Китае уделом горстки энтузиастов, которые могли действовать только под официальным покровительством. В КНР такое покровительство реформе письменности постоянно оказывал Мао Цзэдун. В настоящее время уже невозможно судить о причинах этой его поддержки столь малопопулярного направления в современной китайской культуре. Может быть, причиной являлось желание прославиться в качестве реформатора китайской письменности, которая просуществовала до того две тысячи лет без изменений. Может быть, причиной послужило искреннее желание облегчить китайскому народу доступ к культуре и образованию. Как бы то ни было, на протяжении всего времени пребывания на высших государственных постах КНР Мао Цзэдун поддерживал реформу письменности. Взлеты и падения в делах реформы явно согласуются со взлетами и падениями политической карьеры самого Мао Цзэдуна. В 1949 г. он не поддержал У Юйчжана, потому что его власть над страной еще не утвердилась. В 1955 г., когда его власть укрепилась, он дал согласие на создание комитета реформы письменности, а в 1956—1960 гг. было проведено упрощение письменности и введено алфавитное письмо пиньинь цзюму. В 1961—1962 гг. Мао Цзэдун был частично отеснен от власти, и деятельность в области реформы письменности немедленно была сведена к минимуму. Рост его влияния в последующие годы дал возможность издать в 1964 г. общий список упрощенных знаков китайской письменности, в котором начертания многих знаков были сближены с курсивными. Не случайно также и то, что деятельность в области реформы письменности была в первую очередь возобновлена после «культурной революции» и что Мао Цзэдун лично делал доклад на заседании восстановленного комитета реформы письменности. Однако ближайшее окружение Мао Цзэдуна ни до, ни после «культурной революции», как правило, не поддерживало его взгляды на реформу китайской письменности. Хуа Гофэн, приняв свой пост от Мао Цзэдуна, считал себя обязанным следовать его примеру и в этом. Однако он не обладал достаточной властью, чтобы отстоять это мероприятие. Прекращение реформы китайской письменности явилось одной из первых проигранных схваток в борьбе за власть, которую повел против него Дэн Сяопин.

Реформа письменности, к которой призывали выдающиеся деятели национально-демократического и коммунистического движения в Китае, является одной из основных предпосылок истинной демократизации китайской культуры, повышения культурного и образовательного уровня широких народных масс, ликвидации неграмотности, упрощения передачи письменных текстов на расстоянии современными техническими средствами. Планомерное проведение в жизнь мероприятий, связанных с реформой письменности, смогло бы обеспечить постепенное ее осуществление. Бурная история реформы китайской письменности за последние 30 лет свидетельствует о том, что реформа письменности сталкивается с сильным противодействием сторонников традиционного иероглифического письма и является одним из средств борьбы между группировками политического руководства Китая.

Внешние связи ИДВ АН СССР за 15 лет

В 1981 г. исполняется 15 лет со дня основания Института Дальнего Востока АН СССР. Развитие внешних связей ИДВ АН СССР за этот период, их направление, формы, масштабы неразрывно связаны с основной, научной деятельностью института его сотрудников. Это относится к любому научно-исследовательскому институту или центру, так как чем больше научных работ публикует институт, чем глубже и основательнее проводимые им исследования, чем шире и актуальнее тематика этих исследований, тем выше авторитет научного центра или института, тем больше он привлекает внимание не только ученых и специалистов, но и представителей общественности других стран, тем больше возникает объективных потенциальных возможностей для широкого развития внешних связей института.

Институт Дальнего Востока был создан как головной институт в системе Академии наук СССР в области изучения международных политических и экономических отношений на Дальнем Востоке и современных проблем государств этого региона, прежде всего Китая и Японии. Основное ядро научных сотрудников института составили ученые, перешедшие из других академических институтов (востоковедения, экономики мировой социалистической системы, рабочего движения и др.), к которым присоединились сотрудники, занимавшиеся практической работой в различных государственных учреждениях, и молодежь — выпускники восточных отделений и факультетов высших учебных заведений. Большую часть научных сотрудников института составляли и продолжают составлять китаеведы. Специфика задач, стоящих перед ИДВ, и состав его научных кадров также не могли не влиять на внешние свя-

зи института, на их направленность: прежде всего начали налаживаться контакты с зарубежными китаеведами и китаеведческими центрами. При этом необходимо подчеркнуть, что Институт Дальнего Востока создавался не на голом месте: с самого начала ядро института образовала группа видных ученых-китаеведов, унаследовавших лучшие традиции русского и советского китаеведения и уже располагавших определенными связями с коллегами за рубежом.

Большую роль в установлении и развитии контактов и связей между китаеведами различных стран Европы в послевоенный период сыграли европейские конгрессы китаеведов, которые ежегодно проводились в странах Европы с 1948 г. Вначале они назывались конгрессами молодых синологов, и их основными участниками были студенты и начинающие свой творческий путь молодые ученые-синологи или молодые преподаватели китаеведческих дисциплин, в основном филологи и лингвисты. Постепенно увеличился интерес к участию в конгрессах и со стороны маститых ученых-синологов, профессоров университетов. Одновременно шел и естественный процесс роста: вчерашние участники — способные студенты становились преподавателями, учеными, профессорами. Советские ученые принимают участие в европейских конгрессах синологов с 1956 г. После создания ИДВ АН СССР его научные сотрудники были активными участниками всех европейских конгрессов по китаеведению, проходивших в различных странах континента: в 1969 г. — в Италии (Сеннигалия), в 1970 г. — в Швеции (Стокгольм), в 1971 г. — в Великобритании (Оксфорд), в 1972 г. — в Нидерландах (Левенхорст), в 1973 и 1976 гг. — во Франции (Париж).

На конгрессе синологов в Париже в 1976 г. была организационно оформлена Европейская ассоциация китаеведения (ЕАК). Со времени ее создания Институт Дальнего Востока АН СССР является коллективным членом ассоциации, а ряд сотрудников института (член-корреспондент АН СССР, профессор М. И. Сладковский, доктор юридических наук Л. М. Гудошникова, доктор исторических наук В. А. Кривцов, доктор филологических наук В. Ф. Со-

роки, кандидат исторических наук Л. С. Суханов) — индивидуальными членами ЕАК. Ученые института активно участвуют в последующих конгрессах ЕАК: в 1978 г. — в Италии (Ортизен), в 1980 г. — в Швейцарии (Цюрих), а также в рабочих проектах ЕАК: в литературном (руководитель группы советских участников и член международной редколлегии проекта — доктор филологических наук В. Ф. Сорокин), «государство в Китае» (доктор юридических наук Л. М. Гудошников). Директор ИДВ профессор М. И. Сладковский в 1976—1980 гг. являлся членом правления и вице-президентом ЕАК. В 1980 г. он в числе трех крупнейших сиологов Европы избран почетным членом ЕАК. Профессор В. А. Кривцов был членом правления ассоциации в 1978—1980 гг., доктор филологических наук В. Ф. Сорокин — в 1976—1978 гг., а в 1980 г. вновь избран членом правления и одновременно вице-президентом ЕАК. Очередной конгресс ЕАК состоится в 1982 г. в Англии (Кембридж), а следующий — в 1984 г. Правление ЕАК просило советских сиологов провести его в Москве.

Развитию и укреплению внешних связей ИДВ АН СССР способствовало также участие его сотрудников в различных международных научных форумах по проблемам региона Дальнего Востока, проходивших за рубежом — в Японии, США, Бельгии и других странах, а также в таких крупных международных встречах, как конгрессы политических наук, философов, историков, экономистов. Некоторые из этих конгрессов в последние годы проходили в СССР.

Расширению известности ИДВ за рубежом, естественно, способствовали публикации научных работ его сотрудников, а также издание с 1972 г. институтом ежеквартального журнала «Проблемы Дальнего Востока», который позднее стал издаваться, кроме русского, на английском и японском языках, а с 1980 г. — также на испанском языке. Расширяющиеся из года в год тиражи всех изданий журнала, рост числа его подписчиков за рубежом являются лучшим свидетельством роста авторитета не только журнала, но и издающего его института.

Говоря о различных факторах, способствовавших и способствующих расширению внешних связей ИДВ АН СССР, необходимо подчеркнуть главное: международные научные связи института устанавливались и развивались в ходе и развитии процесса разрядки напряженности в международных отношениях. Этот процесс отражал и выражал чаяния и стремления народов всех стран земного шара к прочному и надежному миру, привел к небывалому росту обменов во всех областях общественной жизни народов и стран с различными социально-экономическими системами. В этот период были заключены межгосударственные соглашения между СССР и основными западными странами о культурном и научном обмене, создавшие прочную основу для установления устойчивых регулярных связей и развития их научных учреждений. Так, на основе соглашения между СССР и

США было заключено (и постоянно возобновляется и расширяется) соглашение между Академией наук СССР и Американским советом познавательных обществ (АСПО)¹.

Только по этому соглашению за последние 10 лет в США для научной работы на срок от 1 до 9 месяцев выезжало около 20 научных сотрудников ИДВ АН СССР. Они посещали университеты и университетские научные центры США, научные библиотеки и архивы, встречались со своими американскими коллегами, участвовали в проводивших в период их пребывания в стране научных симпозиумах и конференциях, выступали с лекциями и докладами по проблемам своих исследований, по работам ИДВ и т. д.

По соглашениям о научном обмене сотрудники ИДВ АН СССР выезжали для научной работы в такие страны, как Великобритания, ФРГ, Франция, Италия, Финляндия, Япония, Индия, Сингапур. Соответственно Институт Дальнего Востока принимал у себя западных ученых, приезжавших в СССР по линии научного обмена и включавших контакты с ИДВ в программы своих научных командировок. Вряд ли следует доказывать важность и полезность подобных обменов. Ученые получают возможность ознакомиться с последними исследованиями своих зарубежных коллег, обмениваться с ними мнениями по изучаемым проблемам, собрать дополнительный материал для своей работы, отсутствующий в их стране, да и не только для своей работы, но и для товарищей, для библиотеки института. В итоге в научный оборот вводятся новые факты, исследования становятся более глубокими и содержательными, аргументация более обоснованной и т. п. В ряде случаев прямым результатом зарубежных научных командировок является создание новых научных монографий. В качестве примера можно привести книги «Китай и Англия» и «Китай и Япония», опубликованные директором ИДВ членом-корреспондентом АН СССР, профессором М. И. Сладковским после его научных командировок в Японию и Великобританию; работу «Китаеведение Англии», написанную доктором исторических наук В. Н. Никифоровым после его научной работы в этой стране.

Как правило, научные сотрудники института после возвращения из зарубежных научных командировок докладывают о научных результатах командировок на заседаниях сектора, отдела или Ученого совета института. Таким образом, эти результаты становятся достоянием и других сотрудников института, занимающихся теми же или смежными научными проблемами, что повышает эффективность научных командировок.

¹ Имеется также соглашение между АН СССР и Академией наук США, но общественные (гуманитарные) науки в АН США не входят — их объединяет АСПО, чем и объясняется наличие двух соглашений АН СССР с американской стороной.

В научные командировки за рубеж выезжают главным образом ведущие ученые института — заведующие отделами, секторами, старшие научные сотрудники. Это характерно для научных учреждений всех стран мира. Научная молодежь начинает свою «международную» научную деятельность с участия в различных международных форумах.

Научные сотрудники ИДВ выезжают за рубеж не только по линии научного обмена АН СССР с зарубежными научными центрами. Советские ученые — активные участники общественной жизни своего народа, и ученые ИДВ не составляют исключения: они являются членами или активистами многих советских общественных организаций — Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Комитета молодежи организаций СССР, Советского комитета защиты мира, Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, Всесоюзного общества «Знание» и др. В составе делегаций этих организаций они часто выезжают за границу и там, где это возможно, используют свои поездки и для развития научных связей.

Немало западных ученых за последние годы посетили Институт Дальнего Востока, где они обменялись мнениями со своими советскими коллегами, выступали с лекциями, знакомились с организацией исследовательской работы. Среди них были также известные ученые, как Г. Мальмквист (Швеция), С. Эгероде (Дания), Г. Франке, Д. Хайнциг, К. Кайзер (ФРГ), Т. Ланчотти, П. Коррадини (Италия), Хироти, И. Санкити, И. Фудзита, М. Наадзима, И. Кинити, М. Такеути, К. Мори (Япония), Г. Сигур, М. Уайтинг, А. Фейерверкер, У. Кинтнер, Ги Паукер, А. Горелик, М. Гальперин, Майкл Кау, Т. Робинсон, У. Юаньли, М. Пилсбери, С. Спектор, Дж. Гинсбургс, П. Чжан, Д. Гриффитс, П. К. Юй, Ким Янг (США), К. Шиппер, Ж. Жидкоф (Франция), Мукарджи, супруги Датт (Индия) и многие другие. Перечислить всех ученых, побывавших в стенах ИДВ, нелегко, многие из них приезжали в Москву по приглашению ИДВ АН СССР в качестве его гостей. В этом случае институт брал на себя организацию их встреч с советскими учеными из других академических институтов, из университетов Москвы, Ленинграда и других городов, которые интересовали приезжавших ученых, знакомил их с различными сторонами жизни советского общества.

Конечно, не всегда беседы и лекции западных ученых в ИДВ проходили в обстановке полного единодушия. Представители различных идеологий, стран с различным социальным строем, естественно, по ряду проблем международных отношений выражали диаметрально противоположные взгляды и суждения, давали различные оценки процессам, проходящим в странах региона Дальнего Востока и в мире. Возникли дискуссии и споры. Иногда одной из сторон удавалось убедить другую в правоте своей точки зрения. В других случа-

ях — нет, и стороны оставались каждая при своем мнении. Тем не менее не было случая, чтобы участники дискуссий не отметили полезность и важность откровенных обменов мнениями, ибо они позволяют лучше понять позицию и аргументацию сторон, а главное — наметить и определить пути решения кардинальных проблем современности, затрагивающих коренные, жизненные интересы всех стран мира.

Как отмечали многие участники дискуссий, откровенный обмен мнениями между ними положительно сказывается на их научной работе, на проводимых ими исследованиях, так как позволяет уяснить их слабые стороны, необоснованность аргументации, дает возможность вводить в научный оборот новые факты и данные, не известные ранее, и т. д.

Наиболее прочные, широкие и разносторонние связи сложились у Института Дальнего Востока с соответствующими научными центрами социалистических стран Европы, Монгольской Народной Республики, Республики Куба, Социалистической Республики Вьетнам. Между учеными-синологами этих стран и ИДВ АН СССР достигнута высшая форма научного сотрудничества — проведение совместных научных исследований и публикация совместных, коллективных работ. Так, в 1980 г. в СССР опубликована коллективная работа ученых восьми социалистических стран (НРБ, ВНР, ГДР, Кубы, МНР, ПНР, СССР и ЧССР) «КНР: Краткий исторический очерк (1949—1979 гг.)», в которой рассматриваются принципиальные изменения политического и социально-экономического характера в развитии КНР — от значительного общественного прогресса в первое десятилетие после образования КНР к застою и социальному регрессу в последующие 20 лет, а также эволюция внешней политики страны от антиимпериализма к смыканию с империалистической реакцией. Авторы работы аргументированно доказывают, что политика и практика маоизма противоречат коренным интересам китайского народа и всех его подлинных друзей в мире. Эта работа также опубликована или будет опубликована в 1981 г. во всех странах, ученые которых принимали участие в ее создании.

Совместные работы были подготовлены сотрудниками ИДВ с их коллегами из Монголии (о политике маоистов по национальному вопросу), с болгарскими учеными («Кризис маоизма продолжается»), с китайскими ГДР («Классы и классовая структура в КНР»). Велись совместные исследования также с учеными Польши и ВНР.

Китаеведы братских стран постоянно участвуют в научных симпозиумах и конференциях, проводимых в этих странах. В качестве примера можно назвать следующие мероприятия: симпозиум «Китай и социализм», проведенный в столице НРБ Софии в октябре 1976 г.; симпозиум «Внутриполитическое положение и внешняя политика КНР после смерти Мао Цзэдуна: анализ важнейших аспектов» — январь 1978 г., Тихань (ВНР); конференция по

раскольнической деятельности промаоистских групп в Западной Европе — ноябрь 1977 г., Берлин (ГДР); симпозиум «Маоизм и национальный вопрос» — май 1979 г., Улан-Батор (МНР); конференция «Китай и Азия» — март 1979 г., Берлин (ГДР); конференция «Социально-экономические проблемы КНР» — октябрь 1979 г., Берлин (ГДР); «Роль и место Китая в глобальной стратегии империализма» — ноябрь 1980 г., Прага (ЧССР); симпозиум «Китай в 1980-е годы» — апрель 1981 г., Берлин (ГДР). В последнем симпозиуме наряду с учеными социалистических стран участвовали видные ученые и специалисты западных стран.

Активное участие принимают наши коллеги из братских стран в научных форумах, организуемых Институтом Дальнего Востока в Москве. Прежде всего это регулярные научные конференции по новейшей истории Китая, ежегодно проводимые весной (в апреле — мае). Они состоялись в 1976, 1977, 1978 и 1979 гг. В марте 1979 г. в Москве проходила научная конференция на тему «Против фальсификации истории маоистами»; в марте 1980 г. — на тему «Политика КНР в отношении развивающихся стран»; в апреле 1981 г. — на тему «Исторический опыт коммунистической партии Китая (в связи с 60-летием КПК)». Материалы симпозиумов и конференций (доклады, сообщения), как правило, издаются не только в стране-организаторе, но и в других социалистических странах.

В работе перечисленных выше научных форумов наиболее часто и активно участвовали такие видные ученые, как академик Д. Косев, Д. Митев (НРБ), академик Ф. Токаи, Б. Талаш (ВНР), Дао Зуй Тунг, Нго Тхань Зьонг (СРВ), Х. Петерс, Р. Фельбер (ГДР), Э. Рей (Куба), академик Ш. Бира, Н. Ишжамц (МНР), В. Маткевич, Р. Славинский (ПНР), К. Курка, Я. Цесар, М. Матоуш, В. Оплуштил (ЧССР) и др.

ИДВ АН СССР оказывает помощь научным центрам социалистических стран в подготовке научных кадров путем организации стажировки в ИДВ специалистов этих стран, а также через аспирантуру института. Так, например, успешно закончили аспирантуру и защитили в ИДВ диссертации на степень кандидатов наук четыре научных сотрудника из НРБ, по одному из ПНР и ВНР, учатся в аспирантуре представители НРБ, ВНР, ЧССР, МНР.

По тематике ИДВ АН СССР между странами социалистического содружества осуществляется взаимный обмен учеными и научными сотрудниками для чтения лекций, обмена мнениями и опытом. Регулярно проводятся обмен научными публикациями, взаимное рецензирование работ, переводятся на национальные языки научные труды, опубликованные в различных странах социалистического содружества.

Научные центры и ученые социалистических стран обмениваются не только опубликованными работами, но и планами научно-исследовательских работ.

Вряд ли надо доказывать важность и значение такого тесного и разностороннего научного сотрудничества, которое сложилось между Китаеоведами стран социалистического содружества за сравнительно короткое время. Быстрое ознакомление со всеми публикуемыми работами своих коллег за рубежом, с планами их исследований, частые личные встречи и дискуссии, прямой обмен мнениями и материалами по сложным вопросам взаимно обогащают участников такого обмена, повышают качество и научную значимость их исследований и публикаций, позволяют вводить в научный оборот новые факты и документы, расширять кругозор ученых и научных работников. Особенно важен и полезен такой обмен для творческой научной молодежи. Постоянное общение с известными специалистами различных стран, участие в дискуссиях с ними значительно сокращают время научной подготовки, ускоряют научный рост молодого специалиста, его становление как ученого. Координация в деле подготовки кадров высшей квалификации, возможность привлечения к этому делу ученых других стран дают и больший экономический эффект, позволяя экономить силы и средства, более рационально использовать творческий потенциал научных кадров. В результате в ряде стран, где Китаеведение было слабо развито или фактически почти отсутствовало, появилась целая плеяда молодых способных ученых, работы которых говорят сами за себя.

Развитие и углубление международных научных связей ИДВ АН СССР привело к тому, что в 1974 г. в институте был создан отдел внешних связей и международного научного сотрудничества.

Отдел планирует внешние связи института в тесной связи с его научными планами, готовит соглашения с зарубежными научными центрами и осуществляет контроль за их выполнением, изучает деятельность зарубежных научных центров, близких по профилю к ИДВ АН СССР, устанавливает с ними контакты, организует прием в институте зарубежных ученых и специалистов, организует проводимые институтом международные научные симпозиумы и конференции, контролирует программу подготовки в институте зарубежных стажеров и аспирантов, осуществляет обмен научными публикациями между ИДВ АН СССР и зарубежными научными центрами. Ежегодно отдел направляет по различным адресам за границу сотни экземпляров книг, издаваемых в СССР, авторами которых являются сотрудники института, а также издаваемого ИДВ АН СССР журнала «Проблемы Дальнего Востока» на четырех языках. Получаемые из-за рубежа публикации передаются отделом в научную библиотеку или в соответствующие отделы и сектора института. Иногда формируются и отправляются за рубеж целые научные библиотечки работ, опубликованных сотрудниками института за последние годы. Так, например, в 1980 г., когда в столице Кореической Народно-Демократической Рес-

публики Пхеньяне был построен прекрасный Дворец знаний. ИДВ АН СССР направил ему в дар 120 наименований книг по тематике института, а также комплекты журнала «Проблемы Дальнего Востока» за последние годы.

Картина внешних связей ИДВ АН СССР будет не полной, если хотя бы коротко не сказать о многочисленных зарубежных посетителях института, не являющихся учеными. Только за 1976—1980 гг. ИДВ посетили и беседовали с его сотрудниками по интересующим их вопросам 854 человека из 30 стран мира. Более половины из них побывало в институте за последние два года. Это во многом объясняется тем, что в мае 1979 г. ИДВ переехал в новое 15-этажное здание, что значительно расширило возможности для приема зарубежных гостей и посетителей. Большой процент среди них занимают журналисты. Постоянными посетителями института являются корреспонденты и редакторы центральных информационных агентств, органов печати, радио и телевидения братских социалистических стран. Они не только беседуют с сотрудниками института и берут у них интервью, но и заказывают им статьи и комментарии по тематике исследований ИДВ. Не менее значительную цифру посетителей составляют их западные коллеги, представляющие крупнейшие газеты и агентства своих стран. Среди них Дж. Маккарти (ЮПИ), Г. Брандон («Вашингтон стар»), М. Паркс и К. Пайпер («Балтимор сан»), Н. Паркер («Ньюсуик»), Г. Андреас («Франкфуртер рундшау»), А. Касс («Файнэншл таймс»), О. Брайен («Обсервер»), О. Юхансен («Дагбладет»), Э. Корби («Экспресс»), Р. Убольди («Эпока»), С. Виола («Республика»), А. Кумар (ЮНИ, Индия), К. Чандра («Таймс оф Индия»), Ч. Ш. Пандит («Фри пресс Джорнэл»), Л. Грейс («Роз эль Юсуф»), Эль Холи («Ад-талиа»), Ханс Салехи (Ливан), М. Гарсиа («Эксельсиор», Мексика), многочисленные представители крупнейших газет и агентств Японии и др.

Большую группу посетителей ИДВ АН СССР составляют государственные, политические и общественные деятели различных, главным образом западных, стран, в том числе конгрессмены США, сотрудники аппарата Белого Дома, руководители коммунистических и рабочих партий ряда стран Европы и Азии и др. Частыми гостями ИДВ являются представители различных партий и общественных организаций Японии. Институт посещали члены руководства Социалистической партии, Либерально-демократической партии, Партии демократического социализма, Комэйто, Генсуйкё, Общества по обновлению политики, Сока Гаккай, Общества японо-советской торговли, депутаты парламента Японии от различных партий, представители молодежных организаций этой страны и др. Часто посещают ИДВ АН СССР и сотрудники посольств, аккредитованных в Москве.

Такой большой объем посетителей, представляющих различные слои общества многих стран мира, различные политические

взгляды, является несомненным и красноречивым свидетельством важности и актуальности проблем, изучаемых институтом, и научного авторитета его сотрудников.

Действительно, роль и значение региона Дальнего Востока в международном сообществе трудно переоценить. Здесь и в прилегающих к нему странах проживает более половины населения нашей планеты. Район был одним из очагов возникновения второй мировой войны, унесшей миллионы человеческих жизней, и это, пожалуй, единственное место на земном шаре, где и после окончания второй мировой войны почти непрерывно лилась человеческая кровь. Героическая многолетняя борьба вьетнамского народа за свою свободу и независимость, корейская война, многочисленные мелкие вооруженные конфликты, громадные социальные изменения, растущая роль в системе международных отношений крупнейших стран региона — Китая и Японии, опасная для дела мира внешняя политика маоистского руководства КПК, многообразие и сложность экономических и социальных проблем в регионе и многое другое — все это не может не интересоваться и не волновать людей, заинтересованных в прочном и длительном мире, где бы они ни жили.

Авторитет ИДВ АН СССР и его научных сотрудников основывается на комплексном, объективном научном подходе к изучению проблем, на широте и глубине проводимых исследований, на всестороннем аргументировании выводов. Главное же заключается в том, что сама жизнь подтверждает правильность выводов и прогнозов, получаемых сотрудниками института. В этом главная, основная сила авторитета ученых института.

Следует хотя бы вкратце остановиться на еще одном важном моменте. На Западе в течение многих лет непрерывно говорят и пишут о «свободе слова», «подлинной демократии». В то же время продолжают твердить об «отсутствии свобод» в СССР и странах социализма.

Многочисленные западные журналисты, посещающие ИДВ и практически не знаящие отказа в таких посещениях (в дальнейшем ввиду слишком большого наплыва посетителей, и прежде всего журналистов, придется сократить число визитов, так как научные сотрудники слишком часто вынуждены отвлекаться от своей основной научной работы), не могут пожаловаться на отсутствие внимания к себе или на различное отношение к разным органам печати. Более того, почти все они, выражая благодарность за содержательные и глубокие беседы, отмечали их откровенный характер, дружелюбие и благожелательность советских ученых. Многие журналисты не скрывали удивления в связи с тем, что советские ученые не уходят от острых вопросов, даже если эти вопросы выходят за рамки тематики работ института, и откровенно обсуждают любые проблемы. В то же время некоторые представители крупнейших буржуазных газет, полностью соглашаясь с мнением советских ученых по

тем или иным проблемам международных отношений, вынуждены были признавать, что они не могут опубликовать это мнение на страницах своих газет и журналов, что редакции этих изданий часто «радикально подправляют» их материалы, полностью изменяя первоначальный смысл. Западные журналисты в ходе бесед неоднократно отмечали, что они не могут опубликовать в своей печати информацию о встречах и беседах с советскими людьми, о советской действительности, если эта информация не имеет негативного содержания. О какой же «демократии», о каких «свободах» можно после этого серьезно говорить!

Что касается научных сотрудников ИДВ АН СССР, то они, как и все советские ученые, твердо убеждены, что расширение научных обменов способствует лучшему взаимопониманию между народами, укреплению взаимного доверия и, следовательно, содействует процессу дальнейшего расширения и углубления разрядки, укреплению мира во всем мире. Исходя из этого, они рассматривают свое личное участие в научных обменах как выполнение долга ученого, гражданина, человека и всегда готовы внести посильный вклад во всеобщее дело сохранения и укрепления мира во всем мире.

• • •

Международная солидарность с Кампучией

Призрак голода больше не преследует ее жителей.

Восстанавливается промышленность. Возобновили работу более 80 % всех предприятий страны, разрушенных полпотовцами. Постепенно налаживается работа железнодорожного, автомобильного и речного транспорта. С помощью Советского Союза и других социалистических стран возрожден глубоководный порт Кампонгсаом, связанный с Пномпенем железной дорогой и являющийся главным центром, через который осуществляются поставки продовольствия и других необходимых стране товаров из социалистических и других стран.

Большие успехи достигнуты в деле восстановления просвещения и здравоохранения. Возобновились занятия в Пномпенском университете. Повсеместно создаются школы, медицинские и детские учреждения. В стране развернута кампания, в ходе реализации которой предполагается в течение трех лет ликвидировать неграмотность среди взрослого населения. В результате открытия госпиталей в городах и большого количества санитарных пунктов в деревнях каждый житель Кампучии ныне может получить медицинскую помощь.

Важной вехой в жизни кампучийского народа явился IV съезд Народно-революционной партии Кампучии, состоявшийся в Пномпене в мае 1981 г. В отчетном докладе ЦК партии, с которым выступил Первый секретарь ЦК НРПК товарищ Пен Сован, в докладе Председателя ЦК ЕФСН и НРС Кампучии товарища Хенг Самрина были подведены итоги двух прошедших лет и намечены конкретные задачи по дальнейшему возрождению и развитию страны.

Исходя из принципов марксизма-ленинизма, социально-экономических особенностей Кампучии и опыта мирового революционного движения, отмечается в докладе товарища Пен Сована, НРК поставила на нынешнем периоде революции задачу надежной защиты и укрепления независимости страны, постепенного перехода к социализму. Злолом тому является дружба и сотрудничество с Советским Союзом, Вьетнамом, Лаосом и другими социалистическими страна-

За два с лишним года, прошедшие после победы в январе 1979 г. революции, разгромившей полпотовский режим, в Народной Республике Кампучии произошли огромные перемены. В результате усилий всего народа и помощи друзей, в первую очередь Советского Союза, Вьетнама, других социалистических стран, Кампучия, население которой в период правления кровавой клики Пол Пота — Ненг Сарн было обречено не только на духовное рабство, но и на физическое уничтожение, вновь обретает будущее. Возрождение экономической, политической, культурной жизни кампучийского общества радует советских людей — истинных друзей кампучийского народа. Еще не все раны залечены, не решены многие сложные проблемы в жизни людей и государства. Однако прошедшие два с лишним года убедительно показали, что Народная Республика Кампучия уверенно идет по избранному пути независимого развития.

Возрождены экономика, система народного образования и здравоохранения. Восстановлена социальная структура общества, уничтоженная полпотовским режимом, возобновили работу общественные организации, профсоюзы. В области экономики обращается большое внимание в первую очередь на восстановление сельскохозяйственного производства.

Для этого делается все необходимое. Восстановление сельскохозяйственного производства, поставки зерна и других продуктов в качестве помощи из-за границы позволяли в основном решить проблему обеспечения продовольствием населения страны.

ми. Необходимость укрепления обороноспособности страны вызывается тем, что Пекин в сговоре с империалистами продолжает создавать напряженность в отношениях со странами Индокитая, пытается развязать войну, чтобы поработить НРК и сделать ее плацдармом для экспансии в Юго-Восточной Азии.

Строительство социализма, подчеркивалось на съезде, является закономерным процессом развития общества, переход к социализму в Кампучии должен осуществляться постепенно, в соответствии с социально-экономическими условиями страны, без субъективизма и волюнтаризма.

Основная задача в деле восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства в ближайшей перспективе заключается во всемерном развитии производства для улучшения жизни населения страны. В первую очередь намечается увеличить производство продовольствия, товаров широкого потребления, развивать торговлю с социалистическими странами и т. д. Главную роль в увеличении производства должно сыграть сельское хозяйство, которое предполагается перевести на социалистические рельсы. В соответствии с наметками развития экономики на ближайшие пять лет посевные площади под сельскохозяйственными культурами, главным образом под продовольственными, будут расширены до 2,3—2,5 млн. га, поголовье крупного рогатого скота будет увеличено до 1,4—1,5 млн. голов и т. д.

Проводимые в стране мероприятия по возрождению нормальной жизни, внешняя политика, которую осуществляет Народная Республика Кампучия, снискали доверие и поддержку населения Народно-революционному совету (НРС) — законной власти народа, полностью контролирующей положение в стране, и Единому фронту спасения народа Кампучии (ЕФСНК). Это ярко продемонстрировали выборы в местные органы народной власти в январе 1981 г. и в Национальное собрание республики в мае 1981 г., проведенные на основе всеобщего, равного и тайного голосования.

Конструктивный внешнеполитический курс НРК, поиск Кампучией путей к нормализации отношений со странами Юго-Восточной Азии получили широкую поддержку прогрессивной мировой общественности. Свидетельством тому явилась Международная конференция солидарности с кампучийским народом, которая проходила в столице Кампучии Пномпене с 1 по 3 мая 1981 г. и была созвана по инициативе Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА).

В работе конференции принимали участие представители комитетов афро-азиатской солидарности и других международных и национальных общественных организаций из 25 стран мира, в том числе из Советского Союза, Вьетнама, Лаоса, Кубы, ГДР, Индии, Эфиопии, Конго, НДРГ, Ливана, Бангладеш, Филиппин, США, ФРГ, Италии, Швеции. В конференции участвовали представители Всемирного Совета Мира, Всемирной федерации профсоюзов, Организации солидарности народов Азии, Африки и Ла-

тинской Америки. Участники конференции обеспокоили широкий круг вопросов, связанных с борьбой кампучийского народа за возрождение страны и национальную независимость.

Выступивший на конференции министр иностранных дел НРК Хун Сен выразил глубокую благодарность ОСНАА и всем делегатам, которые приехали в Пномпень, чтобы заявить о поддержке справедливой борьбы кампучийского народа. Сам факт созыва такого представительного форума, сказал министр, свидетельствует о признании политики мира, дружбы и международного сотрудничества, неизменно проводимой НРК.

Министр рассказал о новых успехах, достигнутых за последние два года в экономике и общественной жизни страны. За время господства реакционной клики Пол Пота — Иенг Сари — Кхнеу Самфана около трех миллионов кампучийцев было варварски истреблено, в том числе прежде всего представители интеллигенции — инженеры, врачи, техники, а также квалифицированные рабочие. Экономика страны была полностью разрушена. Клика Пол Пота отбросила Кампучию назад, в эпоху примитивного доробладельческого общества. Кампучия представляла собой, заявил Хун Сен, «парализованную страну, совершенно развалившееся общество, глубоко травмированный народ». Приспешники пекинского экспансионизма превратили Кампучию в фактор нестабильности в Юго-Восточной Азии, развязав агрессивные войны против соседних стран.

После разгрома в январе 1979 г. полпотовского режима кампучийский народ приступил к выполнению задачи по восстановлению народного хозяйства и нормальной жизни страны. В 1980 г. в результате принятых мер собран хороший урожай продовольственных культур. В 1981 г. запланировано увеличить посевы зерновых, главным образом риса, и других культур до 1,8 млн. гектаров. Введен в строй целый ряд фабрик, производящих товары широкого потребления, развивается кустарный промысел, возобновлено производство каучука и строевого леса. Автомобильный, железнодорожный и речной транспорт обеспечивает нормальные перевозки. Восстановлена внешняя и внутренняя торговля, вновь открыты рынки. Важным событием в жизни народа является выпуск денежных знаков. Возобновлены все финансовые и банковские операции.

Далее Хун Сен рассказал делегатам конференции о достижениях в области образования, культуры, здравоохранения. В 1980—1981 учебном году школы приняли 1,3 млн. учеников. Сотни тысяч людей занимаются на курсах повышения грамотности. Немало студентов, рабочих направлены на учебу в братские социалистические страны. Восстановлена и развивается как в городе, так и в деревне система здравоохранения. В стране уделяется большое внимание предотвращению и ликвидации инфекционных заболеваний, таких, как холера, малярия и т. д.

Успехи в деле возрождения Кампучии, сказал Хун Сен, достигнуты при братской

помощи Вьетнама, Советского Союза, других братских социалистических стран и международных организаций, что вселяет в кампучийский народ еще больше оптимизма, энтузиазма и веры в будущее, в правильность политической линии, осуществляемой Единственным фронтом национального спасения Кампучии и Народно-революционным советом. Министр подчеркнул, что социально-экономические изменения в Кампучии закреплены законодательным путем. Прошедшие выборы на местах и в Национальное собрание еще раз продемонстрировали твердую решимость кампучийского народа идти к намеченной цели — социализму.

Касаясь внешней политики НРК, министр иностранных дел заявил, что «укрепление мира, дружбы и международного сотрудничества, основанного на уважении независимости, суверенитета, территориальной целостности, на невмешательстве во внутренние дела, равенстве и взаимной выгоде», являются основными ее принципами, что Кампучия твердо идет вперед, придерживаясь курса на боевую солидарность с Советским Союзом, Вьетнамом, Лаосом, всеми социалистическими странами и прогрессивными силами мира. Установление мира и стабильности в Юго-Восточной Азии, хороших отношений со всеми странами этого региона, в том числе и Таиландом, является одной из главных задач правительства Кампучии.

Министр иностранных дел отметил также, что пекинские экспансионисты в сговоре с американскими империалистами и другими реакционными силами мира пытаются разрушить достижения кампучийской революции, вмешиваются во внутренние дела Кампучии. В последнее время они предпринимают попытки создать так называемый «сиднейский фронт» под руководством Сианука, Сон Сана и Кхиеу Самфана, намереваясь замедлить им однозную фигуру Пол Пота, ввести таким образом в заблуждение общественное мнение и вновь насадить в Кампучии кровавый преступный режим. В заключение Хуан Сен подчеркнул, что события в Кампучии носят необратимый характер и кампучийский народ, являющийся хозяином своей судьбы, не потерпит какого-либо вмешательства в его внутренние дела, он полон решимости внести еще больший вклад в укрепление мира, дружбы и сотрудничества с народами всех стран.

Внешнеполитический курс Вьетнама, Лаоса и Кампучии имеет важное значение для стабилизации положения в ЮВА, ослабления позиций империализма и экспансионизма в регионе. Он отвечает подлинным интересам населения не только региона, но и Азии в целом, всего мира. Правительства трех стран Индокитая прилагают большие усилия для упрочения мира и стабильности в ЮВА, налаживания добрососедских отношений со всеми государствами этого района, снятия напряженности в нем.

Примером тому являются конструктивные предложения, выдвинутые конференциями министров иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Кампучии в 1980—1981 гг. Первая такая конференция, состоявшаяся в январе 1980 г. в г. Пномпене, выразила готов-

ность трех стран Индокитая развивать отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами Юго-Восточной Азии на основе уважения национальной независимости, суверенитета, территориальной целостности, невмешательства в дела друг друга. В частности, участники конференции предложили странам — членам АСЕАН подписать двусторонние договоры о ненападении. Аналогичные предложения вновь были выдвинуты на конференции министров иностранных дел трех стран во Вьентьяне в июле того же года. В заявлении конференции подчеркивалось, что ярым противником установления мира и стабильности в районе являются пекинские гегемонисты, которые пытаются обострить напряженность в нем, вызвать конфронтацию между странами АСЕАН и Индокитая для осуществления своих далеко идущих гегемонистских планов в отношении Юго-Восточной Азии.

С новой инициативой, получившей широкую поддержку социалистических и многих неприсоединившихся стран, выступили министры иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Кампучии на своей третьей конференции, которая проходила в г. Хошимине в январе текущего года. В декларации конференции отмечалось, что в ЮВА продолжает сохраняться напряженность, что причиной тому является экспансионистская политика Пекина в этом районе, его вмешательство в дела трех стран Индокитая. Для установления мира и стабильности в ЮВА, подчеркивалось в декларации, необходимо, чтобы Китай прекратил осуществлять эту политику. Участники конференции выдвинули предложение подписать двусторонние договоры о мирном сосуществовании с КНР на основе указанных выше принципов.

Важным фактором установления мира и стабильности в ЮВА могло бы стать осуществление выдвинутого на конференции в г. Хошимине (июнь 1981 г.) предложения министров иностранных дел трех стран Индокитая провести между ними и странами АСЕАН региональную конференцию, чтобы обсудить существующие проблемы, представляющие взаимный интерес, превратить ЮВА в зону мира.

Актуальные и конструктивные предложения, выдвинутые министрами иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Кампучии, нашли широкий отклик и поддержку в мире. Советский Союз в своем обращении к странам АСЕАН и ряду других государств Азии поддержал эти мирные инициативы, подчеркнув, что переговоры между странами Индокитая и АСЕАН способствовали бы разрешению существующих проблем между ними, превращению ЮВА в зону мира. Советский Союз заявил в этом обращении, что после заключения указанными группами стран договора о мире и стабильности в Юго-Восточной Азии он готов, если аналогичную готовность проявят и другие постоянные члены Совета Безопасности ООН, принять участие в международной конференции, которая могла бы признать и обеспечить гарантиями осуществление такого договора.

Совершенно иначе подошли к конструктивным предложениям министров иностран-

ных дел трех стран Индокитая в Пекине. Там ответили отказом. Таким образом, Пекин снова подтвердил свою великодержавную политику. Мир в Индокитае, как и во всей Юго-Восточной Азии, отнюдь не является целью внешней политики китайского руководства. Его цель — сохранение и обострение напряженности в этом районе Азии, предоставляющей Пекину возможность и дальше осуществлять свою провокационную деятельность против Вьетнама, Лаоса и Кампучии, мешать им строить жизнь мирным путем, ослабить их и подчинить в конечном счете своему диктату.

Делегаты конференции — представитель Секретариата ОСНАА Даниэль Куэля, генеральный секретарь Вьетнамского комитета афро-азиатской солидарности Чан Хоай Нам, представитель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки В. И. Потапов, Комитета солидарности ГДР Г. Рихтер, Суданского совета мира и солидарности Асим Омар эль-Сах, руководитель Финского комитета за права человека и гражданские свободы А. Минккинен и многие другие — в своих выступлениях гневно осудили преступления режима Пол Пота и Иенг Сари, приветствовали достижения молодой республики во всех областях, миролюбивую внешнюю политику кампучийского правительства.

Представитель ОСНАА Д. Куэля подчеркнул в своем выступлении, что интернациональная поддержка борьбы кампучийского народа за свою независимость и возрождение родины является первостепенной заботой национальных и международных прогрессивных организаций, ОСНАА является одной из тех организаций, которые настойчиво поддержали народ Кампучии в его борьбе против американских империалистов и кровавого режима Пол Пота. Осудив этот режим, Д. Куэля подчеркнул, что его преступления «далеко превосходят преступления, совершенные всеми фашистами». Пол Пот и его сподвижники действовали по указанию Пекина, сговор которого с американским империализмом представляет серьезную опасность делу мира во всем мире, заявил Д. Куэля. Пекинские экспансионисты делают ныне ставку на остатки полпотовских банд, сосредоточенных в Таиланде, пытаются сколотить так называемый «единый фронт» против НРК. Выражая уверенность в достижении новых успехов в деле возрождения страны, оратор заявил, что кампучийский народ может рассчитывать на тесное и искреннее сотрудничество всех демократических сил мира, ОСНАА, а также на многостороннюю и бескорыстную помощь стран социалистического содружества.

В выступлении представителя советской делегации подчеркивалось, что советские люди являются верными друзьями кампучийского народа. Следуя интернациональному долгу, Советский Союз, Социалистическая Республика Вьетнам и другие братские страны оказывали и оказывают существенную материальную помощь Кампучии, поставляя ей прежде всего предметы первой необходимости — медикаменты, продовольствие, одежду, оборудование для предприятий. Учитывая огромную нехватку в кадрах, со-

циалистические государства направляют своих специалистов для оказания помощи Кампучии в строительстве новой жизни.

За сравнительно короткое время после освобождения страны от полпотовского режима кампучийский народ достиг больших успехов в нормализации общественной и экономической жизни Кампучии, чему участники конференции стали очевидцами. Важной вехой в этом чрезвычайно трудном процессе стало проведение выборов в народные органы власти. Тот факт, что в выборах в Национальное собрание приняло участие 99 % избирателей, еще раз говорит о большом доверии народа Единому фронту национально-го спасения и Народно-революционному совету Кампучии.

Вместе с тем в мире существуют силы, которые стремятся вернуть в Кампучию фашистский режим, пытаются осложнить отношения между странами Индокитая и АСЕАН, обострить положение в Юго-Восточной Азии. Реальной угрозой безопасности народов Азии, их демократическим устремлениям являются военные базы империалистических государств, существующие до сих пор на этом континенте. Борьба за ликвидацию этих баз, за провозглашение Индийского океана зоной мира является неразрывной составной частью борьбы за мир в Азии и во всем мире.

Верная своей политике мира, дружбы и международного сотрудничества, НРК совместно с СРВ и ЛНДР вносит существенный вклад в дело укрепления мира и стабильности в ЮВА. Советский Союз приветствует выдвинутые на конференции министров иностранных дел СРВ, НРК и ЛНДР, состоявшейся в январе 1981 г. в г. Хошимин, новые конструктивные предложения, направленные на решение актуальных и острых проблем в ЮВА, на укрепление мира и стабильности в этом регионе.

Советский представитель отметил позитивный вклад, который вносит Организация солидарности народов Азии и Африки в поддержку борющихся народов, в том числе кампучийского народа. ОСНАА сделала многое для сплочения прогрессивных сил двух континентов на антиимпериалистической основе, для упрочения союза сил национального освобождения с мировым социализмом и международным рабочим движением. Она оказывала и оказывает действительную помощь и поддержку всем борцам против колониального угнетения, гегемонизма, расизма и сионизма. Обстановка требует от всех прогрессивных сил незамедлительных, твердых и согласованных действий в масштабах каждой национальной организации, каждой страны и всего движения солидарности.

Участники конференции приняли два документа: Декларацию в поддержку кампучийского народа и Обращение ко всем правительствам и народам мира. В Декларации говорится, что делегаты конференции выражают крайнее возмущение по поводу варварских преступлений, беспрецедентного в истории геноцида, развязанного ставленниками пекинского экспансионизма — кровавой кликой Пол Пота — Иенг Сари — Кхнеу

Самфана. Конференция высоко оценила успехи кампучийского народа, достигнутые им под руководством ЕФНС и НРС Кампучии во главе с президентом Хенг Самрином в экономике, культуре, образовании и здравоохранении, а также в деле восстановления демократических прав народа.

Конференция горячо приветствовала опубликование проекта конституции НРК, организацию его демократического обсуждения населением страны.

Участники конференции посетили ряд избирательных участков в г. Пномпене и провинции Кампонгспы и имели возможность лично наблюдать за ходом выборов в Национальное собрание. Они с удовлетворением отметили активное участие в выборах населения в районах, праздничную атмосферу, хорошую демократическую организацию выборов и право свободного волеизъявления всеми гражданами страны.

Успехи кампучийского народа, подчеркивается в Декларации, свидетельствуют о прочности, жизненности общества, трудолюбии и творческих способностях кампучийского народа, являющиеся результатом его стремления быть действительным хозяином своей судьбы, защищать себя от сил реакции, от проносов пекинских экспансионистов и гегемонистов. Эти успехи говорят о компетентности и способности Народно-революционного совета Кампучии управлять страной.

Конференция высоко оценила многостороннюю бескорыстную помощь и поддержку Вьетнамом Кампучии, которые соответствуют установившимся традициям дружбы и солидарности между двумя странами и Уставу ООН, а также приветствовала эффективную помощь кампучийскому народу со стороны Советского Союза, других социалистических стран и ряда неприсоединившихся государств и международных общественных организаций.

В Декларации решительно осуждены пекинские руководители, которые вговоре с империалистами США и другими реакционными силами ведут подрывную деятельность против возрождения Кампучии, создают напряженную обстановку в Юго-Восточной Азии. Созыв так называемой «международной конференции по Кампучии», отмечается в документе, является не чем иным, как вмешательством во внутренние дела НРК.

Конференция полностью поддерживает справедливое требование НРК об изгнании представителя полпотовской клики из ООН, из Движения неприсоединения и о предоставлении законного места в них представителю НРК.

В Декларации отмечается, что участники конференции высоко оценивают разумные и конструктивные предложения по достижению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии, выдвинутые министрами иностранных дел трех стран Индокитая во время их встреч в 1980 и 1981 гг., в том числе предложение достигнуть со всеми странами ЮВА договоренности о недопустимости вмеша-

тельства во внутренние дела друг друга, предотвращении разобщения государств этого региона, обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес для стран Индокитая и АСЕАН на региональной конференции и превратить ЮВА в район мира, стабильности, дружбы и сотрудничества. Поддерживается предложение Вьетнама, Лаоса и Кампучии о подписании двусторонних договоров каждой из этих стран с КНР о мирном сосуществовании на принципах уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, отношений добрососедства и решения всех проблем мирными средствами. В документе содержится призыв к странам АСЕАН и КНР дать положительный ответ на эти разумные предложения, которые способствовали бы созданию мира и стабильности в этом районе.

Конференция еще раз подтвердила нерушимую солидарность народов стран Азии, Африки и Латинской Америки, международных демократических организаций, сил мира и справедливости во всем мире с народом Кампучии в строительстве его новой жизни и борьбе против пекинских гегемонистов и экспансионистов, империалистов и международных реакционеров, которые стремятся дестабилизировать мирную жизнь в НРК. Конференция обратилась с призывом к национальным организациям всех стран, международным демократическим организациям, ко всем, кому дорог мир, оказать Кампучии всю необходимую помощь в создании мирного, демократического, неприсоединившегося и процветающего государства на благо мира и стабильности в ЮВА.

В Обращении ко всем правительствам и народам мира подчеркивается, что за короткий промежуток времени кампучийский народ под руководством Народно-революционного совета и Единого фронта национально-освободительной борьбы достиг больших успехов в деле возрождения страны, что результаты свободных и демократических всеобщих выборов, очевидцами которых были участники конференции, означают собой новый этап в процессе стабилизации положения в стране и говорят о том, что кампучийский народ оказывает доверие новой прогрессивной политической системе.

Конференция обратилась с призывом к правительствам всех стран признать правительство Народной Республики Кампучии — единственное подлинное и законное правительство кампучийского народа — и потребовать предоставления ему места в ООН и в Движении неприсоединения, что будет важным вкладом в дело защиты безопасности и стабильности в ЮВА и отвечает чаяниям народов этого региона, миролюбивых и свободолюбивых народов всего мира.

В. И. Потапов,

кандидат экономических наук

Милитаризация и военные союзы несовместимы с безопасностью Японии

В обстановке резкого роста милитаристских тенденций и беспрецедентной по своим масштабам антисоветской кампании в Японии вышла в свет книга «Именно сейчас необходим невооруженный нейтралитет»*, написанная коллективом авторов под общей редакцией видного политического деятеля, депутата нижней палаты парламента от Социалистической партии Торао Такадзава. Она представляет собой последовательное изложение истории милитаризации послевоенной Японии и ее нынешнего состояния, а также процесса борьбы прогрессивных сил страны за мир и международную разрядку. В ней основательно и всесторонне анализируется политика невооруженного нейтралитета, обосновывается, почему она так необходима для современной Японии.

В предисловии отмечается, что недавно вышедшая здесь же книга «О невооруженном нейтралитете» М. Исиды получила благоприятный отклик по всей стране и оказала соответствующее влияние на подготовку рецензируемого труда.

Сама идея невооруженного нейтралитета, как указывают авторы, заложена в японской конституции, а именно в ее 9-й статье, провозгласившей отказ на вечные времена от войны и вооружений, и поэтому отвечает чаяниям и чувствам народа Японии, пережившего атомную трагедию Хиросимы и Нагасаки (с. 152).

В первых главах подробно прослеживается процесс формирования японо-американского военно-политического союза, получившего свое дальнейшее развитие в мае 1981 г., на переговорах премьер-министра Японии Д. Судзуки с президентом США Р. Рейганом. В совместном коммюнике об итогах переговоров отношения между странами впервые после войны определены как «союзнические», что накладывает на Японию дополнительные военные обязательства и «продолжает линию США на смыкание японо-американского союза с НАТО»¹. «Разделение ролей между Японией и Соединенными Штатами», о котором гово-

рится в коммюнике, на деле означает дальнейшее втягивание Японии в американскую глобальную стратегию и неразрывно связано с усилением милитаризации страны, заметно наращивающей свои темпы в последние годы.

Начиная с середины 70-х годов японо-американская система безопасности и внешняя политика Японии, по мнению авторов, стали претерпевать ощутимые изменения. Этот период они считают переломным пунктом в наращивании японского военного потенциала. В книге перечисляются наиболее характерные факторы, повлиявшие на ускорение темпов милитаризации страны.

К ним относится создание в 1974 г. Общества по изучению проблем обороны, которое впервые в послевоенные годы стало навязывать японскому народу дискуссии по военным вопросам. Деятельность общества знаменовала начало тщательно спланированной кампании по обработке общественного мнения с целью формирования национального согласия по вопросу изменения военной политики страны. Роль инициатора этой кампании отводится премьер-министру Т. Мики, а ее продолжателем — премьеру Т. Фукуда, который санкционировал в 1977 г. создание исследовательского комитета по изучению проблем безопасности. К тому же времени относится и предложение о создании при парламенте специальной комиссии по проблемам безопасности, претворенное в жизнь 1 апреля 1980 г. Последующие премьеры, М. Охира и Д. Судзуки, активизировали кампанию, причем Судзуки на первых же шагах своей внутривластной деятельностью создал Совет комплексного обеспечения национальной безопасности на министерском уровне.

К числу таких факторов относится также создание в августе 1975 г. японо-американского постоянного совещания на уровне военных министров и образование подкомитета военного сотрудничества.

В январе 1976 г. правительство Японии устанавливает официальный потолок для военных расходов в 1% валового национального продукта, а в октябре того же года принимает Общую программу национальной обороны (Бозэй кэйкакунго тайко), основанную на концепции «базовых сил обороны». По свидетельству Ю. Симид-

* Има косо хибусо тюрицу. Ред. Т. Такадзава. Токио, изд-во «Дзюгацуся», 1980, 224 с.

¹ См.: «Акахата», 9.V.1981.

зу, написавшего главу «Модификация японо-американской системы безопасности», эта программа, по существу, означает реформу японской военной мысли, провозглашение новой военной доктрины (с. 69), официальное признание наличия военной мощи Японии. «После 1975 г. японский монополистический капитал сформулировал независимую от США военную теорию и политику, официально признавшую военную мощь» (с. 52).

И наконец, в ноябре 1978 г. были приняты «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в вопросах обороны», которые «представляют собой,— указывал Симидзу,— новый вариант японо-американского договора безопасности» (с. 50).

В книге подчеркивается, что в общей системе японо-американского «договора безопасности» важная роль отводится концепции установления господства на море, суть которой направлена против антиимпериалистических сил во главе с Советским Союзом (с. 52). В концепцию японские чиновники из Управления национальной обороны (УНО) вкладывают идеи качественного усиления военно-морских сил, «охраны» морских коммуникаций и «обороны» от надводных кораблей и атомных подводных лодок «противника», что, естественно, влечет за собой расширение сферы действия «сил самообороны».

Авторы указывают, что с принятием в Японии законов о «12-мильных территориальных водах» и «200-мильной экономической (рыболовной) зоне» в УНО встал вопрос об автоматическом распространении сферы деятельности военно-морских сил на эти зоны, что будто бы отвечает концепции «базовых сил обороны» и «Руководящим принципам японо-американского сотрудничества в вопросах обороны». Они приводят точку зрения УНО: «Эти зоны являются нашей территорией, нашим воздушным и морским пространством. Поэтому сфера японо-американской системы безопасности и сил самообороны распространяется и на эти районы» (с. 57).

Когда принимался 4-й план укрепления и развития «сил самообороны» (1970—1971), говорится в книге, тогдашний начальник УНО Я. Накасонэ выступил с предложением о необходимости обеспечения «обороны в пределах 1000 миль» от японских берегов, которое было встречено резкой критикой оппозиционных партий. Как видно из итогов последних японо-американских переговоров, идея Накасонэ фактически уже воплощена в жизнь, поскольку Япония приняла на себя обязательство патрулировать морское и воздушное пространство на удалении 1000 миль от побережья Японии.

Говоря об изменении функций американских войск в Японии и в западной части Тихого океана, авторы книги отмечают, что США перебрасывают свои войска отсюда в другие регионы, и в частности в районы Индийского океана и Персидского залива. В связи с этим доверие к американским обязательствам по отношению к

Японии, к американскому «ядерному зонтику» и надежды на то, что американские войска придут на помощь в случае необходимости, оказались значительно подорванными (с. 60). Это обстоятельство используется военно-промышленными кругами для наращивания собственно японского военного потенциала.

В книге подробно, с приведением конкретных примеров и таблиц, характеризуется рост японской армии, и в частности военно-морских сил. Указывается, что за последние 10 лет (1970—1980) тоннаж последних увеличился на 40 % — со 127 тыс. до 176 тыс. т, а тоннаж судов департамента морской охраны, считающегося существенным дополнением военно-морского флота Японии в военный период,— в 2,5 раза, с 35 тыс. до 83 тыс. т (с. 68).

За это же время значительно возросли противолодочные возможности военно-морского флота: количество эсминцев, способных принимать на борт вертолеты, увеличилось с 9 до 16, а число противолодочных вертолетов корабельного базирования — с 13 до 24; в два раза возросло количество пусковых установок противокорабельных (противолодочных) ракет «Асрок» (по 8 ракет на установке), с 9 до 14 — количество штурмовых подводных лодок (по концепции «базовых сил обороны» их число планируется довести до 16), способных вести борьбу с подводными лодками «противника». Авторы высказывают мысль, что по новому плану обороны на 1984—1988 гг., который будет разрабатываться в 1981 г., число подводных лодок может быть доведено до 30, что позволит завершить формирование в Японии собственного подводного флота в качестве оперативного тактического соединения военно-морских сил. Уже сейчас намечается строительство сверхдлинноволновой станции для связи с подводными лодками (с. 73). Значительное внимание уделяется вопросам борьбы с радиоэлектронными помехами.

Авторы указывают, что нынешний противолодочный флот Японии имеет высокие боевые качества. «С точки зрения вооружения,— отмечают они,— флот стал военной силой, способной вести современные виды боя» (с. 74).

Характеризуя систему постоянной готовности флота, его особые задачи в районах трех основных японских проливов — Лаперуза, Сангарского и Корейского,— авторы сравнивают эту систему с американской стратегией «сдерживания» и считают, что она несет в себе черты наступательной концепции. В книге указывается, что с помощью такой системы «ведется сбор данных об иностранных, иными словами советских, кораблях и самолетах» (с. 80), сам характер системы готовности имеет направленность против Советского Союза, а деятельность «сил самообороны», по их мнению, не что иное, как «боевые операции» (с. 81).

Потенциальным противником Японии УНО ныне официально называет Советский Союз, пытаясь обосновать это мнимой советской «военной угрозой». По этому пово-

ду авторы пишут: «Советский Союз называется противником в связи с тем, что он является главной силой отпора международному милитаризму, монополистическому капиталу и империализму» (с. 76).

Большое место авторы уделяют вопросу активной подготовки «сил самообороны» к действиям в чрезвычайный период, то есть в военной обстановке, разработке специального законодательства. В частности, подготавливаются мероприятия по быстрейшему оснащению оружием на военный период департамента морской охраны, который, будучи гражданской организацией, в мирное время не имеет вооружения.

В книге исследуется процесс интеграции японских вооруженных сил в американскую военную стратегию, что, по мнению составителей, осуществляется по следующим направлениям: по линии использования боевыми кораблями и самолетами Японии американских станций «Лоран С» для определения координат обнаруженных подводных лодок «прогивника»; участия Японии в совместных органах военно-политического сотрудничества, таких, как консультативный и координационный комитеты; стандартизации вооружения, разработки совместных планов боевых операций и мероприятий по снабжению и боевому обеспечению войск, проведения совместных учений и маневров.

Все эти мероприятия свидетельствуют о том, что японские правящие круги, включившись в орбиту американской агрессивной политики, осуществляют милитаризацию страны и тем самым усиливают напряженность на Дальнем Востоке, вносят вклад в процесс дестабилизации обстановки в этом регионе. «Используя миф о советской военной угрозе, — пишет один из авторов книги Э. Сагами, — они стремятся к расширению рамок союза, к созданию нового опасного американо-японо-китайского альянса», который несет угрозу миру и безопасности в Азии. Формируемая «ось» Вашингтон — Пекин — Токио, которая, по свидетельству Сагами, имеет сходство со злополучной «осью» Рим — Берлин — Токио, получила достойное осуждение на форуме Всемирного Совета Мира (с. 146).

В книге показана неприглядная роль пекинских лидеров, которые идут на тесное сближение с США, европейскими странами НАТО, международным империализмом, монополистическим капиталом Японии. Инспирируя антисоветскую истерию, «они неустанно призывают Японию укреплять японо-американский военно-политический альянс, наращивать японские силы самообороны, осуществлять милитаризацию страны» (с. 184).

В этой напряженной обстановке агрессивные силы Японии последовательно выступают за ликвидацию чреватого опасными для страны последствиями японо-американского «договора безопасности», за роспуск «сил самообороны», которые не имеют под собой конституционной основы, за принятие Японией в качестве своего официального внешнеполитического курса политики невооруженного нейтралитета, ко-

торую, как отмечается в книге, активно поддерживают профсоюзы, молодежные, женские организации, ученые, деятели культуры и другие слои японского населения.

Главный редактор книги Т. Такадзава указывает, что идея невооруженного нейтралитета всегда встречала ожесточенную критику со стороны правительственных и военно-промышленных кругов Японии. Они не хотят признать того, пишет Такадзава, что их политика наращивания военной мощи не отвечает реальной обстановке, поскольку они и сами понимают, что «силы самообороны», какими бы мощными они ни были, не смогут в современной войне защитить Японию, на которую, кстати, никто не собирается нападать.

«Разве не понимают правительство и высшие чиновники УНО, что нападение Советского Союза на Хоккайдо и на Японию является нереальным?» Но они внушают народу эту мысль, чтобы подогреть антисоветские настроения и заручиться народной поддержкой своего реакционного курса на увеличение военного потенциала страны, что неизбежно связано с ростом налогов, с ухудшением социальных условий жизни населения (с. 192).

Крупные вооруженные силы нужны правительству и монополистическому капиталу Японии, чтобы эксплуатировать и подавлять трудящихся внутри страны, объединяться с империалистическими кругами других государств, которые также нещадно угнетают народные массы в своих странах.

Наряду с критикой реакционного милитаристского курса японского правительства в книге много места уделяется миролюбивой политике Советского Союза. Убедительно показано, что советская мощь, составными элементами которой являются развитая экономика, коммунистическая идеология, передовая советская наука, техника, культура, современная армия, служит орудием предотвращения войны (с. 183).

«Сдерживая агрессивную военную политику империализма, возглавляемого США, Советский Союз не только создает мощные вооруженные силы, оберегающие мир, он из года в год поднимает жизненный уровень своего народа, последовательно развивает культуру, науку и технику» (с. 187).

Советский Союз во главе с его руководителями с большим успехом на практике осуществляет политику мирного сосуществования, пишет в разделе «История и современность политики мирного сосуществования» А. Кубо, — политику, намеченную Ф. Энгельсом и творчески развитую В. И. Лениным.

На основе убедительной развернутой аргументации авторы книги приходят к выводу: чтобы не допустить втягивания страны в новую термоядерную войну, Японии необходим невооруженный нейтралитет. А это означает «расторжение японо-американского союза, ликвидацию американских военных баз, развитие мирных дружественных отношений сотрудничества с Советским Союзом, Китаем, Америкой, Кореей, Вьетнамом, странами АСЕАН. Это —

наиболее реальный путь для защиты мира и безопасности Японии» (с. 223).

В. Н. Бунин

* * *

В Японии продолжается острая дискуссия по проблеме обеспечения безопасности. Силы реакции, мобилизовав мощный аппарат коммерческих средств массовой информации, непрерывно вешают о так называемой «советской угрозе». Под этим фальшивым прикрытием идет усиленная идеологическая обработка населения с целью заставить его забыть уроки второй мировой войны, трагедию Хиросимы и Нагасаки и преодолеть отвращение к милитаризму, подготовив таким образом благоприятные условия для превращения Японии вновь в «великую военную державу». Параллельно предпринимаются практические шаги по увеличению военных расходов, наращиванию военного потенциала, расширению рамок и усилению военного сотрудничества Японии с США. В этих условиях передовые отряды прогрессивных сил страны, прежде всего коммунисты и социалисты, выступают противниками милитаризации, предлагают альтернативное решение проблемы обеспечения безопасности — мирное и нейтральное развитие Японии.

Мнение большинства социалистов относительно пути обеспечения безопасности, глубокие размышления об усилении милитаристских тенденций во внешней и внутренней политике нашего дальневосточного соседа представлены в книге Масаси Исибаси «О невооруженном нейтралитете»*. Автор книги — видный деятель Социалистической партии Японии (СПЯ), в 1970—1977 гг. был генеральным секретарем, неоднократно занимал другие важные посты в руководстве партии.

М. Исибаси остро осознает опасность развернувшейся в Японии милитаристской пропаганды и реакционной политики правительства Либерально-демократической партии (ЛДП). Не повторяется ли история? — задумывается автор. Ведь, как признает далее М. Исибаси, приемы и аргументы нынешних сторонников милитаристского курса во многом схожи с антикоммунистической, антисоветской пропагандой 30—40-х годов, с завершившейся подписанием агрессивного «антикоминтерновского пакта» политикой военных союзов того времени, с обоснованием военных авантур японского империализма на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии «необходимостью» защиты «безопасности Японии» и ее «жизненных интересов» далеко за пределами Японских островов, с беззастенчивым империалистическим угнетением азиатских соседей под лозунгом создания «сферы сотрудничества Великой Восточной Азии».

Японского социалиста тревожат факты отступления части оппозиционных сил перед натиском буржуазной пропаганды, взывающей к национальным чувствам японцев и заявляющей о том, что Япония имеет право на вооружение «в целях обороны». Указывая на капитулянтское поведение Партии демократического социализма (ПДС), уже давно вставшей на путь одобрения японо-американского союза и признания существующих в нарушение конституции «войск самообороны», и отмечая, что на такие же позиции скатывается Партия чистой политики (Комэйто), а внутри СПЯ некоторые деятели поговаривают о придании политике партии большей «реальности», имея в виду ее фактический пересмотр в аналогичном направлении, автор напоминает: «Довоенный милитаризм также начал быстро развиваться с того времени, как политические партии и политики, страшась армии и занеживая перед ней, прекратили критику в ее адрес» (с. 39). Тогда самой первой пошла на сближение с военной Социалистическая массовая партия (Сякай тайсюто). Примеру этой партии ныне следуют «демократические социалисты», и это опасный симптом.

М. Исибаси призывает к бдительности поскольку сторонники милитаристского курса рядятся в тогу «патриотизма», а тех, кто этот курс отвергает, обвиняют в отсутствии патриотических чувств. Не отрицая патриотизма в истинном понимании, Исибаси предостерегает от развития его в ложном направлении. Нынешние националистические призывы японских правящих кругов и реакционных сил, в том числе оголтелая пропаганда так называемой «советской военной угрозы», по оценке автора, призваны способствовать наращиванию военной мощи, в то время как в современных условиях нужны «не культивирование псевдопатриотизма, имеющего связь с возрождением великой военной державы, а усилия, направленные на подлинное утверждение конституционного строя, зиждущегося на трех опорах — мире, демократии и уважении основных прав народа» (с. 75).

Обращение М. Исибаси к вышеупомянутым принципам японской конституции не случайно. В условиях, когда уровень экономического и научно-технического развития Японии — второй промышленной державы капиталистического мира — не является препятствием для усиления ее военного потенциала вплоть до оснащения вооруженных сил ракетно-ядерным оружием, главной сдерживающей силой милитаризации страны служит общественное мнение, опирающееся в Японии на содержащееся в послевоенной конституции законодательное запрещение обладать вооруженными силами. Вот почему одновременно с призывами к тому, чтобы Япония по примеру Великобритании, Франции и ФРГ выделяла на оборону 3—4% валового национального продукта, то есть в 3—4 раза больше, чем в настоящее время, реакционные круги стремятся оправдать политику военных союзов и наращивания вооружений «естест-

* Масаси Исибаси. Хибусо тюрлицу эрон. Токио, 1980, 209 с.

венной заботой» о безопасности страны, подготавливая тем самым условия для пересмотра действующей конституции, провозглашающей отказ от войны как средство решения международных споров.

В книге вскрывается подоплека милитаристской пропаганды, показано, кому выгодна политика наращивания вооружений Японии, ее военный союз с Соединенными Штатами. На проведении такой политики настаивают, как известно, прежде всего правящие круги США, добивающиеся того, чтобы Япония неизменно служила бастионом мировой капиталистической системы в Азии, выполняла роль послушного и в то же время сильного союзника в осуществлении глобальной гегемонистской, агрессивной стратегии американского империализма. Требования Вашингтона быстрыми темпами увеличивать военные расходы Японии, существенно повысить долю ее ответственности и реального вклада в рамках империалистической солидарности стали особенно настоятельными после того, как США потерпели поражение в грязной войне на Индокитайском полуострове. Подлинная цель этих требований США, по мнению М. Исбаси,—создать азиатский вариант НАТО, объединить западный и восточный блоки американского империализма, с тем чтобы иметь возможность вмешиваться в дела, происходящие в любой точке мира, рассматривая их, образно выражаясь, как «пожар у соседа» (с. 107).

М. Исбаси отмечает, что к внешним силам, подталкивающим Японию на путь наращивания вооружений, одобряющим ее военный союз с США, относится сейчас и Китай. Забыв пропагандируемый ранее лозунг «американский империализм — общий враг китайского и японского народов», критику японского милитаризма, пекинские лидеры стремятся побудить оппозиционные партии Японии последовать их примеру. М. Исбаси вспоминает, что во время его поездки в Пекин в 1970 г. в составе делегации СПЯ пекинские руководители выражали неодобрение позиции Социалистической партии, выступающей за «невооруженный нейтралитет». Совершенно недвусмысленно в поддержку милитаризации Японии и ее военного союза с США высказался во время визита в Токио Дэн Сяопин. Взгляды Пекина, отмечает японский социалист,—логическое продолжение его антисоветской стратегии (с. 109). Японские правящие круги возлагают большие надежды на антисоветизм пекинского руководства. Именно это подтолкнуло их на сближение с Китаем. В книге приводятся многие заявления высокопоставленных лиц из Управления национальной обороны, свидетельствующие о замысле японской военной, основываясь на «крупномасштабной стратегии», привлечь на свою сторону Китай и организовать «противоборство» с Советским Союзом объединенными силами США, Японии и Китая.

Автор не склонен ограничиваться анализом внешних факторов. Он обращает внимание и на другие, не менее важные моменты. Монополистический капитал и

консервативные политики, пишет М. Исбаси, вновь стремятся к господству в Азии, тем более что английского и французского военного присутствия там уже нет, а позиции американского империализма ослабли. На усиление милитаристских амбиций японского правительства оказывает значительное воздействие сформировавшийся в Японии военно-промышленный комплекс. Ежегодно 130—140 генералов, адмиралов и полковников должны уходить в отставку. Более половины из них, как правило, стремятся устроиться на службу и почти все получают работу в компаниях, выполняющих военные заказы. Интересы «торговцев смертью», делает вывод М. Исбаси, полностью совпадают с интересами военных. Их не волнует возможность возникновения вооруженных конфликтов, они думают только об увеличении производства вооружений. С ними солидарны многие политики и правительственные чиновники, о чем свидетельствует цепь разоблачений их коррупции в связи с закупками оружия (с. 55—58).

В книге используются наблюдения профессора университета Сайтама Тосио Камакура, анализирующего на страницах печатного органа СПЯ² экономическую подоплеку единодущия японских правящих кругов с администрацией США в антисоветских действиях и пропаганде. Антисоветизм правительства Картера, развернутая им шумная кампания против «советской военной угрозы» должны были, по мнению этого ученого, отвлечь народные массы от проблем американской экономики путем создания напряженности на внешнеполитической арене, способствовать оживлению экономики за счет увеличения военных расходов и военного производства. США надеялись, что эта разнузданная антисоветская кампания подтолкнет Японию и страны НАТО к дальнейшему наращиванию вооружений, к увеличению импорта американского оружия. В свою очередь Япония, поддерживая антисоветизм правительственных кругов США, рассчитывает, что это позволит ей уклониться от обвинений со стороны Соединенных Штатов в невыполнении обязательств по двустороннему военному союзу и облегчит сохранение экспорта промышленной продукции в США, даст возможность монополиям получить выгодные военные заказы и, наконец, создаст благоприятные условия для обеспечения экономических интересов монополистического капитала путем формирования под его эгидой тихоокеанской экономической зоны.

«Я хочу подчеркнуть,—заключает М. Исбаси,—что господствующие классы Японии, независимо от давления со стороны США, по собственной воле все более активно стремятся к наращиванию вооруженных сил» (с. 53). По его мнению, имеют место как «подъем гегемонистского мышления» в самой Японии, так и «проявление согласия с американскими требованиями»

² «Гэккан Сякайто», 1980, № 8.

(с. 99). С одной стороны, господствующие круги Японии преследуют цель утверждения нынешних «войск самообороны» в качестве армии империалистического характера, одного из звеньев аппарата, защищающего существующую систему, основы для обеспечения своих экономических выгод. С другой стороны, происходит укрепление военной солидарности Японии с США при отстаивании общих интересов капиталистического мира (с. 101). С такими выводами японского социалиста нельзя не согласиться.

М. Исисаби указывает на беспокойство и сомнения в массах японского народа, порожденные тем, что находящиеся у власти либеральные демократы не только не принимают какие-либо меры для ослабления напряженности в Азии, но и не проявляют стремления к этому и, напротив, прилагают усилия к обострению напряженности, а затем, утверждая, что обстановка в этом регионе нестабильна и опасна, настаивают на увеличении «войск самообороны», на усилении японо-американской системы безопасности (с. 120).

Чтобы разорвать этот порочный круг, М. Исисаби предлагает пойти по пути «невооруженного нейтралитета», суть которого состоит в роспуске «сил самообороны» и расторжении японо-американского «договора безопасности». Он опровергает обвинения правящих кругов в «нереалистичности» такой политики, доказывает несостоятельность бытующих среди определенной части населения опасений, что Япония окажется беззащитной и станет жертвой агрессии со стороны какого-либо государства. Сравнивая два внешнеполитических курса — нынешний, традиционно проводимый либерально-демократическими правительствами и предусматривающий дальнейшее наращивание вооружений и втягивание Японии в глобальные планы старшего партнера, США, и предложенный Социалистической партией курс «невооруженного нейтралитета», — М. Исисаби аргументированно доказывает, что социалисты отстаивают не сравненно лучший и вполне реальный путь обеспечения безопасности Японии, не ущемляющий коренных интересов народов соседних стран, способствующий упрочению мира в Азии и на Дальнем Востоке, вносящий вклад в укрепление мира на всей земле.

Призывая к совершенствованию и увеличению «войск самообороны», либеральные демократы надеются, что военная мощь явится фактором, «предупреждающим агрессию». Но наращивание вооружений, подчеркивает автор, это «путешествие по дороге без конца». Не случайно деятели из правительства ЛДП уже сейчас публично, в том числе в парламенте, заявляют о том, что «пределы самообороны» относительно и могут меняться в зависимости от конкретных международных условий, уровня развития военной техники и т. п. (с. 50). Расходы на оборону, хотя их доля ниже, чем в некоторых европейских странах, уже сейчас нельзя считать недостаточными: они в пять раз превышают весь бюджет трех

азиатских государств — Таиланда, Индонезии и Филиппин (с. 28—29). Объявляя своим потенциальным противником Советский Союз, Япония еще более втягивается в гонку вооружений.

М. Исисаби опровергает надежды легковерных оптимистов на то, что в условиях существования в Японии системы «гражданского контроля» над армией милитаристы не смогут втянуть страну на путь военных авантур. Рост японских вооруженных сил уже привел к повышению роли военщины в определении политики страны. В такой обстановке идет выхолащивание системы «гражданского контроля». Эффективность этой системы в немалой степени зависит от характера самой армии и от того, насколько сознательны гражданские политики, призванные осуществлять контроль над армией. Это свое наблюдение М. Исисаби иллюстрирует примерами того, как не просто пресекает действия военщины уже в настоящее время.

Именно представители военных кругов явились инициаторами постановки правительства Японии вопроса о введении законодательства на случай «чрезвычайных обстоятельств». Никаких перемен не принес вынужденный уход в отставку председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Курису после его заявления осенью 1978 г. о том, что командование «войск самообороны» в случае внезапного нападения будет вынуждено действовать, не считаясь с установленным законом порядком, то есть до получения приказа премьер-министра. Взгляды Курису были фактически повторены, хотя и в более дипломатичной форме, когда вслед за его уходом в отставку Управление национальной обороны изложило свое «единое мнение» — рекомендацию подготовить соответствующее законодательство, развязывающее военине руки при «чрезвычайных обстоятельствах». Мнение военных получило поддержку правительства и премьер-министра Фукуда. Замыслы о введении «чрезвычайного законодательства» — это попытка прорыва на слабом направлении, осуществляемая как часть общего плана наступления реакции с целью пересмотра конституции, притом не только ее мирных положений, но и статей, декларирующих уважение основных прав человека. Милитаризм и наступление на демократию идут рядом. Попытки провести через парламент законы на случай «чрезвычайных обстоятельств» пока оказались неудачными, но они были предприняты, по мнению М. Исисаби, как реакция правящих кругов на ослабление сопротивления сил оппозиции. Следует ожидать повторения такого рода попыток, предупреждает автор.

Опасный характер имеет ориентация японского правительства на военный союз с США, его стремление использовать сближение с Китаем в интересах антисоветского шантажа. Для того чтобы Япония могла рассчитывать на защиту со стороны американских вооруженных сил, она сама должна быть готовой принимать участие в авантюрах американского империализма.

В книге показано, что развитие японо-американских союзнических отношений идет именно в направлении признания Японией взаимного характера обязательств. Об этом свидетельствуют принятые «Руководящих принципов» военного сотрудничества двух стран (ноябрь 1978 г.), участие японских вооруженных сил в маневрах не только совместно с США, но и вместе с другими странами региона (учения «Римпак-80»), выдвигание официальными лицами правительства Японии вопроса о «праве на коллективную оборону», о включении японских частей в войска ООН с целью легализовать посылку японских войск на чужие территории.

Выбор пути милитаризации Японии и тесного военного союза с США, прочих союзнических или им подобных отношений, направленных против третьих стран, включает в себе возможность втягивания в вооруженные конфликты, угрожающие безопасности японского народа. В случае же возникновения вооруженного конфликта, порожденного столь недальновидной политикой Японии, автор уверен, что своевременная помощь от союзника не последует. Если произойдет столкновение с Советским Союзом — а ведь именно его правящие круги объявляют противником, — США, по мнению М. Исисаки, отнюдь не бросятся спасать Японию. Разве войны Соединенных Штатов на Корейском и Индокитайском полуостровах не объяснялись тем, что их противниками были малые государства? Но и в этих войнах США не только не победили, но, напротив, потерпели поражение, что послужило основанием для размышлений по поводу результативности этой американской политики. Если же допустить решимость США пойти на прямое столкновение с Советским Союзом, рассуждает автор, то в этом случае помощь придет слишком поздно: не раньше, чем через 10—12 дней (с. 95—96). Японские военные специалисты считают, что одни «войска самообороны» не могут долго продержаться. Вряд ли имеется необходимость ссылаться на их гипотетические расчеты, приведенные в рецензируемой книге (с. 60—61). Важно лишь отметить, что обращение к здравому смыслу — лучший аргумент, заставляющий задумываться самые горячие головы.

М. Исисаки проникнут верой в то, что для Японии «более важно думать о том, как предотвратить войну, нежели, как противостоять агрессии» (с. 40). Лучшим путем к обеспечению безопасности Японии он считает «невооруженный нейтралитет», то есть проведение политики мира и нейтралитета, отрицающей вооружение, предполагающей сосредоточение усилий на создании дружественных отношений с другими странами и благоприятной международной обстановки. Если Япония сама не будет создавать конфликтные ситуации, ей, окруженной со всех сторон морем, не нужно будет опасаться агрессии, отмечает автор. Отказ от «договора безопасности» с США, по которому социалистические страны считаются противником, а американским вой-

скам переданы военные базы на японской территории, приведет к ликвидации факторов, заставляющих Японию опасаться удара с их стороны.

У М. Исисаки нет сомнений в реальности такого шага. Интересен один из его аргументов. Еще сравнительно недавно японское правительство рассматривало Китай как своего врага, а теперь быстро перешло к дружественным отношениям. Хотя оно преследовало, как отмечалось выше, особые цели, тем не менее в результате восстановления государственных отношений двух стран, заключения Договора о мире и дружбе возник настоящий «бум дружбы» с Китаем. Таким образом, делает вывод автор, и в отношениях с социалистическими странами главную роль играет заинтересованность японского правительства в развитии дружественных отношений с ними или, напротив, сдерживание добрососедства путем искусственного создания напряженности.

М. Исисаки подробно излагает взгляды социалистов на обеспечение безопасности Японии. Решение задач роспуска «войск самообороны» и расторжения японо-американского военного союза как важнейших акций в этом деле он связывает с приходом к власти в Японии СПЯ.

В книге обосновывается курс на постепенный роспуск «войск самообороны», учитывающий соотношение сил в парламенте и степень поддержки правительства народным фронтом, предполагающий активную воспитательную работу среди военнослужащих и сопровождающийся проведением дипломатии мира и нейтралитета и завоеванием общественной поддержки мероприятий правительства. Важно, подчеркивает М. Исисаки, «несмотря ни на какие трудности, не забывать о цели невооружения, твердо прилагать усилия к ее достижению» (с. 84).

Первым внешнеполитическим шагом правительства СПЯ должно стать «немедленное уведомление США об аннулировании договора и осуществление его в процессе дипломатических переговоров» (с. 121). Одновременно требуется развернуть народное движение за ликвидацию военного союза и американских военных баз на территории Японии. М. Исисаки считает, что при таком подходе Соединенные Штаты, будучи заинтересованы в сохранении отношений с Японией не меньше, чем она сама, а также из-за опасений, чтобы ответные репрессивные меры не подтолкнули Японию в противоположный лагерь, пойдут на заключение договора о дружбе, не имеющего военного содержания.

К другим внешнеполитическим шагам, направленным на создание стабильных дружественных отношений с иностранными государствами, относится заключение мирного договора с СССР, восстановление государственных отношений с КНДР. Заявления Японии о нейтралитете и невооружении должны быть подкреплены «системой обеспечения мира через договоры об отношениях с США, Советским Союзом и

Книга, гарантирующие Японии нейтралитет и ненападение и заключенные с каждой страной отдельно или коллективно» (с. 83). Выдвигается также идея учреждения невооруженной зоны в Азии и Тихом океане с последующим ее расширением и созданием «единого пояса неприсоединения и нейтралитета» (там же).

Связывая расторжение японо-американского «договора безопасности» и роспуск «войск самообороны» с завоеванием социальными властями, М. Исисаби в то же время указывает на необходимость и в условиях правительства ЛДП вести постоянную борьбу против американских военных баз, заходов атомных подводных лодок США в японские порты, за заключение мирного договора с СССР и создание условий для ослабления военных связей между Японией и США. В книге высказывается предложение о возможности постановки реакционными силами в 80-е годы вопроса о пересмотре конституции уже в практическом плане путем введения «чрезвычайного законодательства» и ухудшения избирательной системы (учреждение мелких избирательных округов, создающее преимущество либеральным демократам, что может обеспечить им расширение представительства в парламенте, необходимого для пересмотра конституции). Будут продолжаться также атаки против СПЯ как крупнейшей партии оппозиции с целью добиться ее «перерождения» и тем самым ослабить силы, выступающие против ликвидации послевоенных демократических завоеваний. М. Исисаби призывает немедленно активизировать борьбу за недопу-

щение пересмотра мирной конституции, против увеличения военных расходов, проведения через парламент законов на случай «чрезвычайных обстоятельств» и других реакционных законопроектов правительства ЛДП. Успех в этой борьбе М. Исисаби во многом связывает с «возрождением» СПЯ, укреплением ее на позициях «невооруженного нейтралитета», развитием рабочего движения, сплочением оппозиционных партий, прогрессивных сил Японии.

Книга М. Исисаби — показатель серьезной озабоченности демократических сил обстановкой в Японии, стоящей на перепутье. Дальнейшая судьба этой страны определяется противоборством между реакционными, милитаристскими силами и прогрессивным лагерем, выступающим за мир и нейтралитет. К сожалению, рассматривая условия отпора реваншистским тенденциям, автор лишь в самых общих чертах говорит о необходимости сплочения демократических сил, обходит весьма насущную задачу налаживания совместных действий социалистов и коммунистов, которых, несмотря на определенное различие во взглядах на процессы ликвидации военного союза с США и будущность «войск самообороны», объединяет общая антимиитаристская направленность и ориентация на мирное и нейтральное развитие Японии.

Книга содержит большой фактический материал и много полезных наблюдений для тех, кто интересуется обстановкой на Дальнем Востоке.

И. А. Цветова

* * *

Начало революционного движения в Китае*

Национально-освободительное движение в странах Азии, Африки, Латинской Америки стало в наше время одним из важных факторов мирового прогресса. Специфика национально-освободительного движения и борьба в отдельных странах составляют важный предмет исследования марксистских ученых. Монография, принадлежащая перу известного советского историка В. Н. Никифорова, освещает начало революционного процесса нового времени в такой большой и самобытной стране, как Китай.

* Первые китайские революционеры. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 254 с.

До XIX в. китайское общество, как, впрочем, и другие страны Дальнего Востока — Вьетнам, Корея, — знало крестьянские войны, восстания против прежних завоевателей (например, в XVII в. — маньчжуров) и стихийные бунты против появившихся новых порабощителей — капиталистических колонизаторов Европы, США, Японии. В конце XIX в. возникает качественно новое явление в общественной жизни — зарождается сознательное демократическое движение, зачинателем которого в Китае выступает Сунь Ятсен, в соседних с ним странах — Ким Ок Кюн (Корея), Фан Бой Гяу (Вьетнам), Хосе Рисаль (Филиппины) и др.

В рецензируемой монографии детально разбираются ход и программа первого буржуазно-демократического выступления в Китае в 1895 г. под руководством Сунь Ятсена и Ян Цюйюня. На основе множества опубликованных источников (китайских и западных), а также британских дипломатических архивов автор доказывает, что это раннее движение носило более умеренный характер, чем обычно считалось в литературе. Оно не выходило за рамки устранения чужеземной маньчжурской династии Цин, проведения западных реформ и введения конституции. Вопрос

о форме государства (монархия или республика) не был решен. Автор показывает, что, по существу, эта программа лежала в основе требований буржуазных революционеров Южного Китая и в 1900, и в 1902—1903 гг. В Центральном Китае партия Тан Цайчана в 1900 г. считала даже возможным сохранить на престоле даже возможным сохранить на престоле императора-маньчжура, свергнув лишь главу реакционной клики — императрицу Цыси.

У первых китайских революционеров не было ясно выраженного лозунга республики, не было и социальных требований, сколько-нибудь импонирующих низам. Отдельные мысли в том и в другом направлении уже возникали, как показывает автор, у Сунь Ятсена, но они не были им обнародованы вплоть до 1905 г. (к 1903—1905 гг. следует относить начало формирования суньятсенизма как системы взглядов).

Революционное движение нового времени в Китае зарождалось как буржуазное, ограниченное узко антиманьчжурскими задачами. Почвой, на которой выростал и расцветал этот антиманьчжуризм, были возмущение и протест против угнетавшего Китай империализма. Но среди революционеров господствовало твердое убеждение, что блок империализма и цинской династии сокрушить невозможно. Поэтому первоочередной задачей признавалась антиманьчжурская борьба, а лозунг изгнания империалистов из Китая откладывался, маскировался; признавались допустимыми компромиссы и блоки с империалистическими правительствами против господствующего в Китае цинского режима.

Опыт национально-освободительного движения показывает, что борьба народов за национальное и социальное раскрепощение обычно начиналась с национально-этого этапа. Рецензируемое исследование позволяет более дифференцированно подойти к этому вопросу. В самом деле, у некоторых народов Востока стадии сознательной всенародной антимпериалистической борьбы предшествовала борьба за национальное освобождение, в первую очередь от традиционных феодальных чужеземных захватчиков: в арабских странах — от турецких, в Монголии — от китайских, в Китае — от маньчжурских и т. д. Задачи освобождения от чужеземцев оказывались тем более неотложными, чем больше интонациональные угнетатели выступали в роли носителей отжившего способа производства или даже (как маньчжуры) были гораздо более отсталыми по уровню своего развития, чем завоеванная и управляемая ими страна.

Характеризуя период 1894—1903 гг., В. Н. Никифоров показывает, что в целом этот период отличался недостаточным размежеванием в Китае между революционными и либерально-реформаторскими элементами: революционеры заимствовали у реформаторов часть программы, вели с ними переговоры о сотрудничестве и даже о возможности слияния. Некоторые лидеры реформаторов (Лян Цичао) одно время зашли довольно далеко в своей эволюции

в направлении сближения с революционной партией. Автор монографии, по нашему мнению, прав, когда говорит о колебаниях Лян Цичао между реформой и революцией, а не о сознательном обмане им революционных лидеров.

В монографии отмечена такая важная черта антиправительственной борьбы в Китае нового времени, проявившаяся с самого начала, как возможность существования революционных баз на периферии страны. Планы создания баз в Южном Китае строили Сунь Ятсен и его соратники в 1895 и 1910 гг. Эта особенность политической борьбы в Китае, находящая свое объяснение в полуфеодальной раздробленности экономики страны, в неравномерности созревания в ней революционной ситуации, неоднократно проявлялась потом в новейший период. И Сунь Ятсен, и позже Компартия Китая не раз основывали революционные базы в отдаленных от центра районах и с этих баз годами вели военные действия против сил реакции.

Если говорить о том наиболее общем новом, что рецензируемый труд добавляет к нашим представлениям о революционном процессе в Китае на рубеже XIX — XX вв., то это следующее. Освободительный процесс в Китае не проходил, как иногда представляется в литературе, с самого начала под руководством революционно-демократической партии. Во-первых, эта партия (в лице Сунь Ятсена) не оформилась еще в 1884—1903 гг. как революционно-демократическая; в своих практических требованиях она еще недалеко ушла от тогдашних либеральных деятелей. Во-вторых, Сунь Ятсен и его сторонники не были в тот ранний период единственными в Китае сторонниками насильственного свержения правящего режима: в 1899—1900 гг. сходные цели ставила себе возникшая в Центральном Китае организация Тан Цайчана. В-третьих, даже в «Союзе возрождения Китая», который основал Сунь Ятсен, он не являлся еще в тот период единственным и неоспоримым вождем. В оппозиции к нему стояла гонконгская группа Ян Цююня и Се Цзуаньтая. В 1895—1900 гг. официальным лидером «Союза возрождения Китая» считался Ян Цююнь.

Как показывает В. Н. Никифоров, полицентризм — характерная с самого начала особенность структуры революционного движения в Китае. Вместе с тем в 1898—1899 гг. была предпринята первая попытка создания всекитайской революционной партии, закончившаяся в то время неудачей вследствие начавшегося размежевания между революционно-республиканскими и либерально-конституционными элементами. Следующая попытка создания всекитайской партии была предпринята революционерами только в 1905 г., когда, как известно, им удалось организовать партию «Тунмэнхуэй» («Объединенный союз», или «Союзная лига») с Сунь Ятсеном во главе.

Автор рецензируемой книги говорит о социальном составе и классовом характере первых двух китайских революционных ор-

анизаций (Сунь Ятсена — Ян Цююня и Гань Цайчана). Первая объединяла в основном европейски образованную прослойку (врачи, служащие, христианские священники) и эмигрантскую буржуазию; вторая — носителей традиционных ученых тепеней и студентов. В дальнейшем, отмечает В. Н. Никифоров, рост рядов буржуазно-революционных партий шел преимущественно по второй линии. Западничья разночинная прослойка представляла в Китае тонкий слой, была ограничена неограниченными открытыми портами. Эмигрантская же буржуазия находилась сравнительно далеко от Китая и оказывала освободительную борьбу на родине преимущественно финансовую поддержку.

Китайская буржуазия (кроме эмигрантской буржуазии) в указанный период не спешила оформиться в самостоятельный класс. Политическим выразителем ее интересов выступала преимущественно интеллигенция, феодальная по социальному происхождению и отчасти по образованию. Это не отрицает того факта, что, как правильно отмечает автор книги, рассматриваемое в монографии китайское освободительное движение было по характеру буржуазным. Оно ставило своей целью развитие Китая по образцу западных, то есть капиталистических, государств, оно не выходило за рамки буржуазных планов и перспектив. Приятно имелся в виду в основном недемократический путь развития капиталистических отношений, путь приспособления к империализму помещичьего класса, а не радикальная ломка феодальной экономики в интересах крестьянства.

Относительно неглубокий характер революционного процесса в китайском обществе на рубеже XX в. наглядно отражается в методах и действиях буржуазных революционеров. В рецензируемой книге показано, что роль ударной силы революции неизменно отводилась тайным антиманьчурским братствам средневекового типа, «хуэйданам». Наличие в Китае многочисленных организаций такого типа, объединявших в своих рядах крестьян, ремесленников, торговцев (часто деклассированных или деклассирующихся) и руководимых феодальными выходцами из класса феодалов, составляет одну из специфических черт традиционного китайского общества и освободительного движения в Китае. «Красные пинки» и другие подобные им организации участвовали потом, как известно, в тайваньской революции 1925—1927 гг. и в недавнейших исторических событиях. Иногда они выступали вместе с революционными силами, иногда реакционерам удавалось направить их против прогрессивного движения.

Рецензируемая книга помогает уяснить специфику некоторых подобных явлений новейшей китайской истории. Вместе с тем она показывает, до какой степени Китаю начала XIX — начала XX вв. были свойственны черты отсталости, средневековья.

В. Н. Никифоров ставит в своей работе ряд проблем, выходящих за рамки одного Китая. Националистическим китайским ис-

торикам во все времена было свойственно рассматривать освободительное движение в Китае оторвано от международной революционной борьбы. Вопреки этому рецензируемое исследование показывает, что даже на заре своего зарождения революционный процесс в китайском обществе испытывал сильные внешние влияния, был тесно связан с освободительными выступлениями других народов. Китайские буржуазные революционеры подражали сначала Японии, потом Франции и США, потом, по мере роста русской революции, пытались подражать ей.

Первая республика на китайской земле — на острове Тайвань — возникла в 1895 г., то есть через два года после провозглашения республики на Гавайях, тоже оказавшая определенное влияние на Китай (через китайцев-эмигрантов). Национально-освободительная революция на Филиппинах в конце XIX в. оказывала прямую помощь китайским демократам. Выступление японских демократов под руководством Оя Кэнтаро в поддержку известного кружка корейских патриотов, возглавляемого Ким Ок Кюном, также имело большое влияние на будущих японских друзей Сунь Ятсена, таких, как братья Миядзакэ. Оно послужило как бы репетицией отношения определенных японских кругов также и к китайским революционерам.

Еще одной сложной проблемой, затрагиваемой в рассматриваемой монографии, являются взаимоотношения китайских буржуазных националистов с империалистическими державами. На большом конкретном материале в книге прослежено, как революционеры, искавшие союзника против Цинов на международной арене, но не имевшие контакта с мировыми прогрессивными силами (с рабочим классом капиталистических стран), неизбежно приходили к тактическим союзам с самыми агрессивными элементами колониалистской буржуазии Англии, Японии и других государств.

Перед нами — один из ранних примеров того трагического противоречия, в какое национализм заводил ряд патриотических деятелей стран Азии, начиная с Ким Ок Кюна и кончая Субха Чандра Босом. Такова же на протяжении многих лет была участь Сунь Ятсена. Лишь интернационалистическая помощь, оказанная Китаю в новейший период Советским Союзом, международным коммунистическим движением, помогла впоследствии Сунь Ятсену и другим патриотам Китая найти себе подлинных друзей.

Не все вопросы в монографии исследованы одинаково подробно. Автор, например, касается либерально-конституционного движения в Китае лишь в той мере, в какой оно прямо смыкается с революционным. В иных случаях автор отсылает читателя к монографиям С. Л. Тихвинского, А. Г. Крымова и других. В истории революционных организаций, составляющих основной объект изучения В. Н. Никифорова, автор подробнее исследовал направления Сунь Ятсена, Ян Цююня и Се Цзуаньтая, несколько менее

подробно — Тан Цайчана (хотя в целом показ в его книге движения Тан Цайчана мы считаем заслугой автора). Каждый из таких деятелей, как Тань Сытун, Чжан Бинлинь, заслуживал бы, по нашему мнению, особой монографии в силу значительности влияния, оказанного ими в свое время на передовые элементы китайского общества.

Недостатком рецензируемой книги следует признать довольно большое количество опечаток (некоторые из них досадные). Хорошо, что работа иллюстрирована порт-

ретами исторических деятелей, но жаль, что в ней отсутствует иероглифический указатель.

Книга В. Н. Никифорова, написанная ярко, увлекательно, содержащая интересные мысли и выводы, с большой пользой будет прочитана как специалистами, так и более широкими читательскими кругами, особенно будет полезна преподавателям и студентам.

Г. Ф. Ким,

член-корреспондент АН СССР

Китай и страны Юго-Восточной Азии

3 а последние два десятилетия внешнеполитическая стратегия китайского руководства претерпела коренные изменения. От экстремизма в борьбе с империализмом в 60-е годы уже к середине 70-х оно перешло к проимпериалистической политике, к борьбе с международными социалистическими и другими революционными и прогрессивными силами. Характеризуя внешнеполитическую деятельность нынешнего китайского руководства, товарищ Л. И. Брежнев в докладе на XXVI съезде КПСС говорил, что «... о каких-либо переменах к лучшему во внешней политике Пекина, к сожалению, пока говорить не приходится. Она по-прежнему нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма»¹. В этих условиях последовательное разоблачение великодержавной сущности внешнеполитического и внешнеэкономического курса нынешнего Китая, и в частности развенчание попыток китайского руководства создать широкий антисоветский фронт под эгидой Пекина, является одной из наиболее актуальных задач советской науки. Рецензируемая работа* вносит свой вклад в решение этой важной идеологической и политической задачи.

Монография С. А. Манежева посвящена исследованию экономических отношений Китая со странами Юго-Восточной Азии. Этот регион, как известно, играет видную роль в международной экономике и политике. Он является одним из важных рынков сбыта и сфер приложения капитала. За укрепление и расширение влияния здесь

издавна соперничают такие империалистические державы, как Япония, США, Англия, ФРГ, Австралия и др.

Вместе с тем, как отмечает автор, Юго-Восточной Азии традиционно отводится особая роль во внешнеэкономической политике Пекина. Считая ЮВА исконной сферой китайского преимущественного влияния, пекинское руководство стремится к достижению широкого хозяйственного и политического контакта со странами региона, опираясь на влияние местной китайской общины, используя географическую близость этих стран и наличие у них традиционных связей с Китаем в области культуры и экономики. В результате экономические связи КНР со странами ЮВА, на долю которых, по подсчетам автора, приходится 35—45% товарооборота Китая со всеми развивающимися странами, представляют собой намного более развитую систему отношений, чем контакты с государствами Африки или Латинской Америки. Все это позволяет автору справедливо считать ЮВА первоочередным объектом внешнеполитической и внешнеэкономической экспансии КНР, на примере которого можно достаточно полно судить о сущности отношений, навязываемых Пекином развивающимся странам, о способах использования их китайским руководством в своих интересах (с. 6).

Представляя собой одно из первых специальных исследований экспансионистской деятельности Пекина в ЮВА, книга С. А. Манежева имеет немалое практическое значение. Пытаясь препятствовать сближению государств региона со странами социалистического содружества, Пекин наносит ущерб интересам народов ЮВА. Ситуация особенно обострилась в последние годы, отмеченные активизацией притязаний Пекина на гегемонию в ЮВА. Военная агрессия в отношении социалистического Вьетнама, постоянное провоцирование вооруженных столкновений на границах индокитайских государств, поддержка реакционных сил в регионе — все эти действия Пекина привели к возникновению в ЮВА опасного очага международной напряженности.

Заслуживает положительной оценки структура анализа поставленных в моно-

¹ «Правда», 23.II.1981.

* С. А. Манежев. Экономические отношения КНР со странами Юго-Восточной Азии. М., «Наука», 1980, 192 с.

графии проблем. Первая глава книги посвящена исследованию исторических, политических и экономических основ деятельности КНР в ЮВА в период с 1950 г. по настоящее время, эволюции внешнеэкономического курса Пекина в регионе и общих результатов его проведения. Подтверждая периодизацию отношений КНР с ЮВА детальным анализом основных показателей динамики и структуры их торгового обмена, автор определяет состав и соотношение экономических и политических факторов, формирующих внешнеэкономический курс Пекина в ЮВА, характеризует их взаимодействие. Период за периодом в работе прослеживается, как внешнеэкономическая политика КНР в регионе превращалась из средства равноправного сотрудничества сторон в действенный рычаг политического и экономического нажима Пекина на соседние страны.

В работе показано, что, маневрируя объемами и главными направлениями своей торговли, китайское руководство с начала 60-х годов проводит политику экономической экспансии в Юго-Восточной Азии. Аргументированные экспертные оценки, удачно подкрепленные разнообразным фактическим и цифровым материалом, позволяют автору вскрыть основные цели этой экспансии, заключающиеся в извлечении Пекином односторонних выгод из хозяйственного обмена с ЮВА, в изоляции стран региона от социалистического содружества и вовлечении их в антисоветскую внешнеполитическую деятельность. В конечном итоге, справедливо отмечает автор, китайская экспансия в Юго-Восточной Азии нацелена на захват экономического и политического приоритета в регионе (с. 32).

Важное место в рецензируемой книге занимает вторая глава. Содержащийся в ней анализ форм и методов экономической экспансии Пекина на рынках ЮВА раскрывает основные пружины этого процесса, позволяет судить о его дальнейших перспективах. Автор приходит к выводу об использовании Китаем свойственной империалистическим государствам демпинговой тактики при экспорте своей продукции на рынки региона. Показана характерная особенность экономических отношений Китая с ЮВА: одностороннее наращивание сбыта товаров КНР путем посреднических реэкспортных, а зачастую и просто контрабандных операций Пекина в обход средств валютной и таможенной защиты интересов государств региона.

Особенно актуальным представляется изложение о ключевой роли зарубежной китайской буржуазии в экономическом проникновении КНР в ЮВА. Обуславливая одностороннее поступление в Китай крупных валютных ресурсов в виде «семейных» денежных переводов, срочных банковских вкладов и инвестиций, зарубежная китайская буржуазия в то же время допускает Пекином к прямому участию в прибылях от массового сбыта китайской продукции на рынках ЮВА. Крепнущее сотрудничество Пекина с зарубежной китайской буржуазией является важным фак-

тором развертывания экономической экспансии Китая в регионе, подчеркивает автор (с. 84).

Порождая растущую утечку дефицитных финансовых ресурсов из стран ЮВА, экономическая экспансия КНР наносит прямой ущерб интересам самостоятельного хозяйственного развития стран региона. По подсчетам автора, во второй половине 70-х годов чистый валютный доход КНР от торговли со странами АСЕАН составлял в среднем около 0,5 млрд. долл. ежегодно. Это почти в четыре раза выше уровня предыдущего десятилетия и почти вдвое больше среднегодовой выручки Китая в 1970—1974 гг. (с. 52). Извлекаемая таким путем валюта перекачивается Пекином на Запад в качестве оплаты китайских закупок промышленного оборудования и вооружения. Такое положение, как указывает автор, противоречит стратегическим интересам развивающихся стран, «затрудняет решение проблемы накопления — важнейшей проблемы на пути освободившихся стран к экономической самостоятельности» (с. 53).

В третьей главе монографии подробно разбираются особенности экономических отношений Китая с каждой страной ЮВА в отдельности, дифференцированно характеризуется динамика и структура их торгового обмена. В книге показано, что Пекин заинтересован в получении значительных количеств натурального каучука и закупает в регионе преимущественно только это важное стратегическое сырье. Между тем страны ЮВА располагают значительными экспортными ресурсами других товаров, в частности готовых изделий, однако Китай уклоняется от закупок таких товаров и тем самым игнорирует хозяйственные нужды стран ЮВА.

В то же время, не считаясь с внутренней стратегией экономического развития стран ЮВА, Китай чрезмерно форсирует демпинговый сбыт на их рынках продовольствия, текстиля и ряда других товаров ширпотреба и тем самым реально подрывает развитие ряда отраслей молодой национальной индустрии государств региона. Что касается таких дефицитных для стран ЮВА товаров, как искусственные удобрения, новейшее и особо сложное оборудование, то здесь активность Китая весьма низка из-за ограниченных фондов по этим позициям. Все это усиливает неравноценность хозяйственного обмена между сторонами в пользу КНР, вносит в него дополнительные перекосы и диспропорции.

В целом в работе показано, что острая и хроническая несбалансированность коммерческих операций в пользу Китая, закрепление сырьевой специализации стран ЮВА структурой закупок КНР, ослабление таможенного и валютного суверенитета государств ЮВА в связи с полулегальными и нелегальными операциями Китая на их рынках, подрыв национальной промышленности стран региона — все это является конкретным проявлением антисоциалистической, великодержавной сущности внешнеэкономической политики китайского руко-

водства. В результате проведенного исследования вскрыты своекорыстные Пекина в его хозяйственных связях с государствами региона, выявляется бесперспективность и невыгодность для развивающихся стран альянса, предлагаемого Пекином, фактиче-

ское смыкание последнего с силами империализма и реакции.

Е. А. Коновалов,

доктор экономических наук

Русская тихоокеанская эпопея

В 1981 г. наша страна отмечает важную историческую дату — 400-летие освоения Сибири. В связи с этой юбилейной датой нельзя не отметить выход в свет сборника исторических документов под названием «Русская тихоокеанская эпопея»* — одной из книг серии «Дальневосточная историческая библиотека», посвященного русским географическим открытиям и исследованиям на Дальнем Востоке XVII—XVIII вв. В сборнике помещены документы, обосновывающие приоритет России в открытии, исследовании и освоении северо-восточной оконечности Азиатского континента и Северной Америки, Приамурья, Сахалина, Курильских и Алеутских островов и северных районов Тихого океана.

«Русская тихоокеанская эпопея» — фундаментальный труд по истории открытия и освоения русскими землепроходцами и мореплавателями Восточной Сибири и Дальнего Востока, собрание тщательно отобранных наиболее важных документов XVII—XVIII вв. по истории освоения территорий, прилегающих к Тихому океану. В отличие от других работ такого рода, вышедших в последнее время, «Русская тихоокеанская эпопея» носит комплексный характер, и сами документы в зависимости от направления и исторического периода размещены в ней по разделам и главам, что повышает научную значимость источников. Их публикация отвечает усиливающемуся в последние годы интересу к документализму со стороны как ученых, так и массового читателя.

Сборник был подготовлен коллективом советских ученых в составе доктора исторических наук, профессора В. А. Дивина, кандидата филологических наук К. Е. Черевко и кандидата философских наук Г. Н. Исаенко. Ответственный редактор сборника — член редколлегии серии

«Дальневосточная историческая библиотека» В. С. Шевченко. Книга хорошо иллюстрирована и оформлена заслуженным художником РСФСР Г. Д. Павлишиным. Выпуск в свет этого труда, несомненно, большая творческая удача составителей и издательства.

В сборник вошли: «скаски», «отписки», «доношения» и «челобитные» русских землепроходцев XVII в., шанечные журналы, инструкции, правительственные указы, рапорты, отчеты и письма участников морских экспедиций, предложения, докладные и проекты ученых, государственных деятелей, офицеров и купцов, извлечения из договоров, соглашений, трактатов и инструкций. Публикуемые документы воспроизведены с подлинников, хранящихся в архивах СССР. Опубликованные документы широко дополнены профессиональными комментариями составителей. Сборник дает богатый материал для историков и представляет большой интерес для широкого круга читателей.

В сборнике помещен 151 документ, причем 90 из них публикуются впервые. Часть документов извлечена из изданий, являющихся уже библиографической редкостью. В качестве иллюстраций приведено 15 карт, чертежей и 46 рисунков. Таким образом, сборник можно назвать историко-правовым и источниковедческим исследованием. Его научный характер проявляется не только в удачной классификации документов, но и в ярких исторических очерках, предваряющих каждый раздел эпохи, во введении и заключениях, а также в комментариях и примечаниях к документам, в которых убедительно раскрываются закономерности формирования государственной территории России.

Несомненным достоинством книги является ее научно-популярный характер — любой читатель с большим интересом ознакомится с написанными красочным, образным языком подлинными текстами «скасок», «отписок», «челобитных», «распросных речей» и «рапортов» русских первопроходцев и моряков. Публикации исторических материалов краеведческой редакцией Хабаровского книжного издательства, даже если отвлечься от их исторического значения, — серьезный вклад в сокровищницу русской филологии, в дело сохранения памятников русского национального языка.

«Русская тихоокеанская эпопея» открывается введением, написанным доктором исторических наук, профессором В. А. Ди-

* Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979, 607 с.

вным. В нем автор справедливо подчеркивает, что великие географические открытия, прогрессивное значение которых неоспоримо, вместе с тем повлекли за собой порабощение народов Азии, Африки, Америки, Австралии и Океании, что западно-европейские колонизаторы огнем и мечом покоряли коренных жителей, разрушали их древнюю культуру. Совсем иной характер и последствия имели географические открытия русских землепроходцев и моряков в Сибири, на Дальнем Востоке и в Тихом океане, а именно: народный характер вольного движения русских крепостных крестьян, промысловиков к побережью Тихого океана, а затем на его острова, целенаправленная деятельность русских правительственных, научных и промысловых экспедиций при активном участии аборигенов. Русские географические открытия принесли аборигенам более высокую культуру и более высокий экономический уклад жизни, что отвечало их коренным интересам.

Автор введения отводит немало места выявлению истинных целей проводившихся экспедиций, одновременно показывая неточности в характеристике этих целей в некоторых научных трудах. Он делает вывод, что задачи экспедиций были не только научными, но также политическими и стратегическими. Поэтому руководство тихоокеанскими экспедициями было возложено на высшие органы государственной власти — Сенат, Адмиралтейств-коллегию, а также на сибирских губернаторов. Результатом деятельности русских экспедиций явилось исчезновение «белых пятен» на карте Тихого океана. Было доказано, что Азия отделяется от Америки проливом, получившим впоследствии название Берингова, по имени его первооткрывателя; были исследованы Курильские и Алеутские острова, побережье Северо-Западной Америки, нанесены на карту берега Сибири, омываемые Северным Ледовитым океаном, опровергнуты утверждения иностранных географов о существовании Земли де Гама, Земли Компании. Это позволило России продвинуться далеко вперед в области картографии. В 1743 г. появились 53 новые карты Сибири и Камчатки, а в 1746 г. была издана «Карта Генеральная Российской империи, северных и восточных сибирских берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам, с частью вновь найденных через морские плаванья западных американских берегов и островах Японы». Это было выдающимся успехом русских ученых.

История освоения Сибири — это эпопея героического труда и отваги русских людей. С начала XVII в. на поиски земель, богатых пушниной, рыбой, моржовой костью, пригодных для земледелия, на кочах и дощаниках, по рекам и вдоль морских побережий отправляются один за другим отряды первооткрывателей. Их не останавливают необозримые сибирские просторы, жесточайшие морозы, цинга и голод. Движение это осуществлялось по двум основным направлениям: северному, вдоль бере-

жья Ледовитого океана, и южному — в основном по водным артериям Сибири. Исторические документы, раскрывающие подвиги русских людей в этих походах, помещены в первом разделе эпопеи, названном «Хождение встреч солнца».

В «скасках», «челобитных» и других документах первооткрыватели называли свои походы на восток «хождение встреч солнца». Документы размещены в трех главах: «Край Земли», «Во Сибирской Украине, во Даурской стороне» и «Новая государственная отчина» — Камчатская и Курильская земляца».

В начале XVIII в. Россия приступает к решению своей исторической задачи — выхода в Мировой океан. В 1724 г. Петр I принял решение об организации Первой камчатской экспедиции. Это была первая большая организованная правительством научная экспедиция в Тихий океан — выход России в Мировой океан. О научных экспедициях России в Мировой океан и повествуют документы, помещенные в разделе «Паруса в дымящемся море».

В главах второго раздела книги читатель найдет много интересного о людях и событиях Первой камчатской экспедиции, а также Сибирско-тихоокеанской экспедиции, которой руководил Витус Беринг.

Вслед за первыми правительственными научными экспедициями началась эпоха промысловых экспедиций. С 1743 по 1764 г. русские промышленники совершили 44 морских похода к Алеутским островам и на Аляску, в ходе которых были открыты все острова Алеутской гряды и заливы Аляски. Поощряемые правительством к оживлению экономической деятельности на островах и в Северо-Западной Америке, русские промышленники не только привозили ценную пушнину, но и собирали богатый научный материал о природной среде, природных ресурсах, жизни и культуре аборигенов.

Историческим документам этого периода посвящен раздел эпопеи «И наша достигнет в Америку держава» — слова из стихотворения великого русского ученого М. В. Ломоносова, которое посвящено русским первооткрывателям Америки.

Признавая большое значение освоения дальневосточных районов, царское правительство делает первые попытки проложить путь в Тихий океан через Северный Ледовитый океан. В 1764 г. Екатерина II издает указ Адмиралтейств-коллегии о снаряжении экспедиции для поиска морского пути к Камчатке.

Отдельная глава посвящена документом о морской экспедиции под руководством капитана I ранга И. И. Биллингса. Экспедиция дала описание части западного побережья Охотского моря и островов, расположенных между Камчаткой, Северо-Западной Америкой и Чукоткой. Карта Чукотки, составленная по материалам Биллингса и участника экспедиции Г. А. Сарычева, сохраняла свое значение до начала XX в.

Раздел завершается главой «„Колумб российский“ и его дела». «Колумбом рос-

сийским» современники называли Шелихова Григория Ивановича — основателя Русско-американской компании. На острове Кадьяк он основал первое постоянное русское поселение у берегов Америки, добиваясь создания постоянных русских поселений на Аляске, официального закрепления Русской Америки за Россией, проявлял большой интерес к освоению Курильских островов. Шелихов составил карту заливов, бухт, островов американского побережья. По его распоряжению на Аляске были зарыты в землю металлические щиты с медными гербами России и надписью «Земля российского владения». Опасаясь нападения иностранцев на русские владения в Америке, Шелихов предлагал построить судостроительную верфь у мыса Св. Ильи «для усиления там нашего кораблестроения и от вращения посторонних покушений». Он же стремился ввести земледелие на Аляске и Курильских островах. В 1791 г. вышла книга Г. И. Шелихова «Российского купца Григория Шелихова странствования с 1783 по 1787 год по Восточному океану к Американским берегам... с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кытка и Афогнака и др. С чертежом, со изображением самого мореходца и найденных им диких людей». За свою короткую жизнь этот деятельный патриот России сделал очень многое во славу ее. Дело Шелихова продолжил каргопольский купец А. А. Баранов — управляющий делами компании на Кадьяке и Аляске, сведоливший очень много для изучения и освоения Русской Америки.

Весьма интересные документы об открытии и исследовании Курильских островов, Охотского побережья, Приамурья и открытии путей в Японию помещены в разделе «Земля российского владения». На Курильских островах в 1711 и 1713 гг. побывал монах Игнатий Козыревский, собравший обширные сведения о большей части островов архипелага и сделавший вывод о политической независимости живших здесь айнов. В элопее приводятся тексты «Чертежа Камчадальского Носу и морским островам» И. П. Козыревского, «Предписание Сената правящему иркутского губернатора бригадире Ф. Г. Немцову о представлении подробных описаний обычаев, религии, образа жизни обитателей Курильских островов», «Описание 19-го острова Курильской гряды (о. Итуруп) и его жителей айскими старшинами» и «Из письма президента Берг-коллегии М. Ф. Саймонова иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке об освобождении от ясака айнов на дальних Курильских островах». Все эти документы убедительно свидетельствуют о принадлежности Курильских островов России.

В разделе напечатаны также документы от открытия русскими морского пути в Японию. Первые подробные сведения о Японии русские получили от японца Дэмбэя, спасенного В. Атласовым во время его камчатского похода. Русское правительство проявило большой интерес к сообщению Дэмбэя. Петр I приказал отыскать морской

путь в Японию и установить с ней торговлю. В 1739 г. русские мореходы М. П. Шпанберг и В. Вальтон достигли берегов «страны восходящего солнца». Морской путь в Японию был проложен. В 1792—1793 гг. в Японию была направлена правительственная экспедиция во главе с А. Лаксманом на бригантине «Св. Екатерина».

Развивающееся хозяйственное освоение Дальнего Востока и Русской Америки настоятельно требовало прокладки морского пути из Кронштадта, главной базы российского флота, на Камчатку, что означало проведение кругосветного плавания. В 1722 г. Петром I рассматривался проект отправки нескольких кораблей из Кронштадта вокруг мыса Доброй Надежды к берегам Японии и далее к Камчатке. В 1732 г. Адмиралтейств-коллегия ставит перед правительством вопрос об организации морской кругосветной экспедиции.

Было представлено на рассмотрение несколько проектов, но ни один из них не был осуществлен. В 1786 г. Екатерина II издает Указ об отправке на Тихий океан эскадры для охраны российских владений. Адмиралтейств-коллегия готовит эскадру под командованием капитана I ранга Г. И. Муловского для отправки на Тихий океан. Об этом повествуют исторические документы, отпечатанные в V разделе эпопеи, названном: «Перед выходом в Мировой океан».

Рецензируемая книга заканчивается разделом «Нерушимое наследие», в которой раскрывается правовая основа государственной границы СССР на Дальнем Востоке. В нем приводятся международные договоры и извлечения из них, в которых закреплены права России и ее правопреемника — СССР на Забайкалье, Приамурье, Приморье, Чукотку, Камчатку, Сахалин, Шантарские и Курильские острова.

Раздел «Нерушимое наследие» является ценным историко-правовым исследованием, в котором его составитель и автор комментария, К. Е. Черевко, показал несостоятельность территориальных притязаний маонстов и японских националистов к Советскому Союзу. Здесь впервые в нашей исторической литературе обращено внимание на неточности в переводе латинского текста Нерчинского договора 1689 г.: «В основном, латинском, тексте Нерчинского договора 1689 г., переданном русской стороне, говорится об установлении границы по реке (речушке или ручью), а не реке, Кербиши (Rivulus Kerbichi), впадающей с севера в реку Сахалян-ула¹, по скалам или каменным горам до моря, в которых суть источник и начало этой речки. Следовательно, китайская сторона не имела права переносить границу в глубину русской территории на реку Малая Горбица, впадающей в реку Шилку в 230 км к западу от ее слияния с рекой Аргунь. Неправильно было бы считать также, что граница по договору проходила по реке Боль-

¹ Сахалян-ула — Амур.

ишая Горбига (Амазар), стекающей с центральной части южного отрога Олекминского Становика» (с. 559).

В разделе также обращено внимание на тот факт, что на официальных цинских географических картах река Амур до конца XVIII в. изображалась как приток впадающей в море реки Сунгаря, сливающейся с Амуром почти под прямым углом вблизи ее устья, так что пограничный Хинганский хребет в своей восточной части (Малый Хинган и пересекающий Амур Буренский хребет) по своему расположению оказывался совмещенным с водоразделом рек Тугур и Амгунь. Правильное изображение реки Амур на маньчжурских картах появилось только в 1782 г. К. Е. Черевко указывает, что историческая причина этих ошибочных представлений состоит в том, что собственно маньчжуры были расселены в значительном удалении от этих районов, то есть в этих районах не проживали.

Русско-китайские договоры XIX в. разрешили вопросы территориального разграничения между Россией и Китаем. Советское государство осудило и аннулировало последующие договоры и соглашения царской России с Китаем, ущемлявшие его суверенные права. На VII съезде КПК в 1945 г. Мао Цзэдун в политическом отчете ЦК подтвердил, что Советский Союз первым отказался от неравноправных договоров и заключил с Китаем новые, равноправные договоры. Поэтому территориальные притязания Пекина к Советскому Союзу не имеют под собой правовой основы.

В разделе приводятся документы, свидетельствующие о неправомерности и незаконности японских претензий к СССР в отношении так называемых «северных территорий». Южная часть Курильских островов, принадлежность которых японская сторона пытается оспаривать, была захвачена в конце XVIII в. японским военным отрядом в то время, когда там уже имелись русские поселения. В каирской декларации 1943 г. говорится об изъятии из-под суверенитета Японии «территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности». По Ялтинскому соглашению Курильские острова и южная часть Сахалина были переданы под суверенитет Советского Союза. Это было подтверждено Потсдамской декларацией. Отказ Японии от Курильских островов и Южного Сахалина был зафиксирован в соответствии с современными нормами международного права в соглашении военного и послевоенного времени между государствами, которые были жертвами японской агрессии, что было признано Японией подписанием акта о безоговорочной капитуляции и подтверждено в Сан-Францисском мирном договоре: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалина и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года».

Из приводимых в эпосе материалов с полной обоснованностью вытекает сделан-

ный В. А. Дивиним, К. Е. Черевко и Г. Н. Исаенко вывод о том, что освоение Сибири и Дальнего Востока явилось плодом главным образом вольной русской, преимущественно крестьянской, колонизации, осуществленной в сотрудничестве и с помощью местных народностей этого края в борьбе против крепостничества и злоупотреблений царской администрации, богатых купцов и помещиков, зарившихся на природные богатства этого края. Именно такой характер землепроходческого движения определил его уникально короткие в истории освоения континентов сроки. Немногим более полувека прошло со времени похода Ермака в 1581 г. до выхода экспедиции Москвитина на берег Тихого океана в 1639 г. Все это подтверждается также тем замечательным фактом, что в Сибири и на Дальнем Востоке так и не было введено крепостное право, несмотря на то что царизм и русская буржуазия вплоть до окончательной победы Советской власти пользовались плодами геронческих свершений русских землепроходцев и мореплавателей. Тем самым документы и исследовательская часть книги убедительно опровергают фальсификаторский тезис буржуазной и маоистской историографии о «традиционном экспансионизме» России, который в настоящее время приобрел злободневность в связи с раздуваемой в капиталистических странах и в Китае кампанией о пресловутой «советской военной угрозе».

Отмеченная К. Марксом прогрессивная роль, которую играла Россия по отношению к Востоку, заключалась не только в совместном с коренными народностями характере освоения этого края как хозяйственной территории, в приобщении последних к более прогрессивным формам труда, но и в том отпоре, который был дан иностранным порабощателям, сначала китайским, а позднее и японским. С этой точки зрения особенно актуальными являются вопросы становления дальневосточных рубежей нашей Родины с США, Китаем и Японией, освещаемые в нескольких разделах эпоса, наиболее полно в заключительном разделе, имеющем название «Нерушимое наследие». В историческом очерке подчеркивается, что, несмотря на приоритет в открытии и освоении Северо-Западной Америки, являвшийся правооснованием на владение, Советский Союз — правопреемник России, уступившей ее США, — никаких претензий не выдвигает, считая, что принцип соблюдения международных договоров, определяющих современные границы государств, подтвержденный в Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки, должен повсеместно соблюдаться как незыблемая норма международного права, в том числе в отношении границ СССР с Китаем и Японией.

В сборнике содержится ряд впервые опубликованных материалов, причем большое внимание уделяется японским официальным документам, пожалуй, наиболее убедительно доказывающим, с учетом прилагаемого подробного научного комментария и примечаний, полную несостоятель-

ность аргументов вдохновителей нынешней антисоветской кампании в Японии, направленной на то, чтобы при поддержке американского военно-промышленного комплекса и в союзе с Пекином попытаться поставить под сомнение дальневосточные границы СССР, исторически сложившиеся в результате героического завершения русской тихоокеанской эпопеи в годы второй мировой войны.

«Русская тихоокеанская эпопея» — это

бесценный исторический документальный материал для каждого, кто занимается данной проблемой, — историка, этнографа, правоведа, дипломата, студента и краснелюбителя, хороший подарок читателям к 400-летию юбилею освоения русским народом Сибири.

Н. М. Соболев,

кандидат военно-морских наук

Первое издание избранных стихов в жанре цы

Новая книга переводов китайской классической поэзии «Цветет мэйхуа» представляет итог почти двадцатипятилетней переводческой деятельности М. И. Басманова, который поставил перед собой трудную цель — познакомить советского читателя со стихотворным жанром эпох Тан и Сун*. За годы переводческой работы им опубликованы сборники Синь Цици «Стихи» (1961), Ли Цинчжао «Строфы из граненой яшмы» (1970, 1974), отдельные переводы в книгах «Китайская классическая поэзия (эпоха Тан)» (1956), «Антология китайской поэзии» (1957), «Поэзия эпохи Сун» (1959), «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии» (в серии «Библиотека всемирной литературы», 1977). Уважительное отношение к культуре китайского народа, отличное знание им древнекитайского языка и национальной классической литературы определили творческую удачу и привели к открытию для советского читателя поэзии в жанре цы. Цы создавались на ту или иную мелодию и требовали песенного исполнения, но стихотворный текст всегда обладал самодовлеющей значимостью и прелестью. Сколь ни было очаровывающим воздействие музыки, оно не могло отодвинуть на второй план поэтическое слово, потому что многовековая традиция приучила китайцев ждать от стихотворного текста художественных достоинств. М. И. Басманов справедливо убежден в том, что вполне возможно средствами русского языка воспроизвести присущую стихам цы образную красоту, богатую гамму настроений и переживаний лирических героев. Переводчик стремится к созданию на

русском языке стихотворного произведения, которое, подчас не совпадая с подлинником в отдельных деталях, верно передает его идеи и образы.

«Настоящий художественный перевод можно сравнить не с фотографией, а с портретом, сделанным рукой художника. Фотография может быть очень искусной, даже артистической, но она не пережита ее автором», — писал С. Я. Маршак. Лишь воссоздав русским стихом смысловое и образное богатство подлинника, можно избежать убого-формального перевода, ремесленнической копии оригинала. М. И. Басманов искусно различает художественный образ, который нуждается в адекватном воспроизведении, и те языковые средства оригинала, которые не всегда заслуживают дословной передачи, формальной точности. Успех переводчика обусловлен прежде всего тем, что им правильно осознается сложная проблема художественного образа китайской средневековой поэзии.

Следует отметить, что проблема поэтической образности приобрела в КНР особую актуальность, ибо от ее решения зависят и творческая практика современных поэтов, и оценка стихотворных произведений прошлых веков. В последние годы в Китае наблюдается тенденция к пересмотру культурной политики. В ходе кампании по разоблачению пресловутой «четверки» признано, что во время так называемой «великой культурной революции» утвердилось нигилистическое отношение к национальному наследию, пренебрежение спецификой художественного творчества. Показательно, что для напоминания общезвестных, но преданных забвению или даже гонению истин современных идеологи порой вновь прибегают к авторитету «великого кормчего». Так случилось и при обращении к вопросу о поэтическом творчестве. В конце 1977 г. было опубликовано письмо Мао Цзэдуна маршалу Чэнь И, написанное еще 21 июля 1965 г. и содержащее следующее утверждение: «В стихах необходимо прибегать к образному мышлению, нельзя давать, как в прозе, простое описание, поэтому без использования двух методов — «би» и «син» — не обойтись. Принцип «фу» также применим, например о стихотворении Ду Фу «Поездка на север» как раз и можно сказать, что оно «повествует о событиях и дает им простое описание». Однако и в этом стихе мы видим наличие приемов «би»

* Цветет мэйхуа. Классическая поэзия Китая в жанре цы. Пер., вступ. ст. и прим. М. Басманова. М., «Художественная литература», 1979, 425 с.

и «син». «Би» — это сопоставление одного предмета с другим. При «син» сначала говорят о других предметах, чтобы ввести строки о том, что воспевается¹. Высказывание Мао Цзэдуна об образном мышлении далеко от подлинно научного объяснения сложной проблемы, тем более, что для ее характеристики используются традиционные средневековые китайские категории «фу», «би», «син». Как показали появившиеся затем в китайской печати публикации, вопрос о поэтической образности зачастую решается упрощенно, вульгаризаторски. Нередко вновь в качестве образцов подлинной поэтичности называют лозунговые и декларативные словесные упражнения современных авторов.

Для М. И. Басманова характерна трактовка поэтического образа как сложной по внутренней структуре содержательной формы поэтического искусства. Переводческая практика М. И. Басманова показывает, что определяющим в ней является восприятие образа в виде особой модели мира, которая, по мнению теоретика литературы П. В. Палневского, «избирает и сталкивает между собой, как старых знакомых, различные грани бытия, постигая их в обоюдном отражении как целостность. Это микроскоп, маленький организм, который опирается на всеобщую связь и зависимость явлений. Можно предположить, что он приводит в ускоренное взаимодействие ту способность отражения, которая заложена, по словам В. И. Ленина, «в фундаменте самого злания материи»². М. И. Басманов видит свою задачу в воссоздании на русском языке поэтических образов подлинника, в выявлении внутренней логики образной структуры, которой определяется характер частей и деталей стихотворного текста. Он избегает в переводе дословности и буквализма, количественного соответствия всем изобразительным приемам оригинала и считает необходимым сохранить авторский замысел, воспроизвести образную природу китайского поэтического произведения в наиболее существенных признаках и содержательных элементах. М. И. Басманов раскрывает эстетические достоинства подлинника, постоянно памятуя о том, что художественный перевод — это один из видов путешествия в прекрасное.

Достичь в переводе того же художественного эффекта, который производит оригинал, очень трудно, однако М. И. Басманову в большинстве случаев удается добиться образного и эмоционального соот-

ветствия перевода китайскому стиху. Руководствуясь своим пониманием идейно-художественной сущности и эмоциональной окраски произведения в жанре цы, переводчик выбирает наиболее адекватные, по его представлениям, поэтический размер, ритм, интонацию, и нужно признать, что ему обычно не изменяет чувство меры и сообразности.

М. И. Басманову удалось отобрать для перевода наиболее интересные произведения, которые дают правильное представление о путях развития поэтического жанра цы в период Тан и Сун. Сборник «Цветет мэйхуа» позволяет судить о том, как изменялась со временем связь жанра цы с действительностью, как все новые общественные и философские проблемы находили в стихах цы свое отражение. В жанре цы, истоки которого лежат в песенном народном творчестве, получила широкое воплощение тема любви, остававшаяся в других поэтических жанрах по вне конфуцианских ценителей слова третьей ступени. Сборник прежде всего знакомит с лирическими цы танских поэтов Бо Цзюйи, Лю Юйси, Ван Цзяня, которые эпизодически обращались в своем творчестве к новому жанру. Особое внимание переводчик уделил стихам Вэнь Тинъюня, ознаменовавшим утверждение в поэзии жанра цы. В отличающихся напевностью, нежностью, внешней красотой цы Вэнь Тинъюню удавалось передать и легкую грусть любящей женщины, и глубокую боль, и предчувствие счастья, и горечь утраты. Басманов перевел почти половину сохранившихся стихов цы поэта Ли Юя, подкупающих эмоциональностью, искренностью, изяществом слога. Поскольку расцвет поэзии цы достигла в сунскую эпоху (X—XIII вв.), то вполне закономерно в сборнике с наибольшей полнотой представлены переводы произведений литераторов этого периода. Удачно переведены стихотворения жизнелюбивого поэта Лю Юна, воспевающие любовь, возвышенную и земную, преисполненную уважительного отношения к женщине. Большое впечатление производит цикл стихов Оуян Сю об озере Сиху, красота которого в разные времена года порождала в сердце поэта восторженный и радостный отклик. Представленные в книге стихотворения Су Ши хорошо подтверждают слова переводчика об авторе как одном из корифеев китайской поэзии. «Поэзию Су Ши справедливо называют мужественной. Его действительный романтизм передает активное отношение поэта к жизни, ко всему прекрасному в ней, зовет на борьбу с низким и пошлым, с тем, что не совмещается с представлениями о чести и долге» (с. 22). В стихах Су Ши в форме цы запечатлены раздумья о цели и смысле жизни, тоска по родным местам, теплые чувства к друзьям. Он первым стал так широко в этом жанре воссоздавать картины деревенской жизни. Новое жизненное содержание заставляло поэта вносить изменения в форму, обогащать поэтический словарь, освобождать лексику от излишней книжности. Русские переводы доносят до читателя свежесть мысли и раз-

¹ «Жэньминь жибао», 31.XII.1977. В письме приведены цитаты из сочинения основоположника неоконфуцианства Чжу Си (1130—1200). О категориях «фу», «би» и «син» см.: Н. Т. Федоренко. «Шицзин» и его место в китайской литературе. М., 1958; И. С. Лисевич. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средневековья. М., 1979.

² Цит. по: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М., 1962, с. 80.

нообразие выразительных и изобразительных средств поэзии Су Ши.

Заслугой М. И. Басманова является то, что он не следует в отборе произведений за китайскими составителями сборников избранных стихов в жанре цы, но самостоятельно находит лучшие творения в полных собраниях сочинений поэтов. Скажем, он переводит цы Су Ши «Покидая Цзян-коу», «На озере слагаю стихи в стиле Чжан Сяня», «Написано в Праздник середины осени», «Лес расступился. Горы просветлели...», « Попрошу вас в Дунпо сказать...» и другие, которые отсутствуют в известном издании Ху Юнь «Сун цы сюань» («Избранные стихи жанра цы эпохи Сун»), но существенны для характеристики творческого облика выдающегося поэта.

Переводчик верно воспринимает творчество сунской поэтессы Ли Цинчжао как замечательную страницу в истории поэтического искусства Китая. В 1920 г. академик В. М. Алексеев, размышляя о программе ознакомления русского читателя с духовной культурой китайского народа, призывал отдать «должное и поэтессам, которым в Китае давным-давно посвящены целые сборники, насчитывающие их имена десятками. Несмотря на вековое угнетение женщины, Китай, по-видимому, дал ей возможность высказаться едва ли не более, чем другие страны, хвалящиеся так называемым равноправием»³. Лишь Басманову впервые довелось в русских переводах показать судьбу и внутренний мир одной из лучших китайских поэтесс. Он сумел тонко почувствовать стиль Ли Цинчжао, сохранить лиричность и задушевность ее стихотворений. «Доверчиво раскрывая собственный духовный мир, поэтесса вопреки предрассудкам феодального общества смело заявляет о праве женщины на любовь, взаимность, на уважение в ней человека. Заявляет не декларативно, а всем своим творчеством, в котором современница Ли Цинчжао предстает перед нами женщиной образованной, возвышенной, тонко чувствующей красоту природы и величие бытия, способной беззаветно любить и стойко переносить превратности судьбы» (с. 25). Подобный образ сунской поэтессы и удалось Басманову сохранить в своих переводах. В духе традиций советской переводческой школы он пытается воспроизвести подлинный характер переживаний поэтессы, запечатленных в тексте подлинника. В качестве примера такого верного прочтения стихотворения Ли Цинчжао можно указать цы на мелодию «Шэншэнмань». Современный китайский комментатор пишет, что стихотворение создано поэтессой после падения северосунского государства и потери любимого мужа. «Став вдовой, участю которой в феодальном обществе были страдания и бесприютная старость, поэтесса испытывала невыразимое горе, и это объяснимо. Однако проявление перед лицом суровой судьбы пассивности и отчаяния сви-

детельствует о классовой ограниченности Ли Цинчжао. Правда, в стихотворении переданы не только ее личные мучения, но и мучения многих несчастных женщин в смутное время, потому оно имеет определенное общественное значение»⁴. Советский переводчик отмечает вульгаризаторскую интерпретацию стиха цы на мелодию «Шэншэнмань» и передает живой голос страдающей и одинокой поэтессы.

Значительное место в сборнике занимает произведение выдающегося мастера цы Сянь Цици, который в период Южной Сун принадлежал к числу подлинных выразителей патриотических дум и надежд современников. Через все его творчество проходит главная мысль: люди не могут оставаться равнодушными, бездеятельными в то время, когда многие районы страны оказались в руках иноземных завоевателей.

В бою исполно долг перед страной, И пусть пройдет о подвиге молва,— восклицал Сянь Цици в стихотворении «Строфы о мужестве». Однако патриотические устремления поэта наталкивались на глухую стену недоверия и вражды правящей верхушки Южной Сун, которая проводила предательскую политику, не дорожила независимостью родной земли. Противоречие между поэтом и миром трусливых, корыстных чиновников императорского двора выростало в изображении Сянь Цици в трагедию огромного социального звучания.

Нелегко сохранить в переводе образы Сянь Цици, подчас заимствованные из истории и мифологии, воспроизвести разнообразные поэтические интонации: нежную и трогательную, печальную и скорбную, мятежную и гневную, передать поэтическую манеру, которой свойственны как естественность слога, так и смелость в выборе изобразительных средств. В русском переводе эти трудности удалось преодолеть, и читатель может осознать гуманистическую направленность стихов Сянь Цици, их художественное и национальное своеобразие. Успех обусловлен правильным пониманием творческого облика переводимого автора. В китайской критике до сих пор можно прочесть следующие замечания о поэте: «Сянь Цици — патриотически настроенный мастер стихов в жанре цы, однако он остается одним из представителей феодальной образованной элиты. Хотя поэт и выступал против клки капитулянтов, но был не в силах преодолеть историческую ограниченность и классовые предрассудки. В особенности он не давал, да и не мог дать правильную оценку роли народа». Антигуманному взгляду на сложную проблему мировоззрения средневекового поэта, утилитарному подходу к его наследию, при котором пренебрежительно отменяются философские, интимно-лирические и пейзажные стихи Сянь Цици, переводчик противопоставляет исторически объективную оценку крупнейшего мастера цы. Басманов

³ В. М. Алексеев. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978, с. 64.

⁴ Избранные стихи жанра цы эпохи Сун. Шанхай, 1962, с. 191.

ст одинаковой бережностью относится и к стихам политического звучания, и к произведениям о народе, и к лирическим миниатюрам, и к философским цы, воссоздавая во всей полноте духовный мир Синь Цици.

Поэтическое мастерство позволило переводчику превратить полюбившиеся ему китайские стихи цы в достояние родной культуры. Одним из главных признаков настоящего переводческого искусства является умелое владение родным языком, способность использовать накопленный русской поэзией опыт для передачи поэтических творений другого народа. М. И. Басманов отлично применяет изобразительные средства русского стиха, язык перевода богат и красочен, чтение переводов доставляет большое эстетическое удовлетворение. Невольно вспоминаются памятные слова А. Твардовского: «Чем сильнее непосредственное обаяние перевода, тем вернее считать, что перевод этот точен, близок, соответствует оригиналу».

М. И. Басманов первым из советских

переводчиков в таком большом количестве перевел классические стихи в жанре цы. Естественно, что найденный им метод перевода цы не исключает других способов передачи стихов этой формы, их строфического деления, порядка рифмы и т. п. Анализ представленных в рецензируемой книге переводов показывает, что сам Басманов не прескращает поисков наиболее точных и плодотворных приемов воспроизведения социальной сущности оригинала, выявления его национальной и исторической обусловленности, его гуманистического характера. «Почти каждый переводчик сознательно или бессознательно отражает в своем переводе свои художественные и общественные настроения», — утверждал Корней Чуковский. При чтении сборника «Цветет мэйхуа» видно, что перевод выполнен переводчиком, который знает, любит и высоко ценит китайскую классическую поэзию.

*Е. А. Серебряков,
доктор филологических наук*

г. Ленинград

МНР:

социалистическая индустриализация

Осуществление индустриализации в целях перестройки структуры хозяйства занимает важное место в стратегии социально-экономического развития. Особую актуальность эта проблема приобретает в условиях государств, освободившихся от колониального гнета и империалистической зависимости. Наряду с общими закономерностями индустриализации каждой стране присущи свои характерные черты и особенности. Определение методов индустриализации тесно связано с выбором пути развития. Опыт социалистической Монголии, отмечающей в 1981 г. шестидесятилетие победы народной революции, во многих отношениях важен как наглядное свидетельство успехов, достигнутых в подьеме национальной экономики, преодолении в сравнительно короткий исторический срок нелегкого пути от феодальной отсталости к этапу завершения строительства материально-технической базы социализма, превращения страны в аграрно-индустриальную.

Автор рецензируемой книги* Ц. Гурбадам поставил целью «исследовать значение

социалистической индустриализации на современном этапе развития МНР, пути ускорения научно-технического прогресса, электрификации в связи с вопросами повышения роли науки в развитии народного хозяйства, совершенствования подготовки кадров» (с. 4). Последовательно, используя добротный фактический материал, автор анализирует, какими методами Монголия, избрав некапиталистический путь развития, преодолевая порожденные глубокой социально-экономической отсталостью огромные трудности, создавала социалистическую систему хозяйства. Достижение этой цели, как отмечалось в документах и решениях Доброй народной революционной партии, опирающейся на ленинское учение, требовало промежуточных ступеней, длительного переходного периода, в течение которого в стране были ликвидированы эксплуататорские классы, утверждена общественная собственность на средства производства и стало возможным приступить к осуществлению социалистической индустриализации.

В ходе исследования Ц. Гурбадам правильно подчеркивает различие между понятием индустриализации в широком смысле слова, означаящим индустриальное развитие всех отраслей народного хозяйства, и политической индустриализации, которая направлена прежде всего на строительство национальной промышленности (с. 43). В решении задач, стоящих перед страной, где подавляющее большинство населения было занято кочевым скотоводством, где не сложились промышленные традиции, отсутствовали техническая интеллигенция и рабочий класс, концентрация материальных, финансовых ресурсов в целях создания промышленного фундамента играла ведущую роль в укреплении экономики. Политика индустриализа-

* Ц. Гурбадам. Актуальные проблемы социалистической индустриализации МНР. М., «Экономика», 1980, 128 с.

ции МНР, учитывающая особые условия страны, ее прошлую социально-экономическую отсталость, строилась, как указывает автор, на сочетании двух форм. При непосредственной помощи Советского Союза сооружались первые крупные промышленные объекты, которые способствовали формированию отрядов рабочего класса, подготовке руководящих кадров для народного хозяйства Монголии. В то же время при поддержке партии широкое развитие получили мелкие формы промышленного производства, добровольное кооперирование кустарей и ремесленников, что способствовало не только увеличению выпуска потребительских товаров, более полному использованию местного сырья, но и облегчало приобщение широких слоев населения к навыкам коллективного труда, переходу от кочевого к оседлому образу жизни. Достигнутые на этом пути успехи позволили приступить к следующему этапу социалистической индустриализации на основе перспективного планирования.

Начиная с первой пятилетки (1948—1952) страна приняла курс на осуществление качественных сдвигов в структуре промышленности и повышение ее роли в экономике страны. Последовательное наращивание капитальных вложений в промышленность и высокие темпы ее роста позволили создавать промышленные центры в различных районах страны, способствовали вовлечению в хозяйственный оборот крупных месторождений полезных ископаемых. Новая территориальная структура, увеличение занятости в промышленности привели к значительному росту городского населения — в 1980 г. на города приходился 51 % населения страны (с. 51). Изменения в промышленности — наиболее динамично развивающемся секторе экономики, создание новых отраслей способствовали расширению ее связей с другими секторами, в первую очередь с аграрным. В результате были созданы условия для значительного увеличения промышленной переработки сельскохозяйственного сырья, что стимулировало выпуск товаров широкого потребления и рост экспортных возможностей.

Ряд особенностей социалистической индустриализации Монголии на современном этапе определяется вступлением страны в 1962 г. в Совет Экономической Взаимопомощи и расширяющимся участием в международном разделении труда. В связи с этим необходимо подчеркнуть важность высказанного монгольским исследователем в данной работе мнения, что участие в СЭВ дало возможность Монголии действовать более избирательно в отношении создания отраслей промышленности. Широко используя преимущества специализации и кооперирования отраслей в рамках СЭВ, Монголия могла сосредоточить усилия на развитии и повышении эффективности отраслей, которые в наибольшей степени отвечают задачам укрепления экономики с учетом национальных ресурсов. Такое направление политики индустриализации позволяет добиваться более рационального распределения средств. Поскольку, например, важную роль в хозяйстве страны играет животноводство, наме-

чено строительство ряда промышленных предприятий по производству машин, обслуживающих в первую очередь эту отрасль.

Отмечая несомненные успехи в политике индустриализации, Ц. Гурбадам подчеркивает нерешенные задачи в промышленности страны. Это прежде всего недостаточные темпы механизации. Процесс механизации проходит первичную стадию, когда ручной труд постепенно заменяется машинным в основных производственных процессах. Автор полагает, что примерно 50 % рабочих в промышленности заняты ручным трудом и первоочередной задачей является снижение его доли, обеспечение таким образом роста производительности труда. В то же время в более развитых отраслях происходит, по характеристике автора, вторичная механизация — замена функционирующих средств новыми, более производительными (с. 87). Особенностью этих процессов является их одновременность, параллельность, что отражает сложное взаимодействие интенсивных и экстенсивных факторов роста, присущих промышленному развитию Монголии.

Перестройка методов производства, нарастающее внедрение современных научно-технических достижений и новой техники в народное хозяйство страны в полный рост ставят проблему формирования национальных квалифицированных кадров. Индустриализация, как показывает автор, несет не только экономические, но и существенные социальные сдвиги в обществе, что, пожалуй, наиболее отчетливо проявляется в такой области, как образование, подготовка кадров на всех уровнях и, наконец, создание научного потенциала. Эта сложная многосторонняя проблема решается Монголией в тесном сотрудничестве со странами СЭВ, прежде всего по линии координации планов развития науки и техники. Вместе с тем, учитывая потребности народного хозяйства, определенную специфику в системе наука — техника — производство, диктуемую конкретными особенностями страны, МНР постоянно увеличивает государственные ассигнования на научно-исследовательские работы. По расчетам автора, на фундаментальные исследования в МНР приходится 40 % всех затрат на науку и 60 % — на прикладные исследования и технические разработки (с. 106). Для более тесной увязки интересов науки и производства в стране практикуется организация лабораторий, технологических бюро непосредственно на крупных промышленных комбинатах.

Развитие промышленности, изменения в других секторах экономики наряду с значительными капиталовложениями в систему образования привели к росту количества квалифицированных рабочих и служащих, создали объективную основу для изменений в структуре занятости. Одним из важнейших результатов социалистической индустриализации страны стало постоянное увеличение численности кадровых рабочих, передового отряда трудящихся.

Ц. Гурбадам подчеркивает высокий динамизм процесса социалистической индустриализации МНР. При постоянной братской помощи Советского Союза и других

стран социалистического содружества, широким использованием преимуществ международного разделения труда стало возможным поставить задачу осуществления специальных мероприятий в целях ускоренного развития и повышения эффективности экономики МНР. Комплексная программа социалистической экономической интеграции ориентирует страны-участницы на постепенное сближение, выравнивание уровней экономического развития, что создаст реальные перспективы быстрого подъема народного хозяйства Монголии.

Успехи страны в социалистической индустриализации имеют широкий международный резонанс. Как известно, в проведении индустриализации глубоко заинтересованы освободившиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Однако их курс на индустриализацию наталкивается на противодействие империалистических государств, пытающихся сохранить свои позиции в экономике этих стран, эксплуатировать их национальные богатства. Как подчеркивает Ц. Гурбадам, «усилия буржуазных теоретиков направлены на то, чтобы исказить достижения Монголии на пути социалистического строительства» (с. 18).

Преодоление социально-экономической отсталости в ходе индустриализации, успехи МНР, шагнувшей от кочевого скотоводства к космическим исследованиям, являются впечатляющим примером жизненной силы социализма, плодотворности социалистической интеграции.

Е. А. Брагина

• • •

Проблемы строительства социализма во Вьетнаме

Изучение и осмысление опыта вьетнамской революции, проблем строительства социализма в СРВ, конкретных аспектов и направлений ее внутренней и внешней политики является важной и актуальной задачей советских ученых-обществоведов.

О том, что эта задача реализуется, говорит появление в последнее время ряда работ, подготовленных научными сотрудниками Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. Среди них выделяется широким спектром рассматриваемых проблем книга «Вьетнам на пути строительства социализма»^{*}.

В этой работе коллектив ученых ИЭМСС поставил целью исследовать характер, движущие силы и особенности вьетнамской революции, успехи ДРВ в социалистическом переустройстве общества, развитие революционного процесса на Юге в период американского присутствия и причины краха антинародного режима Нгуен Ван Тхиеу. В рецензируемой книге предпринята попытка анализа проблем развития Вьетнама после его полного освобождения и воссоединения страны. В ней освещаются характер социально-политических преобразований на Юге Вьетнама, основные направления формиро-

вания и развития единой экономики страны, проблемы участия СРВ в международном социалистическом разделении труда, ее внешнеполитический курс. Такой комплексный подход к изучению проблем Вьетнама представляется плодотворным и перспективным, создаст надежный «задел» для изучения в будущем более узких, конкретных проблем.

Революционный процесс во Вьетнаме был длительным и сложным. Национально-освободительная борьба вьетнамского народа против империалистических агрессоров длилась в общей сложности 117 лет (с 30 августа 1858 г., когда французская эскадра атаковала Дананг, до мая 1975 г., когда был освобожден Сайгон). Огромное воздействие на развитие революционного процесса во Вьетнаме оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. После образования в стране Коммунистической партии (1930) национально-освободительная борьба вьетнамского народа вступила в этап соединения марксизма-ленинизма с рабочим движением и крестьянским патриотическим движением за независимость. Национально-освободительная борьба стала перерастать с этого времени в национальную народно-демократическую революцию (с. 12). В 1931—1945 гг. основное содержание вьетнамской революции определялось задачей свержения колониального строя, обретения страной политической независимости, которая в условиях сосредоточения всей полноты власти в руках пролетариата, опирающегося на другие эксплуатируемые классы и слои общества, дает возможность осуществить революционные социально-экономические преобразования и вступить на путь некапиталистического развития.

С победой Августовской революции (1945) начался второй этап национальной народно-демократической революции во Вьетнаме, связанный с установлением в Северном Вьетнаме народно-демократического строя. Национальная народно-демократическая революция должна была разрешить на этом этапе три задачи: изгнать колони-

^{*} Вьетнам на пути строительства социализма. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 226 с.

заторов, завоевать подлинную независимость и добиться единства страны; ликвидировать феодальные и полуфеодальные пережитки, передать землю крестьянам; укрепить народно-демократическую власть и создать основы социализма.

Вьетнамская революция после победы в войне Сопротивления (1954) и временного раздела страны осуществлялась в новых политических условиях, которые определили две стратегические цели: строительство социализма в Северном Вьетнаме и завершение национальной народно-демократической революции в Южном. После 1954 г. начался третий этап вьетнамской революции, который продолжался до полного освобождения Южного Вьетнама в мае 1975 г. После окончательной победы над американскими агрессорами и их марионетками вьетнамская революция вступила в новый этап — этап осуществления социалистической революции в масштабе всей страны.

Авторы рецензируемой работы подчеркивают, что решающее значение имеет анализ национальных и интернациональных факторов (с. 28). Победа во Вьетнаме была достигнута при поддержке и помощи социалистических стран, международного рабочего движения, всех сил прогресса и демократии в мире. Огромное значение имело то обстоятельство, что во главе революции стоял рабочий класс, руководимый коммунистической партией. Революционный процесс осуществлялся на протяжении длительного времени (с 1930 по 1975 г.) в условиях господства колониализма во всем Вьетнаме и затем неоколониализма на Юге, что придает ему, делают вывод авторы, одновременно и «классический», и «современный» характер (с. 31). КПВ, руководившая революционным процессом, строго придерживалась основополагающих принципов: постепенности перестановки революции из одного этапа в другой, объединения гегемона революции — рабочего класса — со всеми антиимпериалистическими силами в едином фронте при определяющей роли в нем союза рабочего класса с трудящимся крестьянством. Одной из важнейших предпосылок победы революции во Вьетнаме стало гибкое использование различных революционных методов. В целом можно сделать вывод, марксистско-ленинская теория и практика революции нашли еще одно подтверждение в опыте вьетнамской революции.

Марксистско-ленинские идеи о возможных путях и формах перехода от неразвитого капитализма и докапиталистических формаций к социализму, о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹, нашли яркое отражение в истории ДРВ. Общие закономерности развития социализма проявились в ДРВ в специфической форме, обусловленной необходимостью осуществления демократических и

социальных преобразований в условиях преобладания докапиталистических производственных отношений. Строительство с помощью социалистических стран материально-технической базы нового общества осуществлялось в ДРВ в исключительно сложных условиях еще и потому, что страна была вынуждена пройти через длительную разрушительную войну. Трудящиеся ДРВ решали две стратегические задачи — одновременного осуществления социалистической революции на Севере и завершения национальной народно-демократической революции на Юге. Успехи в социалистическом строительстве, укреплении и защите родины стали решающим фактором в революционной борьбе вьетнамского народа.

В книге исследуется стратегия американского империализма в Южном Вьетнаме, существовавшая там политическая, экономическая и военно-стратегическая ситуация, развитие национально-освободительного движения на Юге. Авторы справедливо указывают, какое огромное значение в освободительной борьбе сыграли сначала Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ), а затем, с 1969 г., Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам (ВРП РЮВ) как политические формы объединения патриотических сил. Создание и деятельность НФОЮВ стало ярким примером использования в современных условиях единого демократического и антиимпериалистического фронта, значение которого в борьбе с силами крайней реакции подчеркивалось еще на VII Конгрессе Коминтерна в 1935 г.

В книге подробно, на основе уже накопленного опыта исследуется процесс становления единого Вьетнама, образование Социалистической Республики Вьетнам. Эта сложнейшая проблема анализируется в экономическом, социально-политическом и государственно-правовом аспектах. Важно отметить, что вьетнамское руководство в своих действиях в отношении Юга опирается на опыт построения социалистического общества в Северном Вьетнаме, подтвердивший общие закономерности перехода к социализму. В то же время опыт Вьетнама с новой силой подтвердил марксистско-ленинское учение о необходимости использовать общие закономерности в конкретных условиях той или иной страны.

Курс строительства социалистической экономики в СРВ на современном этапе состоит в постепенном осуществлении социалистической индустриализации, создании основ материально-технической базы социализма, переходе экономики страны от мелкого производства к крупному социалистическому, в преимущественном развитии тяжелой промышленности, интеграции экономики Севера и Юга в единый комплекс, имеющий индустриально-аграрный характер. При этом во Вьетнаме особое внимание уделяется рациональному сочетанию крупного, среднего и мелкого производства, то есть сочетанию экономики центрального подчинения и местного. Понятно, что в течение переходного периода для Вьетнама все большее значение будет иметь всемерное расширение экономи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

ческих отношений с братскими социалистическими странами, развитие экономических связей с другими государствами на основе уважения независимости и суверенитета, соблюдение принципа взаимной выгоды.

Мирный, независимый, объединенный социалистический Вьетнам занимает важное место в системе современных международных отношений. Центральное место во внешней политике СРВ занимают отношения со странами социалистического содружества. Союз с ними явился важным фактором победы Вьетнама в борьбе против империалистической агрессии. Этот союз является ныне важным фактором успешного построения социализма во Вьетнаме. Вьетнамская революция является неотъемлемой частью мирового революционного процесса. Вместе с Советским Союзом, другими странами мирового социалистического содружества Вьетнам вносит важный вклад в борьбу против империализма и реакции, за освобождение народов от неокOLONиализма. В монографии отмечается, что СРВ стремится к развитию добрососедских отношений со всеми странами ЮВА.

К сожалению, мирная передышка вьетнамского народа длилась недолго. Пекин,

руководствуясь великодержавными экспансионистскими целями, проводит против СРВ подрывной, предательский курс, предпринимает вмешательство в ее дела. В 1978 г., используя надуманную проблему хуацяо, руководство КНР пошло на всестороннее обострение отношений с СРВ, а весной 1979 г. развязало против нее широкую агрессию. Вьетнамскому народу вновь пришлось отражать внешнюю угрозу. Пекин и ныне продолжает нагнетать напряженность на вьетнамо-китайской границе, совместно с Вашингтоном пытается осложнить международное положение СРВ, подогревая так называемую «кампучийскую проблему».

Авторы рецензируемой книги анализируют также новое явление — участие СРВ в международном социалистическом разделении труда.

Подводя итог, не будет, видимо, преувеличением сказать, что ныне исследования советских ученых по Вьетнаму ведутся на более фундаментальном уровне. Это обстоятельство позволяет рассчитывать на появление новых содержательных работ советских ученых-вьетнамистов.

Ю. М. Рякин

* * *

Партийное строительство в социалистических странах

Рецензируемая монография* подготовлена авторским коллективом (руководитель — кандидат исторических наук Ф. Ф. Петренко) Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Предмет, явившийся темой данного исследования, неизменно привлекает широкие круги читателей не только в нашей стране, но и за ее пределами. И это вполне закономерно. Коммунистические и рабочие партии братских социалистических стран со времени образования мировой системы социализма накопили богатейший опыт строительства социалистического общества в своих странах и охотно делятся им друг с другом. Тем самым они обогащают совместный опыт партийного строительства, вносят важный вклад в теорию марксизма-ленинизма, активно содействуют современному

закономерному процессу сближения и выравнивания уровней экономического развития стран социалистического содружества. Все это исследуется в монографии, в которой рассматриваются главные направления руководящей деятельности коммунистических и рабочих партий, обобщены формы и методы партийно-организаторской и идеологической работы преимущественно на этапе строительства зрелого, развитого социализма.

Методологической основой данного научного труда служит ленинское учение о партии, развитое и обогащенное КПСС и партиями других социалистических стран. Исследования основаны в основном на документах и материалах XXIV и XXV съездов КПСС и решениях Пленумов ЦК КПСС. Широко использованы также материалы и документы съездов, конференций и пленумов ЦК братских партий социалистических стран.

Книга состоит из шести взаимосвязанных глав. В ее первой главе — «Руководство Коммунистической партии — общая закономерность строительства социализма и коммунизма» — излагается ряд методологических проблем, связанных с марксистско-ленинским учением о партии. В ней содержится детальный анализ исторических предпосылок, объективных и субъективных факторов, обеспечивающих руководящую роль коммунистических и рабочих партий в строительстве нового общества, обосновывается интернациональный характер становления и развития принципов партийного строительства в странах социалистического содружества. Авторы книги отмечают, что корцеиной поворот в судьбе челове-

* Направления, формы и методы руководящей деятельности коммунистических и рабочих партий. М., Политиздат, 1980, 585 с.

чества произошел благодаря героической борьбе российского рабочего класса, ведомого и направляемого его боевым революционным авангардом — партией коммунистов-ленинцев. Путь, пройденный социалистическими странами, столь же впечатляюще показывает, что именно марксистско-ленинские партии явились вдохновителями и организаторами огромных социально-политических, экономических и духовных достижений, которыми по праву гордятся все свободолюбивое человечество (с. 11).

В книге четко обосновывается общность социальных факторов деятельности коммунистических и рабочих партий, показывается, как они творчески используют богатейший опыт нашей ленинской партии по руководству социалистическим строительством вот уже на протяжении более чем трех десятилетий. Тем самым подтверждается беспочвенность всякого рода разлагательствований антикоммунистических идеологов и их праворевизионистских приспешников, отрицающих закономерный процесс становления коммунистических и рабочих партий как руководящего ядра рабочего класса.

Опыт реального социализма, справедливо подчеркивают авторы книги, со всей определенностью показал необходимость руководящей роли коммунистической партии и в обществе, где в силу исторических условий она действует на политической арене в союзе с другими партиями, стоящими на позициях социализма. Коммунисты выполняют свою миссию политического авангарда и руководителя как в странах, где они сотрудничают с другими партиями, выступающими за социализм (Болгария, Вьетнам, ГДР, Польша, Чехословакия), так в странах, где сложилась однопартийная система (Советский Союз, Венгрия, Куба, Монголия, Румыния, Югославия и др.).

Руководящая, авангардная роль коммунистической партии в создании нового общественного строя закреплена в конституциях социалистических стран, программных документах мирового коммунистического движения, в программах и уставах братских партий, в решениях их съездов. Касаясь руководящей роли партии коммунистов, товарищ Л. И. Брежнев указывал: «В ходе строительства социализма и коммунизма осуществляются сложнейшие революционные преобразования. И осуществляются они не стихийно, а сознательно, по воле людей, познавших законы общественного развития. Только политический авангард народа — Коммунистическая партия — способен последовательно и целеустремленно объединять усилия миллионов людей на решение задач создания нового общества, придать всей этой гигантской работе научно обоснованный и планомерный характер»¹.

Исторический опыт учит, что когда роль коммунистической партии сводится на нет или оказывается сильно подорванной, то в

этом случае наносится огромный ущерб социалистическому строительству. Так это произошло, например, с Компартией Китая, что обстоятельно показано в монографии. Не решаясь открыто выступить против марксистско-ленинского учения о партии, ленинских принципов партийного строительства, указывается в книге, маоисты свели руководящую роль коммунистической партии к нулю. Результатом разгрома компартии и отступлений от проверенных историческим опытом путей и методов социалистического строительства явились резкое замедление темпов развития страны, хаос в экономике и других сферах общественной жизни КНР (с. 31).

В современных условиях проблема соотношения общих закономерностей социалистического развития и различных форм и методов строительства нового общества в отдельных странах — одна из коренных в теории и практике научного социализма. Это подтверждается всем ходом строительства социализма в братских странах и глубоко раскрывается авторами монографии. Каждая партия, говорится в ней, хотя она и действует на своей национальной почве, наряду с неповторимым имеет в качестве основы повторяющееся, то, что присутствует не только ей, но и другим партиями (с. 100). Научное обоснование этих закономерностей дано в Отчете Центрального Комитета КПСС XXIV съезду партии².

Центральное место в книге занимают вопросы выработки братскими партиями научно обоснованной политической линии как основы партийного руководства обществом.

Выработка генеральной перспективы развития общества, научно обоснованной политической линии и организация трудящихся в целях ее претворения в жизнь, подчеркивают авторы книги, относятся к главным функциям коммунистической партии при социализме. Это обусловлено, с одной стороны, положением и характером коммунистической партии как партии правящей, как руководящей и направляющей силы социалистического и коммунистического строительства, с другой — ролью политики в социалистическом обществе, ее растущим воздействием на материальную и духовную жизнь народа, ее местом в системе социального управления (с. 119).

В. И. Ленин, выдвигая задачу управления общественным процессом в ходе строительства нового общества, подчеркивал первенство политики над экономикой: «...без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи»³.

В условиях строительства социализма правильная, научно обоснованная политика открывает широкий простор действию объективных процессов и закономерностей, творческой энергии и инициативе масс, об-

¹ Л. И. Брежнев. Об актуальных проблемах партийного строительства. Изд. 2-е. М., Политиздат, 1976, с. 185.

² XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., 1971, с. 29.

условливает целенаправленное и ускоренное развитие социалистического общества. В книге содержится обширный фактический материал, показывающий, как братские партии практически разрабатывают и превращают в жизнь генеральную линию развития социалистического общества. Такая линия всесторонне обсуждается и утверждается на съездах братских партий, которые являются историческими вехами движения стран вперед по пути строительства социализма и коммунизма.

Правящие коммунистические и рабочие партии в своей руководящей деятельности исходят из того, что нынешний этап строительства социализма осуществляется в условиях научно-технической революции и всестороннего сближения стран социалистического содружества. Это всемерно содействует их ускоренному экономическому, социальному и духовному развитию.

В современных условиях особенно важное значение приобретают вопросы всестороннего учета интересов рабочих, крестьян, других слоев и групп трудящихся, всех наций и народностей в связи с объективными процессами эволюции социальной структуры общества, возрастающей тенденцией к социальной однородности. Обеспечение объективно обусловленного процесса сближения классов и социальных групп социалистического общества, говорится в книге, является ныне программным требованием всех правящих коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества (с. 159).

Реальный социализм неизменно предполагает самое широкое участие народных масс в выработке и реализации основных программных установок развития социалистического общества. В книге подчеркивается, что трудящиеся массы в социалистическом обществе — одновременно и объекты политики, и ее творцы. Их собственный опыт является критерием истинности политики и одновременно одним из основных факторов ее формирования. Опыт братских партий свидетельствует о том, что формы и степень участия масс в разработке и реализации политики партии постоянно изменяются, они зависят от политической, организаторской и воспитательной работы партии, от социалистической сознательности и образованности масс, их общеобразовательного и культурного уровня. На этапе строительства развитого социалистического общества получили широкое распространение формы, связанные с участием народных масс в разработке и обсуждении политических решений, планов развития народного хозяйства, различных законопроектов.

В главе третьей — «Кадровая политика и партийный контроль» — подробно рассматриваются вопросы подбора, расстановки и воспитания кадров и контроля за осуществлением политики и политических решений. На богатом фактическом материале авторы книги глубоко анализируют дея-

тельность коммунистических и рабочих партий в этой области. Как показал опыт строительства социализма в СССР и других братских странах, коммунистические и рабочие партии уделяют огромное внимание вопросам кадровой политики. На современном этапе эти вопросы занимают в деятельности братских партий одно из ключевых мест. «Работа с кадрами, — говорил Л. И. Брежнев, — их воспитание, правильная расстановка, смелое выдвижение наиболее способных, обладающих чувством нового людей всегда были и остаются сейчас одним из основных звеньев всей нашей партийной работы»⁴.

В книге убедительно показано, как в процессе социалистического и коммунистического строительства в братских странах сформировались как в количественном, так и в качественном отношении такие кадры, которые способны обеспечить на соответствующем уровне управление всеми сторонами жизни социалистического общества. Из книги видно, что ленинские критерии подбора кадров по совокупности их политических, деловых и моральных качеств служат для коммунистических и рабочих партий социалистических стран основным мерялом в работе с кадрами. От компетентности кадров, уровня их профессиональной подготовки в огромной степени зависит решение важнейших проблем, выдвигаемых развитием общества. Поэтому коммунистические партии большое внимание уделяют вопросам подготовки и повышения квалификации кадров.

Главная, стратегическая цель кадровой политики КПСС заключается в том, чтобы обеспечить руководство всеми участками партийного и государственного строительства хорошо подготовленными организаторами, способными действовать в любых условиях инициативно, с необходимым размахом и нужной деловитостью. В этой связи всегда надо руководствоваться известным положением В. И. Ленина, который еще в первые годы советской власти указывал: «...чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование»⁵. С особой силой эти указания звучат в наши дни, в условиях научно-технической революции, когда во много раз усложняются производственные процессы, руководство экономикой, всей общественной жизнью.

В монографии показаны конкретные формы взаимоотношений марксистско-ленинских партий с другими звеньями политической системы в различных странах. Эти вопросы нашли свое отражение в главе четвертой — «Коммунистическая партия — ядро политической системы социалистиче-

⁴ Л. И. Брежнев. Об актуальных проблемах партийного строительства. М., 1976, с. 141.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 215.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 279.

ского общества». Сущность созданной в социалистических странах системы власти и политических отношений, отмечают авторы книги, обусловлена социально-экономической и политической природой нового строя, основу которого составляют общественная собственность на средства производства и социально-политический союз рабочего класса с крестьянством и другими слоями трудящихся, созданный в целях уничтожения всякой эксплуатации и неравенства и осуществления социалистических и коммунистических идеалов.

Большое преимущество коммунистической партии как политического вождя и руководителя перед любыми другими организациями состоит в том, что она свободна от социальной ограниченности, ведомственности, местничества и поэтому может наиболее последовательно и принципиально проводить линию на осуществление социалистических и экономических преобразований в политической, экономической и идеологической сферах. Авторы книги убедительно показывают, что марксистско-ленинские партии считают вредным для дела социализма и отвергают праворевизионистские идеи о «равноправном партнерстве» и «независимости» государственных органов и общественных организаций от правящих коммунистических партий, так же как и всякие попытки противопоставления партии и государства в социалистическом обществе, стремление ограничить деятельность партии сферой идейно-воспитательной работы. В наши дни возрастание роли коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества стало характерной тенденцией, отвечающей объективным потребностям поступательного движения мирового социализма к более высоким ступеням общественного прогресса.

Как видно из рецензируемой монографии, правящие коммунистические и рабочие партии стран социалистического содружества в своей деятельности огромное внимание уделяют вопросам экономического строительства как главного, магистрального направления в борьбе за построение социализма и коммунизма. Поэтому соответствующая глава — пятая — названа «Экономика — важнейшая сфера деятельности партии». На современном этапе, подчеркивают авторы книги, когда народами ряда братских стран решаются многоплановые задачи построения развитого социалистического общества, а трудящиеся СССР ведут коммунистическое строительство, роль и значение экономической сферы еще более увеличиваются, поскольку ее успешное развитие в огромной мере предопределяет выполнение всех других задач социалистического и коммунистического строительства, темпы и размах этого процесса (с. 384).

В современных условиях экономическая стратегия братских партий нацелена на повсеместную интенсификацию производства посредством скорейшего внедрения в произ-

водство достижений научно-технической революции, Стержнем экономической политики КПСС является поворот всей советской экономики в сторону интенсивного развития, повышения эффективности и качества, упор на конечные результаты хозяйственной деятельности. Такая стратегическая линия будет последовательно проводиться и в дальнейшем.

Заключительная, шестая глава — «Деятельность партий по идейно-политическому воспитанию народа» — содержит обширный материал о коммунистическом воспитании трудящихся и роли в этом вопросе партийных организаций. В книге широко показаны формы и методы деятельности по коммунистическому воспитанию трудящихся в различных странах. Авторы книги указывают, что большое и важное место в деятельности братских партий занимает идеологическая работа, включающая такие тесно взаимосвязанные аспекты, как творческое развитие марксистско-ленинской теории, воспитание трудящихся в духе социализма и коммунизма, формирование нового человека.

Подробно рассматриваются в монографии вопросы, связанные с борьбой против буржуазной идеологии и современного ревизионизма. В книге сделан правильный вывод о том, что разнообразная по своим формам и методам идеологическая деятельность братских партий служит мощным орудием революционного преобразования общества, коммунистического воспитания трудящихся, ярко демонстрирует перед всем миром преимущества нового общественного строя, способствует росту притягательной силы идей социализма на всех континентах.

Рецензируемая монография имеет и отдельные недостатки, которые не носят принципиального характера. Они сводятся в основном к тому, что авторам не удалось избежать некоторых повторений, в достаточной мере они не раскрыли отдельные стороны богатого опыта партийного строительства братских партий.

В целом же рецензируемая монография представляет собой серьезное многоплановое научное исследование, которое раскрывает ряд теоретических и практических вопросов, связанных с партийным строительством в социалистических странах. Она, несомненно, содействует дальнейшему расширению и углублению связей между братскими партиями и служит интересам укрепления мировой системы социализма. Содержащиеся в книге богатый фактический материал и теоретические выводы могут широко использоваться как научными работниками, так и партийно-пропагандистским активом, лекторами и агитаторами, широким кругом читателей. Она, несомненно, будет с большим интересом встречена в нашей стране и в братских странах социализма.

В. И. Титков,
кандидат экономических наук

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

К 60-летию М. С. Капицы

Известному советскому китаеведу, крупному ученому-международнику, доктору исторических наук, профессору, члену редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока» Михаилу Степановичу Капице 5 ноября 1981 г. исполняется 60 лет. Он родился на Украине, в селе Юрковцы Хмельницкой области, в бедной крестьянской семье. В 1941 г. М. С. Капица окончил Московский государственный институт иностранных языков, а в 1948 г. — Высшую дипломатическую школу МИД СССР. Годы учебы дали молодому востоковеду прекрасное знание китайского и английского языков, высокую теоретическую подготовку.

Дипломатия и наука стали его призванием. Природная одаренность сочеталась в нем с трудолюбием и упорством. Но шла Великая Отечественная война, и он, как все его сверстники, рвался на фронт. Однако страна направила его на другой, не менее трудный участок борьбы за интересы Советского государства. В 1943 г. двадцатидвухлетний начинающий дипломат прибывает на работу в советское посольство в Чунцине.

Война уже не первый год бушевала и на китайской земле. В 1943—1944 гг. японская армия, предприняв широкое наступление, разгромила гоминьдановские войска, оттеснив их на запад. Фронт приблизился к Чунцину. Американская дипломатия, стремясь спасти чанкайшистский режим, резко активизировала свою деятельность во временной столице Китая, одна за другой сюда прибывают высокопоставленные американские миссии. КПК и прогрессивная общественность выдвинули требование демократизации страны и создания коалиционного правительства. В декабре 1944 — январе 1945 г. в Чунцине находился Чжоу Эньлай, ведший переговоры с Чан Кайши и американцами.

Осенью 1945 г. милитаристская Япония была разгромлена. Решающий вклад в победу на Дальнем Востоке внесла Советская армия, уничтожившая Квантунскую армию в Маньчжурии. Переговоры между компартией и гоминьданом в Чунцине возобновились, с августа по октябрь 1945 г. здесь находилась делегация КПК во главе с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. Но уже в конце июня 1946 г. гоминьдановцы возобновили гражданскую войну, начав общее наступление против освобожденных районов. В конце марта 1947 г. чанкайшисты захватили Яньань.

Месяц спустя М. С. Капица возвращается в Москву. События большой исторической важности, свидетелем и участником которых он оказался, находясь в Китае, не только оставили в его памяти неизгладимый след, но и заставили шире взглянуть на историю борьбы китайского народа, попытаться оценить перспективы китайской революции. Переломный момент в судьбах Китая был уже близок. В октябре 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика. М. С. Капице вновь довелось встретиться с теми же китайскими политическими деятелями, теперь руководителями КНР, но уже в Москве, в период подготовки и подписания Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между двумя странами. Вскоре, в ноябре 1950 г., он оказался на дипломатической работе в Пекине, где принял самое активное участие в реализации широкой программы советской помощи Народному Китаю.

И снова история оказалась для него не отвлеченным понятием, а тем полем, где был и его участок работы. Огромная энергия, знания, редкое личное обаяние способствовали его быстрому становлению в качестве одного из ведущих дипломатических работников по Китаю. Накапливавшийся опыт, повседневный анализ событий требовали глубокого научного обобщения. М. С. Капица избирает объектом своих научных изысканий историю советско-китайских отношений.

Это было одним из наиболее ответственных и трудных и наименее исследованных направлений в изучении новейшей истории Китая, истории международных отношений на Дальнем Востоке. Присущие М. С. Капице смелость и широта взглядов, высокая принципиальность помогли ему подготовить первую в нашей стране диссертацию по истории советско-китайских отношений, успешная защита которой состоялась после возвращения его в Москву в апреле 1953 г. В 1956 г. выходит в свет первая

монография М. С. Капицы «Советско-китайские отношения в 1931—1945 гг.», давшая комплексное исследование отношений нашей страны с Китаем за весь период японской агрессии против китайского народа.

В 1958 г. М. С. Капица выпускает фундаментальную монографию о советско-китайских отношениях начиная с Великой Октябрьской социалистической революции до 1958 г. Выход этой книги свидетельствовал, что исключительно сложная тема обрела своего автора. В том же году М. С. Капице была присуждена степень доктора исторических наук.

С тех пор М. С. Капица опубликовал еще шесть монографий, выступил в качестве одного из ведущих авторов одиннадцати других обобщающих исследований, в том числе таких широко известных трудов, как «История внешней политики СССР» под ред. А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева (М., 1976), «Международные отношения после второй мировой войны» (М., 1962), «Международные отношения и внешняя политика СССР» (М., 1963), «Внешнеполитические концепции маоизма» (М., 1975), «Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы» (М., 1977), «История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977» (Хабаровск, 1978). Перу М. С. Капицы принадлежат десятки научных и публицистических статей. Творчество М. С. Капицы получило широкую положительную оценку в нашей научной периодике и центральной печати. Оно по праву заслуживает специального историографического исследования.

Работам М. С. Капицы присущи целеустремленность в решении крупных научных проблем, широта охвата исторического материала, использование больших комплексов оригинальных источников, активное отстаивание позиций советской исторической науки и разоблачение антинаучных построений, а порой и прямых фальсификаций буржуазной и маоистской историографии. Вместе с тем для М. С. Капицы характерна разносторонность научных интересов, стремление к открытию новых перспективных направлений научного поиска.

За почти тридцатилетний период активной творческой работы М. С. Капице удалось создать целостную картину взаимоотношений СССР с Китаем с 1917 по 1959 г. Этому были посвящены, как уже говорилось, две его первые монографии. В дальнейшем М. С. Капица продолжал исследование этой темы, публикуя брошюры и статьи по отдельным узловым проблемам, а также участвуя в коллективных работах. Особенностью разработок М. С. Капицы в этой области является их исключительная документальная достоверность, что делает их постоянным пособием для всех изучающих историю внешней политики Китая и различные дальневосточные проблемы. Большинство их издано также и на иностранных языках.

Особого внимания заслуживает изучение М. С. Капицей истории международных отношений на Дальнем Востоке в послевоенный период. Этот цикл его работ продолжает и дополняет известные труды академика А. Л. Нарочницкого и Е. М. Жукова. Итогом исследований в этой области на сегодняшний день можно считать монографию «История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977», опубликованную в серии «Дальневосточная историческая библиотека» в 1978 г. М. С. Капица подготовил для этой книги крупные разделы, касающиеся роли и места Китая и Монгольской Народной Республики в системе международных отношений дальневосточного региона.

Еще одним направлением творчества М. С. Капицы, приобретающим в последние годы все большее значение, является исследование внешнеполитического курса Китайской Народной Республики. Ряд его книг, вышедших в 70-х и начале 80-х годов, пользуется огромным читательским спросом. Обобщающей работой здесь является фундаментальная монография «КНР: три десятилетия — три политики» (М., 1979). М. С. Капица четко показывает взаимосвязь внешнеполитического курса маоистского руководства Китая с его внутренней политикой. Проблемы социально-экономического развития КНР, пагубное влияние милитаризации на экономику страны, незатаивающаяся внутривосточная борьба — вот те факторы, которые и ведут к нагнетанию международной напряженности, антисоветизму, смыканию со злейшим врагом китайского народа — империализмом. Вскрывая причины смены политических лозунгов и установок, М. С. Капица в то же время приходит к глубокому научному выводу о том, что, какие бы пропагандистские ширмы ни ставила китайская дипломатия, ей не удастся скрыть мелкобуржуазную, антисоциалистическую сущность внешней политики Китая. Остается неизменной и гегемонистская цель этой политики: превращение Китая в милитаристскую сверхдержаву. М. С. Капица убедительно показывает опасность такой политики в первую очередь для азиатских соседей Китая, так как Азиатский континент является первоочередным объектом экспансионистских планов Пекина.

М. С. Капица давно уже ведет изучение особенностей современной китайской дипломатии. Он отметил ее взаимосвязь с традиционной китайской дипломатией, показал специфику ее действий на международной арене. Важным выводом, полученным в результате этих исследований, является положение о том, что КНР реально не проводит в жизнь принципы мирного сосуществования ни с одним из государств, с которыми она имеет дипломатические отношения.

Деятельность М. С. Капицы как ученого-международника исключительно результативна. Она тем более поразительна, что все эти годы Михаил Степанович с еще большей отдачей продолжал трудиться как дипломат. В 1954—1960 гг. он находится

на ответственной работе в центральном аппарате МИД СССР. В 1960 г. ему присваивается ранг чрезвычайного и полномочного посла, он возглавляет советское посольство в Пакистане. Затем вновь ответственная работа в центральном аппарате МИД СССР. В годы развертывания американской агрессии против Вьетнама М. С. Капица возглавляет отдел Юго-Восточной Азии МИД СССР (1966—1970), а с 1970 г. становится заведующим 1-м Дальневосточным отделом МИД СССР. М. С. Капица — член коллегии МИД СССР. Являясь одним из ведущих в Советском Союзе специалистов по Китаю и проблемам Дальнего Востока, М. С. Капица участвовал в ряде крупных международных совещаний, таких, как Женевская конференция по Корее и Индокитаю (1954), Парижское совещание по Вьетнаму (1973), в нескольких совещаниях государств — членов Варшавского Договора, в двух сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. В 1979 г. М. С. Капица — заместитель главы Советской правительственной делегации на переговорах с КНР. Многолетняя плодотворная деятельность М. С. Капицы в дипломатических органах отмечена высокими правительственными наградами — двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями СССР.

Значительное место в многообразной деятельности М. С. Капицы занимает его работа по воспитанию молодых кадров. Он крупный педагог высшей школы. В 1952—1960 гг. М. С. Капица ведет преподавательскую деятельность в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР. В 1954 г. ему присваивается звание доцента, а в 1960 — профессора. С 1962 г. он заведует кафедрой экономики стран Востока Института стран Азии и Африки МГУ и по совместительству — кафедрой восточных языков Высшей дипломатической школы.

М. С. Капица — член специализированных Ученых советов в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Институте Дальнего Востока АН СССР, Институте стран Азии и Африки МГУ, член экспертного совета по историческим наукам ВАК. Много энергии он отдает журналу «Проблемы Дальнего Востока», являясь одним из ведущих авторов, помогая работе редколлегии своими знаниями, умением выделить главные темы, интересующие советскую и зарубежную общественность.

Еще одна сторона яркого таланта М. С. Капицы — постоянное общение его с широкой общественной аудиторией. Его лекции и выступления по международным вопросам, насыщенные убедительными фактами, интересные по манере изложения, пользуются неизменным успехом в Москве и других городах нашей страны. Они звучали для трудящихся ГДР, ЧССР, ПНР, ВНР, НРБ, МНР. Член Союза журналистов СССР, М. С. Капица регулярно выступает в ведущих советских газетах и журналах со статьями по актуальным проблемам внешней политики.

Михаил Степанович Капица находится в расцвете творческих сил, его деятельность дипломата и ученого посвящена великому делу коммунистического строительства нашей Родины, сохранения и упрочения мира на земле, улучшения взаимоотношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Научная общественность желает Михаилу Степановичу многих лет дальнейшей плодотворной работы на посту советского дипломата, с неизменным интересом ждет выхода в свет его новых книг, высоко ценит общественную деятельность этого незаурядного человека.

К 80-летию П. А. Мифа

В августе 1981 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Павла Александровича Мифа (Михаила Александровича Фортуса, 1901—1938), видного деятеля Коммунистической партии Советского Союза, активного участника международного революционного движения, одного из зачинателей марксистско-ленинского китаеведения в СССР.

Он родился в селе Большая Александровка на Херсонщине, вырос в Херсоне и сделал здесь первые шаги в революционном молодежном движении. 22 мая 1917 г., будучи гимназистом, вступил в ряды большевистской партии¹. Юноша, которого родные и близкие не помнят иначе как с книгой в руках, вступил в 1918 г. добровольцем в Красную Армию и на бронепоезде Одесских железнодорожных мастерских отправился пулеметчиком на царицынский фронт защищать революцию. Больного тифом, его потом сняли с бронепоезда и привезли в Херсон, где с осени 1918 по весну 1919 г. Миф был одним из организаторов комсомольской работы. В 1919 г. он был направлен партией на учебу в Социалистическую академию в Москву, но так как Социалистическая академия в разгар гражданской войны не смогла приступить к работе, Московский комитет партии командировал П. А. Мифа в рабочую инспекцию Мособлсовета, а осенью 1919 г. он был послан на Украину, где возглавил ревком в только что освобожденном от белых Чугуеве.

В мае 1920 г. снова пошел добровольцем в Красную Армию, служил инспектором политотдела на польском и венгерском фронтах, был участником штурма Перекопа. После окончания гражданской войны поступил (в конце 1920 г.) в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова.

Так начался второй, больший период жизни П. А. Мифа, в течение которого он выступает как деятель международного коммунистического движения, воспитатель революционных кадров для стран Востока и одновременно крупный ученый, организатор советского востоковедения. В 1921—1923 гг. он работает научным сотрудником Университета имени Свердлова и Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) — первого учебного заведения, готовившего революционные кадры для стран Востока. В 1923—1924 гг. П. А. Миф — на партийной и советской работе на Украине; в конце 1925 г. его вновь возвращают в Москву, где он работает в КУТВ, затем — проректором Университета имени Сунь Ятсена, позже переименованного в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК). Здесь учились и работали многие будущие видные деятели Компартии Китая.

В период китайской революции 1925—1927 гг. и непосредственно в следующие за ней годы все силы и способности П. А. Мифа были направлены на оказание помощи освободительной борьбе китайского народа. Благодаря советскому руководству, КПСС и Коминтерну в КУТК были сосредоточены лучшие преподавательские и научные силы, написаны учебные пособия для китайских слушателей, одновременно начата целеустремленная работа по изучению Китая: создан кабинет китаеведения, издавались в 1925—1928 гг. «Материалы по китайскому вопросу» (под редакцией П. А. Мифа). В 1926 г. вышла первая книга П. А. Мифа «Уроки шанхайских событий», написанная по свежим следам «движения 30 мая» 1925 г. — расстрела демонстрации в Шанхае и всеобщей стачки протеста. В книге были проанализированы политическая обстановка и тактика КПК. Исследование сразу выдвинуло П. А. Мифа в ряды веду-

¹ См.: А. М. Григорьев. Павел Александрович Миф. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 2; его же. Павел Миф (1901—1938). — Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970; В. Н. Никифоров. Из истории советского востоковедения. «Вопросы истории», 1972, № 2; П. А. Миф (к 75-летию со дня рождения). — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 3; С. Д. Милибанд. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1977.

щих авторов по Китаю; его книга не устарела и сегодня. В том же году в нескольких номерах журнала «Коммунистический Интернационал» была напечатана статья Мифа «Крестьянский вопрос в Китае», где автор в борьбе с троцкистской оппозицией отстаивал необходимость аграрной революции в Китае.

В 1926—1927 гг. Университет имени Сунь Ятсена стал ареной ожесточенной борьбы сторонников Троцкого, возглавляемых тогдашним ректором К. Радеком, против защитников партийной линии, одним из руководителей которых в университете был П. А. Миф. После снятия К. Радека с поста ректора на этот пост был назначен П. А. Миф (1927).

П. А. Миф готовил тезисы для китайской комиссии VII пленума ИККИ (декабрь 1926 г.). Вместе с другими материалами его тезисы легли в основу обсуждения на пленуме. В феврале—июне 1927 г. П. А. Миф во главе пропагандистской группы посетил Китай, был в Гуанчжоу, Шанхае, Ухани, присутствовал на V съезде КПК (апрель—май 1927 г.). Материалы, собранные во время этой поездки, он использовал для своей второй книги — «Китайская коммунистическая партия в критические дни», вышедшей в 1928 г. и посвященной заключительному периоду революции 1925—1927 гг. В декабре 1927 г. П. А. Миф выступал на XV съезде ВКП(б), опровергая взгляды оппозиции на вопросы китайской революции. В 1928 г. он участвовал в подготовке и работе VI съезда Компартии Китая (Москва), входя вместе с представителями КПК в комиссию по выработке важнейших решений съезда — по аграрным, военным, организационным вопросам.

В 1928—1935 гг. — в важнейший период своей жизни — П. А. Миф занимал ответственный пост заместителя заведующего Восточным секретариатом Коминтерна (заведующим был О. В. Куусинен). В то же время с 1929 г. Миф был руководителем Научно-исследовательского института по Китаю, выросшего из кабинета китаеведения КУТК, и ответственным редактором (со второго номера) органа советских китаеведов «Проблемы Китая» (1930—1935 гг.). В 1930 г. П. А. Миф выступал по китайскому вопросу на XVI съезде ВКП(б).

Когда в руководстве КПК временно взяла верх авантюристическая и националистическая линия Ли Лисаня, Исполком Коминтерна командировал П. А. Мифа в Китай для срочной помощи китайским коммунистам. Нелегально прибыв в Шанхай в конце 1930 г., Миф немедленно и энергично поддержал Ван Мина и других интернационалистов, боровшихся против лилсаневщины, содействовал созыву и проведению в январе 1931 г. IV пленума ЦК КПК, который выправил партийную линию и поставил во главе ЦК КПК интернационалистов (Ван Мина, Цинь Бансяня, Чжан Вэньтяня и др.). В 1932—1937 гг. П. А. Миф — в Москве, в аппарате Коминтерна, работал в тесном контакте с наиболее авторитетным тогда лидером КПК Ван Мином, возглавлявшим китайскую делегацию в Коминтерне.

В 1934—1935 гг. П. А. Миф с членами китайской делегации готовил материалы к VII конгрессу Коминтерна, сыгравшему, как известно, важнейшую роль в истории мирового коммунистического и национально-освободительного движения. После конгресса участвовал в работе совещания китайской делегации, выработавшего по докладу Ван Мина конкретные рекомендации о проведении в Китае политики единого национального антияпонского фронта.

С конца 1935 г. П. А. Миф — политический помощник по Китаю Генерального секретаря ИККИ Г. М. Димитрова; с мая по декабрь 1936 г. — ректор КУТВ; с января 1937 г. — директор научно-исследовательского института по изучению национальных и колониальных проблем. Все это время он продолжал руководить НИИ по Китаю. В 1936 г. возглавляемый им коллектив китаеведов издал труд, обобщивший достижения советской науки по Китаю: очерк «Китай», который был опубликован в 32-м томе первого издания Большой советской энциклопедии. Этот очерк наряду с изданным несколько позже ленинградскими китаеводами сборником статей «Китай» (1940) оставался в течение почти двух десятилетий основным пособием для всех интересующихся Китаем.

В 1932 г. вышла книга П. А. Мифа «Китайская революция», частично построенная на основе его статей прошлых лет; в 1934 г. под редакцией П. А. Мифа были изданы ценные сборники «Программные документы компартий Востока», «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая», «Советы в Китае». П. А. Миф являлся членом редколлегии журналов «Материалы по национально-колониальным проблемам», «Революционный Восток».

Важной страницей политической и научной деятельности П. А. Мифа является борьба его (1936—1937 гг.) против маоистской фальсификации истории КПК. В январе 1935 г., как известно, в состав руководства КПК вошел Мао Цзэдун, что означало резкое усиление позиций националистических, антикоминтерновских элементов. Мао и его сторонники усиленно принимали меры к созданию легенды о Мао Цзэдуне как о вожде китайского народа. Выход в это время книги П. А. Мифа «15 лет героической борьбы. К 15-летию КПК», объективно освещавшей путь, пройденный китайской компартией, содействовал закреплению исторической правды и мог затруднить маоистские фальсификации. Книга Мифа была издана не только на русском, но и на китайском и английском языках.

Работа П. А. Мифа была первым в мировом китаеведении очерком истории КПК. Несмотря на то что автор был ограничен тогдашним уровнем знаний и источников,

трактовка ряда событий в книге была более верна, чем в последующей литературе, испытавшей влияние маонистских фальсификаций. П. А. Миф, показывая героизм китайских коммунистов и их вклад в мировой революционный процесс, отметил и серьезные ошибки, допускавшиеся руководством КПК на разных этапах.

В 1923—1924 гг., согласно оценкам автора, КПК правильно ориентировалась на рабочее движение, однако она недооценивала роль крестьянства. В 30-е годы на смену этой ошибке пришла противоположная: недостаточное внимание к рабочему движению, окрестьянивание партии. Третьей серьезнейшей ошибкой было запоздание с поворотом к политике единого национального антияпонского фронта. П. А. Миф приводил конкретный пример: в 1933 г. КПК не сумела использовать известное восстание в Фуцзяни, не оказала должной поддержки выступившей в Фуцзяни под антияпонскими лозунгами гоминьдановской армии. П. А. Миф указывал, что решающая роль в выработке линии на единый антияпонский фронт в Китае принадлежала Коминтерну, особенно VII конгрессу.

Мао Цзэдун фигурировал в книге П. А. Мифа не как единственный и непогрешимый вождь, а как один из лидеров КПК. Автор книги показывал выдающуюся роль интернационалистов в партии. Так было, например, в 1930 г. в борьбе против левацкого авантюристического курса Ли Лисаня: «Сплотив вокруг себя лучшие кадры партии, т. Ван Мин (Чэнь Шаоюй), один из виднейших и талантливейших руководителей коммунистического движения Китая, вместе с другими выдающимися руководящими работниками партии² отстаивали правильную линию в вопросах китайской революции»³.

Летом 1937 г. по инициативе П. А. Мифа и под его редакцией был издан сборник материалов о китайском революционном движении со статьями Г. М. Дмитрова, Ван Мина и др.⁴ В сборнике были напечатаны биографии 25 китайских коммунистов, отдавших жизнь за освобождение родины; сборник объективно показывал, что достижения КПК — дело не одного лица или небольшой группы лиц, а многих руководителей, подчас незаслуженно забытых.

В последних работах П. А. Мифа⁵ имя Мао Цзэдуна вообще не упоминалось. Отмечая, что КПК еще слаба в городах, то есть среди рабочих, и что КПК оказалось очень трудно совершить крутой поворот в своей политике в сторону единого национального антияпонского фронта (этот поворот обеспечили ей, как писал Миф, VII конгресс Коминтерна и доклад Г. М. Дмитрова), автор не скрывал, какие большие трудности стояли перед Компартией Китая на пути превращения ее в подлинно пролетарскую партию.

² Миф называл также имена Цинь Бансяня, Чэнь Юаньдао и др.

³ П. Миф. 15 лет героической борьбы. К 15-летию КПК. М., 1936, с. 82.

⁴ Национально-колониальные проблемы. Сборник материалов, 1 (38). М., 1937.

⁵ П. Миф. Что происходит в Китае. М., 1937; Мао Цин (П. А. Миф). Великая Октябрьская революция и Китай. — «Большевик», 1937, № 21.

Сдано в набор 8.VII. 1981 г. Подписано в печать 2.IX. 1981 г.
 Формат 70×108¹/₁₆. Бум. л. 7. Печ. л. 19,6. Уч-изд. л. 22,95
 Изд. № 33879 А11631 Заказ 1773 Цена 50 коп. Тираж 19 140 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
 Государственного комитета Совета Министров СССР
 по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени
 Чеховский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
 Государственного комитета СССР
 по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 г. Чехов, Московской области